

Вступление

Наверное, некоторым читателям будет интересно узнать, как вообще появилась эта книга. Всё началось полтора года назад, когда Владимир Ильич Контровский начал писать свой новый роман «Конец света на бис», одновременно выкладывая его на «Самиздате» для обсуждения. Тема противостояния двух великих держав в Карибском кризисе, неоднократно поднималась в литературе, как в исторической, так и в художественной. Никогда прежде, и никогда после октября 1962 года мир не стоял так близко к атомной войне. Можно сказать, планета Земля прошла по тонкому волоску над пропастью того ужаса, по сравнению с которым все прежние войны выглядят безобидными драками мальчишек в песочнице. Тем более, что военные уставы и доктрины всех стран, обладающих к 1962 году атомным оружием, совершенно не рассматривали это оружие, как что-то особенное или запретное. Военные этих стран относили к нему, как к просто еще одной, более мощной бомбе, которая позволяет решать обычные задачи гораздо быстрее и с гораздо меньшими силами. Обсуждение было бурным, мнения были зачастую противоположны, я сначала принимал участие в дискуссиях с чисто технической точки зрения. Переписывался с Владимиром по электронной почте. Потом появился небольшой мой отрывок в произведении Владимира Ильича, который постепенно превратился в три главы в его книге. А потом Владимир Ильич Контровский скончался, не успев увидеть свою книгу в печати. Будет ли издан «Конец света на бис», неизвестно, это решать наследникам Владимира Ильича и издателям. А передо мною встал вопрос, а что дальше? И я решил дописать эти главы до полноразмерного произведения. И, скорее всего, не единственного.

Пролог

02 августа 1943 года, Соломоновы острова, 10 миль к северо-востоку от острова Коломбангара, эсминец Императорского флота «Сигурэ»

История не знает сослагательного наклонения. В этой реальности. Но иногда у людей возникают вопросы: «а что было бы, если?..». В ночь на 02 августа 1943 года эсминец Императорского флота «Сигурэ» прошел мимо горящих половинок американского торпедного катера «РТ-109», протараненного минутой ранее эсминцем «Амагири» из того же отряда. А как повернулась бы история, если бы капитан Тамиэчи Хара, командовавший отрядом или капитан-лейтенант Кимио Ямагами, командир эсминца «Сигурэ», дали бы приказ добить эти обломки? Командира торпедного катера «РТ-109» US NAVY, цеплявшегося за один из обломков, звали Джон Фицджеральд Кеннеди.

В 1960 президентские выборы в США выиграл кандидат от республиканской партии, сенатор от штата Аризона Барри Морис Голдуотер. 14 октября 1962 американцам стало

известно об операции «Анадыр» и о том, что на Кубе уже находятся советские ракеты. А 22 октября 1962 Президент США Голдуотер, «Бешеный Барри», как его успели окрестить репортеры, обратился к американскому народу. Он сообщил ему в своей речи о наличии на Кубе советских атомных ракет, потребовал от СССР их немедленного вывода – угрожая в противном случае прибегнуть к силе – и объявил военную блокаду Кубы, требуя от всех направляющихся на Кубу судов остановки и предъявления груза к досмотру. В случае отказа капитана корабля допустить на борт осмотровую команду, ВМС США предписывалось арестовать корабль и отконвоировать его в американский порт. 22 октября на подходе к острову и в зоне блокады находилось двадцать два советских судна. Министр морского флота СССР Бакаев предложил руководству страны находящиеся на подходе к Кубе шесть судов ввести в кубинские порты. Решение было принято, и шесть судов (включая судно «Александровск», перевозившее ядерные боеприпасы – двадцать четыре боеголовки для ракет «Р-14» и сорок четыре боеголовки для оперативно-тактических ракет, – и два судна, загруженные ракетами «Р-14», оборудованием и личным составом РВСН), 22–23 октября прибыли в порты Кубы. Остальные суда повернули назад, в порты СССР. 25 октября 1960 года президент США Барри Голдуотер отдал приказ американским военно-морским силам в Карибском море в зоне блокады «не останавливаться перед применением оружия против советских подводных лодок, не желающих всплыть».

Глава 1. Интерлюдия.

1 июля 1962 года, УССР, город Кременчуг. Территория 159 ракетной бригады.

Полковник Устинов смотрел на лежащий перед ним документ с откровенной неприязнью.

-Они там наверху, что, охренели? За два месяца сформировать третий дивизион! Да еще с переформированием всей бригады с армейских на фронтовые штаты! Мы с переходом всей бригады на новую технику только-только расхлебались! И офицеров кадровых некомплект. А где их взять? Ракетные войска бурно растут, весь выпуск этого года военно-воздушной инженерной академии Можайского, «кузницы» офицеров-ракетчиков, уйдет в новые полки РВСН, второй год подряд. Из артиллерийской академии имени Калинина нет никого, и вообще там чехарда с переформированиями и переездами никак не закончится. Хорошо хоть из артиллерийской инженерной академии Дзержинского, где тоже начали готовить ракетчиков, дали только одного, но отличного, фронтовика, Героя. Так что хоть должность комдива-три закрыта безусловно. Комбаты тоже есть из кадровых. А вот на должности СО* и НСО* придется в стартовые батареи ставить офицеров, призванных из запаса.

* НСО – начальник стартового отделения (пусковой установки) ракетного комплекса 9К72 (Scud, по классификации НАТО). Обычно лейтенант, старший лейтенант. Командует стартовым расчетом (1-й – 8-й номера, 1, 4 номера обслуживают пусковую установку при подготовке к старту, 5, 6 номера- механики водители пусковой установки), СО и НРНР пусковой установки 2П19, обмывочно-нейтрализационной машиной 8Т311 (на базе ЗиЛ-157, водитель – 7-й номер), бортовым ЗиЛ-157, водитель – 8-й номер. СО – старший оператор пусковой установки. Также лейтенант, старший лейтенант. НРНР – начальник расчета наведения ракеты, старшина (прапорщик), командует расчетом наведения (входящим в состав стартового отделения, 2-й и 3-й номера).

Надо отправить в кадры Минобороны запрос на прошлогодних курсантов, которые уже должны окончить Тульский механический, они хоть произвели хорошее впечатление, да военная кафедра в этом институте одна из самых оснащенных. Во всяком случае, там есть ангар со всей техникой стартовой и технических батарей комплекса с ракетами Р-11М. Офицеры кафедры, прибывшие с курсантами, докладывали, что за время обучения все курсанты по десятку раз отработали упражнение перевода пусковой установки из готовности номер три в номер один и проводили учения по заправке, стыковке и перегрузке ракет.

Он снял трубку телефона.

-Дежурный! Майор Остащенко прибыл в распоряжение? Отлично! Давай его сразу ко мне! Через пару минут в кабинет вошел плотный высокий майор со звездой Героя Советского Союза на груди.

-Товарищ полковник! Майор Остащенко по вашему приказанию прибыл.

-Проходи майор, садись. И давай сразу без официальнойщины, работы нам сейчас предстоит выше крыши. Сформировать твой новый, третий дивизион, да еще вдобавок дополнительные стартовые батареи в два существующих. На новой технике, только полгода как ее бригада получила! Хорошо хоть техники уже полный комплект дали. Знаю, что ты только что академию окончил и о новом комплексе имеешь только общее представление. Но он от Р-11 не сильно отличается, только новая ракета и гусеничная самоходная пусковая 2П19 вместо 8К11 и стартового агрегата 8У218. И я тебе даю опытного зам. командира дивизиона по вооружению, Павлова. Он с самого начала участвовал в переходе бригады на новую технику. И еще одного фронтовика, капитан Живодеров, с весны сорок третьего воевал. Остальные офицеры порошу не нюхали, а двух вообще еще нет, вдобавок эти будут из запаса призваны. Я постараюсь, чтоб это были те, кто у нас сборы проходил, их хоть чуть-чуть учить легче будет. Сам решишь, кого куда.

-Да уже решил. Если комбат у меня один фронтовик будет, то запасников к нему в батарею, только разбить их по отделениям, чтоб хоть один кадровый офицер в отделениях был. И еще, из старшин, кто НРНР, поопытнее мне в эту батарею дайте.

5 июля 1962 года, Красноармейск, Московская область. Территория НИИ-58, конструкторский корпус.

-Саша, тебя в отдел кадров вызывают. Интересно, зачем? Александр Савичев нехотя оторвался от чертежной доски и посмотрел на Леночку, работающую в его отделе секретаршей.

-Откуда ж я знаю? Наверное, с документами до сих пор путаются. Александр был молодым специалистом, попавшим на работу только в апреле, по распределению из Тульского механического института. Если на работу он вышел на следующий день после приезда, а комнату в коммуналке ему дали уже через неделю, то куча бумаг, сопровождавших каждого инженера специальности 0539, тянулась из Тулы через Москву поштучно уже четвертый месяц.

-Я в обед туда зайду – сказал Александр, с интересом глядя на открытые колени девушки.

-Иди сейчас, сказали «срочно»! Я пропуск на проход уже тебе выписала. И нечего глазеть, куда не просят!

«Начальнику небось можно глазеть, иначе зачем ты такую юбку надела» - подумал Александр, молча взял пропуск и не спеша пошел к проходной.

Дальнейшие события для него развивались стремительно. Зайдя в кабинет, он даже не успел раскрыть рот - начальник отдела кадров сказал грустным тоном:

- Александр, тебе из военкомата пришла повестка. Да еще вдогон военком звонил, тебе надо срочно явиться к ним. Сейчас.

Красноармейск - город маленький, от проходной НИИ до здания военкомата двадцать минут пешком. Когда Александр протянул повестку, ему сразу в ответ молча выдали лист бумаги формата А -четыре.

-Мля... - Вырвалось у него. Заголовок на бумаге гласил:

«Опросный лист офицера запаса, призываемого на действительную службу в ряды Вооруженных Сил СССР». Из оцепенения его вывел подошедший к нему военком:

-Знаю, что ты на оборонку работаешь. Но ты самой молодой из всех в у нас в районе по запрошенному ВУСу*. У тебя же он 430200? Сейчас получаешь документы, полдня тебе на приведение своих дел в порядок, а завтра, в одиннадцать ноль-ноль, чтоб был в Москве, в облвоенкомате.

**ВУС–военно-учетная специальность. ВУС 430200–НСО или СО ракетного комплекса 9К72.*

С утра не выспавшийся, и потому злой, Александр к одиннадцати часам уже торчал в коридорах Московского облвоенкомата, напоминавшего разворошенный муравейник. Вечером он на скорую руку организовал «проводы в армию», которые затянулись далеко за полночь. Поэтому состояние Александра очень походило на прошлогоднее, когда мужская часть его курса (почти двести человек) возвращалась в Тулу с военных сборов. Тут его мысли прервал зычный голос красномордого майора:

-Так! Внимание! Все инженерно-летные специальности - пройти дальше по коридору, комнаты от четвертой до седьмой!

..ВУС 430200- в комнату десять на второй этаж!

Пройдя в комнату, Александр обрадовано воскликнул:

-Боря! И тебя припахали! В комнате оказался Борис Грибанов, учившийся в тульском механическом в одной группе вместе Александром. Они даже жили в общежитии в одной комнате два последних курса. Только Борис распределился в подмосковный Калининград.

-Молодой человек, ваши документы! – прервал их начавшуюся беседу сухопарый капитан с «палец на палец»* в петлицах.

** «Палец на палец» – переkreщенные пушки в петлицах, артиллерист (армейский сленг СССР).*

-Отлично! Вы оба проходили сборы в в/ч 11702. Вот туда мы вас и направим.

17 сентября 1962 года. Кремль.

Доклад министра обороны Малиновского:

-Никита Сергеевич, есть одно дополнительное предложение к операции «Анадырь»:

1. У НАТО очень много баз в Европе, особенно в ФРГ. А мы отправили одну ракетную дивизию на Кубу. Есть предложение, временно, перебросить в ГСВГ фронтовые и армейские бригады оперативно-тактических ракет Р-11 и Р-17 из Киевского, Белорусского, Прибалтийского и Одесского военных округов. В местах нынешней дислокации они в случае конфликта с НАТО смогут принять участие в лучшем случае через неделю, а так можно назначить для них цели в ФРГ, перераспределив более дальнобойные Р-12 и Р-14 на цели в Испании и Англии, которые сейчас «неохваченными» получают.
2. С восполнением нашей промышленностью численности ракет, равным отправленных на Кубу в составе 51 ракетной дивизии, и формирования новой дивизии в СССР, будем выводить эти бригады в места постоянной дислокации.

-Вот вечно вы так, до конца ни хрена не продумаете! Недовольно сказал Хрущев. А если американцы заметят переброску?

-Бригады можно перебросить по железке в Росток, Магдебург, Галле и Эрфурт, это всего по три-четыре эшелона. Дальнейшее снабжение для них возьмут на себя существующие передвижные ракетно-технические базы ГСВГ, мы просто увеличим нормы для этих баз. А дальше бригады сами, ночными маршами, доберутся до своих позиций – мы разработали маршруты, чтоб днем бригады подивизионно отстаивались на территории наших частей и полигонов в ГДР.

Ну, хорошо, действуйте..

25 октября 1962 года, московское время 07-00. На северо-западе ГДР. Позиционный район третьего дивизиона 159 ракетной бригады.

Топопривязчики 1Т12 и машина управления, с приданным БТР мотострелкового взвода охранения, на максимальной скорости обогнали колонну ракетной батареи, приехав в заданный район почти на час раньше. Командир батареи, капитан Живодеров, осмотрев живую место, помеченное ему на карте начштаба ракетной бригады, как «сп2БЗД» (стартовая позиция второй батареи третьего дивизиона), озадачено сдвинул фуражку на затылок. На карте основная стартовая позиция была указана на опушке лесного массива Леноренвальд, к западу от Дамсхагена, возле деревушки под названием Вельцин. А на деле деревушка несколько разрослась и вместо опушки леса наблюдалась свежая аккуратная вырубка, в середине которой высилась новенькое здание с дымовой трубой. Судя по коммуникациям, тянувшимся от здания к паре новеньких невысоких фабричных корпусов, немцы недавно построили котельную. А заодно и небольшую фабрику. Большие ящики, судя по всему, с не распакованным оборудованием, стояли у въездов в корпуса. Решать надо было быстро, основная колонна дивизиона, целую неделю до

одури тренировавшаяся в старых казармах вермахта в Ростове, уже съезжала с шоссе Е22 на перекрестке возле Упяля на дорогу L03.

Решение пришло внезапно:

- Лейтенант! Привязывай две позиции вот тут, за забором у корпуса, и тут, возле трубы, только направление заезда выбери так, чтоб пусковые установки после стрельбы могли сразу к лесу уходить – скомандовал он командиру взвода топопривязки;

- Сержант! Это уже к комоду мотострелков – после того как закончишь с охранением, сходи к немцам в котельной. Нужно, чтоб днем эта труба дымила, и дым чтоб был погуще!

Капитан знал что делал. Он попал в армию восемнадцатилетним пацаном, в марте сорок третьего, в расчет знаменитой «Катюши». И его полк гвардейских минометов почти сразу же угодил на направление главного удара под Харьковом. Тогда свежие танковые дивизии СС, переброшенные из Франции, нанесли встречный удар советским измотанным войскам, наступавшим без передышки почти от самого Сталинграда-с растянутыми тылами, изношенной техникой, почти без боеприпасов и с оставшимися в глубоком тылу аэродромами своей авиации. Тогда немцев удалось остановить ценой больших потерь, сдав Харьков в третий раз. А капитан навсегда запомнил два главных правила ракетчиков:

- маскировка позиции до получения приказа на удар;
- после удара – убегать с позиции как можно быстрее.

Расчеты, пренебрегающие этими правилами, быстро оставались на своих позициях навечно, в виде кусков мяса, перемешанных с искореженным железом. Немцы, увидев шлейфы ракет, предательски тянущиеся от пусковых во время залпа, осатанело старались накрыть местоположение «сталинских органов» артиллерией и авиацией.

Потом были ранения и награды, военное училище после Победы, служба в различных уголках необъятного СССР. С академией он пролетел, застряв в капитанах - слишком много их было таких вот, сорокалетних капитанов в Советской армии в 1962 году. С глазами, от которых добропорядочные фрау и бюргеры дружественной ГДР впадали в тихую панику.

Стартовая батарея комплекса 9K72 на марше

Остальная техника батареи прибыли через два часа. К тому времени мотострелки разошлись парными патрулями по округе, отгоняя любопытных немецких пацанов, БТР и машина управления заехали во двор котельной фабрики, оказавшейся мебельной, встав около ограды. Небольшая колонна (всего-то две пусковые установки на базе ИСУ-152, два обмывщика 8Т311, издаലെка смахивающие на простые бензовозы и два бортовых ЗиЛ-157 с брезентовым верхом с остальным батарейным имуществом) выстроилась, съехав с проселка возле котельной. Топопривязчики капитан отправил размечать запасные позиции. Начальник стартового отделения первой пусковой, замещавший капитана в конце марша, построил личный состав возле колонны.

Капитан подошел к колонне и будничным голосом произнес:

-Батарее занять стартовые позиции!

Бойцы, еще снулые после ночного марша, недружно проорали в ответ «есть!» и батарея пришла в движение. Пусковые установки, взревев дизелями, начали неспешно заползать на позиции, уже размеченные маркерами. Обмывщики, поерзав в осенней грязи, встали неподалеку от пусковых, седьмые номера уже выскочили из кабин и начали шустро разматывать шланги. Капитан отдал подошедшим старшим операторам и начальникам расчетов наведения карточки с данными целей. И вздохнул озабоченно, увидев растерянное лицо старшего оператора первой пусковой. Отойдя к корме пусковой, он спросил у начальника стартового отделения:

-Как у тебя старший оператор, нормально?

-Александр? Да ничего, в аппаратуре не путается, только сегодня мы на марше с немцами переговорили, когда возле Висмара на развилке стояли. Американцы нам ультиматум предъявили. Из-за того, что наши на Кубе ракеты разместили, и вроде как

большие, не то, что у нас. Пол Америки накрывают. Так что это может быть все очень серьезно.

-Куда уж серьезней. Хмыкнул капитан, показав на термочехол 2Ш2, закрывающий головную часть. Если нам новые РА-17 в техбатарею пристыковали. Пригляди за ним, чтоб от волнения не накосячил.

И он пошел ко второй пусковой. Та уже почти заехала на позиции, но почти сразу сдала назад. Второй запасник, НСО-два, командовал:

-Первый, четвертый номера! Быстро взяли лопаты и в темпе срыли этот бугорок!

Увидев комбата, отрапортовал:

-Товарищ капитан, расчет пусковой равняет площадку для обеспечения горизонтального уровня! А, вот уже сровняли! Давай, заезжай! – крикнул он мехводу.

-Лейтенант, нормально, продолжай командовать – сказал капитан. Потом подошел к НРНР и тихо произнес:

-Присмотри за ним, подскажи если что. Я в машине управления.

Но Борис, начальник стартового отделения второй пусковой установки, нормально себя совершенно не чувствовал. Ему было страшно. Страшно до одури. Меньше трех месяцев назад жизнь казалась спокойной и безоблачной. Он с отличием окончил институт, был одним из первых на распределении, выбрал хорошее место работы – в конструкторское бюро завода №455, всего в семи километрах от Москвы, в Калининграде. И вдруг он оказался на западной границе ГДР, вдобавок рядом с пусковой ракетной установкой. И, вдобавок, на этой установке стоит ракета с ядерной боевой частью в триста килотонн! И всем этим он должен командовать! Все многочисленные тренировки до этого стали казаться пустяжными по сравнению с тем, что ему предстояло сделать.

Сделав глубокий вдох – выдох, он сказал себе: «Слушай, если ты будешь трястись и дальше, ты ничего не изменишь. Только опозоришься на глазах людей. За которых ты отвечаешь. Давай, начинай командовать. В конце концов, можно спросить совета у старшины, если ты от волнения что-то забудешь»

-Расчет, цель авиабаза бундесвера «Витмундхаффен», готовность номер один, к бою!

-Расставить приборы наведения!

Расчет нестройно крикнул обычное «есть, к бою!» и разбежался по местам. Старшина Негруца, как начальник расчета наведения ракеты, начал подавать из пусковой здоровенные ящики с комплектом приборов наведения второму и третьему номерам.

- Пятый номер, крен!

-Крен в норме.

-Первый, настроить СПО* на пуск!

*СПО – система предстартового обслуживания, установлена на пусковой установке 2П19.

-Расчет наведения, расставить приборы!

-Приготовить ракету к подъему!

Первый номер доложил: - СПО на пуск настроено. С удивлением обнаружив, что четкие ответы расчета его успокаивают, он на автомате продолжил:

-Состыковать стол! Первый и четвертый номера расчета мухой взлетели на корму пусковой установки, встав по бокам от стабилизаторов ракеты.

-Расстопорить стол!

-Развернуть стол! Номера начали крутить здоровенные стальные стяжки, приводя стол не менее здоровенными винтовыми шпильками в нужное положение.

-Подвести стол!

-Застопорить стол! Ввернуть ветровые болты и ослабить на пол-оборота! Доложить о готовности к подъему!

Последовал нестройный хор расчета:

-К подъему готов.

Пятый и шестой номера отдали ему четыре красные заглушки, в походном положении закрывающие приемники баровысотомера ракеты.

«Так, подумал Борис, теперь проверка. Стол.. вижу, состыкован, болты на месте. Черт, а родители мои ни хрена не знают! Спокойно, не расслабляемся.. СПО..давление в манометрах десять и двадцать, все нормально.. Крен – норма, теперь залезть на ПУ..так стрела расконтрена, стяжка уложена и закреплена. Термочехол.. как неохота к этой млятской голове близко подходить, ага из походного расшнурован, трос с чекой к нему есть, закреплён. Заглушки, вот они все четыре, у меня в руке. А с другой стороны, они ж на Камчатке, в Мильково. Что им может угрожать? Там из целей – только учебка мотострелкового полка в паре километрах от поселка! Так, слазим с ПУ, теперь в кабину.. СО, что с готовностью? Готов! Теперь осмотр ПУ с правой стороны, это уж для проформы.. Или угрожает? Да ну на хрен, станут американцы ядерный боеприпас тратить на какую-то маленькую учебку.. Максимум пару фугасок от штурмовика с какого-нибудь «Констеллейшна»..Написать бы им, да какое там письмо.. Все, осмотр заканчиваем. И мысли все посторонние тоже..»

-Поднять ракету!

Первый номер нажал тумблер на пульте и шеститонная махина медленно поползла вверх. Борис с удивлением увидел, что от соседней установки его расчет не отстал. Резкий стук ударил всех по нервам.

-Разъем Ш39 сработал, лючок закрылся! Весело крикнул пятый номер.

«Уф» - подумал Борис, «это всего-то вышел из контакта разъем обогрева боеголовки, а чего пятый такой радостный? Хотя понятно с чего, мехводам теперь делать нечего - до самого пуска. До ПУСКА! Неужели дойдет до ЭТОГО? А Оксана, она же тоже ничего не знает? И работает на оборонном заводе в самом Киеве. Основная цель для «Атласа» или «Полариса». Конечно, на заводе есть убежище, да только поможет ли оно? Все,

успокоился, и так НРНР уже глазом косится, неужели заметно, как я мандражу? Кстати, как у него дела?». Он подошел к расчету наведения, уже установившим вешки и теодолит.

-Как дела? Тихо спросил он у НРНР. НРНР, старшина Георгий Негруца, тридцатипятилетний молдаванин, старожил сто пятьдесят девятой бригады, также тихо ответил:

-Нормально, приборы стоят, все выверено. Угол на теодолите проверишь? Ты хорошо командуешь, в прошлом году при Хрущеве пуски делали, еще не так тряслись. Только..

-Только тогда у вас ракета не с ядерной БэЧе была. И вы были в КапЯре, а не возле ФРГ?

-Да. Но ты не думай, лейтенант, что тебе одному страшно. Всем страшно, только дураки не боятся. Но дураков в ракетные войска не берут.

-Ракета поднята! Доклад первого номера вернул их в реальность из тихого разговора.

«Так».- Подумал Борис. «Всем страшно, все боятся. Не думай, что ты такой особенный».

- Ослабить захваты! Скомандовал он. Настала самая ответственная часть подъема. Если вдруг окажется, что ракета стоит с наклоном, то, когда первый номер начнет опускать стрелу, она просто вырвет ветровые болты и упадет на расчет. На него. С тремя тоннами азотной кислоты, с почти тонной горючего, которое похлеще керосина. И с ядерной боевой частью в триста килотонн. Борис невольно поежился. «Какого хрена!» - вдруг обозлился он на себя. «Я же сам проверял стол и смотрел на кренометр! И, вроде, ракета не прилегла ни к захватам, ни к стреле».

-Развести захваты! Отвести стрелу! «Ну, точно, что я трясусь все время! Стоит себе спокойненько. Вот, мля, и стояла бы себе так».

-Опустить стрелу!

Батарея на стартовой позиции. Расчеты приводят ракеты к вертикали. Первый номер опускает стрелу.

Первый номер щелкнул тумблером, стрела пошла вниз.

-Ракету в вертикаль! Первый и четвертый номера при помощи начальника расчета наведения стали регулировать четыре тарелки под стабилизаторами ракеты. - Есть вертикаль!

-Провести ГИ! Есть провести генеральные испытания! Ответил заскучавший было старший оператор.

-Навести ракету! НРНР уже закрепил к ракете угломер. Не дожидаясь конца команды, первый и четвертый номера, повинаясь жестам НРНР, начали крутить стол с ракетой вокруг вертикальной оси все теми же стальными стяжками. Негруца на угломере стал ловить марку теодолита.

-ГИ норма! Доложил старший оператор. Теперь, в основном, пошла его работа

-Схему в боевое!

-Есть схема в боевом!

-Подготовить к выстрелу систему АПР*!

** АПР – система аварийного подрыва ракеты. Находится на ракете 8К14 и разрушает её, не вызывая детонации боевой части, при значительном отклонении ракеты от заданного курса или сбое в работе двигателя.*

АПР готова!

-Ввести высоту!

-Высота введена! Отрапортовал СО.

-Какая? Тихо спросил Борис.

–Низкий воздушный. Кому- то мало не покажется.. Также тихо ответил оператор.

-Ракета наведена! - Это уже Негруца. «Быстро он» - подумал Борис. «Так мы и норматив на «отлично» перекроем». Он уже успокоился. «Делай, что должно и пусть будет что будет»- так кажется, сказал кто- то древний. «Мда, древний. А что если сегодня история Земли закончится? Нафиг, не заводись. Ты действительно должен делать то, что должен».

-Ввести дальность! Скомандовал он оператору и пошел к угломеру проверять углы наведения.

НРНР устанавливает теодолит

«Угол.. все так, как на карточке».

-Дальность введена! Отрапортовал старший оператор.

Борис метнулся обратно к нему в кабину. «Да, значения циферблатов управления числом поворота шагового электродвигателя автопилота ракеты совпадают с числом на карточке. Число большое, это под триста километров получается. И угол наведения у Негруцы двести пятьдесят с гаком. Ни хрена себе, мы и в самом деле за Гамбург стрелять собрались!». Он хотел подбежать к машине управления, но капитан уже сам вышел к нему.

-Товарищ капитан! Пусковая установка в готовности номер один! –внезапно пересохшим голосом крикнул он.

-Отлично, лейтенант! Меньше тринадцати минут, ты перекрыл норматив.

-Батарее оставаться в готовности номер один, ждать команды! Расчетам завтракать сухпаем на своих местах! После завтрака отрыть щели для укрытия личного состава!

Через полчаса к капитану подошел, прихрамывая, пожилой немец.

-Герр гауптман, битте. Он протянул капитану небольшой листок.

-Что это? Спросил Живодеров.

– Dies ist Rechnung fur Kohle. Это есть счет... за Kohle. Ваш унтерофицир требоваль дым... des Rohres, – он показал на трубу.

– А, вы просите оплатить уголь? Для дыма? Я могу написать расписку, мой командир поставит печать, позже, днем. Ферштейн?

– Я, я, – закивал немец. – Vereinbaren.* – Потом замялся, но все же спросил, не глядя капитану в глаза:

– Герр гауптман, sagen Sie mir,** это война?

– Учения! – как можно более спокойным тоном ответил Живодеров.

– Irgendwie Ich glaube, Sie betrogen mich...*** – пробормотал немец.

– Как это случилось? Wie ist es? – неожиданно для себя спросил капитан, показав рукой на хроющую ногу немца.

– It? Im Jahr 1944, eine Bombe von einem amerikanischen Flugzeug in Lubeck,**** – хмуро пояснил немец и захромал в сторону котельной.

* *Согласен (нем.)*

** *Скажите мне (нем.)*

*** *Почему-то я думаю, что вы меня обманываете (нем.)*

**** *Это? В сорок четвёртом, бомба с американского самолёта, в Любеке (нем.)*

Майор Остащенко испытывал странное ощущение. Ему казалось, что он раздвоился. Одна часть его сознания по – прежнему командовала дивизионом, указывала места

расположения технической батареи и командного пункта, проверяла маскировку, отвечала на вопросы командира бригады и решала сотни других важных и неважных дел, вроде подписи и печати на забавной расписке, которую ему предоставил комбат-два Живодеров. Она, эта часть, еще удивилась простоте решения по маскировке, которое придумал капитан. Ведь бюллетень Метео–44 обещал устойчивый слабый ветер один метр в секунду в южном направлении как минимум еще сорока восьми часов. А это значит, что пусковые установки второй стартовой батареи капитана Живодерова будут хорошо прикрыты с воздуха. Ведь на пусковую установку с поднятой ракетой маскировочную сеть не натянешь, как это сейчас делал весь дивизион с другой техникой. Остальные пусковые позиции двух других батарей пришлось укрывать более привычным способом, располагая их на опушках и просеках лесного массива.

А вот другая часть его сознания испытывала странное чувство, почти дежавю. Майора Осташенко не покидало ощущение, что все это с ним уже когда – то было. И что вся эта суета и подготовка является только прелюдией, вступлением к чему – то гораздо более важному. И гораздо более страшному. И тут он, наконец вспомнил, когда. Эта рутинная, почти повседневная возня, вообще-то обычная для всей его военной службы в армии, именно сегодня до боли напоминало то памятный день, случившийся с ним вот уже больше девятнадцати лет назад. 26 сентября 1943 года. Точно, совершенно похожие ощущения. Такой же запыленный, длинный день, который, казалось, никогда не кончится. Он был тогда младшим сержантом, простым наводчиком орудия тридцатой отдельной истребительно – противотанковой артиллерийской бригады седьмой гвардейской армии Степного фронта. Они тогда весь день, без отдыха, сколачивали плот, потом, к вечеру, пользуясь ненастной погодой и рано легшим туманом, спустили его в широченный Днепр, с матюгами затаскивали на него свое орудие, потом вязали к плоту ящики с боеприпасами. А потом был короткий сон и следующий день, который он не забудет никогда. Они форсировали Днепр в предрассветном сумраке в первой волне со стрелковым батальоном. Ему тогда неоднократно повезло в этот день, 27 сентября 1943 года. Он не пошел ко дну вместе с плотом, как другие расчеты его батареи, потопленные разрывами немецких мин и снарядов. Его не срезало пулеметными очередями из немецких дзотов, как многих других его товарищей, когда они под огнем возились по пояс в воде, стаскивая такую тяжелую в тот момент сорокопятку. Он не поймал в грудь минометный осколок, волоча к берегу снарядные ящики, как второй номер его расчета. Напротив, они успели вытащить и развернуть орудие, открыв огонь и прямой наводкой уничтожить семь огневых точек врага, что позволило батальону, вернее, тому что от него осталось, выбить немцев из села со смешным названием Бородаевка. И потом он остался жив, когда его жизнь превратилась в один сплошной кошмар отражения немецких атак, с редкими передышками на сон. Который часто приходилось прерывать на разгрузку редких порций снарядов, ночью на лодках, доставляемых через Днепр. Вплоть до самой кульминации 2 октября 1943 года. Тогда немцы решили покончить с надоевшей занозой, крохотным плацдармом, бросив в атаку на их измученный батальон, давно поредевший до роты, свежий батальон и пять танков. В тот день он, фактически, спас всех, на редкость хладнокровно подпустив танки на двести метров и точными выстрелами подбив три из них. Остальные танки отступили, пехота немцев залегла под огнем стрелков и его осколочных снарядов, а потом и вовсе откатилась назад.

45-мм противотанковая пушка на огневой позиции, 1943 год

Потом, наконец – то, переправились свежие части и немцев снова погнали на запад. А младший сержант Остащенко 26 октября 1943 получил звание Героя Советского Союза.

И теперь, 25 октября 1962 года, он, уже майор Остащенко испытывает то же предчувствие, что и тогда, перед переправой.

Но тогда у него была только его сорокопятка, со снарядами меньше полутора килограмм. Сейчас он командир ракетного дивизиона, это шесть ракет, весом почти в семь тонн каждая, одним залпе. И цели для первого залпа ему назначили правильно, он и сам бы их выбрал на месте командования. Шесть передовых аэродромов Второго объединенного авиационного командования НАТО: Витмундхаффен, Ольденбург, Лек, Йевер, Шлезвиг, Нордхольц. Один из преподавателей, читавших лекции ему в академии, говорил, что «лучшее ПВО, это наши танки на аэродромах противника». Но ядерная ракета, взорвавшаяся на аэродроме в первые минуты боевых действий, ничуть не хуже танков, и гораздо быстрее. Вдобавок, для первого залпа ему дали шесть новейших боевых частей РА-17, это пятнадцать Хиросим каждая. Нужно только грамотно распорядиться этой огромной мощью. Первый залп его дивизион выполнит, а вот дальше? Майора немного беспокоило то, что позиционный район его дивизиона находился слишком близко к границе ГДР. А значит, и к линии фронта, если предчувствие его не обманывает. Правда, эта граница фактически проходит по судоходной реке Траве, переходящей в залив Травемюнде, а между его позициями и рекой находится два полка советской мотострелковой дивизии, не считая пограничных частей ННА. «За границей» же почти сразу начинались предместья Любека. Так что внезапного продвижения войск НАТО можно было не опасаться, а из дальнобойной артиллерии район доставали на пределе только сто пятидесяти пяти миллиметровые орудия НАТО, и то, если их выставлять на самый правый берег залива Травемюнде. На который, кстати, в первый день конфликта по плану должен был высаживаться совместный тактический десант группировки союзных флотов Варшавского договора "Росток". Оставались только ракеты противника. «Онест Джон», «Капрал», «Редстоун»- любая часть, оснащенная этими системами, гарантированно уничтожала стартовые позиции батарей его дивизиона. Тут только оставалось надеяться на разведку, свою маскировку и выучку личного состава. Но в любом случае, больше двух пусков его батареям сделать не дадут, потом надо будет перебазироваться из этого лесного массива. Если будем наступать, то в лесной массив

справа от дороги № 105 около Зельмсдорфа. Ну, а если что-то пойдет не так, как планирует наше командование, то в район за Валленштайнграбенем. А ведь на марше, в любом случае, дивизион должен будет готов к старту ракет! Но в технической батарее только четыре запасных ракеты на прицепных тележках 2ТЗ, шесть заправок горючего и четыре заправки окислителя в трех и четырех машинах соответственно.

заправщики окислителя 8Г17 технической батареи комплекса 9К72

Так что надо заправить ракеты в техбатарею, пристыковать к ним боевые части, перегрузить их на ложементы-контейнеры, а пустые тележки и заправщики и машины-хранилища отправить в ПРТБ*.

**ПРТБ – передвижная ракетно-техническая база. Задачей ПРТБ было материально-техническое обеспечение ракетных бригад, в том числе ракетами второго и последующих пусков.*

Майор Остащенко повернулся к радисту, сидевшему за Р-140: «дай мне комбрига, срочно!». Комбриг Устинов сразу понял смысл предложения майора. И даже выдал следующие команды двум остальным дивизионам. В самом деле, ситуация нестандартная и надо ей воспользоваться. Это в ходе боевых действий дивизион имеет фактически десять ракет, и это ему достаточно – больше он с собой не увезет, а с одной позиции даст ли противник отстреляться по два раза - большой вопрос. Но сейчас ситуация совсем другая. Первые пуски его дивизионы выполняют со стопроцентной вероятностью. Имеют большие шансы отстреляться по второму разу. Потом марш, сменить дислокацию надо будет обязательно. Но в этом случае бригада будет безоружна в момент марша. А если командованию потребуется нанести ракетно-ядерный удар по противнику? Перебазировать дивизионы поочередно? Но тогда есть очень большой риск потерять оставшийся на старой позиции. Нет, Остащенко прав, надо связаться с ПРТБ, запросить еще по четыре ракеты, горючее, окислитель и дополнительные боевые части в машины-хранилища 9Ф21 технических батарей дивизионов. Правда, таких мощных ядерных боевых частей, как РА-17, в ПРТБ уже нет, но более старых атомных 269А, с мощностью десять килотонн, еще достаточно. Майор Остащенко тем временем отдавал последние распоряжения своему заму по вооружению, и вечером колонна из десяти машин ушла в ПРТБ.

25 октября 1962 года, московское время 17-30. Киев, столица УССР. Цех покрытий завода номер 784 Киевского совнархоза.

Оксана с удовольствием посмотрела на свою работу. Смена еще не кончилась, а последние двадцать корпусов уже вот, висят на крючках тележки, аккуратно поблескивая свежей зеленой краской. Сейчас они уйдут в сушильную камеру, а завтра в сборочный цех, где в них уже другие люди будут вставлять какие-то хитрые механизмы и стекляшки непонятного назначения. Но ее участок план за этот месяц выполнил, а это значит, что они получают премию в конце квартала. Оксана не интересовалась, что это будут за приборы, она знала только, что другие цеха к этому корпусу делают еще и деревянные треногу – штатив. Наверное, какой – то инструмент для геологов или строителей, непонятно только, зачем в сборочном цехе такая секретность. Вот Борис уже давно, уже с начала августа ничего не пишет, вот это проблема.

С Борисом они познакомились летом 1959 года. Она тогда приехала к двоюродной сестре в городок Прилуки, Черниговской области. А куда можно пойти в июле месяце при жаре в тридцать градусов двум молодым шестнадцатилетним девчонкам в маленьком провинциальном городишке в выходной день? Естественно, на пляж, на берег озера возле города, откуда вытекала небольшая речушка. А когда они пришли туда, то с удивлением обнаружили большую группу неместных и явно городских парней одного возраста. Там она и познакомилась с Борисом, оказалось, что эта компания – их студенческая группа. Борис сказал, что они приехали на практику в Прилуки. Правда, не уточнил, что это полигонно – ознакомительная практика на аэродроме, где базировался сто восемьдесят четвертый тяжелый бомбардировочный полк Дальней авиации, недавно перешедший с поршневых Ту-4 на реактивные и ракетноносные Ту-16. Да ее, честно говоря, это и не интересовало. Ее интересовал сам Борис, умный, прочитавший казалось все книги, про которые она только слышала, очень внимательный и ласковый. Днем он пропадал на аэродроме, где занимался своими непонятными самолетами, а вечерами она приходила и встречала его возле больших палаток, стоящих в военном городке, где жили студенты. И они бродили часами по ночным окраинам Прилук, целовались до одури и смотрели на темное южное украинское небо с мириадами звезд. И обнявшись, тихо сидели на лавочках возле украинских беленьких домиков, вдыхая ошеломительно чудесный запах цветущих левкоев и флоксов. Потом Борис уехал в свою Тулу, учиться дальше, взяв у нее адрес и пообещав, что будет писать. Сестра посмеялась над ней, мол, все, уехал твой москаль, забудь. Но он ей действительно стал писать, потом приезжать к ней в гости на каникулы. Этим весной он приехал к ней в марте, уже в отпуск, после своей защиты дипломного проекта. Рассказывал, что распределился в очень хорошее место, подмосковный Калининград, в семи километрах от столицы, сорок минут езды на электричке. А потом просто и буднично сказал ей слова, которых она так долго ждала. Что ему осенью обещают в КБ дать комнату в коммуналке, и как только он ее получит, они поженятся. А работать она может и на его заводе в Калининграде, там тоже постоянно требуются люди, тем более в цех покраски. Но он бы не хотел, чтоб она там долго работала – для детей вредно. Ее с ним будущих детей. Поэтому они что-нибудь придумают получше с ее работой. Вот за эту основательность Борис ей сразу и безоговорочно понравился. И теперь от него нет писем, уже три месяца. В последнем письме он написал только, что его внезапно забирают в армию, офицером. Это значит, что счастливая семейная жизнь откладывается. На сколько? Она и не подозревала, что в этот момент ее Борис стоит возле точно такого же прибора, который на самом деле называется «спецтеодолит из комплекта приборов 8Ш18» и тоже думает о ней.

***25 октября 1962 года, московское время 16-00. На северо-западе ГДР.
Позиционный район третьего дивизиона 159 ракетной бригады.***

Ракеты стояли вертикально на пусковых столах уже почти целый день. Они начинали казаться уже будничной, привычной деталью пейзажа. Все щели были вырыты, работы по маскировке давно закончены. Днем вместо утреннего сухая уже приехал на машине старшина из хоззвода бригады, привез в бачках нормальный горячий обед. К вечеру посыльный привез капитану Живодерову подписанный и проштемпелеванный комдивом счет немца. Капитан подозвал к себе Бориса: «Товарищ лейтенант, отдайте эту бумагу немцам в котельной. Заодно договоритесь о том, чтобы бойцы могли где-нибудь там могли умываться и мыть столовые принадлежности. Да и познакомиться поближе с хозяевами этого места не мешало бы, неизвестно, сколько мы здесь стоять будем». Борис пошел в котельную. Хромой пожилой немец не особо хотел разговаривать, взял бумажку, буркнул «Данке», и скрылся у себя в кабинете. Зато с двумя немками, Мартой и Хильдой, Борис проболтал двадцать минут, сразу найдя общий язык. Договорились, что бойцы батареи будут умываться и брать воду в пристройке котельной, душевой – санузле. Марта и Хильда, веселые и разговорчивые женщины до тридцати лет, явно скучали без общения, да и с кем им было общаться, с этим хромым бирюком? Разговор в основном шел через Марту, высокую блондинку с грубоватыми чертами лица, хорошо знавшую русский. Борис с удивлением узнал, что директор – это как раз Марта, Хильда работает тут бухгалтером, а хромой бирюк, оказавшийся Юргенсом, всего-то инженер котельной. Еще был кочегар, но как сказала Марта, «он сейчас усердно кидает уголь, отработывая ваши деньги». Остальные рабочие придут на фабрику только в понедельник, 29 октября. Хильда по-русски говорила, как Борис по-немецки, то есть почти никак, но зато все время смеялась над попытками Бориса произнести что-то на ее родном языке. И была покрасивее Марты, поменьше ростом, темноволосая, с правильными чертами лица, чем-то напоминая Оксану. Вспомнив Оксану, Борис заторопился на позицию. Доложив капитану о договоренности с немцами, Борис подошел к своей установке, смотря задумавшимся взглядом на теодолит. Сзади его тихо окликнул подошедший от своей пусковой Александр Савичев.

-Ну что, Борисыч, ты, говорят, с немками познакомился?

- Хочешь и тебя познакомлю? Мне это не нужно.

-А ты что, все своей хохлушке письма пишешь? Чем-то она тебя серьезно зацепила..

- Писал, и приезжал даже. И на свадьбу тебя пригласить собирался, ждал, только когда комнату получу, а то в общаге сам знаешь какая семейная жизнь – на тридцать комнат один толчок и одна кухня с умывальником. А теперь не знаю, когда та свадьба будет, и будет ли вообще. А у тебя как в этом плане? – Спросил Борис.

-А я и сам не знаю. Александр действительно не знал. Тогда, когда он собирал по телефону своих сослуживцев в свою комнату на импровизированные провода в армию, вместе со всеми неожиданно пришла и Леночка. Сидели долго, пели песни, танцевали, а когда все уже полночь расходились из накуреной комнаты, Леночка неожиданно вызвалась помочь ему с посудой. А потом, когда посуда была вымыта и выставлена на кухне (утром соседи разберут, где чья), он, набравшись смелости от выпитого, обнял Леночку, стоявшую у зеркала. И удивленно услышал, когда Леночка, уткнувшись лицом ему в грудь, проговорила: «Ну наконец-то решился, чурбан бесчувственный». Утром она ушла, раньше, чем он проснулся, оставив на столе записку со своим адресом и одним словом «напиши». Он написал два письма, одно сразу, еще в Москве, после военкомата, когда они с Борисом коротали время до поезда, не спеша потягивая пиво в «Ладье», в Столешниковом переулке. И второе, через неделю, когда приехав в Кременчуг, вечером

сидел в офицерской общаге, отходя после заполошного очередного дня сплошных тренировок с пультом управления. Но ответа не получил ни на одно.

25 октября 1962 года, местное время 08-00. Город Уичита, штат Канзас, США. Завод компании «Боинг», сборочный цех.

-Везет тебе, Энн! Два таких парня из-за тебя морды друг другу бьют! Завистливо сказала Сьюзанн, подруга Энн, стоя на стремянке и ловко управляясь с паутиной жгутов и проводов. Энн, стоявшая на стремянке с другой стороны и старательно стыковавшая разъемы проводки блока дистанционного управления хвостовой шестиствольной 20 мм пушки М61 «Вулкан», недовольно проговорила:

-А что толку то? Ни один замуж не зовет. Может, они вообще тогда подрались из-за каких-то своих, мужских причин. Новенький бомбардировщик В-52Н с серийным номером 61-0040 выглядел уже почти готовым. Энн вздохнула, та история, с дракой, стала на заводе уже легендой и обрастала все новыми и новыми подробностями. Все началось год назад, тогда, по случаю сдачи заводом последнего в серии В-52G, доблестные парни из Air Force пригласили работников завода (ну не всех конечно, только молоденьких девушек) в бар при заводском аэродроме. Все начиналось вполне пристойно, тосты, поздравления. На входе в бар повесили огромный плакат с силуэтом В-52 и цифрами 59-2602 – последним номером серии G. А потом все набрались, кавалеры кинулись приглашать девушек танцевать. К ней подлетели сразу два – Стивен, инженер эскадрильи и Питер, второй пилот. Ну и соответственно, дело в итоге кончилось грандиозной дракой между летным и техническим составом.

-Да уж, из-за своих причин. Думаешь, я не видела, как они на тебя смотрели? Тебе самой кто больше нравится, Пит или Стив?

- Ох, Сью, конечно же Пит! Стив совсем не красивый, да и староват уже.

Сборочный цех компании Боинг на заводе в Уичите.

-Дура ты, Энн. Не обижайся, но Стив гораздо лучшая кандидатура. Но это даже лучше, тогда ты Стива отдаешь мне, когда он снова здесь появится. Или напишет тебе.

27 октября 1962 года, московское время 04-00. Авиабазы 8 воздушной армии Уайтмэн, штат Монтана, США.

Экипаж к взлету готов? Спросил по внутренней связи капитан Гриссом, командир В-52G из тринадцатой эскадрильи 509 бомбардировочного авиакрыла стратегических бомбардировщиков. Получив утвердительный ответ, он произнес в ларингофон:

-Вышка, я «Дарк-22», разрешите взлет.

-« Дарк-22», взлет разрешаю. Удачи, парни.

-ОК, принято. И « бафф»* Гриссома стал тяжело разбегаться по полосе.

* *Бафф – BUFF, Big Ugly Fat/Flying Fucker/Fellow (англ.) – большой уродливый жирный/летающий член/ублюдок – прозвище самолета B-52 в USAF*

Тяжело оторвавшись в самом конце почти трехкилометровой взлетки, B-52 стал медленно набирать высоту. Предстоял долгий полет на боевое патрулирование, почти рутинная, если бы можно было привыкнуть к четырем термоядерным бомбами МК-28УЗ мощностью по одной мегатонне с гаком каждая. Предстояло, набрав высоту, пересечь Атлантику, дозаправится от взлетевшего из базы в Милденхолл в Великобритании, заправщика из сотога авиакрыла, дальше пройти над Северным морем до Дании. А дальше – самый нервный участок маршрута, над Данией, Западной Германией, Францией, Италией, Грецией вдоль границ Восточного блока, иногда всего в ста милях от кучи красных перехватчиков, которые наверняка будут в воздухе, пасти самолет Гриссома, а вдруг он полетит не туда? Капитан был знаком с командиром RB-47, сбитым советским МиГ-19 в июле 1960 года в Баренцевом море. Два члена экипажа спаслись, а его приятель замерз насмерть «в советских территориальных водах», как утверждали коммунисты. А дальше полет пойдет опять вдоль границ с Советами, над Турцией, Ираном, Пакистаном. Там разворот, опять рандеву с заправщиком из Пешавара или Иджирлика и обратно, по тому же маршруту.

Над США и Атлантикой весь экипаж дремал, дежурил только капитан, и то, включив автопилот. Потом, после заправки, он передаст управление второму пилоту. Он пройдет маршрут над Европой, парень он амбициозный, пусть набирается опыта, не вечно же ему летать в правом кресле? Дозаправка прошла как по маслу, хотя экипаж вспотел, сон с них как рукой смахнуло, все помнили Голдсборо. *(23 января 1961 года при сближении с заправщиком бомбардировщик B-52G, несущий две 24-мегатонные бомбы, потерпел аварию близ Голдсборо, штат Северная Каролина. На одной бомбе отказали пять предохранителей из шести и только один предотвратил детонацию. Взрыв был бы в 1800 раз мощнее, чем у бомбы, сброшенной на Хиросиму.)* «Бафф» повернул от Англии к Северному морю.

Стратегический бомбардировщик B-52G

-Эй, Пит, когда мы вернемся, в отпуске, наверное, помчишься к своей красотке в Уичиту? Подначил второго пилота штурман. – Что такое тысяча триста миль для любящего сердца?

-А ты никак не можешь простить себе, что первый не подошел к такой девушке? – Отпарировал Пит.

-Лично я, когда вернусь, сниму себе подружку гденибудь поближе к гнезду нашей птички. Заявил стрелок, сидевший на «первом этаже» в их кабине спиной к ним.

Капитан Гриссом улыбнулся, начался обычный для многочасового полета треп. «Бафф» уже набрал высоту, расходясь с заправщиком, капитан повернул машину, и откинулся в кресле, сказав:

-Пит, бери управление. Парни, разбудите меня, когда обсудите всех знакомых девок. Ну, или когда поступит приказ для нашей птички отложить свои четыре яйца. Он даже не представлял себе, насколько быстро его шутка обернется страшной правдой.

Совершенно секретно.

Экз. №1

ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА №.. Главногокомандующего Объединёнными Вооружёнными силами государств — участников Варшавского договора.

1 августа 1962 года

Приказываю:

1. Сформировать Приморскую группу войск (ПГВ) в составе:

1А Войска Польского (ВП) , 2А ВП, 2Гв.ТА ГСВГ, 3ОА ГСВГ, 20Гв.А ГСВГ, 6 гв.мсд СВГ, 20 тд. СВГ, 114 гв.рбр СВГ, 159 рбр КВО, 164 рбр БВО для чего:

- Передать ПГВ в подчинение из состава ГСВГ: 3ОА, 20Гв.А;

- Передать ПГВ в подчинение из состава Войска Польского: 1А, 2А, 3А (после окончания формирования);
- Передать ПГВ в подчинение из состава СВГ: 6 эв.мсд, 20 тд.;
- Сформировать из частей ВВС СВГ 37ВА и передать ее в подчинение ПГВ;
- Передать 37ВА в подчинение 1, 2, 3, 4 иап из состава ВВС ННА ГДР;
- Передать 37ВА временно в подчинение отдельную 122 разск из состава ВВС МВО согласно Приказу Министра обороны СССР №..;
- Передать 37ВА в подчинение 74 авиакорпус из состава 16ВА, ВВС ПрибВО, согласно Приказу Министра обороны СССР №..;
- Придать временно ПГВ в подчинение 2Гв.ТА из состава ГСВГ, 114 эв.рбр из состава СГВ;
- Придать временно ПГВ в подчинение 159 рбр из состава КВО, согласно Приказу Министра обороны СССР №..;
- Придать временно ПГВ в подчинение 164 рбр из состава БВО, согласно Приказу Министра обороны СССР №..

2. Командующим Приморской группой войск назначить Генерала брони Е.Бордзиловского. Начальником штаба Приморской группой войск назначить генерала дивизии Т.Тучапски.

3. Поручить Командующему СГВ генерал-полковнику Хетагурову Г.И. руководство формированием 3А Войска Польского на базах СГВ во взаимодействии с Начальником тыла Войска Польского. По готовности 3А ВП переходит в подчинение ПГВ.

4. В случае начала боевых действий переименовать Приморскую группу войск в Приморский фронт, установив разграничительные линии:

-справа – побережье Балтийского моря, сосед по взаимодействию группа Союзных флотов ОВД «Север» и «Росток»;

- слева Познань, (иск.) Франкфурт, (иск.) Миттельвальде, Магдебург, Падерборн, Дюссельдорф, Льеж, Шарлеруа, Сен-Кантен, сосед по взаимодействию Западный фронт (до часа Ч - ГСВГ).

Главнокомандующий ОВС государств ОВД

Маршал Советского Союза А.А. Гречко.

Совершенно секретно.

Экз. №1

ВЫПСКА ИЗ ПРИКАЗА №.. Командующего Приморской группы войск

14 октября 1962 года

Приказываю:

1. 114 зв.рбр , 159 рбр, 164 рбр, 175 рбр до 08-00 московского времени 25 октября занять позиционные районы согласно утвержденному плану. До 09-00 московского времени перейти в готовность №1, согласно распределенным целям.
2. Всем частям 1 А ВП , 2 А ВП, 2 Гв.ТА, 3 ОА, 20 Гв.А до 08-00 московского времени 24 октября перейти в повышенную готовность, выполнив рассредоточение согласно утвержденному плану.
3. Всем частям 3 А ВП, 6 зв.мсд, 20 тд. до 10-00 московского времени 25 октября перейти в повышенную готовность, выполнив рассредоточение согласно утвержденному плану.
4. Всем частям 37ВА с 22-00 московского времени 24 октября объявляется повышенная готовность. Всем истребительным полкам 37ВА до 10-00 московского времени 25 октября перейти в готовность №1, выполнив рассредоточение на дополнительные аэродромы согласно утвержденному плану. Всем прочим авиационным частям 37ВА до 10-00 московского времени 25 октября перейти в готовность №2, выполнив рассредоточение на дополнительные аэродромы согласно утвержденному плану.

Командующий Приморской группы войск генерал брони Бордзиловский

Совершенно секретно.

Экз. №1

ВЫПИСКА ИЗ ОПЕРАТИВНОЙ ДИРЕКТИВЫ №26 ШТАБА ПРИМОРСКОЙ ГРУППЫ ВОЙСК (с часа Ч-ПРИМОРСКИЙ ФРОНТ)

15 октября 1962 года

Главное Командование Объединенных Вооруженных Сил наносит в пользу Приморского фронта 55 ядерных ударов стратегическими средствами - общей мощностью в 27500 кТ по:

- узлам путей сообщений - Ненбург, Минден, Ферден, Мюнстер, Вессель, Эммерих, Арнем, Амстердам, Роттердам, Брюссель, Фленсбург, Вейле;
- портам - Экернвёрде, Свендборг, Фредериция, Хадерслев, Ольборг, Фредериксхаффен, Хусум, Везермюнде, Харлинген, Ден, Хельдер, Гравенхаге, Флиссинген, Остенде;
- аэродромам – Лаарбурх (5 км.юж. Веце), Гютерсло, Брюгген, Нордхорн, Ольборг, Каруп (20 км юго-зап.), Одензее, Лер, Оснабрюк, Хопстен (25 км зап. Оснабрюк), Гревен, Эйндховен, Аспере (25 км юж. Утрехт), Удем, Вегберг,, Нёрвених;

-командным пунктам и штабам: Удем, Маастрихт, Калькар, Порц-Ван (15 км.юж.Кельн), Рейндален;

- батареям "Найк Геркулес" и "Хок" - юж. Сторе Хеддинге (20 км юго-вост. Когё), 8 км сев. Когё, 15 км юж. Когё, 5 км вост. Хиллерод, 10 км юж. Копенгаген, 5 км. вост. Киль;

- складам обычных боеприпасов - 5 км юж. Виссельхеведе и 30 км сев. -зап. Целле,

- складам оружия массового поражения - 5 км сев. -зап. Мюнстер, 10 км юж. Гох, 15 км сев. - зап. Мёнхенгладбах, 12 км сев. Хиллерод.

Одновременно Приморский фронт наносит 64 ядерных удара приданными средствами из состава 164, 159, 114 рбр и собственными средствами из состава 175 рбр 2гв. ТА ГСВГ - общей мощностью в 14400 кТ по:

-аэродромам: Фленсбург (5 км юж. Шлезвиг), Витмундсхаффен (7 км зап. Витмунд), Ольденбург, Йевер, Нордхольц., Лек, Ноймюнстер, Альхорн, Выборг, Аурих;

-портам: Киль, Вильгельмсхаффен, Куксхаффен, Оденсе, Эмден;

- узлам путей сообщений, связи и пунктам постоянной дислокации частей противника – Гамбург, Ганновер, Бремен, Билефельд, Копенгаген, Харбург, Брекендорф, Вансдбек, Роскилле, Кольдинг, Рендсбург, Штаде, Бремерферде, Ротенбург, Зольтау, Бассум, Брауншвейг, Хильдесхайм, Фиссельхёфеде, Латцен, Вальсроде, Падеборн, Хамм, Иббенбюрен, Херфорд, Ахим, Эсбьерг, Нестед, Итцехо, Ольдеслоз, Бракель, Альт-Дуффенштедт, Гох, Клоппенбург, Бракель, Геттинген, Кассель, Хемелинген;

- батареям "Найк Геркулес" и "Хок" : Хайде, Вангерланд, Эккернфёрде, Дельменхорст, Вестертимке, Айдельштедт, Штольценау, Бломберг, Куксхаффен;

- позициям РЛС: 7 км. вост. Гамбург, 5 км. юж. Люнебург, Фасберг.

Справа в бассейне Балтийского моря ведут боевые действия группировки Союзных флотов "Север" и "Росток". Группировка «Росток» в пользу Приморского фронта высаживает десанты в Шарбойц - Хаффкруг с целью перерезать шоссе Е47 и Травемюнде. Время высадки первого эшелона Ч+6, второго эшелона Ч+8.

Слева Западный фронт переходит к наступательным действиям в направлении Фульда, Трир.

На его правом фланге 4ТА наносит удар в направлении Айзенах, Аахен, и к 6-7 дню операции овладевает районом юж. Аахен, Герольштайн, Люксембург.

Разграничительная линия:

(иск.) Франкфурт, (иск.) Миттельвальде, Магдебург, Падерборн, Дюссельдорф, Льеж, Шарлеруа, Сен-Кантен.

Приморский фронт (3ОА, 20Гв.А , 1, 2, 3А Войска Польского и 2Гв.ТА ГСВГ, подчиненная до момента выхода на западную границу ФРГ), 37ВА с временно

подчиненной частью войск ПВО страны ННА ГДР, - вводя с хода до Ч+2 в бой ЗОА и 20Гв.А - переходит к наступательным действиям во всей полосе фронта из исходного района: Шверин, Виттенберге, Магдебург, Щецин, нанося главный удар в направлении: Вольфсбург, Ганновер, Остенде и вспомогательный - Любек и вдоль Ютландского полуострова, связанный с десантными действиями в районе Датских проливов.

Ближайшая задача: разгромить во взаимодействии с войсками Западного фронта войска Северной группы армий, а также западногерманско-датские силы в Шлезвиг-Гольштейне и овладеть к 7-8 дню операции северной частью ФРГ и восточной частью Голландии и совместно с группировками "Север" и "Росток" при помощи десантных действий - островом Зеландия.

Дальнейшая задача: развивая действия на главном направлении удара, а также на Приморском и Ютландском направлениях разгромить во взаимодействии с силами Западного фронта и морскими оперативными группировками, подходящие резервы противника и к 10-13 дню операции овладеть территориями Голландии, Бельгии и Дании, организовав противодесантную оборону морского побережья.

Для выполнения задач Приморский фронт используя результаты ядерных ударов, нанесенных стратегическими средствами и результаты собственных ударов оружием массового поражения, нанося удар силами ЗОА, 1А ВП и 2Гв.ТА на Приморском и 20Гв. А на Ютландском направлениях, уничтожает во взаимодействии с войсками Западного фронта и оперативными группировками на Балтийском море ядерные средства и группировки войск Северной группы армий - 1 ак (ФРГ), 1 А (Великобритания), 1 ак (Бельгия) и 1 ак (Голландия) войск НАТО, в Шлезвиг-Гольштейне - 6 мпд и ютландской пд, создавая условия для развития наступления на Приморском и Ютландском направлениях.

...

В последующее время, применяя ядерное оружие и вводя в сражение 2А ВП, 3А ВП, 6 зв.мсд, 20 тд. - II эшелон фронта из района: Эмден, зап. Оснабрюк, юж. Боркен, - уничтожает вновь обнаруженные средства ядерного нападения противника и подходящие из глубины резервы, форсирует с хода реку Рейн и организует противодесантную оборону морского побережья.

ВВС фронта (37ВА, с временно подчиненной частью 1ВА Западного фронта и войск ПВО страны ННА ГДР):

-обеспечивают прикрытие войск фронта во всей полосе наступления;

- начиная с Ч+1 ведут непрерывную разведку и оценку результатов ядерных ударов на глубину наступления до линии Брюгге – Монс - Люксембург;

-обеспечивают поддержку с воздуха наступающим частям фронта;

-начиная с Ч+8 обеспечивают изоляцию района боевых действий на глубину до 300 км от линии фронта;

-по требованию командующих армиями применяют ядерное оружие;

Донесения представлять:

-по времени Ч+9;

- за последующие истекшие сутки до 17.00;

- немедленно после нанесения противником ядерных ударов;

- немедленно при обнаружении средств ядерного нападения противника;

- после контрударов оперативными и стратегическими резервами.

Время Ч наступает по получению команды «Экватор».

Командующий Приморским фронтом генерал брони Бордзиловский

Начальник штаба Приморского фронта генерал дивизии Тучапски.

Верно: начальник оперативного управления полковник Витт.

Подъем Р-14 на стартовую позицию

Истребители-бомбардировщики F-105

Секретно.

Экз. № ..

ВЫПИСКА ИЗ ОПЕРАТИВНОЙ ДИРЕКТИВЫ №.. штаба 2 ЦУВО НАТО

10 октября 1962 года

Всем частям и подразделениям, подчиненным 2ЦУВО с 20-00 времени по Гринвичу 24 октября объявляется повышенную готовность. Всем авиационным частям и подразделениям, подчиненным 2ЦУВО до 16-00 времени по Гринвичу 25 октября перейти в готовность №2, выполнив рассредоточение на дополнительные аэродромы согласно утвержденному плану.

71 истребительно-бомбардировочной эскадре бундеслюфтваффе и 314 истребительно-бомбардировочной эскадрилье Королевских ВВС Нидерландов выполнив рассредоточение на дополнительные аэродромы по готовности.

4 авиадивизии бундеслюфтваффе быть готовой к приемке 30 единиц МК-28У1 на авиабазы Ольденбург и Витмундхаффен.

1 авиакрылу ВВС Бельгии быть готовой к приемке 10 единиц МК-28У1 на авиабазу Бовешен.

2 авиакрылу ВВС Бельгии быть готовой к приемке 10 единиц МК-28У1 на авиабазу Флорен.

316 истребительно-бомбардировочной эскадрилье, Королевские ВВС Нидерландов быть готовой к приемке 10 единиц МК-28У2 на авиабазу Эйндховен.

Время окончания приемки – X+3.

Время X наступает по получению команды от Верховного командования Союзными Силами в Европе (SHAPE).

Секретно.

Экз. № ..

ВЫПИСКА ИЗ ОПЕРАТИВНОЙ ДИРЕКТИВЫ №.. штаба Northern Army Group НАТО (Северной группы войск НАТО)

15 октября 1962 года

Второй Центр Управления Воздушных Операций (2ЦУВО) наносит в пользу Северной группы войск 98 ядерных удара стратегическими средствами - общей мощностью в 46550 кТ по:

-Штабам, узлам связи и пунктам постоянной дислокации войск – Драхваузен, Ошац, Кёнигсбрюк, Ораниенбург, Потсдам, Нойбранденбург, Тройенбрицен, Фрэнкфурт-на-Одере, Витшток, Шенвальде, Штансдорф, Фюрстенвальде, Бранденбург-на-Хафеле, Вердер, Вайсенфельс, Эберсвальде, Легница, Вроцлав, Бялогард, Олава, Сыпнево, Борне-Сулиново, Щецинек, Светоцов, Страхув, Кожув, Венджин, Зелено-Гура, Явор, Познань, Лович, Торунь, Валбжих, Свидница, Гардно, Кошалин, Кшива, Устка, Хойна, Калиш, Лодзь, Краков, Тарнув, Люблин,

Радом, Гвардейск, Гусев;

- портам - Росток, Штральзунд, Свиноуйстье, Щецин, Колобжег, Гдыня, Гданьск, Балтийск, Калининград, Клайпеда;

- аэродромам – Борстель, Брандис, Вернойхен, Гросенхайн, Альтес Лагер, Кётен, Нойруппин, Нора, Лерц, Рибниц-Дамгартен, Темплин, Тутов, Эльстер, Цербст, Финстервальде, Шперенберг, Финов, Деммин, Легница, Бжег, Ключево, Черняховск, Шпротава, Варшава, Колобжег.

- позициям ЗРК – Ютеборг, Магдебург, Примервальде, Фогельзанг, Тшебень, Зелена-Гура;

-мостам на реке Одер–дорога E28 (8 миль юж. Щецин), дорога E30 (3 мили ю-в. Франкфурт-на-Одере);

-мостам на реке Висла–дорога E67 (Варшава), дорога A2 (Варшава), дорога A1 (Торунь).

Слева силы Объединенного командования сухопутных сил Шлезвиг-Гольштейна и Ютландии (ОКШГЮ) отражают наступление противника и при поддержке группировки Союзных флотов ФРГ и Дании обеспечивают противодесантную оборону побережья Ютландии.

Справа Центральная группа войск НАТО (ЦЕТАГ) отражает наступление противника в направлении Фульда и переходит в наступление в направлении Магдебург, Потсдам, с целью соединения с группой войск Западного Берлина.

Разграничительная линия:

С ОКШГЮ- Любек-Эльмсхорн;

С ЦЕТАГ- Ганновер – Магдебург - Потсдам;

Северная группа войск (1-е британский, немецкий, голландский, бельгийский корпуса) отражает наступление 1, 3А, 20А и 2ТА противника действиям во всей полосе фронта из исходного района: Любек, Вольфсбург, Ганновер. Остановив удар противника, переходит в наступление, нанося главный удар в направлении: Магдебург, Потсдам, Берлин и вспомогательный – Шверин, Росток, Штральзунд связанный с десантными действиями на побережье до Дранске, Зассниц при поддержке группировки Союзных флотов ФРГ и Дании.

Ближайшая задача: разгромить во взаимодействии с войсками ЦЕТАГ, советские, польские и восточногерманские силы в северной части Восточной Германии и овладеть к 10 дню операции северной частью Восточной Германии и выйдя на линию Щецин- Эберсвальде - Франкфурт-на Одере, деблокировать группировку войск в Берлине.

Дальнейшая задача: развивая действия на главном направлении удара, а также в направлении Щецин, Гданьск разгромить во взаимодействии с силами ЦЕТАГ и морскими оперативными группировками, подходящие резервы противника и к 10-13 дню операции овладеть территориями восточной Германии и Польши до реки Висла, организовав противодесантную оборону морского побережья.

Для выполнения задач СЕВАГ используя результаты ядерных ударов, нанесенных 2 ЦУВО, нанося удар силами 1 ак (ФРГ), 1 А (Великобритания), 1 ак (Бельгия) и 1 ак (Голландия), уничтожает во взаимодействии с войсками ЦЕТАГ и ОКШГЮ ядерные средства и группировки войск 1А, 2А, 3А, 2.ТА, создавая условия для развития наступления в направлении на Росток, Нойбранденбург, Потсдам (совместно с ЦЕТАГ).

...

В последующее время, применяя ядерное оружие и вводя в сражение 3 ак (франц.) и 3 ак (амер.) с приданными силам из состава 40 ракетной группы полевой артиллерии (амер.) - II эшелон СЕВАГ из района: Потсдам, Нойруппинн, Нойбранденбург, - уничтожает вновь обнаруженные средства ядерного нападения противника и подходящие из глубины резервы (20А), форсирует с хода реку Одер и организует противодесантную оборону морского побережья.

ВВС 2 ЦУВО:

-обеспечивают прикрытие войск СЕВАГ;

- начиная с X+1 ведут непрерывную разведку и оценку результатов ядерных ударов на глубину наступления до линии Клайпеда – Белосток - Жешув;

-обеспечивают поддержку с воздуха частям СЕВАГ;

-начиная с X+8 обеспечивают изоляцию района боевых действий на глубину до 500 км от линии фронта;

-по требованию командующих корпусами СЕВАГ применяют ядерное оружие;

Донесения представлять:

-по времени X+10;

- за последующие истекшие сутки до 18.00;

- немедленно после нанесения противником ядерных ударов;

- немедленно при обнаружении средств ядерного нападения противника;

- после контрударов оперативными и стратегическими резервами.

Время X наступает по получению команды от Верховного командования Союзными Силами в Европе (SHAPE).

Командующий Северной группой армий Генерал-лейтенант сэр Чарльз Джонс

Начальник штаба Северной группой армий Генерал-майор сэр Ричард Гудвин,

Верно: начальник оперативного управления полковник Могг.

Глава 2. Бег наперегонки по лестнице, ведущей вниз.

27-28 октября 1962 года. Планета Земля.

06-30, местное время. Карибское море, советская подводная лодка Б-59.

Уже несколько часов подлодку обнаружили и гоняли эсминцы и противолодочные вертолеты. – Шумы винтов трёх... четырёх эсминцев с правого борта, – доложил акустик Б-59. – Курсовой двадцать восемь. Нарастают – цели приближаются. Подводную лодку сильно тряхнуло – прямо над ней разорвались выпущенные из многоствольных бомбомётов реактивные глубинные бомбы: настоящие, боевого калибра. Пугают по серьёзному, заставляя всплыть? А если нет – бьют на поражение, только немного ошиблись в прицеливании? Что же там, наверху, творится? Может, там уже встают атомные грибы, и весь мир уже корчится в ядерном огне? Что делать, когда не знаешь, что делать? Снова серия глубинных бомб. Погас свет: лопнули от сотрясения лампы, засыпая металл палубного настила мелкой стеклянной крошкой. Загорелось тусклое аварийное освещение, и в его призрачном свете восковые лица подводников стали похожими на лики оживших мертвецов. Командир Б-59 Савицкий еле удержался на ногах, сильно ударившись о тяжёлый ящик автомата торпедной стрельбы и до крови рассадив скулу. Капитан второго ранга вдруг ощутил, как внутри него закипает обжигающее бешенство. Количество шумов боевых кораблей возросло – они кружат вокруг лодки, удерживая её в тесном кольце. Офицеры в центральном посту «Б-59» хранят напряжённое молчание, но Валентин кожей лица чувствует их взгляды. Сейчас всё зависит от него, от командира, от царя и бога этого маленького мирка, ограниченного сталью прочного корпуса. На скулах командира подводной лодки вздулись желваки. – «Изделие-400» к пуску изготовить! Минёр, мать твою...

– Есть! – отозвался командир БЧ-3, минно-торпедной боевой части. «Изделие-400», АСБЗО – атомное специальное боевое зарядное отделение мощностью двадцать килотонн для серийных 533 миллиметровых торпед на лодке было одно. Его погрузили на лодку только перед этим походом. – «Изделие-400» к пуску готово! Прозвучал звенящий от напряжения голос командира БЧ-3. Люди ждут твоей команды, командир, но как же тяжелы звёзды на твоих погонах...

...Весы качаются. На одной их чаше – слово человека, одетого в военно-морскую форму; на другой – голубой шар обитаемой планеты, окутанной лёгким флёром облаков, сквозь который просвечивают контуры океанов и тёмные пятна континентов. «Нельзя, нельзя, – стучит в мозгу Савицкого. – Да, я имею право применить атомную торпеду «по обстановке», но с огнём не шутят, командир...».

– В носовом торпедном!

– Есть!

– Пуск имитаторов из аппаратов номер пять и шесть! Товсь!

– Пли!

«Пусть эти умельцы наверху погоняются за ложными целями. Будем отрываться!».

...Акустик эскадренного миноносца «Дальгрэн» зафиксировал размножение целей. Однако он был достаточно опытен и засёк также характерное хрюканье, с которым воздух выбрасывает торпеду из торпедного аппарата. Стремительно побледнев, он тут же доложил командиру эсминца:

– Сэр, русская лодка произвела два торпедных выстрела!

Командир «Дальгрена» не размышлял. У него был приказ «стрелять на поражение», и у него давно уже чесались руки как следует приласкать эту упрямую лодку «красных» – кто будет разбираться, и кто станет его обвинять? Победителей не судят... А теперь, когда коммунисты выстрелили первыми, у храброго офицера US Navy исчезли последние сомнения и колебания. Пусковая установка ракетоторпед «Асрок» развернулась и выплюнула длинный язык пламени, в котором мелькнуло длинное чёрное тело. Ракета описала короткую дугу и выбросила тормозной парашют. Самонаводящаяся торпеда отделилась, плюхнулась в воду и, хищно поводя рылом, начала описывать круги, вынюхивая цель.

– Шум винтов торпеды с правого борта! – голос гидроакустика «пятьдесят девятой» дрогнул. – Приближается!

«Вот и всё – конец всем вопросам, – отрешённо подумал капитан второго ранга. – Они пустили в ход противолодочный комплекс «Асрок», и жить нам всем осталось считанные секунды... Ну что ж – это война...».

– «Изделие-400» – пли!

...Программа стремительно уходящей в глубину «четырёхсотой» ещё не отработала до конца, когда сталь прочного корпуса «Б-59» разворотил взрыв самонаводящейся торпеды. Внутри лодки хлынула вода, вытесняя воздух из тесных отсеков и человеческих лёгких. Но это уже не имело никакого значения – спичка упала в кучу сухого хвороста...

07-00, местное время. Вашингтон, Белый Дом, отрывок разговора на совещании. Присутствуют президент США Барри Моррис Голдуотер, министр обороны Роберт Макнамара, вице-президент Ричард Никсон, госсекретарь Дин Раск. Время начала конфликта.

-Полчаса назад над Кубой советской ракетой сбит наш самолёт-разведчик U-2. Десять минут в Карибском море произведён подводный атомный взрыв – уничтожено несколько наших кораблей. Потери уточняются. – Произнес смертельно бледный министр обороны.

-Всем нашим вооружённым силам, - Голдуотер посмотрел на Макнамару, - приступить к мероприятиям по исполнению SIOP. Я не хочу появления «атомных фотографий» на улицах американских городов, как это было в Хиросиме.

15-01, время по Гринвичу, 16-01, время местное, в небе над Данией, борт бомбардировщика В-52G из 13 эскадрильи 509 бомбардировочного авиакрыла. Через одну минуту после начала конфликта.

Сэр, подтвердите код. Да, принято, приступил к исполнению. Капитан Гриссом, казалось, постарел на десяток лет. По вмиг посеревавшему лицу катилась струйка пота. Он повернулся к притихшему экипажу:

-Парни, у нас приказ. Тот самый. Штурман, вскрой конверт – что за цель? Бомбардировщик на патрулировании должен был атаковать различные цели, в зависимости от точки, где он находился. Штурман, с которого слетела обычная его улыбка, нервно разорвал нужный конверт, бегло просмотрел его и бросил коротко:

-Минск, Борисов, Орша, Смоленск. Потом я бы советовал уходить через Прибалтику, над Ботническим заливом и через Швецию в Норвегию.

(Согласно SIOP-62, Single integrated operational plan - Единому комплексному оперативному плану ядерного нападения на СССР, целями для 4 бомб МК-28УЗ В-52G из 13 эскадрильи 509 бомбардировочного авиакрыла 8 Воздушной армии USAF являлись:

- 1. Город Минск, Белоруссия: Автомобильный завод – производство грузовых автомобилей и тягачей для ракетной техники.*
- 2. Город Борисов, Белоруссия: Завод №140- ремонт автобронетанковой техники, завод «Автоагрегат» - производство стартеров и генераторов для автобронетанковой техники, два консервных завода.*
- 3. Город Орша, Белоруссия: Станкостроительный завод, инструментальный завод, авиаремонтный завод, завод металлических комплектующих (поставщик узлов для авиационных и автомобильных заводов).*
- 4. Город Смоленск, Россия: завод N 475 МАП СССР – производство авиационной и ракетной техники, автоагрегатный завод – производство агрегатов автозавода ЗИЛ, завод радиодеталей, приборостроительный завод, завод «Измеритель» (приборы и оборудование для авиационной техники).*

- Ты сначала доживи до этого «потом». Я бы хотел сначала услышать от тебя курс до Минска?

-Сейчас мы над Данией, потом идем над морем, вроде как нейтральные воды. На траверсе Клайпеды поворачиваем курсом на Минск.

16-05, время местное, авиабаза Витмундсхаффен, Западная Германия. Кабинет дежурного 71 истребительно-бомбардировочной эскадры "Рихтгофен". Через 5 минут после начала конфликта.

Да, господин майор, так точно. Команда пришла из второго ЦУВО последовательно через все наши инстанции. И оперативное командование ВВС, и командование «Север» в Калькаре, да, и штаб нашей четвертой авиадивизии тоже. Все правильно. Заместитель командира гешвадера семьдесят один майор люфтваффе Юстин Гюнтер неверяще смотрел на бланк телетайпа. Наконец он стряхнул оцепенение и начал командовать:

-Дежурное звено, взлет! Готовить первый штаффель, хорошо, что они уже заправленные стоят, вешать бомбы и по два «Сайдвиндера». Второй штаффель тоже готовить, полная заправка, вешайте на него, что у нас там будет под рукой, как только техники выпихнут первый с площадок вооружений!

-Черт, как же не хватает Эриха, вечно он в самый нужный момент не там, где он нужен. Подполковник Эрих Хартманн, лучший ас второй мировой войны, час назад взлетел вместе с ведомым, как он сказал, «проветриться» в патрульный полет. А в эскадре вторая эскадрилья еще не успела до конца освоить новый самолет, только-только переучившись с F-86, идет интенсивная работа. И поэтому целых три десятка новеньких «Старфайтеров» стоят, не рассредоточенные по запасным площадкам, на бетонке основной базы.

-Дежурный! Крикнул Гюнтер. Узнай у техников, которые выпускали командира, с чем он взлетел! Уже узнал? Только подвесные баки? И все? А, все-таки, у них M61 зарядили.

F-104G

-Свяжись с ним немедленно, сообщи ему, что тут у нас Третья мировая началась. Пусть обратно не торопиться, база все равно сейчас будет работать только на взлет. Поболтается где-нибудь, с одной пушкой много не навоюешь, даже если она шестиствольная. И пусть готовят мой самолет, я с первым штаффелем пойду. Все, я одеваться.

18-07, московское время, Москва, Кремль, отрывок телефонного разговора между первым секретарем ЦК КПСС Никитой Сергеевичем Хрущевым и министром обороны Родионом Малиновским. Через 7 минут после начала конфликта.

– Никита Сергеевич! – голос министра обороны был полон неподдельной тревоги. – В Карибском море произошёл атомный взрыв. Доложили с Кубы – они его видели. Подробности пока неизвестны, но судя по всему, или американцы потопили одну из наших подводных лодок атомной глубинной бомбой, или она ударила по ним атомной торпедой. И это ещё не всё.

– А что ещё? – Хрущёв стиснул телефонную трубку.

– По данным радиолокаторов системы дальнего обнаружения, размещённых в странах Варшавского договора, бомбардировщики Б-52, осуществляющие боевое патрулирование с ядерным оружием на борту, направляются к границам наших стран-союзников в Восточной Европе. И к нашим границам, Никита Сергеевич. Это война, – Малиновский сделал паузу, – и в любую минуту может последовать удар американских ракет по нашим городам. И будет нам двадцать второе июня, только смертельное...

– Ваше мнение? – хрипло спросил Хрущёв, вытирая свободной рукой вспотевшую лысину.

– Атаковать всеми силами и средствами, – глухо прозвучало в трубке. – Промедление смерти подобно. Рассусоливать уже некогда – счёт пошёл на минуты.

– Никита Сергеевич? – спросил Малиновский. – Что же вы молчите?

– Приступайте к действиям по плану «Экватор», – медленно произнёс Хрущёв.

18-10, московское время. На северо-западе ГДР. Позиционный район 3 дивизиона 159 ракетной бригады. Через 10 минут после начала конфликта.

Товарищ капитан! Срывающимся голосом закричал радист-оператор ЗАС.

Капитан Живодеров посмотрел на него и сразу, не слушая доклад, понял. Вот оно. Началось. Он только хмуро спросил:

-Цели не изменились?

-Прежние. Ответил оператор, стараясь не выглядеть слишком испуганным.

- Ну, хоть что – то хорошее. Батарея, к бою!

-Сбросить термочехол! Убрать приборы наведения! Сброс термочехла! Заправить ракету пусковым горючим! Скомандовал Борис. Термочехол, все время одетый на носовой обтекатель ракеты для поддержания постоянной температуры боевой части, после того, как четвертый номер выдернул по тросу чеку, заскользил гигантской серой птицей вниз и упал прямо к ногам Бориса. Увидев, что второй и третий номера вдвоем складывают треноги вешек и теодолита, он подошел к ним: - Где Негруца!?

-Сейчас будет, он отдыхал после дежурства. Все это время, с утра двадцать пятого и до сегодняшнего вечера расчеты дежурили посменно, отсыпаясь после смен кто в кузове грузовика, а СО и мехводы – прямо в пусковой.

-Я уже здесь командир. Негруца бежал от здания котельной, на ходу застегивая комбез. А из окна, предательски спалив его, выглядывали растрепанные Марта с Хильдой, причем Хильда даже попыталась изобразить что-то вроде воздушного поцелуя. Старшина обернулся, увидев, куда устремлен насмешливый взор лейтенанта, и прокричал что-то по-немецки, девушки вмиг скрылись.

-Опаньки, старшина, и когда это ты немецкий освоил? Методом скоростного глубокого погружения в среду? Насмешливо спросил лейтенант. Бойцы вокруг пусковой заржали, комментируя в подробностях это «погружение».

-Первый номер, не слышу доклада о заправке! Оборвал Борис.

-Сейчас.. все, отсечный клапан.. сработал. Есть заправка ПГ!

-Разблокировать гироскопы!

-Есть! Прокричал в ответ СО. - Есть раскрутка гироскопов!

-Воздух в АБ! Первый номер открыл на пульте СПО клапан подачи воздуха в ампульные батареи ракеты.

-Есть АБ! «Все», отрешенно подумал Борис. Обратного пути нет. С удивлением он обнаружил, что подспудно все время ждал, что комбат даст отмену пуску. До сих пор все можно было вернуть, гироскопы застопорить, поднять стрелу, опустить ракету, одеть заново термочехол, закрывающий эту чертову боевую часть с пугающей надписью на боку «РА-17», для тех, кто знает, конечно. Но сейчас все, ракете теперь только в ПРТБ, на замену ампульных батарей, уже раздавленных сжатым воздухом. Или туда, вверх и потом на запад.

-Заводи! Крикнул он пятому номеру.

-Выкрутить ветровые болты! Расчет рванулся выкручивать четыре болта, вкрученных еще тогда, перед подъемом, чтобы ракета не упала от порыва ветра. Четвертый номер замешкался, у него все время срывался ключ с головки болта.

-Дай сюда, раззява! Быстрее, может быть, к нам уже кто-то летит! Подскочил к нему Негруца, и через пятнадцать секунд прокричал:

-Командир, все!

Отделение, газы! Всем в пусковую! По инструкции, во время пуска весь расчет должен был сидеть в 2П19, с заведенным двигателем и в средствах защиты. Если ракета поведет себя не так, как, положено, мехвод должен резко подать ПУ назад, потом рвануть вперед, «выдергивая» пусковую из-под падающей ракеты, а одетые противогазы позволяли расчету надеяться уцелеть в облаке ядовитого дыма, который окутывал позицию при падении и взрыве ракеты. «Надеюсь, хоть до этого не дойдет, и так у нас выходные проходят хуже некуда», мрачно подумал Борис, запрыгнув в ПУ последним. Он схватил гарнитуру связи с машиной управления:

-Товарищ капитан, стартовое отделение номер ..

-Пуск по готовности! Оборвал его Живодеров. Борис глубоко вздохнул, откинул предохранительную скобу и нажал её: ту самую кнопку, которую он десятки раз нажимал

на тренировках, и которую надеялся никогда не нажать в бою. Секунды потекли медленно, каждая, казалось, длится вечность. Внезапно захрипело радио комбата:

-Стартовые отделения! После пуска столы не поднимать, закинуть кабели на столы, и сразу уходить с позиции за моей машиной!

Его последние слова потонули в реве ракетного двигателя. Третья стартовая батарея третьего дивизиона 159 ракетной бригады начала свою часть Третьей мировой войны.

16-12, время местное, авиабаза Витмундсхаффен, Западная Германия. Через 12 минут после начала конфликта.

Майор Юстин Гюнтер зашнуровывал высотно-компенсирующий костюм, когда услышал грохот двигателей взлетающей дежурной тройки F-104G. «Ну, хоть этих поднять успели» - подумал он. Вокруг него спешно одевались летчики первого штаффеля, все угрюмо молчали, обычных шуточек и подначек сейчас слышно не было.

-Герр майор, первые два звена через три минуты будут готовы! И ваша машина тоже. Сообщил заглянувший в раздевалку посыльный.

-Всем взлетать звеньями по готовности! Приказал он пилотам, выходя из комнаты, держа в руке шлемофон.

18-15 московское время, 16-15 время местное. На северо-западе ГДР. Позиционный район третьего дивизиона 159 ракетной бригады. Через 15 минут после начала конфликта.

Кнопка, нажатая Борисом, замкнула стартовые цепи ракеты. Проблуждав положенное время по ним, электрический импульс в конце концов, попал на контакты электродетонатора пороховой шашки, которая свою очередь, сгорая, начала раскручивать турбонасосный агрегат. Когда давление в магистрали ТНА достигло требуемого значения, открылись клапаны подачи горючего и окислителя из своих баков в камеру сгорания. Окислитель прямо стал поступать в камеру, а горючее сначала пошло по трубопроводу в самый хвост ракеты, а потом, под давлением стало проходить сквозь сотни маленьких каналов хитрой «рубашки», как бы одетой на камеру сгорания двигателя с соплом. Одновременно охлаждая всю металлическую конструкцию, иначе камера сгорания попросту бы прогорела в первые секунды работы. Сначала это было тридцать килограмм пускового горючего, залитого расчетом пять минут назад, оно так и стояло в магистрали бака горючего и первым попало в камеру сгорания. Смешавшись с семидесяти процентной азотной кислотой, которой и являлся окислитель, «самин», или, говоря по-научному, пятидесяти процентный триэтиламин с изомерными ксилидинами, вспыхнул, фактически взорвался в камере сгорания. Дальше температура в камере при непрерывном горении выросла настолько, что стало воспламеняться уже основное горючее, по сути представляющее простую смесь скипидара с керосином. Все это заняло гораздо меньшее время, чем требуется для прочтения этого отрывка, всего двенадцать секунд. Тяга двигателя С3.42 стремительно росла и когда она через несколько секунд превысила пять тысяч восемьсот шестьдесят килограмм - массу ракеты, ракета оторвалась от пускового стола. Сразу после отрыва ракеты цепи взведения боевой части привелись в рабочее состояние, как только оторвались кабели, соединявшие ракету с пусковой установкой. Ракета с ревом уходила вверх, а шаговый электродвигатель уже начал импульсами, число которых еще два дня назад ввел

старший оператор, проворачивать валы автопилота с закрепленными на них кулачками. Несложное электромеханическое устройство, гордо называемое прибором 1СБ12, начало преобразовывать кривые поверхности кулачков, выточенные старым рабочим на одном из московских заводов пару лет назад, в команды на углы поворота газовых рулей, до этих пор стоявших неподвижно, на самом срезе сопла двигателя. Ракета начала медленно поворачивать на запад. Через восемьдесят секунд полета электродвигатель совершил последний поворот, щелкнули электропневмоклапаны, перекрыв подачу компонентов в камеру сгорания. Прошла отсечка тяги, ракета в этот момент уже летела со скоростью полтора километра в секунду. Дальше ее полет проходил уже почти бесшумно, если не считать треск абляционного покрытия, сгорающего от аэродинамического нагрева и уносящегося прочь с конуса боевой части. Ракета продолжала забираться вверх по баллистической траектории. Через четыре секунды после выключения двигателя прошла команда на снятие первой ступени предохранения. Тем временем ракета забралась на апогей траектории своего полета, почти на семьдесят пять километров, скорость же, напротив, чуть упала – до тысячи сто тридцати метров в секунду. Ракета начала свое неотвратимое падение на цель. Локаторы первого полка РЛС контроля четвертой авиадивизии люфтваффе засекли ее еще, когда она набирала высоту. Но они так же засекли десятки других аналогичных объектов. Было выдано оповещение на дивизионы ЗРК «Найк-Геркулес» возле Киля и Гамбурга. Расчеты ЗРК, благо они уже находились в повышенной боевой готовности, взяли эти объекты на сопровождения, но и только. Автоматика даже не дала разрешения на пуск зенитных ракет по целям, летевшим выше границ зоны поражения зенитно-ракетных комплексов. Тем временем ракета уже падала по траектории все круче. Когда баровысотомер ракеты показал высоту пять километров, была снята вторая ступень предохранения боевой части. Одновременно начал работать радиовысотомер, для определения более точной высоты подрыва. И когда он выдал значение высоты пятьсот метров, предохранительно-исполнительный механизм выдал электрический импульс, переводя весь персонал на авиабазе бундесвера «Витмундхаффен» в категорию «безвозвратные потери». А всех живых существ в округе авиабазы - в категорию «побочный ущерб».

16-17, время местное, авиабаза Витмундсхаффен, Западная Германия. Через 17 минут после начала конфликта.

Майор Юстин Гюнтер сидел в кабине своего «Старфайтера», рулившего по дорожке к началу взлетной полосы. В наушниках раздался голос руководителя полетов:

-Я вышка, всем пилотам, взлет по готовности, тройками. Камрады из первого полка РЛС контроля сообщили, что к нам летит куча «хрущевских сосисок»*.

* «Хрущевские сосиски» – прозвище советских ракет на Западе в начале шестидесятых. Появилось после интервью Н.С.Хрущева западным корреспондентам, где он обронил фразу: «Я недавно был на одном из наших заводов. Так вот, там ракеты делают так же быстро, как сосиски».

Майор выругался и вырулил на взлетную полосу, встав в центре. Справа и слева чуть позади от него встали самолеты первого звена, командир первого звена встал сзади,

метров в пятидесяти. Остальные «Старфайтеры» первого штаффеля катились по рулежке, растянувшись от самых площадок подготовки вооружения. На которые техники уже начали закатывать самолеты второго штаффеля. «Слава богу, тут все машины гешвадера, нет только той шестерки, что в Аурихе» - подумал Гюнтер. Третий штаффель 71 истребительно-бомбардировочной эскадры "Рихтгофен" был еще недоукомплектован. Шесть машин были на авиабазе Аурих, где пилоты переучивались на новые F-104G со стареньких «Сейбров», времен Корейской войны. Там же были и почти все три десятка F-86, с которыми командование люфтваффе еще не решило, что делать. В эскадре упорно ходили слухи, что их просто отдадут, толи туркам, то ли грекам. А девять F-104G гешвадер еще не получил от завода «Блом и Фосс» консорциума Arge Sud, занимавшегося производством «Старфайтеров» в Европе. Майор люфтваффе Юстин Гюнтер посмотрел на приборную доску. Так, все системы в норме, мельком бросил взгляд на часы, время было 16.19.15.

Приборная доска F-104G

Он отдал короткую команду и первые F-104G, ревя двигателями на форсаже, пошли на взлет. Майор потянул ручку на себя, его «Старфайтер» оторвался от полосы, готовясь взвиться в небо. И тут над всеми вспыхнуло новое солнце. И все закончилось – для майора, для пилотов, сидевших в самолетах на взлетной и рулежной полосах, для техников и прочего персонала авиабазы. Для всех как будто выключили свет. Навсегда.

18-19 московское время, 16-19 время местное. На северо-западе ГДР. Позиционный район третьего дивизиона 159 ракетной бригады. Через 19 минут после начала конфликта.

Как только рев ракетного двигателя начал стихать, Борис собрался вылезать из пусковой установки, но его остановил Георгий Негруца:

-Командир, не надо всем, я сейчас со своим расчетом выскочу, кабели забросить. А ты оставайся на связи с комбатом, мало ли чего. И он заорал на своих второго и третьего номеров:

-Быстрее, носороги! Быстро, быстро, в темпе! Как забросим кабели, обратно в кабину не лезем, едем сразу наверху! А ты чего копаешься? В темпе шланг смотал, и в кабину, заводи и за нами! – «Это он уже водителю обмывщика», сообразил Борис. Кабели закинули за десяток секунд, дым от старта еще не рассеялся, как пятый номер толкнул фрикцион и 2П19, урча дизелем, повернулась на месте и поехала за уже отъехавшим комбатом в кэшеэмке. БТР охраны уже месил грязь в полукилометре, подъезжая к опушке леса. Чуть отставая, за ними шли два бортовых ЗиЛ-157 и вторая пусковая со своим

обмывщиком. Седьмой номер его стартового отделения, наконец-то смотавший шланги, тоже отъезжал с позиции. Борис запоздало дал команду, перекрикивая шум двигателя:

-Отбой газовой тревоги!

-Слава те яйца, вроде успеваем смотаться! Проговорил первый номер, снимая противогаз и вытирая вспотевший лоб.

-Не кажи гоп, вот когда в лесу по просеке проедем хотя бы пару километров, да масксеть натянем, тогда славить будешь. Хоть бога, хоть свои причиндалы. Ответил ему Борис. Остальные номера расчета натужно засмеялись, нервы у всех давно были натянуты, как струны.

18-28 московское время, 16-28 время местное. Воздушное пространство на северо-западе ГДР. Через 28 минут после начала конфликта.

Подполковник Эрих Альфред Хартманн, позывной *Vubi (малыш (нем.))* и не подумал «полетать где-нибудь», когда началась Третья мировая война. Ведь это война, а на его самолете есть шестиствольная пушка с полным боекомплектом. И он, набрав максимальную высоту, пошел вместе с ведомым в сторону границы с ГДР. Чем черт не шутит, может сегодня ему удастся добавить еще пару сбитых к тем триста пятьдесят двум, которые у него на счету?

Подполковник Эрих Альфред Хартманн

Подвесные топливные баки они сбрасывать не стали, летели на крейсерской скорости восемьсот пятьдесят километров в час. Эрих предупредил ведомого, чтобы он опустил светофильтр пилотского шлема. Когда начали рваться первые советские ядерные ракеты, их пара была где-то над шоссе E22, в десяти километрах к юго-западу от Любека. Он посмотрел назад, потом по сторонам, не веря своим глазам- с высоты семнадцати километров сзади, на западе, на северо- и юго-западе от него вставали грибы ядерных взрывов. Десятки, машину начало трясти, когда огромный ядерный гриб вырос над Гамбургом, над которым они пролетели буквально несколько минут назад. А на востоке, над территорией ГДР не видно было ни одного! Он не знал, что американские

«Торы» и «Юпитеры» с баз в Италии и Британии, уже тоже сейчас встают ядерными грибами, но над городами и объектами ПВО в СССР. «Редстоуны» же американской сороковой ракетной группы полевой артиллерии, рассредоточенные в кризисный период в лесах на франко-германской границе, сейчас спешно занимают стартовые позиции, равно как «Капралы» и «Онест Джоны» артиллерийских дивизионов, приданных корпусам армии США. Генералы НАТО не питали иллюзий насчет способности своих сухопутных войск остановить танковый кулак Восточного блока в «честном бою». Поэтому PGM-11 «Редстоун» сороковой ракетной группы армии и дивизионы MGR-1, MGM-5, вместе с атомной артиллерией и тактическими «Лакроссами» и «Литл Джонами», будут пущены в ход, когда определятся места главных ударов красных. И не факт, что они будут стрелять уже не по территории ФРГ. А ГДР получит свою порцию атомного пирога – с авиабаз на западе ФРГ, в Голландии и Бельгии по тревоге уже успели подняться ударные самолеты НАТО с ядерными бомбами и сейчас летят на восток. Но Эрик об этом не задумывался, его просто трясло от злости, сквозь треск помех он бросил ведомому:

- Идем курсом восемьдесят с плавным снижением, по команде сбрасывай баки. Подлетая ближе к границе, он ясно увидел места позиций, с которых были произведены пуски, от каждой в стратосферу, загибаясь к нему, на запад, стоял шлейф сероватого дыма. Как же их много! Он выбрал шесть столбов, стоявших возле Дамсхагена.

- Bubi, мы сейчас пересечем границу с Восточной Германией. Раздался в наушниках голос ведомого.

-К черту, это уже не граница. Это линия фронта, и мы на войне! Ты видишь что-нибудь на земле? Ответил Хартманн.

- Какие-то корпуса, как раз от них уходят два шлейфа. Мы летим слишком быстро. Ответил ведомый.

-Сбрасывай скорость. Противника в воздухе пока не видно. И баки тоже сбрасывай, они все равно уже почти пустые. Скомандовал Эрих.

-Вижу следы от техники на земле, они ведут во двор, к корпусам! И в зданиях большие ворота! Азартно крикнул ведомый.

-Пойдем дальше, здесь мы ничего не сможем сделать, у нас только пушки.

Внезапно в наушниках прорезался новый голос:

- Bubi, это дежурное звено, иду на форсаже, буду у вас через пять минут. У нас по шесть двухсотпятидесяток. И нашей базе, похоже, конец, мы видели над ней взрыв и она не отвечает.

-Сходу накрывайте три корпуса на опушке, ориентир – Роггенсторф, сразу за лесом на опушке, возле дороги! Приказал Эрих.

- Bubi, я их вижу! Две цистерны, две гусеничных установки и еще машины! Эти еще стоят на стартовых позициях! Взволнованно заорал ведомый.

Командир третьей батареи третьего дивизиона сто пятьдесят девятой ракетной бригады допустил роковую ошибку. Он приказал поднимать столы у пусковых установок. Согласно инструкции. Ведь при транспортировке опущенный стол очень пачкается в грязи, он

может зацепиться за кочку и даже прийти в негодность. Он был первый день на войне и не подумал, что его батарея может вся прийти в негодность, если замешкается на позиции. На стартовом агрегате 2П19 стол подымается вручную, с помощью механической лебедки, вдобавок стол очень тяжелый. Ведь ему надо выдерживать и вес ракеты, и яростное пламя ее двигателя на старте. По два человека на каждой пусковой спешно уже заканчивали крутить ручки лебедок, когда над батареей пронеслась ревущая смерть. Длинной очередью из пушки М61 «Vubi» Хартманн прошелся по батарее, расстреляв оба расчета и наделав дырок в пусковых установках. Его ведомый, увидев в последний момент машину с антеннами, чуть повернул и прострочил ее, всадив в машину не меньше полсотни снарядов, она загорелась и взорвалась.

-Делаем второй заход, сейчас добьем пусковые и расстреляем эти цистерны! Приказал Эрих. За цистерны он принял обмывочно-нейтрализационные машины 8Т311, водители которых сейчас разбежались в стороны от летящего ужаса с черным тюльпаном на борту фюзеляжа. Внезапно, посмотрев вниз на развороте, Эрих увидел, как две гусеничных машины пришли в движение. Мехводы третьей батареи пытались уйти в спасительный лес от обстрела.

-Не успеют, сейчас мы их прикончим! Произнес довольный Эрих.

Но у Гюнтера Фюльграббе на этот счет было другое мнение. Гауптман Гюнтер Фюльграббе, бывший во Вторую мировую войну ведомым у самого Германа Графа, в начавшейся Третьей мировой вел свою четверку МиГ-17Ф второго штаффеля четвертого авиаполка ВВС Национальной народной армии ГДР над самой землей к месту боя.

МиГ-17Ф ВВС ННА ГДР

Десять минут назад их эскадрилью, сидевшую на полевом аэродроме возле Висмара, подняли по тревоге, приказав прикрывать район в треугольнике Дассов - Дамсхаген-Кальхорст. Комэск разбил эскадрилью на четверки, и они получили приказ начать барражировать над лесным массивом на малой высоте. Единственно верный способ не быть сразу сбитым, Гюнтер не испытывал иллюзий по поводу возможностей своих МиГ-17. Если они будут прикрывать свой район на высоте, то новейшие двухмаховые «Старфайтеры», «Тандерчифы» или «Миражи» НАТО атакуют и сбьют их ракетами безнаказанно, а потом сделают с землей под ними, что хотят. А на малой высоте их МиГи еще надо заметить, притом на фоне земли прицельное оборудование и головки ракет будет работать далеко не идеально. Поэтому у них есть шанс, правда наземные части гарантированно подвергнутся первому удару. Но потом его МиГи найдут в хвост снизившимся для удара самолетам противника. Да и скорость противник сбросит обязательно, на двух махах не то, что прицелься, заметить что-то на земле слишком сложно. Появление пары F-104G он заметил поздно, когда они уже зашли на цели, какие-то машины на опушке леса. Но когда «Старфайтеры», выпустив по очереди из своих пушек, пошли на разворот для второго захода, Гюнтер бросил в эфир:

-Вторая пара атакуйте ведущего. И пошел в атаку на замыкающий «Старфайтер». Так получилось, его четверка выполняла боевой разворот попарно, и его вторая пара оказалась впереди первой. «Его» F-104G, уже влез в оптический прицел АСП-3НМ,

правда, не идеально, где-то в одну четверть ракурса. Но все равно, надо стрелять, пока он не заметил на своем хвосте висящих ниже его МиГов. Тогда он даст форсаж и легко уйдет. Гюнтер чуть повернул свой самолет и дал длинную очередь из всех пушек, стараясь держать в прицеле все время скользящий вправо самолет противника с необходимым упреждением. И увидел что попал, один, чуть ли не последний снаряд из очереди пушки НР-23 разорвался на самом кончике высоко расположенного руля высоты.

-Нас атакуют, у меня на хвосте пара Fresco*!

**Fresco –обозначение в НАТО советского истребителя МиГ-17.*

Эрих в этот момент начинал ловить в прицел гусеничную установку, когда услышал в наушниках крик ведомого. Эрих сразу оглянулся назад, и вовремя! Еще одна пара МиГ-17 заходила ему в хвост, но почему-то не стреляла. «Как же я их прозевал, понятно, что они заходили снизу, почти от земли, но все равно, я не должен был так расслабляться!» В то время, как в голове вихрем проносились эти мысли, руки действовали автоматически. Ручку на себя, РУД (*рукоятка управления двигателем*) вперед, до упора. Выбросив из сопла длинный шлейф пламени, «серебряный осколок» (*прозвище F-104 в начале шестидесятых*) Эриха пулей взмыл вверх, под облака, оставив МиГи далеко позади. «Что с ведомым?» Мысленный вопрос Эриха опередил голос в наушниках:

- Vubi, меня подбили, руль высоты почти не действует! Самолет его ведомого тоже шел на форсаже вслед за ним, но клевал носом вверх – вниз все с возрастающей амплитудой. Эрих похолодел, он вспомнил, как Гюнтер Ралль, много летавший на «Старфайтерах» в Америке во время выборов Германией нового самолета для бундеслюфтваффе, говорил им, что F-104 –очень строгая и капризная машина. И что за малейшей потерей продольной устойчивости сразу следует срыв машины в штопор.

-Прыгай! Приказал ведомому Эрих.

-Не могу, чертову катапульту заклинило! Пилотам люфтваффе еще предстояло узнать, что катапультное кресло «Локхид» С-2 крайне не надежное и не обеспечивает спасение пилотов, особенно на малых высотах. В установке же кресла «Мартин-Бейкер» GQ-7 немцам было отказано, фирма «Локхид», не желая делиться прибылям с какими-то лайми, просто заявила протест, угрожая прекращением технической поддержки. И сейчас, скрипя зубами от невозможности что-то сделать, Эрих смотрел, как «Старфайтер» его ведомого сваливается в штопор и втыкается в землю вместе с пилотом.

-Руди, какого черта ты не стрелял! Орал на ведущего своей второй пары гауптман Гюнтер Фюльграббе в этот момент.

-Но ведь на нем кресты, он тоже немец! Отвечал ему его подчиненный.

-Ты посмотри вперед, внизу там кто, марсиане, что ли?! Закричал ему Гюнтер. Впереди еще тройка F-104G с тевтонскими крестами как раз в этот момент сбрасывала бомбы на какие-то строения, явно гражданские. На хвосте у них сидела еще четверка МиГов из его эскадрильи, но она явно не успевала подойти на расстояние стрельбы из своих пушек. Гюнтер в отчаянии наблюдал, как три новеньких корпуса, явно фабричные, исчезают в сплошном облаке разрывов и на их месте появляются груда обломков.

-Ха, восемнадцать четвертонок, это сила! Красным установкам конец! Воодушевленно воскликнул ведущий тройки «Старфайтеров». – Вот черт, впереди четверка Fresco!

-И еще четверка у вас на хвосте сидит! Обрадовал его Эрих. – Уходите обратно, вы пустые, «Сайдвиндеры» поберегите для нежелательных попутчиков по пути домой.

Тройка F-104G, дав форсаж, с громадным ускорением на встречных курсах прошла над четверкой МиГ-17Ф Гюнтера Фюльграббе. Он только разочаровано посмотрел, как эти быстрые машины ввинчиваются в воздух, разворачиваясь на запад. На западной опушке леса вдогонку их безуспешно обстреляла батарея автоматических 57-мм зенитных орудий С-60. Дивизион С-60 был развернут для прикрытия советских частей на западной окраине лесного массива, но тревогу объявили с опозданием и расчеты орудий только сейчас заняли свои позиции.

- Bubi, а ты? Спросил ведущий тройки.

-А я вслед за вами. Только сначала посчитаюсь за своего ведомого.

Спокойно проговорил Эрих, вводя свой F-104G в пике со стороны заходящего солнца. Он ясно видел там, внизу, обе четверки МиГ-17, идущие друг навстречу друг другу. Сейчас они замешкаются, перестраиваясь, и у него будет шанс для атаки. Только один, всего на несколько секунд, но ему этого достаточно.

МиГ-17 получает попадание в правый подкрыльевой топливный бак

МиГ-17Ф ведущего второй пары, того, кто так не хотел стрелять по самолету с немецкими крестами, вспыхнул, получив снаряд из пушки М61 в топливный бак под правым крылом, перевернулся и, врезался в землю недалеко от поселка Вельцин, на восточной опушке леса Леноренвальд. Пилот, тяжело раненый осколком разорвавшегося двадцати миллиметрового снаряда, не сумел выпрыгнуть. Сделав это, Эрих Хартманн опять увел свой «Старфайтер» на форсаже за облака. Оставшись на одной высоте с МиГаами, он переводил бы воздушный бой в догфайт, «собачью свалку». А он терпеть не мог эту разновидность воздушного боя еще со времен Второй мировой войны.

Марта, Хильда, угрюмый хромой Юргенс и оставшийся безвестным кочегар не успели даже испугаться. Восемнадцать фугасных бомб весом по двести пятьдесят килограмм каждая, это очень много для трех маленьких зданий. Их просто измолотило на части кусками летящих и падающих строительных конструкций, когда, пробив крыши, внутри зданий начали рваться бомбы, сброшенные тройкой F-104G почти одновременно.

Прицельный комплекс NASARR F15A-41B, предназначенный для работы по малоразмерным целям в сложных метеоусловиях ночью, днем, да еще по большим зданиям, сработал безукоризненно. Прибежавшие на звуки бомбежки жители поселка Вельцин начали было разбирать месиво из разбитых кирпичей, но находили только окровавленные ошметки, по которым нельзя было даже понять, кому они при жизни принадлежали. Ну а потом. Потом им стало сильно не до этого.

16-30, время московское, Киев, столица УССР. Цех покрытий завода номер 784 Киевского совнархоза. Через 30 минут после начала конфликта.

-Оксана, как ты говоришь? В рыбный фарш надо добавить грамм сто свинины? Уточнила ее подруга.

- Да, трошки, чуть-чуть. И тогда рыбные котлеты будут очень сочные. Оксана как раз заканчивала вынимать из сушильной камеры последние в эту смену готовые корпуса. Внезапно завывала сирена. Мерный, какой-то искусственный голос проревел на весь цех из динамика: «Внимание, угроза атомного нападения. Всему персоналу завода занять места в убежищах согласно плану. Внимание..»

Ничего не понимающие рабочие пошли к входу в убежище. Там на них, стоя у открытой двери, уже орал начальник смены:

-Быстро, быстро! Через три минуты закрываем двери!

-Ничего себе, закрываем! А домой когда? Это чего вы удумали, перед выходным да еще и уже после работы свои дурацкие учения по ГО проводить! А у меня сейчас домой муж придет голодный! Начала качать права Оксанина подруга. (ГО – гражданская оборона в СССР).

-Дура! Это не учения! Команда тревоги сверху пришла! Закричал на нее начальник.

-Все зашли? Все, закрываю. С этими словами он задвинул тяжелую дверь и начал крутить штурвал кремальеры на двери.

Притихшие рабочие рассаживались по лавкам убежища в свете тусклой лампочки. За перегородкой механики, тихо матерясь, пытались запустить дизель – генератор.

-Ну что там у вас? Недовольно крикнул им начальник.

-Сейчас, сейчас. Генератор чихнул раз, другой и заработал. И в этот момент на людей в убежище с грохотом обрушился потолок.

Убежище, построенное в 1946 году вместе с заводским цехом, было в начале пятидесятых усилено, оборудовано фильтровентиляционной установкой, но по своей сути оставалось обычным бомбоубежищем, которое могло выдержать близкий взрыв атомной бомбы первого поколения, мощностью до пятидесяти килотонн. Но близкий подрыв термоядерной боеголовки мощностью полторы мегатонны убежище не выдерживало. Именно такую боеголовку несла упавшая на Киев ракета PGM-17 «Тор», запущенная двадцать минут назад семьдесят седьмой эскадрильей Королевских ВВС Великобритании с авиабазы Фелтвелл. Люди в убежище оказались первоначально защищены от светового излучения и проникающей радиации ядерного взрыва,

произошедшего всего в двух с половиной километрах, но потом ударная волна смела здание цеха как карточный домик, вскрыв убежище, как консервную банку.

Оксана очнулась от того, что ей на лицо капает вода. Она открыла глаза и увидело небо, затянутое тучами разных цветов, от серого до иссиня черного, еле видными в сумеречной дымке. Она сначала не поняла, где она находится. Они же все спустились вниз, в убежище. На занятиях по ГО им же говорили, что их убежище выдержит атомный взрыв, надо только успеть в него забежать. И почему она лежит, она же сидела на лавке? Она попыталась встать, но безуспешно, подняв голову, она поняла, почему. На ногах у нее лежала искореженная бетонная балка перекрытия. Как ей не раздавило ноги, не понятно, а может, раздавило? Она же почти их не ощущает. Только чувствует, как по ногам медленно течет что-то теплое. Она попыталась, поворачивая голову влево – вправо, надеясь увидеть кого-нибудь живого, но видела только изломанные тела ее подруг и просто рабочих ее цеха. Она попыталась кричать, но быстро потеряла силы. И тогда Оксана просто начала тихо, беззвучно плакать, глядя на низкое, страшное небо с ядерными тучами. Она смотрела на него, вспоминая то ночное небо с бесчисленными звездами, на которое смотрела тогда вместе с Борисом. Жизнь медленно уходило из ее молодого тела, а она все тихо плакала, беззвучно вопрошая небеса: - Почему так получилось? За что так с ней поступили?

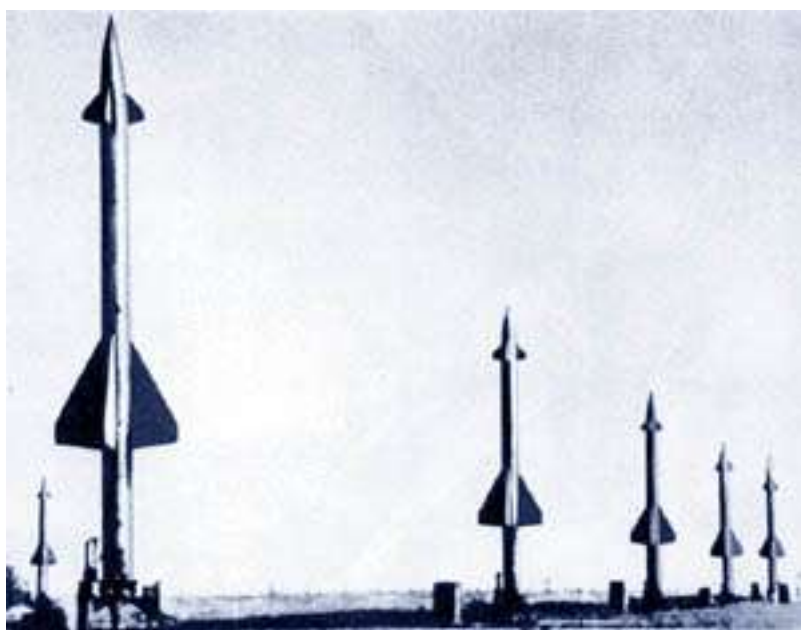
16-55, время московское, Ярославская железная дорога, перегон Переяславль - Залесский - Загорск, поезд Кострома - Москва. Через 55 минут после начала конфликта.

Леночка лежала на нижней полке, головой к двери купе. Она опустила плотную шторку на окно, пытаясь подремать хоть какую – часть дороги. Но сон не шел, в голове у нее все крутились разные мысли. За последние три дня она порядком вымоталась. Сначала четыре дня назад ее вызвал начальник отдела и непререкаемым голосом приказал ей завтра собираться в командировку в Кострому, на машиностроительный завод. Туда, как оказалось, утром, из Красноармейска выехала куча народу, почти три вагона были заняты рабочими и инженерами НИИ-58. На самом деле это все называлось «развертыванием дублирующих производств в угрожаемый период», но Леночку, точнее Елену Сергеевну Белову, как ее почтительно называло местное начальство, эти высокие материи не волновали. Инженеры все время пропадали в заводском ОГТ* и ОГМ*, рабочие разбежались по цехам, матерясь по поводу поиска нужного инструмента или оснастки.

**Отдел главного технолога, Отдел главного металлурга.*

А на Леночку обрушилась вся рутинная бытовая и хозяйственная подоплека размещения множества людей на новом месте. Поэтому она даже обрадовалась, когда ее начальник отослал обратно в Красноармейск, забрать какие-то аттестационные документы для группы сварщиков, без которых местный военпред никак не хотел принимать первые детали. В Костроме, в нескольких цехах машиностроительного завода, по плану должно было быть развернуто мелкосерийное производство некоторых типов жидкостно-ракетных двигателей, но Леночка этого не знала. Она просто хотела доехать до дома и хоть ночью, наконец – то выспаться. И надо еще решить, что ей делать с двумя письмами Александра, так и лежавшими у нее в сумочке без ответа. Она вдруг вспомнила, что ее начальник за прошедшие два дня вспоминал Сашу раз двадцать, все сокрушаясь, как его сейчас не хватает. И он красивый, сильный. И комнату ему уже дали сразу же, когда он пришел на работу. Значит он перспективный? И, в конце концов, ей

было с ним хорошо тогда, в прощальную ночь. Может это и есть ее принц, которого она все время ждет, только она, дура, не замечает его у себя под носом? Решено, завтра она ему напишет. Хорошее, длинное письмо, чтоб он понял, что его здесь ждут и не заглядывался на всяких местных. С этими мыслями она начала дремать, убаюкиваемая покачиванием вагона. Она не знала, что вот уже сорок минут назад, на авиабазе Лаури, штат Колорадо, незнакомый ей офицер в чужой форме ВВС США нажал кнопку запуска, запустив на другую сторону планеты очень сложное инженерное произведение, называемое HGM-25A "Titan"-1 компании "Martin Marietta". С боеголовкой W38 мощностью четыре с половиной мегатонны. Она вообще-то была нацелена на зенитно-ракетный дивизион комплекса С-25 «Беркут», развернутый на втором кольце Отдельной армии особого назначения Войск ПВО неподалеку от города Александров.

Стартовые позиции С-25

Просто Леночке не повезло, ее поезд как раз проходил неподалеку от стартовой позиции дивизиона. «Неподалеку» означало семь километров, но для боеголовки такой мощности это означало почти что прямое попадание. Поезд как раз шел по выемке в железнодорожном пути, поэтому он не был сметен ударной волной сразу, а был просто смят и искорежен. Но перед этим купе Леночки в мгновение ока залило ярчайшим светом, несмотря на опущенную шторку. Свет был такой яркий, что Леночке показалось, что купе горит. А потом, словно сжатый рукой гиганта, вагон в одну секунду превратился в обугленную развалину. И только после этого пришел звук, даже не звук, грохот, от которого заложило уши. Когда Леночка пришла в себя, чудом уцелев в обломках вагона, она ничего не видела, только все сильнее болела голова. Перед глазами плавали разноцветные круги, она попыталась встать и на ощупь выбраться из искореженной перекрученной кучи обломков, которые еще минуту назад были новеньким железнодорожным вагоном, сделала несколько шагов и просто упала на землю. Леночку вырвало, вывернуло наизнанку, она сотрясалась в конвульсиях, казалось ее организм старается извергнуть из себя все, включая свои внутренности. Голова уже болела так, что Леночка кричала, хрипела от боли, пытаясь найти в крике какое-то облегчение. Спазмы на какой-то момент закончились, Леночка привстал на колени, подняться сил не было совершенно. Зрение кое-как возвращалось, радужные круги плавали в глазах по-прежнему, но теперь сквозь них можно было что-то увидеть. Она первым делом оглядела

себя и ужаснулась – она, всегда чистенькая и опрятная, сейчас была каким-то полуобгоревшим чудовищем в клочьях изорванной одежды. Ее снова вывернуло, но она все-таки смогла перевести взгляд с себя на местность вперед. Ничего не было. Ничего, из обычного русского пейзажа, ни деревьев, ни полей, ни домиков вдали. Перед ней стояла только клубящаяся стена, багрово-красная, с черными пятнами, в которых вспыхивали и гасли молнии. Она с трудом подняла голову вверх, оказывается, это была не стена, а ножка гигантского гриба, шляпка которого терялась там, далеко-далеко в высоте. Это усилие отняло у Леночку последние силы. Боль в голове стала нетерпимой, и пришла темнота. Леночка получила более девятисот бэр и умерла, умерла тихо и беспомощно...

20-55, время московское, местное время 10-55. Город Уичита, штат Канзас, США. Завод компании «Боинг», сборочный цех. Через 2 часа 55 минут после начала конфликта.

Энн и не думала выходить на работу. Последние два часа по радио комментаторы захлеб, перебивая друг друга, сообщали о падающих на Америку советских ракетах. Она сидела на своей кухне у радиоприемника, соседи попрятались в свои радиационные укрытия, а у нее не было укрытия. Энн внезапно осознала, что она тоже всего-навсего мишень, которую можно убить с такой же легкостью, как убивали японцев в их городах, как же они там назывались, да, Хиросима и Нагасаки. Но потом пошли новости об ответных ударах наших доблестных USAF, которые наверняка превратили всю страну чертовых комми в сплошную асфальтированную автостоянку, как сказал Уолтер Кронкайт, ведущий новостей CBS. Ее даже насмешили его последующие слова, он сказал что-то типа: «теперь наш президент пошлет туда храбрых морских пехотинцев, чтоб они нанесли разметку». А потом позвонили с завода, сказали, что надо срочно выходить на работу. Ракеты русских все уже упали, бомбардировщиков у них почти нет (это Энн слышала и от Пита), можно не бояться. Тем более обещали двойную оплату, а если они закончат сборку тех машин, что стоят уже в цеху, до двадцать девятого числа, то они получат еще вдобавок большую премию. Подъехав на своем стареньком «форде» к стоянке возле территории завода, Энн увидела «плимут» Сьюзанн.

-Ты тоже польстилась на дополнительные баксы? Насмешливо сказала Сью, выходя из машины.

-Ну да. Тем более, что у меня нет укрытия. А ты? В ответ спросила Энн.

-Аналогично! Иронично ответила Сью.

-Сунулась было к соседям, они у меня же занимали двести баксов, чтобы расплатиться с фирмой за это чертово укрытие, так сосед мне сунул в нос свой дробовик и закрыл передо мной дверь. Хотела поджечь эту чертову дверь, даже за канистрой пошла в гараж к себе, да услышала, как у меня телефон звонит.

Так, болтая обо всем, они вошли на территорию завода, подходя к сборочному цеху, в которым уже повсюду горел свет и кипела работа. Сью спросила:

-Энн, как думаешь, где сейчас твой Пит? Уже над Советами? Энн открыла рот, чтобы ответить Сью, но вдруг по ушам резанул вой сирены. Девушки сначала оцепенели, а потом бросились к зданию цеха, просто инстинктивно ища какую-то защиту. Но сзади них внезапно вспыхнуло солнце, ярчайший свет залил все вокруг, это длилось какую-то долю секунды, в которую Энн еще чувствовала, как горит ее тело. Потом мощный удар снес их

обугленные останки, снес цех вместе со всем содержимым. Остался только бетонный цоколь фундамента цеха, с двумя четкими тенями от девушек.

Ракета 8К65 из числа второго залпа ракетной дивизии на Кубе, достигла Уичиты. Город, в котором размещено целых пять авиационных заводов, не мог быть пропущен в списке приоритетных целей.

«Атомные фотографии», о которых с таким пафосом говорил тридцать пятый президент США Барри Голдуотер, все-таки появились на американской земле.

18-33 московское время, 16-33 время местное. Воздушное пространство на северо-западе ГДР. Через 33 минуты после начала конфликта.

Сказать, что капитан Гюнтер Фюльграббе был зол, это все равно, что ничего не сказать. Он злился на себя, за то, что проглядел эту молниеносную атаку одиночного «Старфайтера», который, как коршун, свалился на них из облаков, почти не снижая скорости, зашел в хвост одному из его МиГов и сбил его одной короткой очередью из пушки. Сразу видно, ас, из тех, кто воевал рядом с ним в прошлую войну. Он злился на того придурка, сгоревшего в МиГе, который несколько минутами раньше вздумал изображать из себя благородного рыцаря, и вот теперь, горит в упавшем самолете, вместо того чтоб принимать поздравления с первой победой. А ему, Гюнтеру, еще предстоит самое отвратительное, что может произойти у командира – объяснять родителям погибшего летчика, почему он, Гюнтер, стоит перед ними живой и здоровый, а их сына даже похоронить по-человечески сложно будет. Но долго заниматься самоедством ему не удалось. В ушах захрипел голос командира эскадрильи, патрулирующего севернее:

-Второй, доложите обстановку.

-Я второй, сбил одного, потерял тоже одного. Остаток по топливу на двадцать минут патрулирования.

-Второй, слушай новую задачу. Вы идете сопровождать эскадрилью русских на штурмовку позиций северо-западнее Любека. Я останусь прикрывать заданный район.

-А где остальные наши и русские истребители? На наших старичках сопровождать целую эскадрилью неразумно.

-Может, ты и не знаешь, Гюнтер, но недавно началась Третья мировая война. Все новые истребители подняты на перехват западных ударных самолетов, которые могут нести ядерное оружие. Так что, давай, пристраивайся к русским.

Как бы в подтверждение этих слов Гюнтер увидел группу незнакомых самолетов, издали напоминающих американские «Супер Сейбры», летевших длинной колонной пар с превышением, с юго-востока.

-Второй, связь с русскими на нашей частоте. Русский не забыл? Предупредил комэск. Гюнтер, едва, успев повернуть свой МиГ параллельно растянутому строю русских, услышал в наушниках новый голос:

-Истребители, держитесь на семь часов и выше на пятьсот метров. После атаки нас не провожать, вы за нами все равно не угонитесь.

«Какая у них, интересно, максимальная скорость?» Думал Гюнтер, с интересом смотря на машины с очень скошенные назад стреловидными крыльями, под которыми висели бомбы и блоки НУРС*

**НУРС –неуправляемый реактивный снаряд.*

«Судя по углу стреловидности, раза в полтора больше моего МиГ-17. И как я их должен прикрывать?» С этими мыслями он не заметил, как они пересекли внизу серо-стальную ленту реки Траве. Граница, они уже над Западной Германией. Его мысли оборвал голос ведомого:

-Вижу противника, восемь истребителей на десять часов. Черт, это англичане!

"Лайтнинг" F.Мк.1 Королевских ВВС в готовности №1. Подвешены 2 ракеты Firestreak

Командование английских ВВС в ФРГ, размещенное в Рейндалене, согласно директиве Второго ЦУВО, заранее рассредоточило свои самолеты, дополнительно перебросив одну эскадрилью новейших перехватчиков "Лайтнинг" F.Мк.1, разработки недавно образованной компании British Aircraft Corporation, на передовой аэродром Шлезвиг. Перехватчики находились на аэродроме в готовности номер один всей эскадрильей и поэтому успели взлететь до того, как на него упала советская ракета 8К14 с ядерной боевой частью. Поначалу, взлетев, они растерялись- по радио шел сплошной треск, по сторонам и позади вспухали грибы ядерных взрывов. Диспетчер Второго ЦУВО и командование английских ВВС в Рейндалене не отвечали на запросы. Вообще ситуация стала напоминать пожар в борделе во время наводнения. Поэтому командир эскадрилью, наконец-то получив хоть какие-то сообщения от уцелевших постов первого полка РЛС контроля люфтваффе, принял решение самостоятельно. Он выделил одну четверку на перехват группы бомбардировщиков Ил-28, рвавшихся как раз к уцелевшим позициям РЛС, а сам повел оставшуюся восьмерку на более опасного врага – с востока к Любеку летела эскадрилья новейших Fitter-ов*

**Fitter –обозначение в НАТО советского истребителя-бомбардировщика Су-7Б.*

В итоге он, погнавшись за двумя зайцами, совершил ошибку - при заходе четверки «Лайтнингов» на Илы выяснилось, что они не одни, за ними еще пара Farmer-ов, МиГ-19С. «Лайтнинги» успели сбить только одного «Мясника» *

Butcher, мясник –обозначение в НАТО советского бомбардировщика Ил-28

потом на них сзади свалилась пара МиГ-19, сразу свалившая последнего ведомого, и оставшаяся тройка ввязалась в догфайт с МиГами. Ил-28, тем временем, беспрепятственно отбомбились по позициям РЛС.

МиГ-19С готовится к вылету с площадки рассредоточения в ГСВГ

Над целью, правда, Илы потеряли еще одну машину, от наземного огня, и на отходе были повреждены еще две, но РЛС контроль над этой северной частью воздушного пространства командование НАТО временно потеряло. Атаковать восьмеркой группу Fitter-ов сходу тоже не вышло. Заходя им в лоб, английский командир с неприятным удивлением обнаружил, что у Су-7Б тоже есть тридцати миллиметровые пушки, и тоже по паре на каждой машине. «Лайтнинги» отвернули со встречного курса, надеясь зайти Fitter –ам в хвост, чтоб использовать ракеты воздух-воздух Firestreak, но не тут-то было. Во-первых, Су-7Б резко прибавили газу, отрываясь от него, а «Лайтнинги» все-таки оптимизировались для перехвата советских бомбардировщиков на больших высотах, внизу они были тяжеловаты. Во-вторых, уходя резким разворотом с набором высоты от

неожиданно плотных двадцати четырех пушечных трасс, они потеряли скорость. А в третьих, как раз в этот неудобный момент, их атаковала семерка Fresco. Гауптман Гюнтер Фюльграббе был доволен. Старенькие МиГи его группы получили реальный шанс использовать свои немногочисленные преимущества, атакуя англичан на малой высоте, да еще без скорости. Чистый маневренный бой на виражах, в этом МиГ-17 могли противостоять разве что «Сейбры», но сейчас-то у него в прицеле «Лайтнинг»! Получив в хвост с десятка двадцати трех миллиметровых снарядов, ведущий последней английской пары сразу взорвался. Ведущий второй четверки МиГов тоже попал, его англичанин «запарил», сразу отвернув со снижением на запад. Последняя пара МиГов кинулась было добить подранка, но англичане не бросили своего, одна пара сразу отсекала МиГов от своего подбитого, оставшаяся четверка закрутила карусель с пятью МиГаами, стараясь затянуть МиГи на высоту. Долгое время Гюнтер крутился со своим ведомым в свалке с англичанами, семь на шесть это почти равное соотношение, если учесть более крупные пушки англичан. Никому не удавалось поразить противника, обе стороны дрались грамотно, прикрывая друг друга и отсекая противника, когда кому-то удавалось на секунду зайти неприятелю в хвост. Пару раз лайми пускали ракеты, но бесполезно, ракеты Firestreak, наводящиеся по методу погони, совершенно не годились против юрких МиГ-17. Изделие фирмы De Heaveland Propelle, выполненное по нормальной аэродинамической схеме, наверное, работало бы против советских тяжелых бомбардировщиков, но не против маневренных Fresco. Каждый раз, когда «Лайтнинг» заходил в заднюю полусферу МиГ-17 и пробовал произвести пуск ракеты, пилот Fresco, отчетливо видя пламя пуска, или предупрежденный товарищами, выполнял резкий маневр, срывая захват слабенькой инфракрасной головки самонаведения Firestreak. Неожиданно в наушниках Гюнтер услышал знакомый голос ведущего эскадрильи Су-7Б:

-Мы закончили работу, спасибо за прикрытие! И буквально через минуту над клубком дерущихся истребителей стали на форсаже проноситься Fitter-ы. Выскочившую было к ним пару «Лайтнингов» его пара отогнала длинными очередями, вдобавок удалось снова зацепить одного, но не сильно. «Живучие машины, не то что «Старфайтер». Тому всего чуть-чуть хватило, а этот, получил снаряд в крыло и ничего, только из боя выходит» - подумал Гюнтер.

-Третий второму, у меня топлива только домой! Предупредил его ведущий второй четверки.

-Оттягиваемся курсом девяносто, выходим из боя по возможности! Скомандовал Гюнтер.

Англичане, имея всего пять боеспособных самолетов против семи, видя, что противник не преследует их подбитого товарища, тоже отвалили на запад.

18-44 московское время, 16-44 время местное. Воздушное пространство на северо-западе ФРГ. Через 44 минуты после начала конфликта.

Подполковник Эрих Альфред Хартманн, позывной Bubi, летел над своей страной в смятенном состоянии. На месте его родной авиабазы Витмундсхаффен был еще дымящийся оплавленный кратер, не было ничего, ни полосы, ни строений. Он уже три минуты безуспешно вызывал штаб своей четвертой авиадивизии. Когда он совсем отчаялся, внезапно услышал голос в наушниках:

- Bubi, это авиабаза Аурих. Садись на запасной площадке развертывания на автобане А31 возле Грасхаус.

Запасной аэродром бундеслюфтваффе на автостраде

«Старфайтер» Хартманна, в последний раз устало взревев двигателем, зарулил на указанную незнакомым техником стоянку. «Черт, а мой техник тоже наверняка погиб»- запоздало подумал Эрих. Рядом со своей стоянкой он увидел замаскированные силуэты других F-104. По номеру на одном из них он понял, что эти – с авиабазы в Аурихе, на которых летчики третьего штаффеля проходили переучивание со старых «Сейбров». А где остальные машины его гешвадера? Он только теперь начал смутно осознавать размер полученных потерь.

-Вас просят пройти в мобильный командный пункт, он вон там, сразу за стоянкой самолетов. Я буду обслуживать вашу машину, с вашей авиабазы не уцелел ни один человек. Кроме заправки, пополнения боекомплекта и обслуживания с машиной что-то надо делать, она нормально себя вела? – Обратился к нему пожилой техник в замасленном комбинезоне, приставляя к самолету стремянку.

-Нормально, ничего не надо. Только вот что, найди краску и нарисуй мне еще один крестик – я завалил одного. Да, и еще, подвесь пару «Сайдвиндеров», сегодня их мне здорово не хватало. – Ответил ему Эрих и пошел мимо стоянки самолетов к мобильному КП.

Мобильный КП с вышкой диспетчера, развернутый на запасном аэродроме

В мобильном КП его встретил замотанный дежурный.

-Господин подполковник! Обстановка совершенно запутана, КП в Калькаре на вызовы не отвечает. Не отвечает так же Оперативное командование ВВС страны в Порц-Ване и второй ЦУВО. Единственное начальство, которое есть на связи, это штаб третьей авиадивизии. От него получен приказ сажать все самолеты, которые возвращаются от линии фронта, на развернутые площадки рассредоточения, с которыми есть связь. Относительно вас мне поступила команда заправить ваш самолет и просить вас подождать здесь, пока хоть что-то не прояснится. Вы можете отдохнуть, палатки для пилотов развернуты в лесу, за нашим КП.

-Я видел больше десятка ядерных взрывов только на севере Германии, когда летел к границе. И после боя, когда летел назад. – Задумчиво обронил Эрих.

-Как слетали? Вежливо поинтересовался дежурный.

-Мы с ведомым «убили» две ракетных установки, правда, уже после пусков. Потом нас подловили «Фреско» и сбили моего ведомого, я завалил один «Фреско». Еще пару установок вместе со зданиями, где они прятались, разбомбило звено моей первой эскадрильи. Кстати, ты не знаешь, где они?

-Их посадили на такой же площадке на шоссе E22 возле Фильзума. Авиабазы в Лере тоже уничтожены.

Хорошо, я пойду отдохну пару часов. Может даже удастся заснуть. С самого утра на ногах, потом еще этот бой. Буди меня сразу, как только я понадоблюсь.

22-35 московское время, 20-35 время местное. Запасной аэродром бундеслюфтваффе на автомагистраде А-31 возле Грасхаус. Через 4 часа 35 минут после начала конфликта.

Эрих долго не мог понять, где он. Сначала он не мог заснуть, но потом провалился в кошмар, в котором он летел один на своем «Старфайтере», а со всех сторон поднимались грибы ядерных взрывов. Только через минуту он сообразил, что лежит одетый на койке в палатке и его трясет за плечо давешний дежурный лейтенант.

-Вставайте, герр подполковник, вам срочно надо вылетать в Аурих. Оттуда прислали за вами вертолет, и даже отправили с ними вашу форму.

Эрих покосился на свой кое-как расшнурованный высотно-компенсирующий костюм, в котором он завалился на койку.

-К черту вертолет. Мой «Старфайтер» уже заправлен? Боекомплект у пушки пополнили? Вот и отлично, а вертолет с формой отправьте обратно. И запихните в него моего нового техника.

Через пятнадцать минут F-104G с черным тюльпаном на фюзеляже взмыв в ночное небо, взял курс на авиабазу Аурих

Сразу в здании КП базы его встретил начальник штаба третьей авиадивизии и, не говоря ни слова, протянул ему микрофон радиостанции. Эрих, удивленно пожав плечами, тоже не говоря ни слова, взял микрофон, одновременно садясь на свободный стул и одевая наушники.

-Я подполковник Эрих Альфред Хартманн, командир того, что осталось от семьдесят первой истребительно-бомбардировочной эскадры "Рихтгофен". Кто со мной говорит?

-Говорит генерал Йозеф Каммхубер. –Раздался голос в наушниках. «Генерал Каммхубер, бывший заместитель министра обороны по ВВС. Но что ему надо от командира гешвадера?»

-Приветствую вас, генерал! –Начал было Эрих, но его резко оборвали.

-Заткнись Vubi, и слушай меня очень внимательно. Это очень хорошо, что ты уцелел. Потому что больше из авиационных командиров союзников в зоне «Север» ты единственный, кто остался. Так что прекращай геройствовать и начинай работать, ты теперь руководишь командованием «Север». И, возможно, заодно вторым ЦУВО тоже. Пока из-за океана или с острова не пришлют кого-нибудь чином повыше. Кстати, рядом с тобой должен находиться твой новый начальник штаба. Он введет тебя в курс дела. Конец связи.

Хартманн, еще держа микрофон с наушниками в руках, повернулся к бывшему начштаба третьей авиадивизии и, понимая, что он задает глупый вопрос, все таки спросил:

-А где все?

Новоиспеченный начальник штаба командования «Север» устало взглянул на своего нового командира, вздохнул, и глухим, каким-то безжизненным голосом начал говорить:

-Штаб командования второго ЦУВО в Рейндалене уничтожен через семнадцать минут после получения команды от Верховного командования Союзными Силами в Европе о

начале боевых действий, ракетно-ядерным ударом, ориентировочно русские сбросили на него одну мегатонну. Эти чертовы английские снобы даже не подумали убраться оттуда в запасной бункер - КП под Гладбахом. Впрочем, им бы это мало помогло, персонал запасного командного пункта «Гладбах» атакован и уничтожен диверсантами красных. Оперативное командование бундеслюфтваффе в Порц-Ване и штаб командования ВВС «Север» в Калькаре тоже получили по мегатонне. В нашей зоне ответственности подверглись ядерным ударам командные центры, узлы связи и места дислокации: Удем, Маастрихт, Ненбург, Минден, Ферден, Мюнстер, Вессель, Эммерих, Арнем, Амстердам, Роттердам, Брюссель, Фленсбург, Вейле, Гамбург, Ганновер, Бремен, Билефельд, Копенгаген, Харбург, Брекендорф, Вансдбек, Роскилле, Кольдинг, Рендсбург, Штаде, Бремерферде, Ротенбург, Зольтау, Бассум, Брауншвейг, Хильдесхайм, Фиссельхёфде, Латцен, Вальсроде, Падеборн, Хамм, Иббенбюрен, Херфорд, Ахим, Эсбьерг, Нестед, Итцехо, Ольдеслоэ, Бракель, Альт-Дуфенштедт, Гох, Клоппенбург, Бракель, Геттинген, Кассель, Хемелинген. Атакованы аэродромы Лаарбурх, Гютерсло, Брюгген, Нордхорн, Ольборг, Каруп, Лер, Оснабрюк, Хопстен, Гревен, Эйндховен, Аспере, Удем, Вегберг, Нёрвених, Шлезвиг, Витмундсхаффен, Ольденбург, Йевер, Нордхольц, Лек, Ноймюнстер, Альхорн, Виборг. Атакованы военно-морские базы и порты Экернвёрде, Свендборг, Фредериция, Хадерслев, Ольборг, Фредериксхаффен, Хусум, Везермюнде, Харлинген, Ден, Хельдер, Гравенхаге, Флиссинген, Остенде, Киль, Вильгельмсхаффен, Куксхаффен, Оденсе, Эмден, этот список еще уточняется. Минимальная мощность каждого из этих ударов, по предварительной оценке, двести килотонн. Все это произошло в течение получаса, после того, как нам пришла команда от SHAPE. Так же атакованы базы ЗРК и позиции РЛС, потери еще уточняются. Но уже известно, что в течение первого часа те передовые посты РЛС, что уцелели при ракетной атаке, подверглись ударам бомбардировщиков красных, так что РЛС контроля у нас над Германией нет. Вообще нет, в нашей зоне ответственности командования «Север». Принимаются меры к исправлению ситуации, мы перебрасываем вертолетами резервные РЛС из Бельгии и Голландии, но контроль будет восстановлен только к 06-00 завтрашнего числа, вернее уже сегодняшнего. До этого я принял решение не совершать новых вылетов, без управления мы несем слишком большие потери. Кстати о потерях. Мы потеряли почти полностью твою семьдесят первую истребительно-бомбардировочную эскадру "Рихтгофен", пятьдесят первую разведывательную эскадрилью. Бельгийцы потеряли целиком второе истребительно-бомбардировочное крыло, голландцы триста семнадцатую истребительно-бомбардировочную эскадрилью. То есть все части, которые переучивались на новые F-104G и не успели рассредоточиться. Остальные части потеряли меньше, от трех до шести самолетов, не успевших взлететь по тревоге. У англичан вообще нет потерь на земле. Вообще на земле на аэродромах второго ЦУВО потеряно предположительно около ста самолетов от первой ракетной атаки русских.

-А что, есть потери на земле и от других причин? Ошарашенный всей этой лавиной плохих новостей, спросил Эрих.

-Аэродромы Сустерберг, Волкел в Голландии и Бовешен, Бьерсе, Мельсбрук в Бельгии во время взлета по тревоге атакованы группами диверсантов с использованием пулеметов и противотанковых гранатометов, всего потеряно двадцать пять и повреждено до десяти самолетов. Группу, атаковавшую аэродром в Сустерберге, удалось блокировать и частично уничтожить, обнаружено восемь убитых диверсантов. Теперь самое интересное. Трупы одеты в камуфляжную форму французского образца со знаками различия третьего парашютного батальона Иностранного легиона и вооружены французским оружием, включая гранатометы LRAC MLe 50. Так же на автобанах

совершено нападение на командира моей третьей авиадивизии, он ехал вместе с начальником оперативного отдела на совещание в Калькар. Их машина обнаружена расстрелянной из автоматического оружия в двадцати километрах отсюда, тела пропали.

-Шайзе! –Выругался Эрих. А что по этому поводу говорит французское командование?

-Молчит. Более того, французы получили от американцев со складов на востоке Франции двадцать единиц атомных бомб Mk8 для своих «Вотуров», еще 25 октября, это мы только что узнали. Но ни один из них до сих пор не взлетел. Вообще ни один французский самолет не поднялся в воздух в нашу зону Второго ЦУВО, только обычные патрульные полеты во Франции. Кстати, ни одна русская ракета не упала на французскую территорию. И, в завершение, такой факт, с нами связался представитель третьего армейского американского корпуса по поводу прикрытия с воздуха, его части начали выдвижение на восток согласно директиве СЕТАГ. Французский корпус остался на месте, на все попытки связаться отвечают, что ждут команду из Парижа.

-Доннерветтер! Снова ругнулся Эрих. Похоже, наш добрый партнер по Альянсу, старина де Голль, решил запрыгнуть на забор и посмотреть оттуда, как нас будут убивать.

-Похоже на то. Меланхолично произнес начштаба. –Но на этом плохие новости не кончаются. Ракетной атакой комми уничтожены склады ядерного и химического оружия, те, что были возле Мюнстера, Гоха, Мёнхенгладбаха, Хиллероде. И склады обычных боеприпасов возле Виссельхеведе и Целле. Со склада возле Мюнстера передать ядерные бомбы Mk28 согласно директиве Второго ЦУВО от десятого числа не успели. Остались еще американские склады во Франции, но это вне нашей зоны Второго ЦУВО. Командование семнадцатой воздушной армии USAF хочет выгрести оттуда **все**, но в связи с вышеизложенными событиями, у них это может и не получиться. Сейчас фактически у нас только один склад ядерного оружия в Бельгии, возле Кляйн-Брогел, но доставка по авиабазам планируется только с рассветом. Ночью американцы рисковать не хотят, учитывая наличие в этом районе диверсионных групп. В воздушных боях наши потери около двадцати машин, сбито около пятидесяти самолетов противника, но сам знаешь, вот эту цифру надо делить минимум на два. Из тридцать второй эскадрильи ударных самолетов из семнадцатой воздушной армии USAF с ядерным оружием, взлетели все. Сейчас результаты уточняются, на 20-30 вернулись девять машин из пятнадцати, уничтожены мост на Висле возле города Торунь, мост на Одере возле Франкфурта, аэродромы Темплин, Цербст, Финстервальде, это достоверно известно. И это все без англичан и канадцев, мы знаем только, что они успели подняться в воздух. Свои результаты они нам не сообщают, есть ли у них какое-то общее командование сейчас, кроме уничтоженного британского КП в Рейндалене, я не знаю. А связываться с каждой британской базой, чтобы спросить, что они там навоевали, у нас не хватает времени. Я послал в 18-30 три оставшихся самолета из пятидесяти первой разведывательной эскадрильи, они до сих пор не вернулись и видимо уже не вернуться, время по топливу уже вышло. Посылать авиаразведку снова, когда ПВО красных целехонько, я не стал, а теперь это твоя головная боль.

-Спасибо. С сарказмом проговорил Эрих. –Еще что-то?

-Непонятно почему-то уцелела наша авиабаза в Аурих. Все остальные крупные аэродромы красные обработали ядерными ракетами. *(Начштаба не знал, как ему повезло. Ракета P-12, запущенная из позиции под Марьямполье по Ауриху, из-за нарастающей ошибки автопилота отклонилась от курса на активном участке, сработал механизм АПР и обломки ракеты упали в болота Восточной Польши*

неподалеку от Ольштына). Но красные могут исправить эту недоработку. Поэтому, как только будет развернут запасной КП, мы перебираемся туда. Отсюда надо отогнать твой самолет, вообще, какого черта ты на нем сюда прилетел? Я же посылал за тобой вертолет?

F-104G Эриха Хартманна на авиабазе Аурих

-Извини, не подумал, что я стану такой важной авиационной шишкой. –Проворчал Эрих. --
-Пилоты хоть здесь есть?

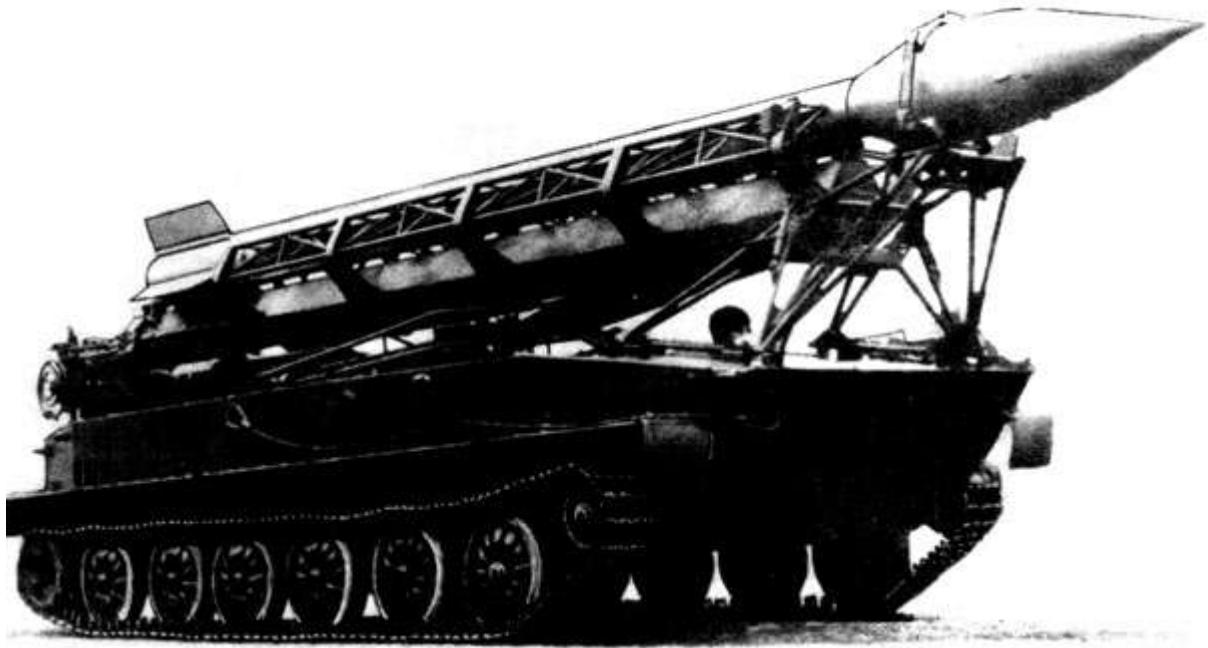
-Девять человек, из тех, что проходили переучивание с F-86. Протер красные, как у кролика глаза, начштаба.

-Вот пусть они этим и занимаются. Перегнать надо не только мой самолет, но и все старые «Сейбры», чуёт мое сердце, они нам понадобятся. Во всяком случае, сегодня, нет, уже вчера, один комми на «Фреско» подбил моего ведомого. Значит так, составь график, куда и когда надо перегнать самолеты и иди спать, раз я уже здесь. Все равно до рассвета ничего нового не случится.

Эрих ошибался. Не прошло и получаса, как начштаба, наскоро расписав график вылета самолетов и вертолета, чтобы в нем забирать обратно пилотов, ведь их было всего девять, а самолетов больше тридцати, рухнул на койку в соседней комнате, начали приходить новости. Неприятные. Сначала от наземных частей, на которые время от времени сыпались бомбы от ночных налетов противника, с требованием воздушного прикрытия. Потом эти же части, атакованные танками и мотопехотой противника, требовали воздушную поддержку. А что он мог сделать? Без РЛС контроля, вслепую отправлять самолеты на линию фронта для прикрытия или поддержки с воздуха, это значило просто отправлять их на убой. Потом пришло сообщение о морском десанте возле Любека. Потом пошли сообщения о новых ядерных ударах по узлам обороны Альянса, и так трещавшей по швам, и Эриху стало совсем хреново. Правда, новых ракетных ударов было всего около двадцати, и мощность их была невелика, по сравнению с вечерним кошмаром, по донесениям около десяти килотонн каждый. Судя по всему, передвижные ракетные комплексы FROG-2* и FROG-3*

**FROG-2 –советский тактический ракетный комплекс 2К1 «Марс», *FROG-3 –советский тактический ракетный комплекс 2К16 «Луна».*

советских танковых и мотострелковых дивизий добрались до передовых позиций и начали своеобразный «концерт по заявкам».

советский тактический ракетный комплекс 2К1 «Марс»

В смысле, каждый опорный пункт бундесвера, который отчаянно сопротивлялся наступающим передовым частям третьей особой и двадцатой гвардейских армии, максимум через десять минут после запроса получал на голову ракету с боеголовкой мощностью в десять килотонн. К 06-00 Приморский фронт продвинулся по всей линии соприкосновения на двадцать-пятьдесят километров.

Эрих не знал, что разведчики Ил-28Р из состава тридцать седьмой воздушной армии и ВВС ННА ГДР, уже предоставили примерную картину обстановки командованию Приморского фронта на триста – четыреста километров от линии боевого соприкосновения.

Ил-28Р ВВС ННА ГДР готовится к вылету

Три машины было сбито уцелевшими от вечернего разгрома комплексами третьей эскадрильи ЗРК «Найк Геркулес» четвертой авиадивизии бундеслюфтваффе возле Олденбурга, но остальные вернулись. Еще он не знал, что четыре ударных соединения противостоящего СЕТАГ Приморского фронта, сто шестьдесят четвертая, сто пятьдесят девятая, сто четырнадцатая и сто семьдесят пятая ракетные бригады, загрузив на технических батареях на пусковые установки новые ракеты, заехали на уже подготовленные топопривязкой стартовые позиции. И начали переход в готовность номер один, получив новые цели по результатам авиаразведки. Цели, уничтожение которых позволяло закрепить господство в воздухе тридцать седьмой воздушной армии Приморского фронта. Только что разведанные передовые аэродромные площадки

рассредоточения, на которых ночью сидели самолеты второго ЦУВО и полученные с такими жертвами координаты позиций ЗРК. Ракеты были, правда, с боевыми частями 269А мощностью десять килотонн, новых боевых частей РА-17 в ПРТБ Приморского фронта уже не было. А еще он никак не мог знать, что многочисленные транспортные самолеты Ли-2, Ил-14, Ан-8 и Ан-12 с погруженными по команде «Экватор» полками седьмой и сто шестой Краснознаменных Орденов Кутузова второй степени воздушно-десантных дивизий уже прошли над Вислой.

15-28, время по Гринвичу, 18-28, время московское, в небе над Балтикой, в 120 милях от Клайпеды, борт бомбардировщика В-52G из 13 эскадрильи 509 бомбардировочного авиакрыла. Через 28 минут после начала конфликта.

Капитан Гриссом был спокоен, насколько может быть спокоен человек, пилотирующий стратегический бомбардировщик с четырьмя ядерными бомбами на борту во время начавшейся Третьей мировой войны. Экипаж молчал, обычных шуточек не было слышно. Десять минут назад по приказу командира задернули специальные затемненные шторы (для защиты от ослепления летчиков при ядерном взрыве). Внезапно оператор системы РЭБ, сидящий в задней части кабины спиной к направлению полета, сообщил:

-Сэр, наблюдаю две отметки, на семь часов. Тут же стрелок-оператор хвостовой турельной установки, сидевший рядом с ним, сообщил:

-Подтверждаю, дистанция уже три мили, быстро сближаются. Это два истребителя, уфф, это шведы. –С облегчением выдохнул он. Через минуту два новеньких перехватчика J-35 "Дракен" с опознавательными знаками шведских королевских ВВС пристроились по сторонам «баффа» Гриссома.

-Долго они телились, мы уже двадцать минут как по кромке шведской границы идем. - Меланхолично проговорил Гриссом. Внезапно его оборвал второй пилот:

-Сэр, вспышка на два часа! Еще одна! Еще, почти прямо по курсу!

Так, это наши парни из ракетных крыльев отстрелялись. Или водоплавающие помогли.- Как настоящий пилот стратегического командования USAF, Гриссом придерживался высокомерно-презрительного отношения к остальным видам вооруженных сил США.

-Сэр, те две, что правее, это Калининград и предположительно, Балтийск. А прямо, это точно Клайпеда. Сообщил штурман, сверившись с картой.

На месте вспышек уже выростали гигантские шляпы ядерных взрывов, поднимаясь вровень с высотой полета их бомбардировщика.

-Ну что же, пройдем в дыру, которую нам любезно обеспечили. Довольно сказал Гриссом. Как там наши шведские спутники?

-Развернулись и мчатся обратно, на форсаже. Сообщил стрелок-оператор.

-Наверное, наложили в штаны. И теперь бегут домой, подальше от разборок больших мальчиков. Сообщил довольный Гриссом. Настроение ему испортил оператор навигационной РЛС, до сих пор молчавший и сидящий на нижней палубе кабины рядом со штурманом лицом к полету.

-Сэр, похоже, разборка будет быстрее, чем мы думаем. Вижу две цели на два часа, быстро идут на сближение, превышение почти на милю. Через несколько минут две

стремительные машины проскочили правее и выше от них, сходу разворачиваясь и заходя «баффу» в хвост.

-Поднять шторы! А то нас собьют, а мы этого ни черта не заметим. Пит, мне показалась, у них крылья треугольные? Обеспокоенно спросил Гриссом.

-Да сэр, так точно, когда они заложили вираж на развороте, я четко увидел!

-Плохо, похоже, это новые Fishpot. Они вооружены ракетами, значит, под наши пулеметы они не сунутся, если только по ошибке. Хмуро сказал Гриссом.

-Боб, включай свое банджо. И, как только заметишь пуск ракет, запускай ловушки. Тепловые и радиолокационные, попеременно. Приказал Гриссом оператору РЭБ, назвав банджо систему РЭБ AN/ALQ-172. –А ты, обратился он к стрелку-оператору, будь наготове, если они ошибутся и подойдут близко.

Перехватчик Су-9 в готовности №1

Капитан Ментюков, ведущий пары перехватчиков Су-9 пятьдесят четвертого Краснознаменного Керченского гвардейского истребительного авиаполка, считался очень опытным летчиком, налетавшим на Су-9 почти пятьсот часов. В этом полку он оказался к началу войны в затянувшейся командировке. Вообще он был летчиком сто сорок восьмого центра боевой подготовки и подготовки личного составе авиации войск ПВО из Савостлейки, но четыре месяца назад его «приписали» к пятьдесят четвертому полку. В мире отчетливо пахло порохом, новый президент США Барри Голдуотер в своих выступлениях переплывал даже Гитлера в части угроз СССР. В этих условиях Новосибирский авиазавод был переведен на трехсменную работу без выходных и к середине 1961 года выпускал уже сорок машин в месяц. И остро встали проблемы с переучиванием летного состава, летавшего в основном на МиГ-17. Который в 1962 году как перехватчик ПВО смотрелся ну уж совсем устаревшим. Поэтому летчики из Савостлейского учебного центра фактически «жили» на аэродромах тех полков, которые переходили на Су-9. И потому с началом войны капитан Ментюков оказался в кабине ведущего пары истребителей пятьдесят четвертого полка, взлетевшей на перехват американца над Балтикой. Более двух лет назад, когда сбивали американского шпиона Пауэрса, капитан Ментюков как раз перегонял новый Су-9 с завода в полк и сел дозаправиться на аэродроме возле Свердловска. Тогда он получил жесткий приказ взлететь на безоружном самолете и таранить высоко летящий U-2, до которого не доставали более старые истребители. Он уже тогда взлетел, но выполнить приказ не успел, американский шпион был сбит зенитными ракетами. И вот сейчас его пара уже заходит на цель, наверняка тоже американца, и теперь у них оружие есть, восемь ракет РС-2УС на двоих. Запросчик - ответчик СРЗО-2М системы госопознавания Кремний-2М еще три минуты назад выдал сообщение, что это чужой. Они взлетели двадцать минут назад по тревоге с аэродрома в Вайноде, набрали высоту, едва успев получить наведение на одиночную цель со стороны Швеции, как внезапно внизу, у них за спиной

начали вставать грибы ядерных взрывов. Ментюков был спокоен за себя, но волновался за своего ведомого. Желторотый лейтенант Андрей Брайцев, только что из училища. Еще учить его и учить, но как учить, когда началась Третья мировая война? А вот как раз сейчас и начнем, одиночный бомбардировщик днем, лучших вариантов не найти. Он бросил короткие приказы ведомому:

-Второй, сейчас боевой разворот, меняемся, ты выходишь первый ему в хвост. Пускай ракеты парами.

Потом, разглядев силуэт американца, он добавил:

-Второй, это новая модель Б-52, видишь длинную гузку у него за хвостом? Близко под его пулеметы не лезь, и будь готов, он сейчас будет ставить помехи.

Как бы в подтверждение его слов, едва они зашли американцу в хвост, не успев приблизиться на дистанцию применения ракет, в наушниках пошел сплошной треск, а на экране локатора вместо четкой засветки цели появилось какое-то светящееся колесо с медленно вращающимися спицами. «Ну ни хрена себе», подумал Ментюков, «до него километров восемь, а такая мощность помех. У него на борту, наверное, целый ДнепрогЭС энергии. Хорошо, что сейчас светло, и его можно отследить визуально. А ночью он без до-наведения с земли бы ушел». Брайцев, аккуратно нагоняя американца с хвоста, пустил первую пару ракет. «Рановато, еще целых шесть километров», подумал Ментюков.

Ракета PC-2YC

Визуально (на экране РЛС по-прежнему невозможно не ничего разобрать) было видно, как сработали боевые части ракет, но американец продолжал лететь, как ни в чем не бывало. Вторая пара ракет ведомого ушла с тем же результатом. Капитан толкнул РУД чуть вперед, его самолет обогнал Су-9 ведомого, американец быстро вырос в размерах. «Сейчас я тебя», прошептал Ментюков, включая тумблеры пуска пары ракет с внешних пусковых устройствах АПУ-20. Ракеты исправно сошли, но удерживать их в луче наведения пришлось визуально, наводясь своим самолетом на американца. «Понятно, почему ничего не получилось у Андрея, с пяти-шести километров удержать крошечную точку в оптической марке нереально, сколько сейчас до него, километра три, и то чертовски сложно», думал капитан, заморозив следя, как два бело-серых шлейфа стремительно идут к В-52. Но что за предметы, иногда блестящие, иногда горящие, равномерно отлетают по обе стороны от него? Тем временем боевые части обеих ракет сработали, опять преждевременно. «Чтоб твою мать, он же ловушки выпускает, вот сука! И радиовзрыватели боевых частей срабатывают преждевременно, по фольге РЛ-ловушек!» - понял Ментюков. Решение пришло быстро. Капитан чуть двинул РУД назад, отставая, потом маневрируя тягой и рулями, оказался сзади и выше, снова догоняя В-52.

Так можно было надеяться, что ловушки, отбрасываемые назад и чуть вниз, не приведут к срабатыванию взрывателей ракет. «Посмотрим, как вы сейчас запоете, суки», проговорил Ментюков и пустил последнюю пару ракет, с разницей в две секунды. Удерживать врага в луче в таком положении самолета оказалось еще труднее. Вторая ракета вышла из луча, когда капитан чуть дернул ручкой управления. Но первая уже взорвалась, когда взрыватель среагировал на проходящий слева в четырех метрах высокий киль В-52. Боевая часть весом в тринадцать с половиной килограмм взорвалась достаточно близко, чтоб разлетающиеся осколки начали решетить здоровенную тушу «баффа». Сразу появилась связь:

-Первый, первый! Услышал в наушниках капитан отчаянные крики ведомого.

-Второй, прекрати орать. Приказал Ментюков, замороженно наблюдая, как здоровенная туша американца со снижением разворачивается на юго-запад, дымя одним двигателем. Хвостовая часть бомбардировщика была вся в дырках, от киля до сих пор отлетали клочья дюраля, но американец и не думал падать. Он уходил от территории СССР, но вполне уверенно держался в воздухе. «Что делать?» Подумал Ментюков. «Опять таранить? Но это верная гибель, в балтийской октябрьской воде долго не поплаваешь, да кто тебя будет вытаскивать? Нет, надо возвращаться, тем более доложить, как такой сундук все-таки можно подбить нашими ракетами», решил капитан и скомандовал.

-Первый второму, уходим на базу.

-А этот? Четыре ракеты в него выпустил, а он, как заговоренный. Может мне его таранить? Воодушевленно предложил Брайцев.

-Таран запрещаю. И ни хрена он не заговоренный, видел, как я его последней парой достал? Знать бы раньше, он бы сейчас у нас булькнул как миленький. Но ничего, теперь ты понял, как их надо? Вот, и другим расскажешь. А этот никуда не денется, ползет еле-еле, связь появилась, сейчас доложим, другие его дожуют. Но вообще плохо, что у нас пушек нет, сейчас бы мы его точно приговорили.

Связь действительно появилась, но с КП, узнав, что они «пустые», приказали срочно садиться на заправку и пополнение боекомплекта. Пятьдесят второй корпус ПВО, изрядно прореженный американскими ракетами, сейчас отчаянно нуждался в каждом боеспособном самолете. Три дивизиона ЗРК С-75, надежно, как до сих пор казалось, прикрывавшие Калининград, Клайпеду и Балтийск, оказались за считанные секунды стерты в радиоактивную пыль ударами американцев, вместе с прикрываемыми объектами. А на экранах уцелевших радаров появлялись все новые отметки вражеских самолетов, и поврежденный носитель, отвернувшийся со своего курса, сейчас считался второстепенной целью.

-Сэр, станция РЭБ не работает. Мрачно отрапортовал Боб.

-Блок управления стрельбой тоже. И от киля до сих пор отлетают куски обшивки. В свою очередь доложил стрелок-оператор.

-Что-нибудь еще, парни? Спокойно осведомился капитан Гриссом. Похоже, он один сейчас понимает, как повезло его экипажу. Выдержать пуск восьми ракет и не упасть грудой горящих обломков в холодное свинцово-серое море внизу, иначе, как чудом это не назовешь. Если бы тот первый русский был поопытней, как второй, который догадался, как их можно убить, они бы не ушли. И ведь второй их чуть не убил, едва-едва.

-Крайний правый двигатель горит, я его выключил и включил систему пожаротушения. Другой, что рядом с ним, тоже работает подозрительно, но пока тянет. И, похоже, у нас где-то повреждена гидравлика, потихоньку падает давление в системе. Еще нам надо снизить скорость, иначе воздушным потоком мы полностью «разденем» киль и руль направления. -Доложил Пит, второй пилот.

- Может, сбросим эти чертовы бомбы? Осторожно поинтересовался штурман, выражая общее мнение экипажа.

-Непременно сбросим. Но не сейчас. «Обрадовал» его Гриссом. Кстати, а куда мы летим?

-Сэр, вы же приказали, «уходим к чертовой матери». Вот я и повел машину обратно к Дании, курс двести семьдесят. Оправдывался Пит.

-А что у нас сейчас на юге, Польша? Штурман, найди какую-нибудь цель там, не очень далеко от побережья. Скинем бомбы и пойдем в Данию. Приказал Гриссом.

-Из целей только города, Лемборг или Слупск, на Гдыню мы уже должны ложится на обратный курс. Есть еще Колобжег и Кошалин, но они отстоят дальше на юго-запад. Доложил штурман.

- Вдобавок Колобжег прикрыт ЗРК. Добавил оператор навигационной РЛС, по совместительству исполняющий на В-52G обязанности бомбардира.

-Нет, нам сейчас в нашем состоянии не нужен ЗРК. Тогда Слупск. Скомандовал Гриссом.

-Курс сто девяносто, дистанция сорок две мили. Доложил штурман.

-Принял. Сказал Гриссом, осторожно вводя машину в левый пологий вираж. Окончательно решив судьбу семидесяти тысяч населения польского поморского города Слупск, известного до сих пор среди поляков только своими летними ярмарками Грифитов, музеем Виткевича и музыкальными фестивалями пианистов. Но капитана Гриссома волновали другие проблемы. Машину начало слегка трясти.

- На развороте снова начали отлетать куски обшивки от кия. Словно читая его мысли, доложил стрелок-оператор.

-Так, готовим к сбросу все четыре бомбы одновременно. Решил Гриссом.

-Есть большая вероятность, что штатно взорвется только одна. Остальные могут быть повреждены взрывом первой. С сомнением сказал оператор навигационной РЛС.

- А что ты предлагаешь, лететь над Польшей, скидывая их постепенно? А наш самолет не будет поврежден сразу после того, как мы подорвем мегатонну над этим первым польским городишкой? Это сейчас на нас никто не обращает внимания, что вообще просто чудо! Взорвался Пит.

-Прекратить истерику. Ровным голосом приказал Гриссом.

- Бросаем все четыре, это приказ. И ставь на наземный подрыв, в нашем состоянии каждая лишняя секунда очень нужна. Пит, берись за штурвал, будем вести вдвоем. Самолет управляется с каждой минутой все тяжелее.

Дежурные операторы радиолокационных станций контроля воздушного пространства над Поморьем ПВО Польши и двести тридцать девятой истребительной Барановичской

Краснознаменной авиационной дивизии, дислоцированной в Колобжеге, не обратили внимания на одиночную отметку, ползущую с востока на запад со скоростью всего шестьсот километров в час. Не удивительно, потому что в эти минуты все их внимание было обращено на запад. Шесть из пятнадцати новейших истребителей-бомбардировщиков F-105 «Тандерчиф» из тридцать второй тактической истребительной эскадрильи USAF смогли на малой высоте проскочить необнаруженными над ГДР и сейчас резко набирали высоту для бомбометания с кабрирования. Одновременно с этим на экранах РЛС стали появляться заходящие со стороны моря в атаку на прибрежные объекты английские бомбардировщики «Канберра» девятой и двенадцатой эскадрилий первой авиагруппы, сделавшие крюк над Данией. Они, летевшие над самыми волнами, тоже были замечены поздно, когда начали набор высоты для сброса бомб. Масла в огонь добавили пяток ядерных взрывов над территорией ГДР – не все американские тактические самолеты-носители атомного оружия, имели в своих планшетах цели именно в Польше. Вся эта неразбериха дополнялась многочисленными воздушными боями над ГДР, происходившими на всех высотах. От малых, где сцепились друг с другом советские, польские, британские, канадские, голландские, бельгийские, датские и немецкие (с обеих сторон) истребители, до стратосферы, где советские перехватчики ПВО отчаянно заходили раз за разом в атаку на стратегов USAF, остервенело рвущихся к своим целям. В эфире стоял сплошной гвалт, редкие команды тонули в шквале ругани на семи языках.

В этой суматохе «бафф» Гриссома зашел на Слупск с северо-востока, сбросил все четыре бомбы и, дав полный газ, пошел в сторону. Именно в этот момент оператор обзорной РЛС в Колобжеге наконец-то обратил на него внимание. Здоровенная засветка над Слупском, летит на высоте четырнадцать километров курсом двести восемьдесят градусов, скорость шестьсот и увеличивается, запросчиком определяется, как чужой, от основной отметки цели отделились четыре маленьких и падают на Слупск. Оператор тоскливо выматерился, когда понял, что это значит. А из наличных сил в этом месте есть только пара МиГ-19С, выходящая из боя с англичанами с малым остатком боезапаса. Но делать нечего, оператор поднял трубку связи с дежурным офицером наведения двести тридцать девятой дивизии.

Капитан Гриссом облегченно вздохнул, когда сзади вспыхнуло еще одно солнце, далеко не первое на сегодня, но и не последнее. Ударная волна качнула самолет, от килля отлетела еще одна порция ключев обшивки, но самолет выдержал.

-Похоже, сработала только одна бомба. Сообщил оператор РЭБ.

-Такому городишке и этого хватит. А есть ли там хоть один военный? Риторически спросил Пит.

-Там все равно комми, какая разница, поляки они, русские, в форме они или без нее. Наш президент сказал «лучше быть мертвым, чем красным». Заявил штурман.

-Так, парни, у нас опять проблемы. Угрюмо сообщил стрелок-оператор.

Будто в подтверждение его слов, на хвост им упала пара Farmer-ов. Треск пушечных очередей так же внезапно оборвался, как и возник. Дав короткий залп из тридцати миллиметровых пушек, всего по пять снарядов, МиГ-19 исчезли так же молниеносно, как появились. Но экипажу «баффа» сейчас было не до них, Гриссом только краем сознания понял, что они опять получили у смерти отсрочку. Машина содрогнулась от разрывов снарядов, осколки прошили фюзеляж, один застрял в ноге оператора РЭБ, другой ранил

стрелка. В самолете вышла из строя электросистема, погасло освещение кабин. Машину резко бросило влево, затем сразу вправо. На приборной доске загорелись красные лампочки, сигнализирующие о пожаре трех двигателей из семи работающих. Из строя уже вышли четыре мотора, и все на одном, левом крыле. Самолет быстро терял высоту из-за недостатка тяги. Капитан Гриссом и второй пилот Пит пытались восстановить контроль над падающим «баффом». Постепенно самолет перешел в горизонтальный полет. Капитан Гриссом с трудом удерживал машину на курсе, ведь вышли из строя все двигатели на левом крыле, машина горела, ее постоянно трясло. На нижней палубе ругался штурман, все пилотажно-навигационное оборудование вышло из строя. Он даже с трудом смог пользоваться «дедовским» методом - навигацией по счислению, поскольку узнать истинную скорость самолета оказалось затруднительно, один осколок перебил трубку приемника воздушного давления. Вдобавок появились и другие неисправности, давление в гидросистеме продолжало падать, одна опора шасси вывалилась из ниши и застыла в полувыпущенном положении, не реагируя на все манипуляции органов управления. Капитан объявил: «Всем быть готовым покинуть самолет, как только под нами будет земля». «Бафф» не только стремился уйти с курса, но и по-прежнему хотел поскорее встретиться с землей, тяги только четырех двигателей было совершенно недостаточно. Гриссом и Пит вели машину «кивками», пологое пикирование на пятьсот метров вниз, потом набор высоты триста метров, потом опять пикирование. Так они ковыляли почти час, пока штурман не объявил экипажу, что под ними, наконец-то, Дания. Экипаж начал покидать самолет, но и тут не обошлось без сюрпризов. Не сработало катапультное кресло штурмана, и он начал пробираться к дыре, через которую улетел минуту назад оператор навигационной РЛС. Гриссом уже орал на него, чтоб он быстрее прыгал, машина уже окончательно переставала управляться. Наконец штурман собрался с духом, и Гриссом рванул рычаг своей катапульты, еле дождавшись, как силуэт штурмана исчезнет в проеме.

***21-30 московское время, 19-30 время местное. На северо-западе ГДР.
Позиционный район третьего дивизиона 159 ракетной бригады. Через 3 часа 30 минут после начала конфликта.***

- Одна пусковая требует серьезного ремонта, разбиты вся блоки аппаратуры предстартовой подготовки ракеты, пробит один гидроцилиндр механизма подъема стрелы. Вторая на удивление легко отделалась, куча дырок, но из важного, повреждены только несколько трубок для сжатого воздуха и трубопровод заправки пусковым горючим.

Доложил заместитель командира дивизиона по вооружению Павлов.

-Мы можем эти детали отремонтировать у себя в дивизионе? Спросил майор Остащенко.

-Нет, но мы можем быстро снять их с первой установки, все равно ее в ремонт отправлять.

-Сроки?

-Два часа.

-Хорошо, через два часа установка должна быть на позиции технической батареи под погрузкой ракеты. Теперь определимся с расчетом. Майор Остащенко повернулся к капитану Живодерову.

-Капитан, забирай ее себе, третьей в батарею, до тех пор, пока не придет новая машина управления. Из этой батареи уцелели лишь два обмывщика и грузовики с

седьмыми и восьмыми номерами, их забирай тоже. Плюс один старший оператор, один второй и третий номера из расчетов наведения и мехводы. Остальные тяжело ранены или погибли. Кого назначишь в пополнение расчета?

-Значит, так. Задумчиво протянул Живодеров. —Я так понимаю, как только в дивизионе появится новая техника и личный состав, ты у меня эту установку заберешь и снова развернешь ее в батарею? Тогда в НСО пойдет Борис Грибанов, его же рекомендую в дальнейшем в комбаты-два.

-Постой, он же не кадровый, из запаса только что призванный? Удивился майор.

-А тебе его анкетные данные нужны, или боеготовый расчет? Он сегодня быстрее всех отстрелялся. У него целью был аэродром в Видмундсхаффене, и, то, что нас всего пятерка атаковала, а не вся эскадра, это заслуга его расчета. И потом, вспомни, в сорок третьем году ты или я, сильно кадровые были? Объяснил Живодеров.

-Хорошо, тогда пока не пришлют машину управления, он будет НСО на этой установке. А потом ясно будет. Кого на его место и кого еще ему даешь?

-На его место Негруцу, заодно ему представление на младшего лейтенанта дай, хватит ему в старшинах ходить. Сейчас война, присвоят, как в ту войну. А Грибанову дам из первого расчета ПУ четвертого номера, будет первым, взаимозаменяемость мы отработывали. И с той установки, что в ремонт, дай мне шестого номера, будет у Грибанова четвертым, в ремонт установку и один мехвод отведет. Взамен на пустые места поднимем номера из расчетов наведения, эти расчеты у нас получаются из двух человек, не смертельно. В ЛенВО целая бригада с таким расчетами уже год, как ездит.

-Согласен. И, вызови свои топопривязчики сюда, пусть привяжут пять позиций прямо вон там, на полянке, возле техбатареи. Чувствую, что наши ракеты могут потребоваться срочно, можем не успеть разъехаться по позиционным районам.

Борис, ошалевший от нового назначения, подошел попрощаться со старым расчетом. Увидев хмурого Негруцу, удивился:

-Ты чего такой смурной? НСО стал, потом я слышал, тебя на младшего лейтенанта комдив представил.

-БТР мотострелков в патруле мимо наших старых стартовых позиций проезжал. Там даже трубы не осталось, одна груда битого кирпича. И Марта с Хильдой наверняка под этой грудой. Что это за война, когда в первую очередь гибнут гражданские? Тоскливо, не обращаясь конкретно ни к кому, спросил Георгий. И Борис не нашелся, что ему сказать в ответ..

23 октября 1962 года. На западе ФРГ, Земля Северный Рейн-Вестфалия. Лесной массив Брахтенвальд вдоль дороги L221 между Брюггенем и Брахтом. За 4 дня до начала конфликта.

Лео Граус от волнения едва не выпустил руль своего старенького «Опель-Капитана». Вот оно! Он ясно видел, как здоровенная мобильная установка для получения жидкого кислорода с американскими опознавательными знаками, которую трудно спутать с чем-то другим, едет в ста метрах перед ним. Вот она свернула на проселочную дорогу куда-то в глубину лесного массива Брахтенвальд, где нет никаких воинских частей бундесвера. Вообще никаких воинских частей. Ему повезло, он, первый из десятка агентов нашел,

куда подевались из мест постоянной дислокации эти чертовы «Редстоуны». Он свернул чуть дальше, на неприметную дорожку в лес, припарковав машину, чтобы ее не было видно с дороги. Теперь он должен только незаметно уточнить координаты и количество ракет. Через четыре часа Лео Граус, освобожденный от военной службы в бундесвере по состоянию здоровья, он же Леонид Седых, третий секретарь посольства СССР в Голландии, он же Лаврентий Серых, капитан Главного разведуправления Генштаба вооруженных сил СССР, перешедший на нелегальное положение вчера и въехавшего сегодня с утра в ФРГ по подложным документам, довольный выезжал на дорогу L221 в сторону Брюггена. Он мог остановиться в квартире, заранее снятой на его документы в Дюссельдорфе, но сейчас ему надо найти временное жилье где-нибудь поближе. Идеально было бы в Брюггене, Брахте, на худой конец где-нибудь в Фирзене или Мёнхенгладбахе. Выйти на связь с Центром и вызвать сюда всю остальную группу.

19-05 московское время, 17-05 время местное, 27 октября 1962 года. На западе ФРГ, Земля Северный Рейн-Вестфалия. Лесной массив Брахтенвальд вдоль дороги L221 между Брюггеном и Брахтом. Через 1 час 05 минут после начала конфликта.

Лаврентий Серых вел машину на нервах. Торопиться, стараясь не нарушать правила, очень трудно на автодорогах ФРГ, если это не автобаны. Вместе с ним молча сидели остальные члены его группы, двое советских и один немец, из разведки ГДР. По документам, конечно, все они были жителями Земли Северный Рейн-Вестфалия, гражданами ФРГ. Сорок пять минут назад в постоянно включенном радиоприемнике, настроенном на одну из радиостанций ГДР, несколько раз прозвучало кодовое слово, всего одно: Экватор. Наконец, опель свернул на знакомую лесную дорожку. Словно подтверждая то, что им надо торопиться, несколько вертолетов с американскими опознавательными знаками зашли на посадку куда-то в глубину лесного массива. И на одном из вертолетов они ясно прочитал его номер. Номер машины из вертолетной секции доставки ядерных боеприпасов сороковой ракетной группы полевой артиллерии US ARMY. Они быстро вышли из машины, полчаса бесшумной ходьбы по лесу, и вот он, один из двух тайников, координаты которого ему выдали еще позавчера. Достав саперную лопатку, прихваченную из машины, они быстро откопали содержимое тайника, завернутое в несколько слоев целлофановой пленки. Кто-то, неизвестный им, уже заложил сюда все, что им нужно. Оружие, форму, амуницию, радиостанция - все французского образца, поношенная форма со знаками различия одного из десантных частей Иностранного легиона. И самое главное – два радиомаяка с компасами и подробная карта этой местности. Теперь им надо, не обнаруживая себя, установить скрытно эти маяки в двух километрах от американских позиций, разнеся их к юго- и северо-востоку. Еще желательно быстрее уйти из этого района, но тут уж как повезет, они все военные и у них есть приказ. Через два часа они снова встретились у тайника. Немец хмуро произнес:

-Все сделали, но они начали сборку ракет.

Ракета PGM-11 "Redstone" в 1962 году представляла из себя анахронизм, динозавра ракетной техники. С точки зрения советских инженеров-ракетостроителей. Хотя и принята на вооружение была в 1958 году. Перевозимая на десятке грузовиков, собираемая на стартовой позиции с помощью крана-подъемника, заправляемая жидким кислородом непосредственно перед стартом.. Батальон «Редстоунов» мог запустить свои ракеты только спустя семь часов, после того как заехал на стартовые позиции, или получил команду подготовки к запуску. В то время, когда советский ракетный комплекс

9К72 производил пуск за семнадцать минут, а если уже стоял на стартовых позициях в готовности №1- меньше чем за пять. И «Редстоун» нельзя было держать на дежурстве заправленный долго, жидкий кислород в качестве окислителя постепенно при нормальной температуре в баке ракеты переходил в газообразное состояние, повышая давление, которое постоянно стравливалось через предохранительный клапан. В итоге, через пару дней никто не мог сказать, сколько же окислителя осталось в баке. И, какая теперь будет максимальная дальность у этой ракеты. Для баллистической ракеты это было неприемлемо. Подобные ракетные системы Р-2 в том же 1958 году были сняты с вооружения Советской Армии и подарены Китайской народной республике.

Но, с точки зрения капитана Серых, эти недостатки представляли собой сплошные плюсы для его страны. Комплексы «Редстоун» с их боевыми частями W39 мощностью четыре мегатонны все равно представляли собой страшную угрозу, если смогут выпустить свои ракеты по скоплениям войск Варшавского Договора. Значит, их надо уничтожить до того, как они смогут стартовать. И они сделали свою часть работы. Конечно, действия его группы не так зрелищны, как атаки аэродромов или нападения на командные пункты противника, чем в этот момент занимались десятки таких же команд, как у него. Будет ли польза от этих двух установленных радиомаяков, станет ясно через несколько часов. Лаврентий скомандовал радисту:

-Давай кодовый сигнал по рации. И собираемся, надо быстрее убраться отсюда.

28 октября, 00-05 московское время, 27 октября, 22-05 время местное. На северо-западе ГДР. Позиционный район третьего дивизиона 159 ракетной бригады. Через 6 часов 05 минут после начала конфликта.

Полковник Устинов, держа трубку связи ЗАС*, твердым голосом отвечал:

-Да, товарищ генерал брони. Одним дивизионом смогу нанести удар по полученным мной координатам через двадцать минут. Остальными двумя - через сорок пять. Нет, будет всего пять ракет, одна установка вечером потеряна в результате воздушной атаки противника. Да, мне все ясно, товарищ генерал брони. Через двадцать пять минут комплексы ЗРК противника будут уничтожены. Да, мне понятно, я отвечу погонями за неудачу. Так точно. Разрешите выполнять?

**ЗАС- закрытая (засекреченная) аппаратура связи*

Он положил трубку, вытер вспотевшее лицо. Тяжело общаться с командующим фронтом при таких условиях, особенно если это легендарный генерал, который еще в 1942 году был заместителем командующего шестьдесят четвертой армией, оборонявшей Сталинград. Но он выполнит приказ, спасибо майору Остащенко, еще десять минут назад майор доложил, что его дивизион уже готов выполнить пуски пяти ракет, если будет такой приказ.

Дивизион из пяти установок 2П19 выполняет ракетный залп

И вот приказ поступил, причем в такой спешке, счет идет на минуты, как будто эти ЗРК уйдут куда-то за эти лишние минуты. Полковник Устинов не знал, что командующий Приморским фронтом генерал брони Бордзиловский сам два часа назад получил сообщение, что ему приданы целых две советских воздушно-десантных дивизии. Более того, они уже в воздухе, подняты по тревоге, чтобы избежать американских атомных ударов, и летят к нему. Надо только поднять в штабе планы, во множестве заготовленные на этот случай. Решение пришло быстро, недаром генерал брони Юрий Бордзиловский успешно воевал под Сталинградом и на Курской дуге. Целых шесть орденов Красного Знамени, помимо других наград, это лучше всего характеризовало командующего, в прошлом советского, а ныне польского генерала. Итак, два полка седьмой дивизии с одним артдивизионом усиления десантируются на остров Зеландия, восточнее Слагельсе, возле шоссе E20. По данным разведки, ПВО противника в этом районе уничтожено, крупных частей нет. Два полка смогут взять Слагелсе и перерезать магистраль E20. Вторая дорога в Зеландию, шоссе E47, уже должно быть перерезана тактическим морским десантом возле Шарбойца, вдобавок немцы из группы «Росток» при поддержке КБФ, через полчаса начнут высаживать основной морской десант на остров Лолланн. Тогда силы противника в Зеландии, уже ослабленные ядерными ударами, будут изолированы, а части наступающей в Ютландии советской двадцатой гвардейской армии и самолеты тридцать седьмой воздушной армии могут оперативно поддержать эти два полка. И, быть может, удастся захватить Ютландию и Данию даже раньше графика в плане, тем самым обезопасив свой правый фланг. Остальные части, всю сто шестую и полк с оставшимися средствами усиления седьмой, высаживаем в районе авиабазы Аурих. По донесениям воздушной разведки, там уцелела вся инфраструктура, включая длинные взлетные полосы. Но для успешной высадки, надо уничтожить ЗРК, обнаруженные в районе Ольденбурга, причем срочно, в течение сорока минут. Юрий

Бордзиловский не мог упустить такой шикарный подарок, который ему сообщили этой ночью, Франция не участвует в войне! Как этого добились наши дипломаты и разведчики, неизвестно, да и для него не важно. Важно то, что можно, захватив плацдарм в районе Аурих, тем самым сковав части второго эшелона СЕТАГ в Голландии и Бельгии, быстро прорвавшись по северо-германской низменности на Ганновер, Дюссельдорф, вообще рассечь противника на две части. Отрезав части СЕТАГ от частей ЦЕНТАГ, прижав последние к французской границе, в один момент ставшей из вражеского тыла нейтральной страной. Конечно, десанникам придется тяжело, но его части к сегодняшнему утру должны продвинуться настолько, что позволит, организовать снабжение десанта даже вертолетами, с новых площадок, оборудованных на захваченных территориях. Все зависит от того, смогут ли его четыре ракетные бригады уничтожить авиацию противника на только что обнаруженных воздушной разведкой аэродромах. Ну и от полковника Устинова, который должен уничтожить эти чертовы ЗРК. И надо решить еще один вопрос, сейчас. «Редстоуны», начальник разведывательного отдела пять минут назад положил на стол ему донесение, согласно которому батальон «Редстоунов» готовится к пуску в лесном массиве за Дюссельдорфом. Каждая ракета несет четыре мегатонны, если американцы успеют выполнить пуски, его наступающие части понесут громадные потери. А его ракетные бригады просто «не достают» до того лесного массива. Он снял трубку:

-Дежурный! Командующего воздушной армией мне!

Командир тридцать седьмой воздушной армией понял ситуацию с первых слов. Батальон PGM-11, это очень серьезно. Если они несут «тяжелые», четырех мегатонные головки, то сгруппированным для утреннего удара танковым и мотострелковым частям придется очень несладко. А если «легкие», по сто килотонн? Тогда дальность «Редстоунов» вырастает с трехсот семидесяти километров до шестисот и может хорошо достаться тыловым объектам, в том числе его аэродромам. Что у него есть, для ночного срочного удара по этой цели? Есть немецкий, польские и советские полки Ил-28, но лучше всего подойдет полк новейших всепогодных сверхзвуковых Як-28Л, тем более разведка обещала работающие радиомаяки возле цели для до-наведения бомбардировщиков.

28 октября 1962 года, 00-55 московское время, 27 октября 1962 года, 22-55 время местное. На западе ФРГ, Земля Северный Рейн-Вестфалия. Лесной массив Брахтенвальд вдоль дороги №221 между Брюггеном и Брахтом. Через 6 часов 55 минут после начала конфликта.

Сверхзвуковой бомбардировщик Як-28Л

Командир полка, ведущий за собой весь полк, три десятка красивых стремительных Як-28Л на малой высоте в сумеречном небе, обходя еще горящие, хорошо заметные даже в темноте места, которые еще пять часов назад были цветущими городами западной Германии, с облегчением услышал от своего штурмана:

- Слева прошли Дюссельдорф, начинай набор высоты. Под самолетом промелькнула лента Рейна, багрово-блестящая от близких пожаров. Самолеты их первой тройки, летевшие чуть впереди, несли еще вдобавок к двум тоннам фугасных бомб по две САБ-250-200* .

**САБ 250-200–Светящаяся авиационная бомба, используется для освещения местности с целью обеспечения прицельного бомбометания и визуальной разведки в ночных условиях. Масса 200 килограмм, дает семь факелов с силой света 10 миллионов свечей, время горения факела 6 минут.*

Для эффективного применения САБ их надо было «повесить» на высоте не менее двух с половиной километров над целью.

-Слышу сигнал радиомаяка! Два сигнала, доверни влево на двадцать градусов, так, сейчас вправо на десять, все, мы на боевом! Азартно прокричал штурман. Командир полка посмотрел по сторонам, оба его ведомых смогли почти синхронно выполнить его маневр, ведь он отобрал к себе в первую тройку лучшие экипажи по ночным полетам.

-До цели две минуты! Сказал штурман. – Внимание, три, два, один, сброс!

Командир батальона PGM-11 сороковой ракетной группы полевой артиллерии US ARMY сразу понял, что означает это этот яркий, мертвецки белый свет, который залил его стартовые позиции сразу после свиста самолетов, пролетевших над лесом на большой скорости. Спихватившиеся поздно скорострельные зенитные установки охраны позиционного района расстреливали факелы САБов один за другим, но слишком поздно. Сверху, на весь лес, где расчеты его батальона спешно, закончив сборку ракет, пытались начать заправку, обрушился ревущий свист десятков самолетов, и, на освещенные остатками САБов позиции пришла смерть. Для радиодальномерных прицельных станций "Лотос" ДБС-С, предназначенных для поражения гораздо менее размерных целей, наведение на позиционный район батальона «Редстоунов» оказалось простой задачей. К тому же обычно станция "Лотос" наводила путем приема сигналов двух наземных станций управления, расположенных позади линии фронта. А в этот раз радиомаяки были установлены непосредственно вблизи цели, что значительно повысило точность. А для бомбардировщиков, следующих за первой тройкой, радионаведение уже не требовалось. Здоровенные туши стоящих вертикально ракет, освещенные САБами, было прекрасно видно. Каждый Як-28Л нес по одной ФАБ-1500 и по две ФАБ-250, на первом заходе Яки сбросили по полутонной бомбе. Обычный немецкий лес превратился в филиал ада. Колорита добавили тонны кислорода, вытекающие из поврежденных взрывами цистерн. Когда Яки развернулись на второй заход, подсветка не потребовалась, внизу все полыхало и рвалось, залитое пространство из горящего спирта и кислорода растянулось на несколько километров в диаметре. Первая тройка самолетов, расходясь, сбросила САБы по периметру полыхавшего леса, проверяя, не уцелел ли кто. Но по периметру огненного озера был только лес, который тоже начинал разгораться. И на втором заходе все Яки, снизившись, вывалили оставшиеся двухсот пятидесятки на огненное озеро.

Через десять минут над заревом, весело полыхал уже весь лесной массив, прошел разведчик Ил-28Р ВВС ННА ГДР. «Ну, если в этом аду хоть кто-то уцелел, то я завтра же поверю в бога и уйду в монастырь»- потрясенно произнес начальник разведывательного отдела 37 воздушной армии, рассматривая свежееотпечатанные снимки.

28 октября, 00-20 московское время, 27 октября, 22-20 время местное. На северо-востоке ФРГ. Побережье Балтики, поселок Шарбойц. Через 6 часов 20 минут после начала конфликта.

Патруль второго батальона первого пехотного полка Ютландской дивизии бундесвера на своем джипе М38А1 ехал по набережной улице Штрандаллее от местечка Тиммендорфер-Штранд к центру Шарбойца. Там они объедут парк по Хамбургер ринг и потом снова выедут на набережную, до поселка Хаффкруг. Потом разворот и обратно. И так до самого утра, всего один патруль из четырех человек будет контролировать кусок побережья длиной почти пять километров. По плану оборону побережья должен был держать целый батальон, первый, из его полка. Но он через полчаса после того, как поступил сигнал тревоги, был накрыт прямо в своих казармах на северо-западе Любека целой эскадрилей реактивных истребителей-бомбардировщиков комми. От казарм почти ничего не осталось, старший патруля поёжился. Воспоминания о том, как несколько часов они тушили пожары и разбирали завалы из битого кирпича, вытаскивая трупы и немногих выживших раненых, были очень неприятны. Вот и пришлось второму батальону взять на себя контроль всей береговой линии, от Любека до самого Фемарна, по крайней мере, до утра, когда должны подойти части шестой мотопехотной дивизии, дислоцированные в районе Итцехо- Киль- Фленсбург. Третий батальон его полка стоял в резерве, возле Маленте. Второй и третий полки Ютландской пехотной дивизии, до начала войны размещенные возле Итцехо и Эккернфёрде, понесли серьезные потери от ракетных ударов русских. Обер-ефрейтор, командир патруля вспомнил большие ядерные грибы, один за другим вырастающие над Ноймюнстером, Килем и Гамбургом, и снова поежился. Он еще не знал, что части шестой мотопехотной дивизии тоже получили свою порцию ядерного пирога и не придут к ним на помощь утром. Сейчас уцелевшие командиры шестой судорожно пытались собрать уцелевших. И организовать вывод из радиоактивных развалин хоть какой-то сохранившейся техники. Тем временем джип, уже подъезжая к Парк Кур, снижал скорость для поворота налево, на Хамбургер ринг. Внезапно обер-ефрейтор, с трудом выходя из транса своих тяжелых мыслей, мельком бросил взгляд на море, заметил в морской темноте белые буруны, буквально в семистах метрах. Он скомандовал водителю:

-Стой! Дрожащими от спешки руками он повернул автомобильный прожектор направо. И потрясенно увидел, как стремительные низкие темные тени уже подходят прямо к причалу, от которого днем ходит паром на Зеебрюкке. Да это же «Илтисы»! И тут же из темноты по ним ударила очередь крупнокалиберного пулемета, даже нескольких. Маленькую машину рой тяжелых пуль раскромсал в считанные секунды. Последней мыслью обер-ефрейтора было сожаление, что они даже не успели выстрелить в ответ.

Торпедные катера «Илтис» ВМФ ННА ГДР

Дивизион торпедных катеров высадил два взвода морской пехоты прямо на причал, после чего быстро пошел обратно вдоль побережья, на северо-восток, к Фемарну. Там, в проливе между Фемарном и Лолланном, катера до рассвета должны занимать свои позиции в завесе прикрытия полосы высадки основного десанта ВМФ ННА ГДР, на остров Лолланн, возле порта Ридбайхавн. А к захваченному причалу уже подходил первый тральщик, у него на борту был еще один взвод и батарея восьмидесяти двух миллиметровых безоткатных орудий Б-10 советского производства. И, что самое главное, группа советских авиационных и артиллерийских корректировщиков с офицером связи. Офицеры третьего батальона пехотного полка, спешившего по тревоге от Маленте к Шарбойцу, одновременно с редкой стрельбой в районе побережья слышали впереди шум многочисленных вертолетных винтов. А затем сразу же авангард батальона столкнулся с разведротой советского мотострелкового полка, высаженной с вертолетов северо-восточной Ойтина. После ожесточенной ночной перестрелки подошедшим основным силам батальона удалось оттеснить русских до пересечения дорог А76 и L309, но и только. На захваченный плацдарм от Хаффкрюга до Шарбойца комми уже успели высадить больше батальона с минометами и безоткатными орудиями и у ютландцев просто не было сил для дальнейшего наступления. Вдобавок командир уже потрепанного в ночном бою батальона получил еще одно неприятное известие. Вернее, три. Советские части, ориентировочно усиленный мотострелковый полк, сбили небольшой пограничный заслон южнее Любека и уже продвинулись до пересечения дорог E47 и E22 возле Хамберге. И в самом Любеке комми, предположительно два батальона с танками, овладели районом восточного берега до кварталов Карлсхофа и Марли включительно, захватив мост через Траве на шоссе А75, и уже переправились на другой берег, дойдя до Кюкница. А это означало, что русские танки будут здесь уже через пару часов, никаких сил у Альянса между Любеком и Шарбойцем уже не осталось. И, наконец, третье - датчане сообщили, что противник начал высадку десанта на остров Лолланн, причем прямо возле порта Ридбайхавн, в высадке участвуют как минимум шесть восточногерманских танкодесантных плашкоутов типа «Лабо» и один средний танкодесантный корабль. Вдобавок через полчаса связь с датским подразделением на

острове прервалась. В этой обстановке командир отдал приказ отойти на удобный для обороны рубеж, ближе к Ойтину и зарыться в землю. Надо дождаться рассвета, когда подойдут подкрепления, да и своя авиация должна когда-нибудь появиться? Он не знал, что авиация Альянса сейчас получает новую порцию атомных ракет на свои уцелевшие после вечернего погрома аэродромы.

28 октября, 00-59 московское время, 27 октября, 22-59 время местное. На северо-востоке ФРГ. Запасной аэродром на автобане E22 возле Ротенбурга. Через 6 часов 59 минут после начала конфликта.

Flight Lieutenant RAF* с сожалением оглядел семерку «Лайтнингов», стоявшую под маскировочными сетями вдоль рулежки на запасном аэродроме, по сути представлявшем себе кусок шоссе E22 длиной три километра, отгороженный бетонными блоками с обеих сторон

** Flight Lieutenant RAF – капитан королевских военно-воздушных сил (Великобритании)*

Семь самолетов, это все, что осталось от полной эскадрильи в двенадцать машин, успевших взлететь по тревоге со стационарного аэродрома в Шлезвиге, шесть часов назад. В первом вылете, он, опрометчиво разделив свою эскадрилью, не защитил ни один из объектов, вдобавок потеряв две машины сбитыми, и две поврежденными. Поврежденные машины пришлось отправить для ремонта в Англию, запасной аэродром абсолютно не имел возможностей производить даже простенький ремонт. Здесь даже топлива и боеприпасов было в обрез, на пять полных вылетов всей эскадрильей, вдобавок наземного персонала было минимум, один техник обслуживал два-три самолета. Капитан с ужасом думал о том, что ему делать, когда эти запасы закончатся. Где их взять? Основные запасы и большинство наземного персонала сгорели в атомном огне на передовой базе в Шлезвиге и тыловой в Брюггене, возле Дюссельдорфа. Связи ни с командованием RAF в Рейндалене, ни с командованием второго ЦУВО в Маастрихте до сих пор нет. Каждая эскадрилья, успевшая взлететь в этот страшный вечер, вела свою собственную войну. Вел ее и капитан, поднявший после первого вылета свою оставшуюся восьмерку на сопровождение «Канберр», согласно довоенным планам пытавшимся атаковать объекты на побережье Польши. Командир эскадрильи «Канберр», также успевших взлететь из-под ракетного удара советов с аэродрома в Ноймюнстере, смог выйти на связь напрямую на него и договорится о сопровождении. Вылет был почти на полную дальность с подвесными баками, с учетом крюка через Балтийское море вдоль побережья Дании, его восьмерка сумела сбить четыре МиГ-19, потеряв всего одну машину. Но не сумела прикрыть «Канберры», шесть из двенадцати которых были сбиты МиГами, еще четыре сбили ЗРК уже над целями в Польше. Но зато остальные смогли отбомбиться, по Кошалину и Щецинеку, капитан довольно зажмурился, вспоминая, как вставали ядерные грибы над городами проклятых польских коммунистов от двадцати пяти килотонных атомных бомб, сброшенных прорвавшимися «Канберрами». И сейчас две оставшихся «Канберры» стоят тут, рядом с его «Лайтнингами». Капитан встряхнул головой, отгоняя лишние мысли. Сейчас пилоты отдохнут, наскоро перекусив, самолеты уже заправлены, на «Канберры» повесили почти все пятисот фунтовые бомбы, бывшие на этой площадке. И они пойдут к линии фронта, в мешанине обрывков радиопередач, стоявших в эфире, удалось услышать сообщение бундесвера о прорыве советских танков к Хамберге. Даже удалось договориться с каким-то командиром джерри о частотах связи, чтобы он при подлете машин к линии боевого соприкосновения обозначил свои части

сигнальными ракетами. Капитан не знал, что еще полтора часа назад, прошедший над автобаном ночной фоторазведчик Ил-28Р сделал снимки, по которым его аэродром однозначно определен, как аэродром, а не какая-то развязка на автобане. Когда Альянсом разрабатывалась концепция рассредоточения авиации на автострадах, никому в голову не приходило, что первый ракетный удар Восточного блока по ФРГ будет таким массированным. И что, уцелевшие в атомном огне гражданские, хлынут потоками беженцев на запад, по тем же автобанам. Тем самым выдавая действующие посадочные площадки воздушным разведчикам противника с головой, лучше всякой разметки и аэродромных огней. Ведь если площадка действующая, с нее летают самолеты, значит по ней не могут проезжать машины и проходить люди, только в объезд. Вот эти группы людей и машин, столпившихся перед заградительными конструкциями и указательными знаками на объезд, хорошо подсказывали офицерам разведки в штабах ОВД, просматривавшим тысячи фотоснимков, где искать. Просто до войны в штабах НАТО и подумать не могли, что разведчики противника будут так вольготно шнырять в небе западной Германии. И, капитан еще не мог знать, что в эти секунды незнакомый ему человек, одетый в черный танковый комбинезон с нарукавной повязкой «НСО», уже откидывает предохранительную скобу у пусковой кнопки.

28 октября, 02-15 московское время, 00-15 время местное. Дания, остров Зеландия. К востоку от Слагельсе. Через 8 часов 15 минут после начала конфликта.

Капитан Гриссом, внезапно проснувшись, долго не мог понять, где он. Жутко болела левая нога, и по этой боли он, наконец, сообразил, где находится. Он лежит в здании полицейского участка местечка с чудным названием Киндертофте, в Дании, на острове Зеландия. Нога у него болит, потому, что он, приземлившись на мелководье в озере Сорё, вывихнул её, когда, барахтаясь в прибрежной грязи, судорожно избавлялся от пытавшегося утопить его парашюта. Ногу ему вправили датские полицейские, приехавшие по сообщениям местных жителей ловить советских парашютистов. Вместо этого им пришлось спасать американских пилотов, нашли всех, правда особой помощи им до утра не оказали, так, перевязали раненых оператора РЭБ и стрелка и уложили их до утра спать прямо в полицейском участке. Хорошо, хоть одеялами всех снабдили, можно было снять мокрую и грязную форму, повесив ее тут же в комнате сушиться. Как объяснил им полицейский врач, сделавший раненым и ему обезболивающие уколы пантопона, их просто ночью некуда везти. На Копенгаген и Оденсе упали ядерные ракеты, и в ближайших к ним городах датчан, где были хоть какие-то медицинские центры, сейчас точно не до лечения легкораненых американцев. Везти их дальше тоже невозможно, единственная дорога на материк, которая работает ночью, проходит через Оденсе, и что с ней, станет ясно только утром. На вопрос Гриссома, связывались ли подобранные их датчане с хоть каким-то командованием ВВС НАТО, врач ответил, что пытались, но безрезультатно. Короче, им надо выспаться, а утром, они решат, что им делать. И вот сейчас, капитан Гриссом, проснувшись от того, что действие обезболивающего проходит, не мог сообразить, что его так тревожит. Ну точно! Выстрелы, явно из автоматического оружия. Гриссом начал судорожно одеваться, сиплым спросонья голосом, будя остальной экипаж и пытаясь нашарить в темноте (света не было во всей Зеландии со вчерашнего вечера) сырую кобуру с пистолетом, висевшую вместе с формой на никелированной спинке его кровати. Внезапно дверь в комнату резко распахнулась, и мощный свет нескольких фонарей ударил по глазам полуодетых летчиков.

Старшина второго взвода четвертой роты сто восьмого гвардейского парашютно-десантного полка, оглядев своих бойцов, довольно улыбнулся. Все здесь, никто не поломался и не потерялся. Меньше десяти минут назад их выпускающий, получив от пилотов Ан-8, летевшего одним из первых в колонне троек на высоте пятьсот метров, команду, открыл хвостовую аппарель и они, под крики «пошли, пошли, братишки» посыпались двумя потоками в ночное датское небо. Ориентиры им были указаны заранее, к западу от озера Сорё, севернее автомагистрали Е-20. Собравшись после высадки, командир роты приказал их взводу прочесать маленький городишко, стоявший возле шоссе, и заодно прихватить любой автотранспорт. Выбежав на площадь перед кирхой, десантники увидели грузовичок и маленький автобус, стоявший перед зданием с вывеской, которое оказалось местной полицией. Выскочивших из здания четверых полицейских, пытавшихся поднять свои пистолеты, старшина положил тремя очередями. Командир взвода послал его с одним отделением прочесать полицейский участок, второе отделение быстро осмотреть дома в округе, сам же остался рядом с автомашинами. Разжившись длинными фонарями у лежавших на ступеньках полицейских, старшина стал методично обшаривать здание, пинками открывая двери.

-Ух ты, а это что за клоуны? Полуодетые американцы в грязной, до конца не просохшей форме, действительно мало походили на храбрых пилотов USAF, которые еще вчера садились в свой «бафф» на авиабазе Уайтмэн. Услышав русскую речь, капитан Гриссом стал интенсивнее дергать свой кольт, застрявший в сырой кобуре.

-Хэндс ап! Заорал старшина, переводя ствол своего АКС на замерших полуодетых людей в американской летной форме. Замерших, кроме одного, в форменной куртке на голое тело, который упорно лапал кобуру, висевшую вместе со штанами на спинке его кровати. Старшина уже было хотел пристрелить этого придурка, но в последний момент заметил на его куртке капитанские погоны.

-Турсунбаев! Скомандовал старшина, кивнув головой на капитана, продолжая удерживать остальных американцев на мушке. Здоровенный казах, чемпион их батальона по самбо, молча кивнул, закидывая автомат за спину, и скользнул плавным и одновременно стремительным движением к капитану Гриссому. Рраз! И капитан оказался на полу, крича от боли в вывихнутой правой руке.

-Кольт.. 1911А1. Прочитал Турсунбаев надпись на пистолете, наконец-то покинувшем многострадальную кобуру.

-Возьми себе, на память. Будешь девкам показывать, хвастать, как американский самолет сбил, и у его командира пистолет отобрал. И выводы этих клоунов, пусть поднимают своего и выходят на улицу, мы остальные комнаты проверим. Добродушно посмеиваясь, сказал старшина.

-Гоу, гоу, вашу мать! Подталкиваемые дулом автомата, ошалевшие от таких кардинальных перемен члены экипажа «баффа», поддерживая воющего от боли своего командира, вывалились на улицу. Над притихшим Киндертофтом с ревом проходила следующая колонна троек Ан-12, заходя на выброску второго эшелона десанта.

Одновременно с этими событиями произошли следующие: аэродром Торструп, штаб датской бригады быстрого реагирования в Вординборге и штаб первый Зеландской мотопехотной бригады в Лайре получили по ракете с атомной боеголовкой, по десять килотонн каждая. Город Фредерисия, на полуострове Ютландия, где находился штаб и тыловые части единственной датской мотопехотной дивизии, подвергся налету целого

полка бомбардировщиков Ил-28 польских ВВС. Кроме того, вчера вечером на маленькую Зеландию уже упало почти одна мегатонна – кроме Копенгагена, по триста килотонн получили позиции ЗРК «Найк-Геркулес» возле Когё и Хиллеред. В наиболее сложном положении оказались части самого боеспособного соединения армии Дании - датской бригады быстрого реагирования в Вординборге. Командование бригады, получив сообщение о десанте на остров Лолланн, начало принимать меры к отражению десанта. В тот момент, когда на Вординборг упала ракета с ядерной боеголовкой, один танковый и один механизированный батальон уже почти закончили переправу паромами на мыс Фаро острова Богё. А разведрота бригады уже подходила к Сакскёбингу на Лолланне. В итоге оба батальона бригады вступили в бой без связи с командованием, да еще и без артиллерийского дивизиона, который попал под удар вместе со штабом. И в результате без подкреплений, потому что переправа через Фаробрёме не осталась незамеченной воздушной разведкой ОВД и через полчаса парома оказались под ударом девятки Як-28Б. Вместе с переправляющейся на них противотанковой ротой бригады быстрого реагирования. И когда, часом позже, началась высадка основного морского десанта на сам остров Зеландия, с кораблей ВМФ ГДР, Польши и Балтфлота СССР, противостоять ему оказалось некому. Два батальона бригады быстрого реагирования на острове Лолланн оказались втянуты в бой с отвлекающим десантом ГДР, вдобавок без зенитной артиллерии и прикрытия с воздуха под непрерывными атаками бомбардировщиков ОВД они быстро теряли боеспособность. Оставшийся мотопехотный батальон оказался без командиров, комбат и начштаба батальона погибли вместе со всем штабом бригады, когда над Вординборге вырос ядерный гриб. Пока батальон приводил себя в порядок, на побережье Зеландии успел высадиться почти весь первый эшелон десанта, полк советский морской пехоты, усиленный артиллерийским дивизионом ННА ГДР и польским танковым батальоном. Первая Зеландская бригада датской мотопехотной дивизии тоже ничего не успела сделать. Сначала ее штаб подвергся ракетно-ядерному удару, потом подразделения бригады оказались втянуты в ночной бой с высадившимися двумя полками седьмой гвардейской воздушно-десантной дивизии. Командир сводного десанта, заняв Слагельсе почти без боя, оставил захваченные парома и саму переправу через Большой Бельт под охраной всего одной роты, все остальные силы бросил в район Лайре.

Расчет АСУ-57 готовит самоходку к бою после десантирования

В открытом бою, да под четким управлением командиров, ударный кулак бригады, пятьдесят танков М47, шестьдесят бронетранспортеров М114 и восемнадцать самоходных гаубиц М52 раздавили бы десантников за пару часов. Но без управления и связи, подвергаясь мелким «укусам» десанта со всех сторон, не зная куда наступать, бригада дергалась на месте, да еще под постоянными ударами с воздуха. С рассветом ситуация только ухудшилась, наряду с бомбардировщиками Ил-28 теперь над позициями датчан постоянно висели немецкие МиГ-17 и советские Су-7Б. Вдобавок артиллерийский дивизион сто двадцати двух миллиметровых гаубиц ННА ГДР, спокойно высадившийся на побережье бухты Факс, продвинулся по захваченному шоссе Е47 до самого перекрестка с шоссе Е20 и далее на северо-запад, до Вилби Сьялланд, начал методично обстреливать район Лайре, пользуясь корректировкой десантников. Через час после рассвета, высадившийся морской десант уже контролировал кусок Зеландии по линии вдоль шоссе Е47, от паромной переправы Фаро-Хаслев-Боруп-Вилби Сьялланд-Греве. Только севернее Когё, равно как и в местечко Ганнебро, к югу от того же Когё, высадившиеся войска не заходили. Там были позиции ЗРК «Найк-Геркулес» и «Хок», получившие вчерашним вечером по триста кило тонн и уровень радиационного фона отбивал всякое желание заехать туда даже ненадолго. К 11-30 утра 28 октября почти весь остров Зеландия оказался захваченным. Избиваемая со всех сторон, Зеландская бригада сложила оружие. Чуть раньше капитулировали остатки бригады быстрого реагирования в районе Вординборга. Дольше всех упирались остатки двух батальонов на острове Лолланн, но к обеду сдались и они, когда у них стали заканчиваться боеприпасы. Зеландский хемверн собраться вообще сумел только под утро, когда его склады и оружейные арсеналы были уже в чужих руках. К 13-00 в руках Приморского фронта

оказались, не считая мелких островов, четыре крупных – Лолланн, Фальстер, Мен и собственно Зеландия. Исключение составлял район в треугольнике Копенгаген – Торструп - Хиллеред. Поскольку туда сегодня ночью и накануне вечером упало несколько ядерных ракет, да еще этот район был с плотной городской застройкой и разбираться с ним у командования Приморского фронта не было ни сил, ни желания. Ограничились лишь цепью постов на дорогах, окружавших этот район, пропускавших гражданских без ограничений. Пропускали даже датских полицейских, только отбирая у них оружие. Впрочем, датчане, уцелевшие в этом кошмаре, предпочитали бежать в такую близкую нейтральную Швецию, используя любые плавсредства для переправы через Эресунд.

03-25 московское время, 01-25 время местное. Авиабазы бундеслюфтваффе Аурих, территория ФРГ. Через 9 часов 25 минут после начала конфликта.

Подполковник бундеслюфтваффе Эрих Хартманн сидел за столом, заваленный кучей разнообразных бумаг и пытался вспомнить все те русские матерные слова, которые ему довелось услышать в советском плену. Да, он устал, да новости с линии фронта приходили одна другой хуже. Но окончательно его вывела из себя первая радиограмма, полученная из-за океана, из штаба Тактического авиационного командования USAF. Радиограмма была адресована командованию второго ЦУВО и вроде бы пришла по адресу. Но текст.. Текст радиограммы гласил: «Командующему второго ЦУВО. Срочно. Подтвердите готовность принять перебрасываемые самолеты USAF ..», далее шел список перебрасываемых эскадрилий, всего около пятисот машин, «на ваши авиабазы..» а вот дальше шел длинный перечень авиабаз в ФРГ, Дании, Бельгии и Голландии. Вот только он почти совпадал с тем скорбным списком авиабаз, уничтоженных вечерним ракетным ударом красных, который недавно зачитал ему его новый начальник штаба. Исключение составлял только пяток аэродромов в Бельгии и Голландии. Там, в Америке, что, сидят в штабах сплошные идиоты? Которые войну представляют себе, как рисование разноцветных стрелок на карте мира? Или они до сих пор не знают, что случилось в Европе? Эрих с ужасом закрыл глаза, представив себе, как эти пятьсот машин, совершив длинный перелет с дозаправками, с уставшими донельзя пилотами, садятся на эту несчастную горстку аэродромов. И как радостно потирают свои кровавые лапы русские ракетчики, узнав о таком подарке, ведь у Альянса сейчас нет господства в воздухе, да и вообще скрыть перелет такой кучи самолетов в принципе невозможно. Надо что-то делать, но что? Для начала сажать эту чертову кучу самолетов на авиабазы в Испании и Британии, и только с них перебрасывать их на только те аэродромы, которые могут их принять. Принять, это же не только посадить самолет с пилотом на незнакомый аэродром, хотя и с этим будут громадные проблемы, некоторая часть площадок рассредоточения имело только примитивные системы аэронавигации, а большинство не имело их вовсе, они подходили только для пилотов, хорошо знакомых с местностью. Принять, это значит заправить самолет для нового вылета, повесить на него вооружение, а вот с этим у второго ЦУВО сейчас полный швах. Ни обслуживающего персонала, ни запасов вооружения для полтысячи новых машин у второго ЦУВО просто не было, все сгорело вчера в атомном огне на тех самых авиабазах, которые перечислены в радиограмме. Или в том мартирологе, который зачитал ему начальник штаба. Вдобавок четверть запасов осталась на базах во Франции, в одночасье превратившейся из союзника в не очень дружественного нейтрала. Его невеселые мысли прервал звонок дежурного:

-Герр оберстлейтенант, пропала связь с эскадрильями ЗРК «Найк Геркулес» четвертой авиадивизии бундеслюфтваффе. С площадки рассредоточения на шоссе E22 возле Вестерстедде докладывают, что наблюдают в районе Ольденбурга ядерные взрывы,

предположительно четыре. Эрих наконец-то смог сложить в голове ту замысловатую матерную конструкцию, которую он так часто слышал от русских конвоиров и громко выговорил ее в пространство. Внезапно в распахнутой двери возник сонный начальник штаба, полуодетый, но зато с пистолетом в руке.

-Ты чего это? Как можно дружелюбнее поинтересовался Хартманн. Кто его знает, во время третьей мировой войны у любого может крыша съехать, даже если это кадровый немецкий офицер. Начштаба посмотрел сонными глазами на Эриха, потом на пистолет в своей руке и смутился.

-Понимаешь, сплю спокойно, в смысле кошмары снятся про ядерную войну, и тут кто-то рядом начинает громко ругаться по-русски. Вот я спросонья и подумал..

-Подумал что тебя сейчас разбудят русские медведи-десантники в шлемофонах и с АКС наперевес? Насмешливо произнес Хартманн и они оба натужно засмеялись. Неуклюжая шутка сняла то нервное напряжение, которое копилось в них все последние часы. О том, что эта шутка скоро обернется печальной правдой, они оба еще не знали.

03-30 московское время, 01-30 время местное. Рендорф, бункер запасного командного пункта главкома ВВС НАТО. Через 9 часов 30 минут после начала конфликта.

Полный генерал бундесвера Йозеф Каммхубер сидел в уцелевшем запасном командном пункте возле Рендорфа, и размышлял, почему все так получилось. Его, ушедшего в отставку меньше месяца назад, вчера вечером выдернул в этот бункер Конрад Аденауэр, канцлер ФРГ, еще один счастливчик. Когда советские мегатонные ракеты начали падать на города НАТО, Конрад оказался единственным руководителем из всех континентальных стран Западной Европы, входивших в НАТО, кто уцелел. Просто потому, что из столичного Бонна поехал в субботу в свой родной Бад-Хоннеф, возле Кёльна. Оставшись в живых, канцлер развил бурную деятельность. Выяснив, что командование Альянса в ФРГ, Дании, Бельгии и Нидерландов практически уничтожено, а генеральный секретарь и главнокомандующий НАТО вместе со своим штабом интернированы во Франции, в Фонтблэ, он начал выдергивать всех, кто может спасти ситуацию. Главком ВВС НАТО вместе со своим штабом испарились в пламени ядерного взрыва в Рамштайн-Мизенбах, поэтому Аденауэр, не заморачиваясь законностью этого решения, произвел в Главкомы ВВС Альянса его, Каммхубера. В конце концов, все военные в Европе помнили «линию Каммхубера», если и получится остановить воздушные силы красных в такой ситуации, то только ему. Но чем дальше Йозеф начинал вникать в ситуацию, читая груды различных, зачастую, противоречивых донесений, тем он больше убеждался невозможности этой задачи. Вся предвоенная концепция боевых действий НАТО в Европе была построена на воздушной мощи, это был фундамент обороны Альянса. И тут Восточный блок ударил по этому фундаменту ракетной дубиной, бросив на свою чашу весов увесистую гирю почти полтысячи больших ракет и несколько сотен ракет поменьше. И выбил этот фундамент из-под конструкции обороны, из-за чего вся конструкция начала рассыпаться на глазах. Ну, в самом деле, как можно рассчитывать без подавляющего превосходства в воздухе остановить коммунистов, когда у них армий больше, чем у Альянса корпусов и дивизий? Своими немногочисленными ракетами? Йозеф горько усмехнулся, вспомнив донесение, согласно которому батальон «Редстоун» американской сороковой группы, на которые возлагались такие большие надежды, был полностью, до единого человека уничтожен

налетом красных бомбардировщиков, не успев запустить ни одной ракеты. Ударные самолеты НАТО, которые успели взлететь в первой волне, тоже смогли сделать немного. Нет, конечно, двадцать четыре ядерных удара, нанесенных американскими «Суперсейбрами» и «Тандерчидами» по территории Чехословакии, Восточной Германии и Польши, да еще два, нанесенных английскими «Канберрами», это немало. И это если считать только достоверно подтвержденные удары. Серьезный урон. Но если сравнить с ударами Восточного блока, где в первые двадцать минут только в зоне ответственности второго ЦУВО было зафиксировано сто восемнадцать ракетно-ядерных ударов, не считая последующих в следующие часы еще шесть десятков, поменьше мощностью, подвиги летчиков Альянса смотрелись бледновато. А если учесть, что зона второго ЦУВО, это всего лишь треть Западной Германии плюс Голландия с Бельгией, в голову приходила русская басня о слоне и москве. И самое главное- у комми есть еще резервы, склады оружия, самолеты, аэродромы, а у Альянса все это внезапно оказалось или уничтожено, или ну очень не там, где нужно. Проклятые французы! Так предать Западный мир в самую неподходящую минуту! Да, конечно, президент Франции Шарль де Голль откровенно недолюбливал президента США Барри Голдуотера, даже, официально, назвав его «психопатом с атомной бомбой» в одном из своих выступлений. Но тут без русских все равно не обошлось, слишком хорошо все было обставлено. Едва по каналам НАТО во Францию поступила команда о начале атомной войны, как почти тут же все американские части и базы на французской территории были окружены, разоружены и интернированы, включая штаб и главное командование Альянса в Фонтенбло. Причем в этих действиях принимали части, только что выведенные из Алжира и не входящие в состав НАТО. Как стало потом известно из обрывочных докладов, поступавших то некоторое время, пока лягушатники не обрубали связь, французские танки, принимавшие участие в этих предательских действиях, не успели даже переокрасить из пустынного камуфляжа в европейский. И за этим, разумеется, торчат уши русских, иначе с чего бы ни одна русская ракета не упала на французскую землю? Альянс оказался внезапно в положении солдата, который израсходовал все патроны, которые у него были с собой. И который обнаружил, что вместо надежного тыла со всем необходимым, откуда можно получить помощь, куда можно отступить, хоть до самого Гибралтара, у него за спиной внезапно оказался высокий забор. А за забором стоит с оружием наизготовку совершенно незнакомый и недружественный человек. А с другой стороны с обманчиво-медленной неспешностью уже неотвратимо едет бронированный по самую макушку тяжелый танк. И все попытки остановить его тщетны, у них уже нет здесь, в Германии, ни достаточного количества оружия, ни людей. А по уцелевшим каналам связи поступают все новые сообщения, комми, уточнив результаты вечернего массированного удара, методично добивают уцелевшие ЗРК, аэродромы и позиции РЛС. И первокласснику понятно, что с рассветом неспешное (хотя какое там неспешное, в некоторых местах они продвинулись уже на полсотни километров), сменится стремительным ударом танковых армий.

03-55 московское время, 01-55 время местное. В небе над авиабазой бундеслюфтваффе Аурих, территория ФРГ. Через 9 часов 55 минут после начала конфликта.

Гвардии генерал-майор Курочкин, Константин Яковлевич, командир сто шестой гвардейской воздушно-десантной дивизией, вздохнул с облегчением. Позади осталось многое: ядерные грибы, выставившие над Клайпедой, Ригой и Калининградом. Срочная посадка в самолеты и взлет по тревоге всей дивизии с многочисленных аэродромов рассредоточения в Литве. Долгий полет в ночную неизвестность над Польшей и ГДР,

полет над территорией ФРГ, где каждую секунду ждешь попадания в самолет зенитной ракеты или атаки истребителя. Которому сбить неуклюжий транспортный Ан-12, как раз плюнуть. Все это невероятно напрягало, в первую очередь тем, что события никак не зависели от него. Но теперь все, сейчас ситуация кардинально изменится. Самолеты триста тридцать первого парашютно-десантного полка уже заходят на выброску двумя колоннами троек в окрестностях авиабазы. Саму авиабазу, вернее зенитные установки и РЛС, стоящие вокруг нее, уже бомбит целый полк Ил-28 ВВС Восточной Германии. Летящий позади, в пяти минутах, пятьдесят первый парашютно-десантный полк будет десантироваться прямо на территорию авиабазы. А остальные части десанта, сто тридцать седьмой парашютно-десантный полк, дивизионный артиллерийский полк, части седьмой дивизии будут садиться во втором эшелоне десанта, прямо на взлетные полосы авиабазы. Которые к тому времени должен захватить пятьдесят первый полк. Но это все теперь зависит только от них, десантников, а значит, будет сделано.

Эрих Хартманн медленно опускал трубку телефона, пытаясь осмыслить доклад дежурного. Наверное, это самые скверные новости, после того, как он говорил с Йозефом Каммхубером. Пропала связь, почти одновременно с полусотней передовых аэродромов развертывания в Западной Германии и Дании. С теми, на которых сидело почти две трети боевых самолетов его второго ЦУВО. Заправлялись, наскоро ремонтировались, подвешивали вооружение вместо израсходованного. И вот теперь их уже нет, Эрих хорошо понимал, что это значит – одновременная пропажа связи с полусотней аэродромов. Они уже уничтожены, черт бы побрал эти проклятые мобильные русские ракеты. По первым оценкам, это почти четыреста самолетов и вертолетов. Эрих тоскливо вспомнил прошлую войну, да, там тоже можно было наносить удары по аэродромам противника, но эффективность этих ударов... Эрих поежился, вспоминая ту картину, которая ему открылась при подлете к его родной авиабазе Видмундсхаффен. Черный дымящийся кратер и больше ничего. Как они будут встречать главный танковый удар противника, который, по донесениям сухопутных войск вот-вот начнется? Чем? Той горсткой самолетов, которые остались в Бельгии и Голландии? Внезапно ему в голову пришла одна мысль, он повернулся к начальнику штаба:

-Почти со всеми нашими уцелевшими аэродромами восточнее линии Эмден – Оснабрюк – Дортмунд пропала связь. Почти одновременно. Я думаю, это еще один массированный ракетный удар комми. А как ты думаешь, с чего бы это наша авиабаза уцелела и на этот раз?

Его последние слова потонули в мешанине звуков, разрывов бомб, заполошного треска очередей зенитных пушек и свиста реактивных двигателей множества самолетов, пронесшихся над постройками авиабазы. Раздался особенно громкий взрыв, комната осветилась ярким пламенем.

-Вертолет накрыли, он как раз садился, с пилотами на последнюю партию «Сейбров». Похоже, теперь у нас на базе нет пилотов. «Мясники» пошли на второй заход, сейчас вернутся. А ты куда? Спросил он Хартманна, закончившего одевать куртку.

-Неужели ты еще не понял? Русские не ударили по нашей авиабазе атомным зарядом. Сейчас бомбардировщики окончательно добьют зенитки. А потом они будут высаживать десант, иначе зачем им целый аэродром? У нас оставался еще десяток «Сейбров», уже запрошенных. Хоть один из них, но уцелеет. Надо сматываться отсюда, а то твой сон чего-то слишком быстро становится реальностью. Сказал Хартманн, выходя из комнаты.

-Я с тобой, в конце концов, я тоже летал на F-86. И они побежали, залегая от близких разрывов, к самолетам, стоящим вдоль рулежки. Сначала им повезло, оба «Сейбра», в кабины которых они вскочили, оказались неповрежденными. Пока они проводили наскоро предполетные операции, пока запускали двигатели, пока выруливали на полосу, «Мясники» улетели. Эрих, оторвав голову от приборов, привычно огляделся по сторонам и обомлел – вокруг, со всех сторон было пространство, освещенное пожарами от горящих построек авиабазы. И в это пространство из кромешной ночной темноты беззвучно опускались парашютисты. Много. Десятки, даже сотни парашютистов. Эрих посмотрел на «Сейбр» начштаба, стоящего слева от него, и двинул РУД вперед до упора. Его «Сейбр» рванулся по полосе, оставляя по бокам советских десантников, некоторые из которых уже приземлились, гася парашюты. Несколько человек даже уже бежали к ним, стреляя из автоматов, но «Сейбры» уже взмывали в воздух, туда, вверх, в спасительную темноту. Внезапно оттуда, куда был направлен нос его F-86, из темноты, совсем близко засверкали вспышки. И в последний момент своей жизни подполковник бундеслюфтваффе Эрих Хартманн увидел темную громаду четырехмоторного самолета, медленно плывущего в темноте всего на высоте четырехсот метров. Большая хвостовая аппарель транспортника была откинута, оттуда двумя непрерывными потоками сыпались парашютисты. А над аппарелью, в самом хвосте сверкали звездами вспышки, от них тянулись трассеры к их паре «Сейбров». Вдруг одна из трасс ударила его в грудь и для него все пропало.

Хвостовой стрелок Ан-12 ведущего последней тройки вовремя заметил два истребителя, взлетающих с полосы, доложил об этом командиру самолета и немедленно открыл огонь по ним из своей спаренной двадцати трех миллиметровой пушки. Ему категорически не нужны были эти два истребителя противника в воздухе. «Сейбр» Хартманна, получив два снаряда в кабину и не менее пяти в остальной фюзеляж, взорвался в воздухе, его обломки разлетелись в окружности трехсот метров за взлетной полосой. «Сейбру» начальника штаба повезло, его только зацепило осколками взрыва, и он, дымя, ушел на малой высоте на запад. Командир Ан-12, услышав доклад бортстрелка, по внутренней связи пообещал тому ящик коньяка после посадки. На вопрос второго пилота, где он этот ящик достанет, командир просто сказал: «тебе прикажу, и ты достанешь. Хоть рожай этот ящик. Ты понимаешь, что мы сегодня ночью во второй раз родились?». Командир триста тридцать девятого военно-транспортного ордена Суворова III степени авиационного полка полковник Петр Савельевич Щетина, прочитав после посадки на аэродром возле Шверина рапорт ведущего последнего звена, представил бортстрелка к ордену Боевого Красного Знамени. Десант прошел не совсем гладко, уже под утро, после высадки второго эшелона один из немногих Ту-4Т, уже выгрузивший четыре тонны боеприпасов и два противотанковых ракетных комплекса 2К15 «Шмель» из крыльевых пилонов, пошел на взлет.

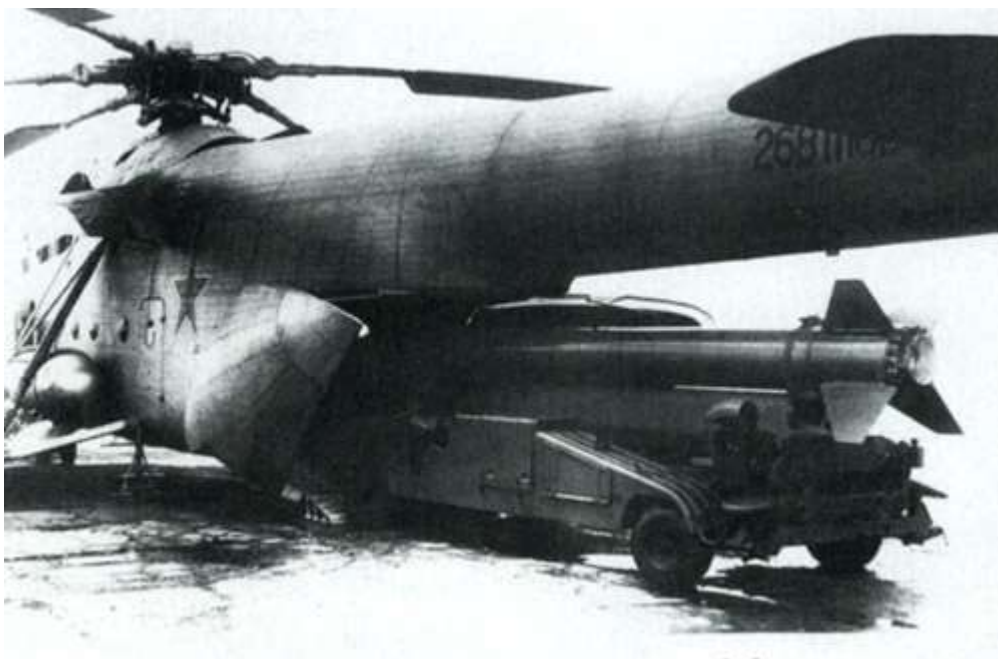
Противотанковый ракетный комплекс 2К15 «Шмель» на базе автомобиля ГАЗ-69

Самолет бежал последние две сотни метров по взлетной полосе и внезапно, буквально за секунду до того, когда уставший командир самолета, запоздало, потянул штурвал на себя, левая боковая стойка наскочила на не замеченный в темноте зазубренный обломок, оставшийся от «Сейбра» Хартманна. Колесо сразу лопнуло, машину резко рвануло влево, левая стойка шасси не выдержала и подломилась. Почти сразу же не выдержали носовая и правая стойки. Самолет рухнул вниз, продолжая нестись вперед на скорости сто шестьдесят километров в час и рубя четырьмя винтами землю. Потом он загорелся, разваливаясь на части. Никто из членов экипажа не успел выбраться.

Транспортно-десантный самолет Ту-4Т

К рассвету две роты триста тридцать первого полка вышли на перекресток дороги А31 с автострадой Е22 возле города Лер, вернее возле того что от него осталось. Меньше чем через час другой батальон того же полка, при поддержке батареи АСУ-85 и дивизиона ПТРК «Шмель», ворвался на мост через Эмс возле Зольтборга. Попутно уничтожая тыловые подразделения первого голландского армейского корпуса, выдвигавшегося в походных порядках к линии фронта. К этому времени вся сто шестая воздушно-десантная дивизия, парашютно-десантный и артиллерийский полки седьмой воздушно-десантной дивизии, закончили высадку. Десантники заняли район от Витмунда и Висмара на востоке до Нордена и предместьев Эмдена на западе, оседлав автостраду Е22 от Зольтборга до развязки с дорогой L21 возле Фильзума. Заодно уничтожив на автостраде порядка двухсот автомашин, включая батальон связи, батальон обеспечения и штаб артиллерийского полка голландцев. Только тогда до командования корпуса (связь с вышестоящим командованием установить еще не удалось, и корпус действовал по довоенным планам) дошло, что это не просто высаженные диверсанты русских. Одна мотопехотная дивизия получила приказ, развернуться и уничтожить высадившегося противника в треугольнике Аурих-Висмор-Лер и очистить автостраду Е22. Дивизия в это время растянулась от Ольденбурга до Бремена, пробираясь объездными дорогами через оба города, полностью разрушенные в результате нескольких ядерных ударов. А теперь ей надо было разворачиваться на месте, под непрерывными ударами штурмовиков Восточного блока. Но командование Альянса упустило еще одну вещь. До рассвета на захваченную авиабазу Аурих, командование Приморского фронта успело перебросить, используя на всю катушку приданные самолеты ВТА, еще польские артиллерийский полк и два мотострелковых батальона на БТР-40. И, что, самое главное, перебросить туда вертолетами Ми-6 дивизион ракет «Луна-МВ» с ядерными боеголовками.

Выгрузка буксируемого ракетного комплекса «Луна-МВ» из вертолета Ми-6

28 октября, 08-30 московское время, 06-30 время местное. На северо-западе ГДР. Позиционный район третьего дивизиона 159 ракетной бригады, позиция технической батареи. Через 14 часов 30 минут после начала конфликта.

Майор Остащенко смотрел на погрузку последней ракеты своего дивизиона на тележку 2ТЗ, для отправки на позицию стыковки боевой части, с нетерпением. Они и так задержались здесь непозволительно долго, надо менять район дислокации. Он спросил своего зама по вооружению:

-Нет сведений из ПРТБ, когда ожидать из ремонта поврежденную пусковую третьей батареи?

-Обещают через двое суток, там нужно снять стрелу для замены поврежденного гидроцилиндра, а кран пока занят. Вообще, это единственное, что держит установку. Блоки аппаратуры СПО уже начали менять. – Доложил заместитель командира дивизиона по вооружению Павлов. И вместе с ней прибудет из резерва машина управления с пополнением для одного расчета ПУ.

-Значит через двое суток у нас будет полноценная третья батарея, интересно как там ее будущий командир себя вел во время последнего пуска, не передумал Живодеров со своей рекомендацией? Задумчиво проговорил Остащенко.

Перегрузка ракеты 8К14 на транспортную тележку 2Т3

Расчет стыковки и перегрузки технической батареи третьего дивизиона сто пятьдесят девятой ракетной бригады тем временем уже перегрузил ракету на тележку 2Т3. Водитель Зил-157 воткнул первую передачу и машина поехала на площадку перед машиной-хранилищем боевых частей. Тем временем Остащенко сказал Павлову:

-Я после перегрузки ракеты с последней батареей уйду в новый позиционный район, а ты, пожалуйста, съезди в ПРТБ вместе с заправщиками и пустыми тележками. Поторопи их там с ремонтом, может быть пораньше нам пусковую сделают. И поспрошай там, много у них 269А осталось?

-Сделаем. Буднично ответил Павлов. - Хоть выплыву по дороге. Мечтательно добавил он.

Стыковка ракеты 8К14 с боевой частью

Заправка ракеты 8К14

Глава 3. Галопом по Европе.

28 октября, 09-10 московское время, 07-10 время местное. На северо-востоке ФРГ. Линия боевого соприкосновения между войсками СЕТАГ и Приморского фронта. Через 15 часов 10 минут после начала конфликта.

До рассвета оставалось еще полчаса, когда линия фронта с восточной стороны озарилась многочисленными вспышками выстрелов крупнокалиберных орудий и заревом залпов реактивных систем залпового огня. «При плотности двести стволов на километр фронта о противнике не запрашивают и не докладывают. Докладывают только о продвижении на указанные рубежи, а запрашивают о новых задачах»- так говорил маршал Жуков, и командующий Приморским фронтом Юрий Бордзиловский собирался в своем наступлении превзойти знаменитого маршала. За ночь с 27 на 28 октября три его армии- третья особая, двадцатая гвардейская и вторая танковая армия имели эти самые

двести стволов на километр фронта, если учитывать полки реактивных систем залпового огня БМ-14. А если учесть, что среди этих стволов во множестве были такие системы, как сто тридцати миллиметровые пушки М-46, сто двадцати двух миллиметровые пушки Д-74 и сто пятьдесят двух миллиметровые пушки-гаубицы Д-20, с дальностью стрельбы от семнадцати до двадцати семи километров, оборона Альянса была раздавлена на всю глубину.

152-мм пушка-гаубица Д-20 ведет огонь

Ракетные дивизионы танковых и мотострелковых дивизий решено было в начальной артподготовке не задействовать. Они, конечно, имели мощь, несравнимую с обычными артиллерийскими системами, но и время перезарядки у них было значительно больше. Поэтому они следовали за боевыми порядками наступающих войск, находясь на постоянной связи с передовыми частями. Командиры Варшавского Договора не собирались, при встрече с узлами обороны НАТО, ждать когда подойдет обычная артиллерия. Пушки уже сказали свое слово, проломив оборонительные позиции первого армейского корпуса бундесвера и остатков шестой мотопехотной и ютландской пехотных дивизий. Теперь артиллерия армейского и корпусного подчинения сворачивалась со своих позиций и выстраивалась в длинные колонны на автострадах ФРГ, собираясь двигаться в походном положении за подвижными соединениями. За ними уже выезжали колонны ракетных бригад Приморского фронта, готовые следовать в новые позиционные районы или развернуться прямо возле шоссе и вступить в дуэль в случае обнаружения средств атомного нападения НАТО. Сверху весь этот громадный механизм войны был плотно прикрыт истребителями тридцать седьмой воздушной армии, окончательно захватившим господство в воздухе, благодаря вечерним и ночным ракетным ударам по авиабазам НАТО. А сзади, к бывшей госгранице между двумя Германиями, уже

подходили передовые колонны второго эшелона Приморского фронта, второй армий Войска Польского. И высоко-высоко наверху, в темно-синем небе стратосферы плыли, сменяя друг друга, самолеты сто двадцать второй отдельной разведывательной эскадрильи, непрерывно сообщая командирам Варшавского договора обстановку в оперативном тылу противника.

Высотный разведчик Як-25РВ

Командиры НАТО оказались в трудной ситуации. Бельгийский первый армейский корпус, выдвигавшийся по шоссе E22 вслед за голландцами, уперся в оборону триста тридцать первого парашютно-десантного полка в районе Зольтборга. Десантники при поддержке польского артиллерийского полка заставили бельгийцев развернуться в боевые порядки. Когда командир бельгийского корпуса приказал сконцентрировать всю артиллерию и расстрелять обнаглевших диверсантов, десантники нанесли по корпусу четыре атомных удара общей мощностью шестьдесят килотонн. После чего наступательный порыв у бельгийцев сильно поубавился. Одновременно такую же порцию получила голландская четвертая мотопехотная дивизия, развернутая на запад, чтобы очистить проход по шоссе E22. Командующий Приморским фронтом, получив доклад генерала Курочкина, командующего сводным десантом, облегченно вздохнул, первая часть его плана удалась. Голландский корпус, вдобавок лишенный одной мотопехотной дивизии, столкнулся во встречном бою с танковыми и мотострелковыми дивизиями третьей особой армии. Численное превосходство советских войск было подавляющим, вдобавок над голландцами постоянно висели штурмовики - советские Су-7Б и немецкие МиГ-17. После ожесточенных боев вечером 27 октября командование тридцать седьмой воздушной армии решило, что как истребители, МиГ-17Ф трех полков ВВС ННА ГДР не очень эффективны против новых «Старфайтеров» и «Лайтнингов» НАТО. А вот как штурмовики в условиях своего господства в воздухе они еще очень даже эффективны. Именно они сыграли решающую роль в нейтрализации основной ударной силы голландцев, первого голландского артиллерийского корпуса. С рассветом, когда начались массированные налеты МиГов ННА ГДР, основная масса голландской артиллерии не успела дойти до линии фронта, развернувшись в боевые порядки. Батареи и дивизионы голландских артиллеристов оказались застигнутыми на марше, растянувшись на многие десятки километров, продираясь по дорогам сквозь встречный поток беженцев. Самоходной артиллерии, которая способна двигаться по обочинам даже в период осенней распутицы, у голландцев почти не было, основную ударную мощь составляли сто пяти миллиметровых и сто пятидесяти пяти миллиметровые буксируемые артсистемы.

Которые через три часа после рассвета оказались беспомощно стоящими среди горящих тягачей и взрывающихся автомашин с боеприпасами. Голландской четвертой мотопехотной дивизии, брошенной против десанта, совсем не повезло. Сначала, двигаясь по шоссе, только-только выбравшись из Ольденбурга, два передовых батальона танковой бригады мотопехотной дивизии были практически уничтожены четырьмя ракетными ударами. Потом оставшиеся танки М47 этой дивизии ввязались в ряд перестрелок с самоходками АСУ-85 десанта, время от времени получая ракеты «Шмель» от мобильных противотанковых комплексов. С востока же оставшиеся части первого голландского армейского корпуса, попав под каток наступающей третьей Особой армии, продержались буквально несколько часов. Оценив обстановку и получив у командующего тридцать седьмой воздушной армии заверения в полном господстве в воздухе в этом районе, Бордзиловский приказал начать массированную переброску частей на плацдарм в районе Ауриха, не дожидаясь вечерней темноты. И к 16-00 местного времени 28 октября в район шоссе E22 севернее Лера был высажен новый массированный десант, на этот раз с вертолетов.

Советские вертолеты Ми-6 готовятся к переброске войск

На этот раз полк Ми-6 высадил три батальона армии ННА ГДР с артиллерийским дивизионом восьмидесяти пяти миллиметровых пушек Д-44. В итоге, наведя еще до обеда переправы через Эльбу севернее Гамбурга и захватив целым мост на шоссе E22 возле Нойланда южнее Гамбурга, к 17-00 передовые части третьей особой армии вышли на линию Куксхаффен-Бремерфёрде-Оттерсберг. После этого уцелевшие части первого голландского армейского корпуса начали массово сдаваться в плен. Южнее, в полосе наступления первой армии Войска Польского все было не так радужно.

28 октября. Линия боевого соприкосновения между войсками СЕТАГ и Приморского фронта. К востоку от города Целле. ФРГ. На следующий день после начала конфликта.

Причиной этому являлось целое стечение обстоятельств, неблагоприятное для наступающих частей Варшавского договора. Во-первых, ночной авиаразведкой не были вскрыты несколько аэродромов развертывания на автострадах А31 и Е233. Все это было не так критично, все таки, начавшие с рассветом наступление войска ОВД имели более, чем солидное прикрытие с воздуха. Превосходство в воздухе, обеспеченное повторным массированным ракетным ударом по аэродромам и системе ПВО НАТО, стало реальностью. Но происшедшее в полосе наступления первой армии Войска Польского показало, что ВВС НАТО еще рано списывать со счетов. Вторая причина события, которое после военные историки назовут «кризис Целле» была элементарная несогласованность между частями вооруженных сил различных стран ОВД, помноженная на заносчивость штаба первой армии Войска Польского. По плану, две польских дивизии, восьмая Дрезденская механизированная и шестая пехотная, должны были войти в пробитую ранним утром брешь в обороне НАТО между Ильценом и Гифхорном, развивая и расширяя прорыв по удобному для техники дефиле в направлении Целле – Нинбург, имея задачей к концу следующих суток захватить плацдарм на западном берегу Везера. Но два истребительных полка польских ВВС, понесшие значительные потери при отражении атак стратегической авиации США, в последний момент по приказу командующего Приморским фронтом, заменили на первый полк ВВС ННА ГДР, недавно пересевший на истребители МиГ-19С. А отношения у поляков с немцами, даже восточными, были в 1962 году скажем так, несколько натянутыми. Уж больно много всего плохого случилось в последние четверть века между этими двумя народами. Но все это не оправдывает непрофессионализм штаба первой армии Войска Польского, который оставил без ответа целых восемь запросов от командования ВВС ННА ГДР по поводу посылки офицера – авиакорректировщика. Даже отчаянное обращение командира первого полка ВВС ННА ГДР через голову штаба армии, напрямую к командиру польской механизированной дивизии о том, чтобы хотя бы согласовать частоты связи, остался проигнорирован. Никто так и не узнал, что подумал в последние минуты своей жизни польский полковник, когда над боевыми машинами храбрых польских жолнежей, уже утюживших немногие оставшиеся очаги сопротивления «пшкелентных кжыжаков» на восточной окраине Целле, появились последние уцелевшие шесть «Старфайтеров» из третьего штаффеля семьдесят первой истребительно-бомбардировочной эскадры "Рихтгофен». Каждый с одной ядерной бомбой Mk-28 мощностью в семьдесят килотонн. Шесть одновременных ударов мощностью больше, чем в три Хиросимы каждый, это не шутка. Личный состав двух польских дивизий, кроме тех, кому повезло находиться в этот момент за танковой броней, весь получил дозы облучения, не совместимые с жизнью. Различие было только в сроках наступившей смерти, большая часть мотопехоты и артиллеристов не умерла сразу, а, получив от трехсот до семисот бэр, валялась на земле или беспорядочно двигалась, ничего не соображая от постоянной мучительной рвоты. К тому же многие ослепли от шести вспышек, почти одновременно полыхнувших над боевыми порядками, мгновения назад бывшей элитой ударных частей польской армии. С танковыми подразделениями ситуация была на первый взгляд получше, но это только на первый взгляд. Численно безвозвратные потери поляков в танках составили всего чуть менее двух батальонов. Но остальные, хотя и сохранили боеспособность в теории, практически превратились в сборище двигающихся хорошо бронированных мишеней. Штабы обеих дивизий были полностью уничтожены, к тому же на танках полностью вышла из строя радиосвязь. Частично безвозвратно, на тех машинах, которые получили

большую дозу ЭМИ, остальные рации просто ничего не ловили, в эфире стоял сплошной треск. Уцелевший командир второго танкового полка механизированной дивизии метался на своем танке вдоль своих и соседних машин, стараясь организовать хоть какое-то подобие порядка из кучи машин, сейчас больше всего похожих на коровье стадо, когда в польские танки полетели первые девяносто миллиметровые снаряды. Американский передовой батальон танков M48A2C «Паттон III», из состава третьего армейского корпуса, выдвигавшегося к линии фронта, спешил воспользоваться успешным ударом бундеслюфтваффе на полную катушку.

Шестерка F-104G 71 истребительно-бомбардировочной эскадры Бундеслюфтваффе

Командующий Приморским фронтом Юрий Бордзиловский не смог сдержать матерной тирады, когда получил доклад о ситуации в районе Целле в полосе первой армии Войска Польского. Причем сначала рапорт поступил от командования ВВС ННА, немцы докладывали о шести ядерных ударах по наступающим частям его фронта, о замеченных воздушной разведкой танковых частях противника, спешащих к этому району, об уже нанесенном авиаударе по этим частям двух эскадрилий МиГ-17. И в завершении, об истории с отказом принять авиакорректировщиков и обменяться частотами связи. Узнав про последнее, генерал брони окончательно рассвирепел. Он приказал арестовать командующего и начальника штаба первой армией Войска Польского и отдать их под трибунал. Временно исполняющим обязанности командира первой армией он назначил генерал-майора Збигнева Огановича, бывшего до этого командиром второй Варшавской механизированной дивизии, единственного уцелевшего подвижного соединения в этой армии. Одновременно с этим шестая гвардейская советская мотострелковая дивизия, находившаяся в подвижном резерве на этом участке фронта, получила приказ закрыть образовавшуюся брешь и контрударом восстановить положение, а командующий тридцать седьмой воздушной армией получил приказ направить на этот участок

дополнительные силы. Отдав эти приказы, Бордзиловский несколько минут сидел неподвижно, закрыв глаза и задумавшись. Со стороны казалось, что он спит прямо за столом, заваленным картами и бумагами. Но он не спал, он вспоминал прошлое, и оно ему очень не нравилось. В 1945 году, в апреле. Последний немецкий стратегический контрудар 20 апреля 1945 года под Бауценом. Тогда поляки также прохлопали его начало, проигнорировав донесения разведки.

И только самопожертвование советских дивизии, которые в буквальном смысле слова легли костями в окруженных Бауцене и Вейсенберге спасло вторую армию Войска Польского от разгрома. Несмотря на приказы Конева контратаковать немцев во фланг танковыми частями второй армии Войска Польского (в составе которого было более трехсот Т-34-85), поляки драпанули так, что только пятки засверкали, остановившись только за рекой подальше от злых немцев. Русские дорого заплатили за шляхетскую спесь - почти полностью погибло ядро седьмого мехкорпуса во главе с заместителем командующего корпуса Героем Советского Союза гвардии генерал-майором Максимовым, потеряли более половины своего состава две стрелковые дивизии. Он встряхнул головой, еще раз посмотрев на карту. И опять снял трубку телефона. Командующий тридцать седьмой воздушной армией получил приказ срочно перенацелить высотных разведчиков Як-25РВ из сто двадцать второй отдельной разведывательной эскадрильи в район между Ганновером и Вальроде западнее Целле. А сто семьдесят пятая ракетная бригада, в настоящее время следующая маршем по дороге L195 на запад – занять позиции в лесном массиве возле Виттенберге, перейти в готовность №2, и быть готовой немедленно нанести удары по полученным данным авиаразведки. На одну лишь стойкость трех пехотных и одной механизированной дивизии первой армии Войска Польского в неминуемом в ближайшей время столкновении со всем третьим американским армейским корпусом генерал брони Юрий Бордзиловский, наученный горьким опытом, полагаться не хотел.

Подполковник Генри Болл, командир шестьдесят седьмого танкового батальона, входящего в состав боевого командования «А» в составе второй американской бронетанковой дивизии «Ад на колесах» ("Hell on Wheels"), был доволен, и собой и своим батальоном. Его батальон прошел ускоренным маршем сто пятьдесят с лишним миль от места дислокации севернее Нордхорна до Целле, где удачно воспользовался результатом ядерного удара, получасом ранее нанесенного авиацией НАТО по прорвавшимся комми. Сначала его охватила паника, когда он увидел десятки танков Т-54 перед собой, выскочив из рожи севернее Целле. Но потом он быстро разобрался в ситуации – танки противника либо беспорядочно двигаются в разных направлениях, либо и вовсе стоят на месте, без всякого управления. Подполковник довольно улыбнулся, вспоминая, как сначала М48А2С его батальона расстреляли все те танки, которые хоть как-то двигались осмысленно и пытались оказать сопротивление, а потом, семь десятков Паттонов его батальона, развернувшись в цепь, сплошной косою смерти прошли с правого фланга вдоль по фронту наступавшей механизированной дивизии противника, оказавшегося поляками, загоня остатки противника в труднопроходимую низменную пойму реки Аллер. Когда через час после бойни, иначе этот бой нельзя было назвать, «Паттоны» его батальона, шедшие с севера, увидели идущий навстречу легкие танки М41 «Уокер Бульдог» восемьдесят второго разведывательного батальона из состава этого же командования «А», на поле за ними оставалось почти две сотни горящих Т-54, по самым скромным подсчетам. Доложив в США Headquarters (штаб боевой группы А) о своей победе и потерях (ошеломленные массивированным ядерным ударом поляки почти не сопротивлялись, батальон потерял всего пять танков), подполковник остался ждать

подхода топливозаправщиков. Бензиновый карбюраторный двигатель AVI-1970-8, стоявший на танке M48A2C, жрал топливо, как ирландец виски. Не помогало даже почти двухкратное увеличение объема топливных баков, с двухсот до трехсот восьмидесяти галлонов. Оно лишь позволило увеличить дальность хода на одной заправке до сто семидесяти пяти миль с вовсе уж смешных семидесяти пяти у предыдущей модели M48A1. И сейчас его танкисты с нетерпением ждали заправщики из службы тыла дивизии. Да и боекомплект у его машин не мешало бы пополнить. Восемьдесят второй разведывательный батальон ушел на восток, но почти сразу же вернулся, в пяти милях восточнее Целле обнаружилось силы пехоты противника, с артиллерией, спешно занимавшие оборону. Потеряв от огня восьмидесяти пяти миллиметровых противотанковых пушек шесть M41 и два бронетранспортера M114, командир разведбата приказал отступать, под прикрытие девятидесяти миллиметровых пушек «старших братьев» из шестидесяти седьмого батальона. Подполковник, когда узнал об этом, только скрипнул зубами. Каким местом в штабе группы А они думают? Где заправщики? Где самоходки из артиллерийского дивизиона? Где снаряды? Сейчас можно при поддержке артиллерии прорвать тонкую линию еще не успевшей окопаться пехоты противника, и все, его танки пойдут гулять по тылам противника. Любимая мечта каждого танкиста, начиная с того момента, когда он поступил курсантом в училище. Неужели бригадный генерал, командующий боевой группой А этого не понимает?

Танк M48A2C из состава 67 Tank Battalions U.S. ARMY 2nd ARMORED DIVISION "Hell of Wheels"

Его раздраженные мысли прервал рапорт радиста: «Сэр, на связи командир дивизии». Генри взял трубку и начал доклад по всей форме, но был сразу оборван генералом:

-Подполковник, для политесов у нас нет времени. Полчаса назад массированным налетом штурмовики на шоссе L214 комми накрыли штаб дивизионной группы «А», из офицеров никто не уцелел. Заодно под налет попали следующие к вам колонны автотранспортного батальона, поэтому горючего и снарядов у тебя в ближайшие пять часов не будет. Так что Генри, занимай оборону, Целле надо удержать во что бы то ни стало. Через час к тебе подойдут четырнадцатый артиллерийский дивизион M52 и мотопехотный батальон. Повторяю, тебе, кровь из-носу надо удержаться на захваченных позициях.

-У меня почти половина танков с сухими баками! И почти все с парой десятков снарядов на ствол! Как я удержу эти позиции?

-Как хочешь, но удержать этот рубеж ты должен. Тебе надо продержаться хотя бы четыре часа. Потом все изменится. Проклятые штурмовики красных накрыли сегодня утром наш дивизион «Онест Джонов» на марше, но корпусная батарея M65 уже разворачивается в пяти милях позади тебя. Не спрашивай меня, как так вышло в этом бедламе, который наши штабисты гордо именуют маршем, но если ты сейчас отступишь с занимаемых позиций, то их мы потеряем – они уже заканчивают инженерную подготовку позиций и скоро начнут сборку орудий. А через два часа в твой район прибудет еще и наша дивизионная батарея M2.

Подполковник замер, внутренне похолодев. А потом медленно, тщательно выговаривая каждое слово, спросил:

-Сэр, а эти парни, которые сейчас готовятся собирать «Лонг Томы», знают точные координаты наших позиций? И, кстати, позиций разведбата, они еще на милю восточнее? А то мне совсем не хочется получить пять килотонн на голову в виде дружественного огня.

-Подполковник, я пять минут назад говорил с командиром батареи и указал ваши точные координаты. Твоя задача – продержаться!

Генри Болл, отдав микрофон с наушниками штабному радисту, глубоко задумался. Вообще, сухопутная стратегия Альянса и базировалась на таких атомно-артиллерийских передвижных «форпостах», так что по идее, все было правильным. Правда, до войны предусматривалось, что у НАТО будет господство в воздухе и поэтому сухопутные войска успеют занять и закрепиться по всем правилам на этих «форпостах». А подвижные соединения Восточного блока будут атаковать эти «форпосты» уже ослабленные и предварительно задержанные ударами авиации НАТО. Сейчас же все происходило с точностью до-наоборот. Это американские части подходили на свои запланированные ранее оборонительные рубежи под непрерывными ударами с воздуха. Подполковник сам в течении последних часов наблюдал больше десятка больших групп самолетов противника, беспрепятственно пролетающих над батальоном на средних высотах, туда, откуда они прибыли, на запад. И периодически видел столбы дыма, встающих у них в тылу. А своя авиация в небе отсутствовала напрочь, за исключением той шестерки «Старфайтеров», что принесла ему победу в утреннем бою. То, что позиции самого батальона еще не бомбили, просто вопрос времени, не надо обольщаться, пока его спасает примитивная маскировка, его «Паттоны» на остатках горючего попрятались в редкие рощи вдоль дороги L282 на правом фланге и в рощу городского гольфклуба «Херцогштадт» на левом, впереди шоссе 191, мало-мальски прикрыв эти коммуникации. Но как только его танкам придется стрелять, за всю эту примитивную маскировку не дадут даже ржавого дайма.

А тем временем в пяти километрах восточнее разворачивались в боевой порядок первые части шестой Львовской орденов Ленина и Суворова Краснознаменной гвардейской мотострелковой дивизии. Эта дивизия хоть не имела такое устрашающее название «Ад на колесах» (Hell on wheels) и грозную эмблему, но зато имела гораздо более громкую боевую историю.

Эмблема 2 американской бронетанковой дивизии

Шестая мотострелковая ведет свою историю от восьмидесят второй стрелковой дивизии, сформированной в Пермской области в 1932 году. В 1939 году дивизия участвовала в разгроме японских захватчиков на реке Халхин-Гол. За проявленные в боях личным составом доблесть и мужество шестьсот первый стрелковый и восьмидесят второй гаубичный артиллерийский полки дивизии были награждены орденом Красного Знамени (17 ноября 1939 года); почти две тысячи ее воинов удостоены орденов и медалей, а двое - звания Героя Советского Союза. К началу Великой Отечественной войны дивизия именовалась восьмидесят второй мотострелковой дивизией и дислоцировалась в городе Баян -Тумен (Монгольская Народная Республика). В октябре 1941 года была переброшена под Москву и включена в состав пятой армии Западного фронта. Едва выгрузившись из эшелонов, дивизия вступила в бой с немцами, рвущимися к Москве, 26 октября на Можайском направлении и смогла остановить противника на своем участке обороны. 17 декабря 1941 года началось контрнаступление правого и левого крыла Западного фронта и дивизия во взаимодействии с другими соединениями армии участвовала в освобождении городов и населенных пунктов Дорохово, Можайск, Бородино, Вязьма. За проявленные в боях личным составом отвагу, стойкость и героизм была преобразована в третью гвардейскую мотострелковую дивизию (17 марта 1942 года). Это было первое забайкальское соединение, получившее звание гвардейского. С мая 1942 года до июня 1943 года в составе войск Западного фронта вела оборонительные бои. В июне 1943 года в районах городов Загорск и Краснозаводск Московской области на базе этой дивизии, ставшей к этому времени Краснознаменной, и сорок девятой механизированной бригады был сформирован шестой гвардейский Краснознаменный механизированный корпус. В конце июня 1943 года корпус был включен в четвертую танковую (с 17 марта 1945 года - гвардейскую) армию, в которой действовал до конца войны. После формирования впервые участвовал в боях на Брянском фронте в Орловской наступательной операции. В ходе успешного наступления на карачевском направлении с 26 июля по 20 августа освободил более ста населенных пунктов, уничтожил свыше пяти с половиной тысяч вражеских солдат и офицеров, много оружия и техники и захватил большие трофеи. В Проскуровско-Черновицкой наступательной операции корпус в ночь на 4 марта 1944 года был введен в сражение в полосе шестидесятой армии севернее города Ямполь. Преодолевая ожесточенное сопротивление немецко-фашистских войск в условиях весенней распутицы и бездорожья, соединения корпуса во взаимодействии с другими войсками армии освободили город Каменец-Подольский (26 марта). За отличия в боях двум частям корпуса было присвоено почетное наименование Каменец-Подольских (3 апреля 1944 года). За успешное выполнение боевых задач в Львовско-Сандомирской наступательной операции при освобождении города Львов всему корпусу и трем его частям было присвоено почетное наименование Львовских (10 августа 1944 года), а другие соединения и части корпуса награждены орденами. В середине августа 1944 года корпус был переброшен на сандомирский плацдарм и вел бои за его удержание и расширение. Стремительно действовали соединения и части корпуса в Сандомирско-Силезской наступательной операции 1945 года, в ходе которой корпус разгромил группировку противника в районе города Кельце и в ночь на 25 января форсировал реку Одер, завязав бои за удержание и расширение плацдарма на левом берегу реки севернее города Штейнау. В феврале - марте 1945 года корпус вел упорные бои в Силезии. За образцовое выполнение заданий командования в Верхне-Силезской наступательной операции был награжден орденом Суворова второй степени (26 апреля 1945 года). В Берлинской наступательной операции корпус был введен в прорыв 17 апреля в полосе пятой гвардейской армии и, успешно развивая наступление в направлении Луккау, Беелитц (Белиц), во взаимодействии с другими соединениями первого Украинского и первого Белорусского фронтов овладел

городами Потсдам (27 апреля) и Бранденбург (1 мая), завершив окружение берлинской группировки немецко-фашистских войск. В ходе операции корпус уничтожил свыше десяти тысяч и захватил в плен более полутора тысяч вражеских солдат и офицеров, уничтожил и подбил две с половиной сотни танков и самоходных артиллерийских установок, значительное количество другого оружия и техники, освободил из фашистских концентрационных лагерей почти шесть тысяч узников из различных стран. За отличие в боевых действиях по завершению окружения берлинской группировки противника и овладение городами Кетцин, Марквардт, корпус был награжден орденом Ленина (28 мая 1945 года). На завершающем этапе своего боевого пути корпус участвовал в Пражской наступательной операции. День Победы его воины праздновали в освобожденной Праге. За годы Великой Отечественной войны более двадцати восьми тысяч воинов корпуса были награждены орденами и медалями, сорок восемь удостоены звания Героя Советского Союза. В 1945 году шестой гвардейский механизированный корпус был преобразован в шестую гвардейскую механизированную дивизию. А в 1957 году дивизия снова стала шестой гвардейской мотострелковой дивизией.

Пару дней назад Леху Мельникова вся эта торжественная история мало интересовала. Вернее, интересовала, поскольку, насколько можно было написать красивым шрифтом полное название шестой гвардейской мотострелковой в его дембельском альбоме. Вообще-то он должен был стать дембелем еще год назад, но командир шестьдесят восьмого гвардейского танкового полка, уговорил его остаться на год сверхсрочной службы. Комполка очень не хотелось расставаться с отличным механиком-водителем, а Леха был настоящим мастером своего дела. Вот уже третий год он сидел за рычагами «чайки» - так в первом батальоне называли танк комбата и ни разу не облажался. А дембельский альбом Лехи был настоящим произведением искусства. С первой страницы смотрел сам старшина танковых войск Советской Армии Алексей Леонидович Мельников, в парадной форме, на фоне знамени дивизии. Такое фото ему сделали совершенно официально, как отличнику боевой и политической подготовки, когда вручали погоны старшины год назад. А вот остальной альбом представлял собой восхитительно-жуткую смесь редких фотографий, вырезанных из открыток и журналов аппликаций и рисунков. Особенно потрясал один, выполненный на развороте альбома. Там был изображен его Т-54АК, со сползающей гусеницей, в пробоинах от попаданий снарядов. Весь экипаж, торчащий из всех люков танка, тоже был довольно колоритен. Кто-то отстреливался из рогатки, кто-то из детской плевательной трубки. Офицер, высунувшийся из командирского люка (и очень похожий на «батю», как все называли комбата-одина), ловил подлетающую реактивную гранату сачком для бабочек. Сам Леха, высунувшись по-пояс из люка мехвода, гигантским консервным ножом вскрывал вражеский танк, в котором легко узнавался американский М48. Со всех сторон к несомненно геройскому Т-54 тянулись синие стрелки, на которых были написаны фразы типа: «танковый взвод бундесвера атакует с левого фланга»; «американская мотопехотная рота заходит с тыла» или «спереди вражеская артиллерийская батарея». А над всем этим Лехиным творчеством аккуратным чертежным шрифтом был выведен девиз: «Гвардия не сдастся!» С этим шрифтом была особая история. Леха отучился два года в Тульском механическом институте, но не смог сдать четвертую сессию и вылетел, а через три месяца он уже трясся в общем вагоне среди таких же бритых наголо лопухих пацанов по железке в ГДР. Когда, после учебки в Бернау, он попал в танковый полк мехводом, в штабе полка обнаружили, что новобранец умеет быстро и красиво писать чертежным шрифтом и даже тушью, все-таки два года черчения на машфаке Тульского механического института не прошли даром, то очень захотели забрать Леху писарем в штаб. Но Леха уперся, ему уже очень понравилось водить танк. Штабные уже собрались приструнить строптивого

новобранца, но тут начался Берлинский кризис и два батальона убыли из казарм на полигоны, где рассредоточились в готовности №1, а один вообще несколько дней стоял в Берлине на линии строящейся Берлинской стены с заряженными орудиями напротив американских танков. А Леха подменил внезапно заболевшего мехвода «чайки» и очень хорошо показал себя, особенно когда батальон по внезапному приказу командования двадцатой гвардейской армии форсировал Нейсе, по дну, с приборами ОПВТ-1. И тогда, когда батальон только вернулся в казармы, уже уперся «батя». Когда адъютант командира полка, зайдя в боксы, поставил злого и не выпавшегося Леху по стойке «смирно», начал «чморить» его прямо возле еще горячего танка, в боксы вошел комбат. И следующие десять минут танкисты с удовольствием наблюдали, как комбат с выдумкой и расстановкой материт уже стоящего по стойке «смирно» лейтенанта, с которого мигом сошел весь лоск. С тех пор «штабные» затаили на Леху обиду, но ему было плевать - «батя» ему прямо сказал, что его в обиду не даст, пока он, Леха, механик-водитель его танка. Адъютант правда, попробовал пожаловаться комполка на «не соответствующее образу советского офицера поведение командира первого батальона», но этим сделал самую кардинальную ошибку в своей жизни. Срок совместной службы комбата-один и комполка приближался к сроку жизни этого лощеного, но недалекого летехи. И поэтому он уже через месяц ехал на новое место службы, в Забайкальский военный округ, заливая водкой свою печаль по поводу неудачной карьеры в ГСВГ. Сам же Леха отнесся к этим событиям философски. Он только сейчас, спустя год, после того, как остался на сверхсрочную, стал задумываться, что ему делать дальше. «Батя» настойчиво намекал на продолжение военной службы, но для Лехи это был тупик. Не может же он вечно быть командирским мехводом? А карьера офицера, которую надо было начинать с лейтенанта, даже с курсанта третьего курса (вроде бы два года в Тульском механическом должны были зачесть), ему сильно не нравилась. Уж больно бесправным существом надо было быть в начале этой карьеры. Может восстановиться после службы в механическом? Но очень сложно там учиться, да и Лехины друзья, Боря Грибанов и Саня Савичев, с которыми он два года жил в общежитии в одной комнате, уже закончили институт. Отец Лехи, горный мастер в Богородицке, маленьком шахтерском городке Тульской области, советовал восстановиться в механическом и сразу перевестись в горный институт. Этот вариант Лехе нравился больше всего, горные инженеры в его городке были уважаемыми и обеспеченными людьми.

Но сейчас все эти довоенные мысли были Лехой аккуратно задвинуты на задний план, дембельский альбом остался в казарме, под Бернау, а сам Леха предельно внимательно вел свой танк по рокадной дороге №4, подъезжая к Гифхорну, еще утром захваченному поляками. Пройдя Гифхорн, шестьдесят восьмой танковый полк, должен был глубоким охватом слева, заходя левее дороги L188, обойти с юга американские силы возле Целле. В это время десятый отдельный танковый батальон вместе с подошедшим мотопехотным полком польской второй Варшавской механизированной дивизии, переброшенным по первому же приказу нового командарма по рокаде №4 от Ильцена, где она готовилась к наступлению на Мюнстер, получил другую задачу. Которая очень сильно не понравилась командиру десятого батальона, подполковнику Кузьмину Михаилу Яковлевичу. Его танковый батальон вместе с поляками должен демонстративными беспокоящими атаками сковать американцев с фронта. Остальные силы поляков и русских еще находились на марше и должны были вступить в бой с ходу, в том месте, где обозначится успех. Подполковник Кузьмин не стал спешить выполнять приказ, тем более такой невразумительный. Он дождался прибытия командира польского механизированного полка на свой КП, наскоро развернутый на северной опушке лесного массива возле Ансбека. Поначалу он намечал развернуть свой КП западнее, в Лакендорфе. Но вместо

этого городка разведроты из состава разведбата дивизии, приданная его батальону, обнаружила еще горящие руины, от которых вдобавок здорово фонило. Еще одну радиоактивную плешь, окаймленную по краям дымящимися обломками техники, в которой с трудом узнавались грузовики ЗиС-151 и сто двадцати двух миллиметровые гаубицы, он сам наблюдал к северу от Хоне, на дороге L283, когда его батальон десять минут назад проезжал развилку дорог L283 и L284. По всей видимости, летчикам НАТО утром удалось накрыть несколько артдивизионов или даже целый артиллерийский полк во время марша. Пригласив польского командира в свой БТР, и с облегчением отметив про себя, что тот тоже в звании подполковника, а значит, не будет заморочек со знаменитым польским гонором, он развернул перед ним карту местности вокруг Целле. Но к его удивлению, поляк первым делом вынул из кармана кителя бланк радиogramмы, который с кривой улыбкой молча протянул Кузьмину. Подполковник начал читать радиogramму, одновременно сдвигая шлемофон на затылок. Удивляться было чему. Во-первых, новый командарм первой армии Войска Польского, Збигнев Оганович, своим приказом передавал этот самый польский механизированный полк в оперативное подчинение шестой гвардейской мотострелковой дивизии на сорок восемь часов. А во-вторых, комдив шестой мотострелковой уже своим приказом подчинял этот полк уже ему, подполковнику Кузьмину, на это же время. И с этой же целью - «проведением демонстративных беспокоящих атак сковать силы противника к востоку от Целле». Михаил Яковлевич весело посмотрел на поляка и спросил: «Как противника беспокоить будем, активно или демонстративно?». Поляк уныло ответил, что действовать будет так, как прикажет пан подполковник брони, но его полк последние пятьдесят минут проезжал сквозь разрозненные тыловые подразделения двух польских дивизий, восьмой механизированной и шестой пехотной. И, что, судя по всему, от этих дивизий, еще утром успешно наступавших на Целле, больше ничего не осталось. И как может один танковый батальон и один механизированный полк выполнить то, на чем сломались целых две дивизии? Еще было много слов, но Кузьмин, поняв суть, начал пропускать их мимо ушей. То есть, смысл длинной речи польского командира сводился к тому, что его полк состоит поголовно из одних героев и храбрецов, и если прикажут, то все они кинутся на врага, но лично он бы поостерегся. Кузьмин задумался. Явно было ясно, что в таком состоянии от поляка мало толку. И ясно было, что нельзя вот так сразу соваться к Целле, надо дождаться результатов разведки. И заодно дождаться обещанного еще два часа назад корректировщика от авиации. Через десять минут прибыл авиатор, на ГА3-69 вместе с радистом, немецкий оберлейтенант. Через двадцать минут пошли донесения от разведки, о боестолкновениях с американской мотопехотой и легкими танками в лесу к северо-западу от Лахендорф на подступах к дороге L282 и об обстреле танками противника мобильной разведгруппы между Гарссенер штрассе и Альферном. Посоветовавшись коротко со своим начштаба, Кузьмин приказал поляку:

-Выделить из состава своего полка один мотопехотный батальон и одну батарею самоходных орудий ИСУ-152 для атаки совместно с десятым отдельным танковым батальоном в полосе Опперсхаузен-Лахендорф, исходный рубеж сосредоточения - лесная опушка вдоль дороги L311.

-С оставшимися силами сосредоточиться для атаки в полосе севернее Лахендорф-Беденбостель-Хёфер, вдоль Хёферше штрассе, дороги K34.

-Начало атаки-через час.

Подполковник Генри Болл с облегчением вытер вспотевший лоб. Ну, наконец-то! В его КШМ* на базе БТР М114 вошли два офицера, прибытие которых ему пообещал командир дивизии еще пару часов назад.

**КШМ- командно-штабная машина*

-Сэр, четырнадцатый артдивизион прибыл в ваше распоряжение.. –начал докладывать майор в измятой и закопченной форме с артиллерийскими петлицами.

-Какого черта? Оборвал его Генри. –Вы должны были еще час назад быть здесь!

-У чертовых штурмовиков комми было другое мнение. На марше нас трижды атаковали эти проклятые «Fresco». Командир дивизиона ранен и отправлен в госпиталь, мы потеряли пять гаубиц М52 и два транспортера с припасами.

САУ М52, уничтоженная воздушным налетом. Справа американский

джип М151 МУТТ

-Мой батальон тоже бомбили, шестерка «Мясников», как на полигоне прошла по колонне, высыпав бомбы нам на головы. Интересно, где эти бравые парни из Air Force? – Произнес второй офицер, в одном звании с Генри

-Потери? Спросил подполковник, уже остывая так же быстро, как и вспыхнул. К черту, все потом, русские вот-вот начнут атаку, он это ощущал каким-то шестым чувством.

- Восемь «Гэвинов»*, три «Матта» и пять грузовиков, все с припасами. Два «Гэвина» было с четырехдюймовыми минометами. Убито тридцать шесть и ранено сорок восемь человек личного состава. Раненые отправлены в тыл.

** «Гэвин» -прозвище бронетранспортера М113 в американской армии. «Матт» -прозвище в Америке военного джипа М151.*

-Так, понятно. Командир дивизии два часа назад передал ваши части в мое подчинение. Если вы не знаете, те же красные штурмовики полностью уничтожили штаб командования «А». Поэтому, во-первых, Генри повернулся к артиллеристу, - сколько у ваших М52 боекомплекта?

-Полный БК загружен в самоходки и еще половина осталась в уцелевших грузовиках.

-Разворачивайте свой дивизион, вернее то, что от него осталось, вот здесь. Генри склонился над картой, одновременно подзывая майора к планшету в КШМ. Вот в этом районе, в пригороде Целле, между Кляйн-Хелен и Гарссен. Угол возвышения у ваших игрушек, насколько я помню, целых шестьдесят пять градусов? Так что вы можете

заезжать поближе к домам, так и с воздуха вас меньше заметно будет. Что? Какая к черту безопасность местных жителей! Сегодня утром наши ВВС нанесли в пяти милях от города шесть ядерных ударов, какие к черту стекла в домах! Быстрее спускайтесь с небес на землю. Красные вот-вот снова попрут на нас, уже были перестрелки с их разведывательными машинами, мы подбили два БРДМ-1. Это значит, что напротив нас разворачивается свежая механизированная часть, а вы печетесь о стеклах каких-то джерри, которых уже нет! Через двадцать минут ваш дивизион должен быть готов открыть огонь!

Во-вторых, он повернулся к командиру мотопехотного батальона. - Подполковник, выделите взвод из своего батальона на непосредственное прикрытие артиллеристов. И, еще, из самого срочного, секция заправки у вас уцелела? Слава богу, выделите пару заправщиков для моих танков, они все почти пустые. Так, дальше ваш батальон я разбираю, одна рота отправится в лесной массив на правый фланг, вот сюда, здесь у меня танковая рота и впереди нее развернута часть потрепанного восьмидесят второго разведбата. Эти ребята сегодня с утра работали с нами и им серьезно досталось, так что сильно на них не рассчитывайте, максимум что они смогут - обеспечить боевое охранение, чтобы комми не застали вас врасплох, кстати, столкновения сорок минут назад были и там. И отправляйте туда же свою пару уцелевших самоходных минометов, здесь у нас, на левом фланге останется минометная батарея моего батальона, она сегодня почти не стреляла.

При этих словах все, как сговорившись, посмотрели на юго-запад. Там, на поле, тянувшемся вдоль дороги 191 от Гарссена до самой поймы реки Аллер, еще дымились густо стоявшие подбитые танки Т-54 с польскими орлами на башнях.

-Думаете после такой оплеухи они снова полезут? Удивленно спросил артиллерист. -Я уверен в этом, сказал подполковник Генри Болл. -Майор, а почему вы еще здесь? Занимайте свои позиции, у нас мало времени. -Черт, да его вообще нет! -Закричал Генри, снова заводясь. И, словно в подтверждение его слов, с востока послышался рев почти двух сотен моторов. Танки польского механизированного полка и десятого отдельного батальона выходили на исходный рубеж для атаки.

Капитан ВВС Советской Армии, начальник фотолаборатории сто двадцать второй отдельной разведывательной эскадрильи еще раз покрасневшими от недосыпания глазами посмотрел на ряд еще мокрых снимков, которые его лаборатория только что отпечатала. Двадцать минут назад на аэродроме приземлился очередной разведчик Як-25РВ, летавший над районом, которому командование с утра приказало уделить особое внимание. Он еще раз, через лупу просмотрел некоторые из фотографий. Потом длинно выругался и решительно взялся за трубку телефона: - Дежурный! Код «Атом»! Дай мне «Вершину»*, срочно!

*«Атом» - кодовое слово в СА, обозначающее срочную информацию о применении/обнаружении средств ядерного нападения.

*«Вершина» -позывной штаба Приморского фронта

Начальник штаба Приморского фронта генерал дивизии Тучапски надеялся, что его голос не дрожит. В механизированном полку, который командующий фронтом недавно перебросил под Целле, служил его единственный сын, поручик Анджей Тучапски.

Командиром танкового взвода. И тут доклад по коду «Атом», об обнаружение почти готовых позиций американской атомной артиллерии к западу от Целле!

-Да, товарищ генерал брони, обнаружены три позиции, из них одна сдвоенная. На снимках орудия еще на транспортерах возле позиций, четыре единицы, идет инженерная подготовка огневых позиций. Но с учетом прошедшего времени они должны уже начать установку орудий. Да, разведчики из ВВС, на транспортерах однозначно опознали двухсот восьмидесяти миллиметровые пушки М65. Я уже отдал приказ в сто семьдесят пятую ракетную бригаду и переслал координаты, не дожидаясь, когда вы закончите свой разговор с командующим Западным фронтом, извините, но счет идет уже на минуты. Ракетчики нанесут удар по этому району одним дивизионом через десять минут, дивизион уже находился в готовности №2 в момент получения приказа. Почему целым дивизионом? У них только четыре атомных боеголовок на ракетах, 269А по десять килотонн. По сдвоенной позиции ракетчики отработают двумя ракетами, с задержкой в две минуты. Остальные две – химические, с головными частями 3Н8, это почти по тонне зарина. Целями для этих ракет назначены места, однозначно определенные как позиции частей материально-технического обеспечения моторизованных войск противника, одна вот здесь, западнее моста через Везер возле Нинбурга, и вот тут, в трех километрах к северу от озера Штрайнхудер, в лесу возле Шнеерена. Сейчас дам команду «Веселому», чтобы предупредил свои части о нашем атомном ударе.

**«Веселый» - позывной штаба 6 гвардейской мотострелковой дивизии в 1962 году.*

Леха Мельников, прибавив скорость, с ходу проломился сквозь придорожное кафе, стоявшее возле заправки на перекрестке шоссе номер 3 и дороги 188 к западу от Бургсдорфа. Заодно раздавив двух придурков в полицейской форме, вздумавших пострелять из пистолетов по танкам. Батя, наблюдавший из командирского перископа за местностью, скомандовал в микрофон: «Батальон, всем поворот на север, идем шеренгой, держать интервалы. Не отставать от разведки!».

Советские танки Т-54А на марше

Леха дисциплинированно двинул рычаги и его командирский Т-54АК массой тридцать шесть с половиной тонн легко крутнулся направо, и пошел в указанном направлении, взревев дизелем в полтысячи лошадей, набирая скорость.

-Алексей, держись за ПэТэшкой на этом расстоянии, не отставай! Раздался в шлемофоне голос Бати. Леха коротко ответил «понял», не упуская из виду легкий танк ПТ-76, время от времени исчезающий в перелесках в километре к северу.

-Пехота! Снова слышался голос Бати, на самом деле обращавшегося к бронетранспортерам мотострелковой батальона шестьдесят восьмого танкового полка, поротно следовавшим за тремя танковыми батальонами:

-Не отставать, идти за танками, дистанция сто метров, наблюдать за местностью. Повторяю всем - в населенные пункты не заходить! В этот момент затрещал вызов дополнительной радиции Р-113, настроенной на частоту штаба полка.

- Я «желудь-1», прием. Прокричал в гарнитуру, поданную радистом, Батя.

-Принял, сигнал Атом!

-Всем, срочно. Атом! Закрывать люки, опустить светофильтры! Быть готовым к потере радиосвязи, связь дублировать ракетами! Прокричал Батя, обращаясь уже к батальону. И потом, уже спокойно произнес в ТПУ*:

- Экипаж, проверить средства защиты, включить ФВУ*!

**ТПУ – танковое переговорное устройство,*

**ФВУ- фильтровентиляционная установка, нагнетает через фильтр избыточное давление в боевую технику при закрытых люках, защищая экипаж от некоторых факторов оружия массового поражения*

Леха, чертыхнувшись про себя, закрыл люк мехвода. Все-таки с открытым люком вести машину было гораздо легче, чем через триплексы. Потом, подумав, выдернул разъем из уже отключенного активного прибора ночного видения ТВН-1. За всей этой суетой Леха потерял ПТ-76 разведчиков из виду. И, в общем-то, весь батальон тоже. Прибавив газу, чтобы нагнать разведку, танки батальона выскочили из поросшей кустарником низины и увидели безрадостную картину. ПТ-76, который должен был ехать перед ними, уже весело горел, двое танкистов, выскочивших из танка, катались по земле, пытаясь сбить пламя на комбинезонах. Еще один, уже мертвый, бессильно свесил руки, высунувшись по пояс из башенного люка. А справа, метрах в четырехстах, стоял, сбросивший маскировочную сеть джип М38А1, в кузове которого расчет в форме бундесвера спешно разворачивал безоткатное орудие М40 в сторону Лехино танка. Впрочем, не весь расчет. Один солдат, отошедший от джипа метров на десять, неспешными очередями расстреливал горящих советских танкистов. Вся эта картина пронеслась перед Лехиными глазами в одно мгновение, а дальше события понеслись галопом. Батины матюки, ответ заряжающего «осколочный заряжен», жужжание электропривода поворота башни, команда «короткая». Руки и ноги Лехино организма делали все сами, на автомате, отточенными десятками тренировок. А разум заворуженно смотрел на зрачок сто шести миллиметрового отверстия вражеского орудия, который медленно, но неумолимо поворачивался, глядя, как казалось Лехе, прямо в душу. Все это длилось, как Лехе показалось тогда, целую вечность. И как он понял потом, на самом деле всего пару секунд. Немецкий наводчик, тоже видя, как бездонный зрачок советской сто миллиметровой пушки Д-10ТГ поворачивается, одновременно стабилизируясь в вертикальной плоскости прямо ему в лицо, дрогнул, и выстрелил, не успев прицелиться, как следует. А может быть, прицел был взят верный, но плохая баллистика безоткатного орудия чуть подвела, ведь трассеры пристрелочного крупнокалиберного пулемета уперлись в башню танка чуть выше и левее Лехиной головы. А вот кумулятивный снаряд просвистел, оставляя за собой светящийся след, притирку слева от башни. И в ту же секунду джип, который Леха успел возненавидеть от всей души, исчез в огненной вспышке разрыва осколочно-фугасного снаряда массой пятнадцать с половиной килограмм. Вместе с орудием и со всем расчетом. Новый прицел ТШ-2А-22 со шкалой дальности до цели на таком небольшом расстоянии практически не давал промахов.

-Серега, молодец! Прохрипел наводчику осевшим голосом в ТПУ Батя.

–Экипаж, смотреть в оба, это были не последние немцы. Леха, давай осторожно к нашим, надо им помочь. «Это он про танкистов со сгоревшей ПэТэшки», понял Леха. «А я, олень, как увидел вражеский ствол, так про них и забыл». Он посмотрел на горевший ПТ-76. Уцелевшие двое танкистов, выжившие и при попадании снаряда из безоткатки, и после обстрела из автомата, двигались в его сторону. Вернее, один, уже сбивший пламя и с себя и с товарища, волоком тащил второго, едва шевелившегося. «Сейчас мужики, сейчас я подъеду», торопливо шептал Леха, не задумываясь, что эти двое никак не могут его услышать.

-Леха, близко к ПэТэшке не подъезжай, боекомплект может рвануть. Остановись за сотню метров, я выскочу, помогу. - Проговорил Лехе стрелок-радист, начиная открывать защелку верхнего люка. И в ту же секунду весь осенний пейзаж перед ними превратился в двухцветную очень контрастную картинку. Вернее, почти двухцветную - все залило ослепительно белым, ярким до невозможности светом, и только редкие сине-черные, неимоверно длинные тени тянулись от стоявших спереди-справа деревьев.

-Вспышка справа! -первым опомнился и заолошно заорал в ТПУ заряжающий.

-Три вспышки - через пять секунд поправил его Батя.

27 октября, 21-40, московское время. Эгейское море. 40 миль к юго-востоку от Афин. Через 3 часа 40 минут после начала конфликта.

Командир авиакрыла авианосца «Корал Си» ругал себя последними словами. Ведь хотел же он выпустить еще одну патрульную пару «Крестоносцев», прежде чем начинать подъем штурмовиков! Но вышестоящее командование устроило по радио настоящую истерику, требуя срочно поднять обе эскадрильи, VA-55 и VA-176, а потом всем резко стало не до того. Штурмовики срочно понадобились, чтобы как можно быстрее покончить с нахальным русским линкором «Победа», нагло обстреливающим Стамбул, это надо же, русские додумались пригнать эту лоханку к Босфору, угрожая туркам атомными снарядами, чтобы они не дали нашим парням запустить «Юпитеры» из-под Измира! Но в итоге, два «Юпитера» все-таки взлетели, полыхнув атомным огнем над черноморскими городами Советов, «Победа» в отместку успела положить девять снарядов по Стамбулу и его окрестностям, каждый мощностью по десять килотонн, до того, как его парни на «Скайхоках» добрались до наглого русского линкора. Легкой победы у пилотов из авиакрыла «Корал Си» не получилось, русский линкор прикрывала как минимум эскадрилья МиГ-19. Они сбили почти все А-4 эскадрильи VA-55, но потом были связаны боем с многочисленными турецкими «Сейбрами». Конечно, турецкие F-86F сильно уступали по своим качествам более современным МиГ-19, но турков было просто больше. И с мотивацией у них сейчас недостатка не было, они очень хотели вогнать под воду это чудовище, равномерно выдыхающее атомную смерть на свой самой большой многомиллионный город. В итоге турецкие «Сейбры», отдавая четыре своих машины за одну советскую, дали возможность спокойно отработать второй эскадрилье, VA-176. И «Скайхоки» не подвели, разойдясь веером, они свалились на этот чертов линкор со всех сторон. Шесть «Скайхоков» были сбиты зенитной артиллерией линкора и эсминцев охранения, но остальные сумели высыпать по «Победе» свой груз. Пара бомб Mk7, мощностью одна килотонна каждая, попала прямо в линкор, остальные упали в непосредственной близости. Когда развеялись атомные грибы, вставшие над соединением адмирала Чурсина, на поверхности моря не осталось ничего. А в это время всем «Крусейдерам» и «Демонам» с «Корал си», включая патрульную пару, совместно с авиагруппой подоспевшего авианосца «Индепенденс» пришлось срочно идти на перехват большой группы советских Ил-28, к тому же плотно прикрытых болгарскими и советскими МиГами. В эту собачью свалку были брошены все истребители с авианосцев, вдобавок «Индепенденс» поднял еще одну свою эскадрилью «Скайхоков» А-4В, вооружив их в дополнение к двум двадцати миллиметровым пушкам Mk.12 парой ракет «Сайдвиндер». Бурная схватка в северной части Эгейского моря окончилась победой американцев, ни один «Мясник» не прорвался к ордеру авианосных групп, но когда усталые пилоты на поврежденных машинах в полном беспорядке садились на авианосец, случилось ЭТО.

Никто не понял, откуда взялась эта чертова пара самолетов, сначала их даже приняли за израильские «Супер Мистеры» или «Супер Сейбры» USAF, непонятно только, откуда они здесь взялись? Они пришли с юга, где не могло быть самолетов противника. Откуда было им взяться, ведь авианосец находился почти на траверсе Афин? А с севера, востока и запада была территория стран-союзников по НАТО, Греции и Турции? Да и с юга были свои авиабазы на островах Крит и Кипр. Тем не менее, пара самолетов, которую в конце концов опознали, как МиГ-19, пришла именно с юга на малой высоте, ухитрившись проскочить мимо кораблей эскорта к «Корал Си». А все было предельно просто, и в то же время невероятно. Хотя МиГи, появившиеся так внезапно, несли опознавательные знаки ВВС Объединенной Арабской Республики, но в их кабинах сидели советские пилоты.

27 октября, 19-10, московское время. Объединенная Арабская Республика. Египет, авиабаза Мерса-Матрух. Через 1 час 10 минут после начала конфликта.

Подполковник Сергей Синцов неверяще посмотрел на радиоприемник, стоявший в углу КП. Только что оттуда прозвучал смертный приговор его семье, которая, как он знал из писем, гостила у родственников в Севастополе. Американская атомная ракета упала на Севастополь, город практически уничтожен. Вообще, база египетских ВВС Мерса-Матрух, где он с напарником, еще одним советским летчиком, работал инструктором, вбивая в горячих египтян основы пилотирования, казалась в этом дурдоме, охватившем всю планету, островком спокойствия. Даже плановые учебные полеты не отменили, следующий через пятнадцать минут. Полеты! Ну точно, по данным радиоразведки, сейчас в семистах километрах к северу от них находятся два американских авианосца, идут прямо на север, активно выпуская самолеты. Желая сделать хоть что-то, он вышел, быстрым шагом, почти бегом подходя к площадке по подготовке самолетов. Он обратился к технику эскадрильи:

-Амир, повесь на мою машину подвесные баки, на все пилоны.

-И на мою тоже.- Прозвучал за его спиной голос Ивана, второго советского инструктора на авиабазе. Он обернулся, Иван смотрел на него с печальной, все понимающей усмешкой.

-Думаешь, я не понял, что ты задумал? Рассчитаться с американцами, я же знаю, что твои в Севастополь на отдых поехали. А у меня в Балаклаве мама. Они ж сейчас выпускают самолеты, наверняка для удара по нашим или болгарам. Смотреть будут все на север, патруль тоже северный сектор прикрывать будет, а мы тихонько подойдем с юга, километров за сто снизимся на малую высоту, они как раз возвращаться будут с вылета, будут с повреждениями, усталые. Подскочим на форсаже, ударим, собьем кого-нибудь, и обратно. Топлива впритык хватит.

Когда уже они занимали места в кабинах своих самолетов, к Синцову внезапно подошел майор Хосни Мубарак, командир египетской эскадрильи Ил-28, тоже проходившей переподготовку на авиабазе после боевых действий в Йемене. Он просто сказал:

-Я говорил с командиром базы, к нему только что прибежал техник вашей эскадрильи, и командир все понял. Он не будет вам мешать. Мужчина может жить, как он хочет, но умирать он должен как мужчина. Удачи.

Синцов только молча кивнул в ответ.

27 октября, 21-40, московское время. Эгейское море. 80 миль к югу от острова Хиос. Через 3 часа 40 минут после начала конфликта.

Вначале все было, как они и рассчитывали. С южной стороны авианосец прикрывали только два фрегата, они прошли между ними над самыми волнами, резко набирая высоту и сбрасывая подвесные баки. Иван сделал это чуть раньше и сразу, еле набрав триста метров по альтиметру, увидел американцев. На посадку к авианосцу шел поврежденный, с дымящимся двигателем, «Демон», а дальше, сбоку и выше от него висел вертолет. Иван повернул на F-3 и с дистанции менее полукилометра выпустил по нему две очереди из тридцати миллиметровых пушек, «Демон», получив не менее пяти снарядов прямо в фюзеляж, просто развалился в воздухе.

Палубный истребитель-перехватчик US NAVY F-3B Demon с 4 УР AIM-7C

А Иван, повернув машину еще (про МиГ-19 опытные летчики говорили, что он может развернуться вокруг кончика своего крыла), прострочил из своих пушек вертолет, который исчез в огненном облаке взрыва. После чего, опять нырнул вниз, буквально прижимаясь к гребням волн, уходя на юг со снижением. А Сергею не повезло. Едва он, с запозданием, вслед за Иваном вывел машину в набор высоты, его МиГ попал под обстрел всполошившихся зенитных орудий американцев. Когда самолет буквально влетел в облако разрыва снаряда и содрогнулся от частых попаданий осколков, Сергей ясно осознал, что все кончено. Он бросил взгляд на фото жены с детьми, которое в это вылет прикрепил прямо в уголке переплета остекления фонаря и решительно повернул машину на авианосец. Дымящийся МиГ-19 спикировал прямо на кормовой самолето-подъемник правого борта, находящийся за надстройкой, прямо за дымовой трубой. На него палубная команда как раз несколько минут назад закатила «Крусейдер» и он опускался вниз, чтобы доставить истребитель в ангар, на заправку и пополнение боекомплекта. Взрыв искорежил подъемник, уничтожив оба самолета. Повредил дымовую трубу. Вдобавок, осколками оказались серьезно повреждены сразу обе SPN-42, системы обеспечения посадки самолетов. Той части пилотов авиакрыла CV-43, которая еще находилась в воздухе, пришлось бы совсем кисло, не будь поблизости второго авианосца. А так, «Индепенденс» принял все уцелевшие самолеты с «Корал Си», а сам CV-43, в одночасье превратившийся из красивого большого (водоизмещением более шестидесяти тысяч тонн) корабля типа «Мидуэй» в дымящуюся развалину, ковыляющую по волнам со скоростью не более двадцати узлов, пошел в Испанию на ремонт.

Поэтому командир авиакрыла авианосца «Корал Си» был крайне расстроен. Этот чертов русский линкор не только обошелся ему в две почти полных эскадрильи ударников. Он еще сорвал часть SIOP, которую должен выполнить CV-43. По этому

плану «Корал Си» совместно с «Индепенденсом» должен был превратить в радиоактивный шлак терминалы Одессы и верфи Николаева, сейчас это невыполнимо. Вконец добила командира принесенная уже глубокой ночью шифровка из штаба шестого флота, он, не сдерживаясь подчиненных, длинно выругался. В ней предписывалось следовать на ремонт в Испанию, а все четыре эскадрильи авиакрыла (вернее, то, что от них осталось) срочно отправить на аэродромы Голландии и Западной Германии, в подчинение второго ЦУВО.

28 октября, 00-30, московское время, 27 октября, 13-30, местное время. Гора Шайенн, защищенный командный пункт, совещание Министра обороны США и Объединенного комитета начальников штабов (Joint Chiefs of Staff). Через 6 часов 30 минут после начала конфликта.

Роберт Стрэйндж Макнамара, министр обороны США:

-Хорошо, джентльмены. С вопросами по стратегическим силам мы разобрались. С ситуацией вокруг Кубы тоже. Следующий по важности вопрос - ситуация в Европе, в первую очередь в Германии. Там положение катастрофическое. Нами полностью потеряно превосходство в воздухе, это недопустимо. Последний раз наши парни сражались в таких условиях на Филиппинах, в конце 1941-начале 1942 годов. Все помнят, чем это закончилось?

Начальник штаба сухопутных войск, четырехзвездный генерал Эрл Гилмор Уилер внутренне поежился. Он не был на Филиппинах с Макартуром в ту войну. Он понюхал порошу в Европе, в 1944 году, в составе шестьдесят третьей пехотной дивизии. Он просто представил себя на месте немцев, тогда, в 1944. Когда своя авиация реагировала на каждый чих любого пехотного капитана, утюжа немецкие позиции. И надежно прикрывала их от вражеских атак с воздуха. А сейчас в Северной Германии вот-вот вступит в бой вторая бронетанковая дивизия, которой он командовал несколько лет назад. И, выходит, его бывшей дивизии придется примерить на себя незавидную тогдашнюю участь немецких танковых частей? Он еще раз внутренне содрогнулся, вспоминая длинные ряды немецких танков и грузовиков, расстрелянных с воздуха парнями из USAF. Генерал Эрл Уилер задал вопрос:

-А что с переброской самолетов в Европу в случае войны? Туда же по планам должна была отправиться целая прорва самолетов тактического авиационного командования? Ему ответил Томас Уайт, тоже четырехзвездный генерал, начальник штаба USAF:

-Во-первых, большая часть самолетов пока занята этой чертовой Кубой. Вдобавок мы уже понесли изрядные потери от зенитных ракет и истребителей, которых на этом острове оказалось, как мух на здоровенном куске дерьма (родом из сельского Уолкера в Миннесоте, Уайт, когда злился, ругался почище пьяного фермера. А сейчас он был очень зол). Благодаря нашей доблестной разведке, которая прошляпила появление этой оравы у нас под носом. И, во-вторых, мы потеряли часть самолетов, в результате русской ракетной атаки. Из состава двух тысяч самолетов тактического авиационного командования мы сейчас можем перебросить в Европу чуть больше половины.

-Это что же, Том, мои парни завтра утром окажутся в положении джапов или джерри в конце прошлой войны? Вскинулся Уилер.

- Спокойнее, джентльмены. Для того мы здесь и собрались. Сейчас заслушаем подробнее доклад Томаса, какие крылья и эскадрильи он может сейчас отправить в

Европу, а потом будем принимать решения. Сразу скажу, недостающие силы мы возьмем у флота и корпуса морской пехоты. Это не обсуждается, это приказ президента! -Осадил Макнамара начавших было возражать при последней фразе командующего штабом морских операций и коменданта морской пехоты.

Спустя полчаса.. Генерал Томас Уайт:

-Таким образом, для переброски в зону ответственности второго ЦУВО у тактического авиационного командования на сегодняшний момент есть: четыреста пятидесятое авиакрыло истребителей F-100C, четыреста пятнадцатое авиакрыло истребителей-бомбардировщиков F-100D, триста тридцать пятая эскадрилья тактических истребителей F-105B, четвертое авиакрыло тактических истребителей-бомбардировщиков F-105D. Это всего триста тридцать машин, вместо пятисот запланированных. Могу еще перебросить две эскадрильи истребителей-перехватчиков F-102A из Кефлавика, Исландия, если флот возьмет на себя обязанность прикрыть это направление. Это еще тридцать машин.

-Мы не можем этого сделать. Нет свободных сил. Все авианосцы в Атлантике задействованы или возле Кубы, или для планируемого удара по району русского десанта в Норвегии. Да и для сопровождения «пожарной команды» надо что-то выделить, Эрл, ты же не хочешь, чтоб твоих парней утопили на полпути к Европе? -Отреагировал командующий штабом морских операций (Chief of Naval Operations, CNO) адмирал Джордж Уилан Андерсон.

-ОК. Тогда мы можем вместо «Дротиков» перебросить две эскадрильи «Старфайтеров» из Флориды, триста девятнадцатую и триста тридцать первую, но с учетом того, что они только что призваны из Национальной гвардии, толку от них в Европе будет немного. К тому же это F-104A, модификация без пушки и оборудования для работы по земле, их можно использовать только как перехватчики. -Флегматично ответил Томас.

– Но все равно нам по довоенным раскладам не хватает полторы сотни машин.

Макнамара выразительно посмотрел на командующего штабом морских операций и коменданта морской пехоты.

–Сначала вы, адмирал. -Обратился он к Андерсону.

-Ума не приложу, как флот может помочь в этой ситуации. Резервные эскадрильи Атлантического командования в Далласе уничтожены ракетным ударом, почти все. «Голубую Немезиду» из Норд Айленда, Миннеаполис, вы, сэр недавно передали в подчинение NORAD. ("Скайрэй" из VF-3 отличались эффектной раскраской: синие киль и гаргрот были усыпаны мелкими звездами разных размеров. Они регулярно участвовали в различных авиашоу и получили такое грозное название). Резервные силы в Мирамаре трогать нельзя, вот-вот состоится атака наших авианосных групп по советскому Дальнему востоку, они будут нужны для срочного пополнения потерь, а они ожидаются немаленькими. Запасные авианосные эскадрильи на базах флота за пределами страны наполовину ушли на компенсацию уже понесенных потерь. И более того, мы уже отдали в подчинение USAF резерв для пополнения эскадрилий VF-171 и VF-32, двенадцать истребителей F8U-2N «Крусейдер» из Ацуги в Японии. Разве что.. Адмирал покопался бумагах, лежащих перед ним.

–Да, мы можем отдать на неделю авиакрыло с CV-43 «Корал Си». Все равно он получил повреждения в бою в Эгейском море и принимать самолеты не может. До окончания ремонта «Корал Си» они твои, Том. -Обратился он к начальнику штаба USAF.

-Отлично, это же четыре эскадрилью, я так понимаю? Шестьдесят машин? Обрадовался Томас Уайт.

-Не совсем так. Ударные эскадрильи понесли серьезные потери при атаке этого проклятого русского линкора-камикадзе, который сжег Стамбул. А истребительные – при отражении звездного налета комми на соединение. Так что не надо возлагать слишком надежд на это крыло, оно совсем не то, что было сутки назад.

-Адмирал, вы можете прямо сказать, сколько сейчас самолетов может вылететь на помощь второму ЦУВО? Вмешался Макнамара.

- Из двух ударных эскадрилий боеспособно девять штурмовиков А-4В «Скайхок». Из двух истребительных боеспособны одиннадцать F-3С «Демон» и восемь F8U-2N «Крусейдер». Это все, что может выделить флот. И, кстати, взамен я бы попросил исключить из флотской части SIOP Одессу и Николаев, у нас осталось слишком мало сил в Средиземном море для успешного удара по этим целям. - Мрачно произнес адмирал.

Все потрясенно замолчали. Нет, все люди, собравшиеся за этим столом, прошли в американских вооруженных силах долгий путь, участвуя в различных войнах и конфликтах. Они командовали частями и кораблями своей страны, которые находились в самом пекле прошлых сражений. Они также понимали, что начавшаяся третья мировая война легко затмит по потерям и жертвам все прошедшие войны, вместе взятые. Но одно дело предполагать, основываясь на предвоенных прогнозах различных экспертов, а другое - услышать реальные цифры, уже ставшие фактом. О таких потерях в рядовой, казалось бы, стычке Америка не слышала со времен битвы в Коралловом море, в честь которой и был назван авианосец с бортовым номером CV-43.

Нарушил молчание начальник штаба USAF. Он уже прочитал сводку о потерях, которые понесла его тактическая авиация в Европе. Поэтому отнесся к сообщению адмирала спокойней всех. Подумаешь, потери в половину состава авиакрыла. Некоторые эскадрильи USAF в Германии погибли полностью! Он, вспомнив еще одно донесение, произнес, обратившись к адмиралу Андерсону:

- Джордж, я прошу еще вместе с крылом передать все ядерное оружие, которое осталось на «Корал Си». Флот может его перебросить по воздуху вместе с самолетами?

Адмирал вопросительно посмотрел на Макнамару. Министр обороны утвердительно кивнул, но сразу внес поправку:

- Давайте так. В зоне ответственности второго ЦУВО, как я полагаю, обустроить новую складскую базу для этого оружия не совсем разумно. Слишком велика угроза от русских тактических ракет и диверсантов, мы потеряли уже кучу людей и имущества от этих причин. Мы создадим тыловую базу в Шотландии, в Лоссимуте, там центр подготовки самолетов авианосной авиации кузенов, договоренность президента и англичан на это уже есть. На передовых базах в Западной Германии, Бельгии и Голландии будет только все минимально необходимое для полетов плюс некоторое количество ядерного оружия, потребное для суточных вылетов. Согласны? - Спросил он начальника штаба USAF и командующего штабом морских операций. Генерал Томас Уайт согласно кивнул, а адмирал Андерсон добавил:

-ОК, согласен. К тому же флоту будет проще забрать свое из Лоссимута, чем собирать имущество по всей Германии. Но, Томас, - он обратился к генералу Уайту, - флот может обеспечить доставку только восемнадцати единиц сразу с самолетами. Их мы можем

сразу подвесить на «Скайхоки». Остальное получишь через двадцать четыре часа, просто мы не сможем сажать транспортники на «Корал Си», придется организовывать переброску вертолетами и перегрузку на аэродроме в Суде, на острове Крит. И, в таком случае, ты обеспечишь моим парням дозаправку по всему маршруту полета. Детали согласуют наши офицеры, - Обратился он уже к Макнамаре.

-Хорошо. А теперь, какие силы может выделить КМП? – Министр обороны обратился к молчащему до сих пор коменданту корпуса морской пехоты, четырехзвездному генералу Дэвиду Шоупу.

– Нужно еще как минимум не меньше полного авиакрыла, причем срочно.

-Целиком крыла у меня нет. Корпус готов перебросить две эскадрильи - VMF-114 и 115- это сорок истребителей-бомбардировщиков F4D-1 «Скайрэй». И три эскадрильи «Крусейдеров», это семьдесят две машины. Это все, что мы можем быстро перебросить из Черри-Пойнта, Нью-Ривера и Бофорта в Южной и Северной Каролине. Перебрасывать сначала в Лоссимут, мне идея понравилась. Дозаправку по Атлантике обеспечивают USAF. Оттуда уже по обстановке парни Тома их будут направлять на конкретные аэродромы второго ЦУВО. Остальные силы на восточном побережье нужны для обеспечения высадки на Кубе. С тихоокеанского побережья перебросить быстро не получится, это, во-первых. Во-вторых, они уже срочно нужны в Корею. И могут еще потребоваться на Алеутах, если у наших флотских друзей что-то пойдет не так. - Он не упустил случая поддеть старого соперника по выбиванию денег из конгресса. Адмирал Андерсон хотел было отпустить ответную колкость, но сдержался. В самом деле, несколько эскадрилий истребителей КМП на аэродромах Атту и Адак могут оказаться далеко не лишними, судя по бою в Эгейском море.

28 октября, 08-30, время по Гринвичу. Северная Атлантика, 200 миль к северо-западу от Шотландии, 40 миль южнее Фарерских остров. Через 17 часов 30 минут после начала конфликта.

-Разгрызи меня бог, вроде и не пили вчера ничего!

-Все в порядке, я тоже их вижу. Это гребаные «Барсуки», Ту-16. Так переговаривались между собой пилоты эскадрильи VMF-114 истребителей-бомбардировщиков F4D-1 «Скайрэй».

Истребитель-бомбардировщик Корпуса морской пехоты США F4D-1 «Скайрэй»

Длинный перелет эскадрильи с несколькими дозаправками в воздухе и промежуточной посадкой в Исландии уже подходил к концу. «Скайрэй» имел небольшую перегоночную дальность, всего девятьсот пятьдесят миль. Два топливных бака емкостью триста галлонов каждый, подвешенных на центральные узлы машины, увеличивали эту цифру, но не сильно. И поэтому двадцать F4D-1, летевшие двумя колоннами пар на высоте шесть тысяч миль, сейчас вообще-то напряженно высматривали четверку заправщиков KC-97, в точке рандеву, отстоящей отсюда всего в тридцати милях. И к великому своему удивлению, увидели тройку «Барсуков», разворачивающихся с набором высоты на десять часов на фоне утреннего солнца.

Командир VMF-114 принял решение. Опросив пилотов об остатке топлива, он выделил шестерку для атаки, а сам стал вызывать диспетчера авиабазы Лоссимут, с которым договаривался буквально десять минут назад о встрече с заправщиками. Диспетчер долго переспрашивал его, уточняя курс, на который легли русские бомбардировщики, а потом передал его сообщение в центр ПВО Шотландии. Через три минуты центр ПВО вышел на связь и сокрушенно сообщил:

-Ничего не можем сделать. У меня сейчас в этом районе только звено «Хантеров» и пара «Джавелинов». Если «Барсуки» легли на обратный курс к Норвегии, они их просто не догонят.

-Ничего не понимаю. Так свяжитесь с норвежцами, они же смогут их перехватить.

-Эээ, парни, добро пожаловать в Европу. Может вы и не знаете, но сегодня ночью Советы высадили в Норвегии крупный комбинированный воздушный и морской десант, предварительно нанеся по нашим силам серию ударов с воздуха. Все базы НАТО в Норвегии не отвечают, но достоверно известно, что русскими захвачены все аэродромы начиная с Будё и севернее.

Советский дальний бомбардировщик Ту-16 на боевом курсе

Звено самолетов Ту-16 девятьсот двадцать четвертого отдельного гвардейского морского бомбардировочного Краснознаменного Киркенесского авиационного полка как раз разворачивалось с набором высоты после нанесения успешного удара по Фарерским островам. Десять минут назад самолеты звена точно высыпали по намеченным целям двадцать семь тонн фугасных бомб. Были полностью уничтожены пост РЛС дальнего обнаружения и, самое главное, только что введенная в строй, узловая станция SOSUS, SOund SUrveillance System, Звуковой Системы Наблюдения, гидроакустической противолодочной системы США. Предназначенная для обнаружения и идентификации подводных лодок, станция на Фарерах, была стержнем второго (и последнего) противолодочного рубежа Гренландия-Исландия-Фареры-Великобритания. Первый рубеж (мыс Нордкап-Медвежий остров) был прорван сегодня ночью, когда советские десантники захватили станцию слежения на мысе Нордкап вместе со всем персоналом. Отныне

советские подлодки смогут незамеченными прорываться в Атлантику. За это положен орден Красного Знамени, не меньше. Эти сладкие мысли командира звена прервал доклад КОУ (*командира огневых установок*), сидящего в хвосте самолета вместе с радистом в хвостовой кабине самолета.

-Командир, наблюдаю шесть истребителей, идут прямо за нами!

-Тип опознал?

-Не совсем, какие-то палубники, «Скайрэи», «Демоны» или «Крусейдеры», идут выше нас, хвостов не видно!

Тем временем ведущий шестерки F4D-1 продолжал вести свою группу с набором высоты. F4D-1 превосходил Ту-16 по максимальной скорости на высотах больше десяти километров всего на сто шестьдесят километров в час, но «Скайрэи», мог лететь на форсаже гораздо меньше времени, чем Туполев. И это мизерное преимущество еще уменьшалось, учитывая остаток топлива у данной шестерки. И отсутствие аэродромов поблизости. «Скайрэи» смогли приблизиться к Ту-16 на три километра, когда звено «Барсуков» наконец, закончило разворачиваться и набирать высоту двенадцать километров. Тем временем, командир звена закончил свое сообщение на КП полка. Появление палубных самолетов в этом квадрате означало только одно, поблизости находится американский авианосец. Причем, примерно в том же месте, где сегодня поздно вечером уже был потоплен один авианосец, предположительно британский «Гермес». «Если только наши доблестные подводники не приукрасили действительность. Но самолеты явно в американской окраске, значит они с другого авианосца. Медом что ли здесь им намазано?» - отвлеченно подумал он. Но, как бы то ни было, командованию необходимо узнать об этом незамедлительно. Тем временем КОУ, сидевший в хвосте Ту-16, уточнил тип вражеских истребителей (свои здесь появиться никак не могли). Шестерка F4D-1 шла уже с превышением в полтора километра и восходящее солнце позволяло рассмотреть их силуэт достаточно подробно.

Потому он скомандовал всему звену:

-Всем, максимал. Командир звена знал, что делал. У «Скайрэев» преимущество по скорости на максимале всего полторы сотни километров в час, вдобавок его звену так и так надо уходить из этого района как можно быстрее, с авианосца могут поднять еще самолеты, и посерьезней устаревших «Скайрэев». На максимальной тяге два турбореактивных двигателя конструкции Микулина РД-3М, и без того не отличавшиеся экономичностью, начинали потреблять топливо просто в огромных количествах. Это означало, что до своего аэродрома в Оленегорске они в принципе не дотянут. Этот полет и так проходил на пределе дальности Ту-16, причем его звено в наглую «срезало угол» над Финляндией и северной Швецией, наплевав на нейтралитет. Финны даже не почесались, а вот шведы подняли на перехват истребители, но только с перехватом они запоздали, Тушки уже были над Норвегией. Лезть в норвежское воздушное пространство, где как раз советская транспортная авиация под прикрытием десятков истребителей заканчивала высадку десанта, шведы побоялись. То, что топлива его Ту-16 до родного Оленегорска уже не хватит, командира это особо не волновало. Полчаса назад всем советским машинам, находящимся над Северной Атлантикой, пришла короткая радиограмма, в которой указывались сразу четыре аэродрома в Норвегии, пригодные для посадки поврежденных или израсходовавших топливо самолетов. Так что до аэродрома Буде с полосой длиной в почти три километра они по любому дотянут. Если уцелеют в ближайšie двадцать минут.

В это же время командир шестерки F4D-1 распределял цели. Вначале у него в голове мелькнула идея атаковать всей шестеркой одного «Барсука», крайнего, но потом он от нее отказался. Ту-16 летели плотным строем, два других бомбардировщика смогут поддерживать атакованного товарища огнем, а его шестерка будет только мешать друг другу. Итак, они атакуют всех троих «Барсуков» попарно. Сам он со своим ведомым избрал своей целью ведущего звена Ту-16. Он немного опасался, ведь у каждого «Барсука» назад смотрели шесть стволов, три спаренные пушки АМ-23. По числу стволов его истребители, если считать пару на один Ту-16 имеют некоторое преимущество, но вот по калибру и весу снаряда уступают. Он не знал даже, насколько уступают. По импульсу снаряда (произведению веса снаряда на начальную скорость) русские пушки превосходили его двадцати миллиметровки «Темко-Форд» почти вдвое. А если учесть, что бомбардировщик для стрельбы в принципе является более устойчивой платформой, вдобавок три пушечные спарки для стрельбы в заднюю полусферу Ту-16 наводятся синхронно одним человеком с помощью радиоприцела «Аргон» в условиях плохой видимости, или, как сейчас, оптической прицельной станцией ПС-53... Короче, вся эта теория, обошедшаяся не одному десятку советских конструкторов и инженеров в изрядное количество инфарктов и просто седых волос, привела к тому, что КОУ (командиры огневых установок Ту-16) открыли огонь на полторы секунды раньше. Казалась бы, крошечная цифра, если не учитывать, что каждый из восемнадцати стволов тройки «Барсуков» выплюнул за эти полторы секунды тридцать снарядов и первые из них уже пролетели более километра. Из кабин «Скайрэв» пилотам казалось, что по их машинам хлестнули огненными кнутами. Левый и правый ведущие пар попали под эти кнуты, левый просто превратился в огненный шар, правому очередь из четырех осколочно-фугасных зажигательных снарядов попала в крыло. Три снаряда ОФЗ весом сто восемьдесят четыре грамма и весом ВВ восемнадцать грамм в каждом. И один трассирующий снаряд ОФЗТ весом сто семьдесят шесть грамм и весом ВВ около одиннадцати грамм. Для конструкции маленького «Скайрэя» это было больше, чем достаточно. Крыло просто отломилось почти по линии пиллона подвески, с которого пять минут назад был сброшен топливный бак. «Скайрэй» сломанной нелепой игрушкой закувыркался вниз, его пилот, потерявший сознание от перегрузок и болевого шока (в его ногу попали три осколка от разорвавшихся снарядов), пришел в себя только на высоте четыре тысячи метров, с трудом сумев дернуть рычаг катапульты. Первый цветок парашюта расцвел над свинцово – серыми волнами Северной Атлантики. Ведомые крайних пар, не горя желанием повторять судьбу своих ведущих, резкими разворотами вышли из под обстрела. Истребители сразу безнадежно отстали от несущихся с максимально возможной скоростью «Барсуков». Но ведущий шестерки доказал, что летчики Корпуса морской пехоты США не зря считаются элитой мировой авиации, наряду с летчиками US NAVY. Каким-то сверхъестественным, звериным чутьем угадав момент открытия противником огня, он, не снижая скорости, закрутил резкую полубочку, поставив самолет на крыло и сразу уведя свою машину в сторону от трасс. Вдобавок его «Скайрэй» сразу «просел» почти на сто метров по высоте. И КОУ ведущего тройки Ту-16 потерял несколько секунд, снова ловя его в прицел. Но время уже было потеряно, пара «Скайрэв» (ведомый почти синхронно повторил этот маневр, только полубочка была выполнена в другую сторону), оказалась на дальности убойного огня уже своих пушек. От почти синхронного залпа восьми пушек многотонная машина «Барсука» просто развалилась на куски. Сидевшие в хвосте КОУ и радист уцелели, в мешанине рвущихся снарядов и летящих во все стороны обломков кусков обшивки, их кабина с тремя бронестеклами, рассчитанными на попадания двадцати миллиметровых бронебойных снарядов, представляла собой странную картину на фоне тотальных повреждений. Но когда КОУ и радист катапультировались вниз, их катапульты сразу же столкнулись с кучей

падающих обломков хвостовой части Ту-16. Из носовой части разваливающегося самолета катапультироваться успели штурман и второй пилот. Но штурман, чья катапульта была спроектирована также на выброс кресла вниз, сразу после покидания самолета столкнулся с обломком горящего двигателя и погиб. Второй пилот, еще не веря в свое спасение, висел под стропами парашюта, судорожно вспоминая все свои учебные занятия по аварийному катапультированию над водой.

Сбив ведущего, пилоты «Скайрэв» приняли кардинально разное решение. Ведущий, не сбавляя скорости и не желая больше искушать судьбу, проскочил между правым и левым ведомыми Ту-16, постоянно маневрируя между трассами одноствольных пушечных установок ПУ-88 и верхних башен. Эти башни сейчас управлялись КОУ, а из ПУ-88 могли стрелять только командиры «Барсуков». Но у двух оставшихся КОУ было полно проблем с оставшимися тремя «Скайрэями» в задней полусфере, а командиры экипажей откровенно прошляпили. Поэтому, командир «Скайрэв» получил фору в целых пять секунд, пока первые пилоты сначала ошалело глазели на проносящийся мимо них в считанных десятках метров «Скайрэй», а потом начали судорожно хватать штурвалы управления своими самолетами, ловя истребитель в коллиматорные прицелы ПКИ. Неподвижную носовую одноствольную пушку ПУ-88 наводить надо было, как в истребителе, всем самолетом. А «Скайрэй», идущий буквально перед носом левого Ту-16, можно было реально подстрелить, чуть повернув неповоротливый бомбардировщик. Но момент был упущен, F4D-1 командира шестерки уже был в четырехстах метрах впереди по курсу, уходя с резким снижением. Его ведомый принял абсолютно иное и, как оказалось, неправильное решение. Опыненный видом развалившегося в мгновение ока ведущего «Барсука», он повернул влево, ловя в прицел левого ведомого тройки Ту-16, одновременно сбрасывая скорость. Его «Скайрэй», в результате предыдущих маневров сильно потерявший высоту, в этот момент находился на сто пятьдесят метров ниже и на четыреста метров позади левого Ту-16. Он надеялся сбить его раньше, чем стрелки оставшейся пары «Барсуков» поймут его в прицелы. Он ошибся в расчетах, буквально на мгновения. Пилот «Скайрэя» действительно на какие-то доли секунды раньше открыл огонь, его первая очередь перечеркнула наискосок левое крыло «Барсука» по обтекателю гондолы шасси. А в следующее мгновение на его машине сошлись трассы, выпущенные из восьми пушечных стволов. Всего восьми, так как «Скайрэй» находился уже в мертвой зоне для верхних башенных пушечных установок ДТ-В7, но и этого хватило маленькому истребителю с избытком. А вот атакованному им «Барсуку» не хватило. Из семи снарядов, попавших в крыло Ту-16, четыре разорвались непосредственно в гондоле, основательно раскучив левую стойку шасси. Три оставшихся попали непосредственно в крыло, разорвавшись в передней кромке кессона крыла, повредив левый крыльевой топливный бак. И больше ничего не произошло. Мощный жесткий кессон принципиально отличал конструктивную схему крыла самолета Ту-16 от конструкции В-47 и В-52. На этих машинах крыло выполнялось гибким, благодаря чему происходило демпфирование вертикальных порывов воздуха за счет значительных деформаций крыла. В отличие от крыльев американских самолетов более жесткое (но и относительно более тяжелое) крыло Ту-16 в полете мало деформировалось. Кроме того, оказалось, что конструкция жесткого крыла Ту-16 значительно более живучая, чем у В-47, В-52. Но всего этого ведомый командира шестерки так и не узнал. Радость от увиденных вспышек попаданий, это были последние эмоции, которые он испытал в своей жизни. Из полутора десятков снарядов, попавших в «Скайрэй», два разорвались прямо в пилотской кабине.

Командир шестерки, ставшей за минуту тройкой, раздосадованными глазами провожал оставшуюся пару «Барсуков», уходящую на фоне рассветного солнца. Его оставшиеся

машины собрались возле него, но в результате предыдущих маневров, «Скайрэи» потеряли почти два километра высоты, оставшись в нескольких километрах позади Ту-16. Чтобы снова догнать «Барсуков», его тройке надо опять долго на форсаже набирать высоту, на это у них просто не хватит топлива. И он скомандовал поворот со снижением на курс сто семьдесят градусов. Им еще надо найти заправщик в точке рандеву.

Оба пилота, и американский, и советский, как ни странно, выжили. Им несказанно повезло, британский фрегат «Скарборо», обшаривающий всю ночь этот участок в поисках моряков с потопленного в начале ночи авианосца «Гермес», сначала наткнулся на оранжевый парашютный купол американца. Британские моряки едва успели поднять на палубу раненого пилота «Скайрэя», снова потерявшего сознание от боли в раненой ноге, как сигнальщики фрегата, с удвоенным рвением обозревающие горизонт, обнаружили еще один купол парашюта, на этот раз белый. Второй пилот советского бомбардировщика Ту-16 попал в плен, даже не успев, как следует померзнуть в ледяной октябрьской воде Северной Атлантики.

На борту поврежденного Ту-16 происходили оживленные переговоры. Командир самолета изощренно материл себя, любимого, «зевнувшего» американца.

-Я, ж, япона мать, каждую заклепку на нем увидел. Даже морду его довольную рассмотрел. Какого хрена не стрелял? Ведь довернуть чуть-чуть и все, он покойник! Если бы наш КОУ был такой тормоз, как я, мы уже все купались бы внизу, в ледяной водичке! Самокритично сокрушался командир Ту-16. Внезапно второй пилот спросил у него:

-Командир, а ты этот «Скайрэй» хорошо рассмотрел? Ничего странного не заметил?

-Да я его видел так же хорошо, как тебя сейчас! - Закричал командир.

-Обычный «Скайрэй», стоп, какой на хрен обычный, на нем же «MARINES» было написано, не «NAVY». И, судя по буквам на киле, он из VMF, 114 эскадрильи морской пехоты. Откуда он здесь оказался? – Второй пилот ответил:

-Скорее всего, они в Европу перегоном летели, поэтому у них ракет и не было. А баки перед атакой сбросили. Или все-таки с авианосца, только тоже в Европу плыли, а нас увидели, решили пощипать.

-Если их поднимали с авианосца, то наверняка им бы ракеты повесили. И тогда мы бы с тобой не разговаривали. - Резонно ответил командир.

-Радист, сообщи на КП полка, возле Фарерских островов, звено атаковано шестеркой «Скайрэев» из сто четырнадцатой эскадрильи морской пехоты США, предполагаю из состава самолетов, следующих в Европу. Сбили троих, потеряли ведущего. Одна машина имеет повреждения, готовьте полосу в Будё, до дома не дотянем. -Потом обратился ко всем членам экипажа:

-Доложить о повреждениях.

Повреждения были, но против ожидания, не такие значительные. Давление в гидросистеме падало, но медленно. Еще была небольшая утечка топлива из двух баков, номер семь и восемь левого крыла, несмотря на то, что они были протектированные, но бортинженер уже запустил перекачку топлива из них. Посадка поврежденной машины, вдобавок летевшей на последних литрах горючего, было еще одним смертельным аттракционом для измотанного командира Ту-16. Он, зная о попаданиях в левое крыло,

открыл кран выпуска шасси заранее, едва достигнув высоты пять километров на снижении. Его предосторожность оказалась не напрасной. Сначала лампочки выпуска шасси вообще не хотели загораться, зато загорелось аварийное табло падения давления жидкости в гидросистеме. Наверное, острые обломки металла, образовавшиеся после попаданий снарядов, порвали какую-то гидравлическую магистраль при попытке выпустить шасси. Увидев, что левая стойка шасси не вышла, а вместо нее из трудом открывшихся створок gondoly шасси посыпались обломки, в которых угадывались части шасси, он приказал всем срочно покинуть самолет. Благо связь с вышкой КДП в Будё была уже установлена и РП в Будё уверил их, что они уже летят над территорией, занятой советскими войсками. Убедившись, что все члены экипажа вышли за часами от Северина*, он сообщил на КДП координаты, где предположительно приземлятся его ребята и попросил очистить ему подход к полосе, топлива на второй заход уже не оставалось.

* вышли за часами от Северина – Гай Ильич Северин, главный конструктор практически всех катапультных кресел (и вообще систем спасения в авиационной и космической технике СССР), в КБ Северина было неписанное правило награждать именными часами летчиков, прибегших к помощи продукции этого КБ. Поэтому на сленге советских ВВС эта фраза означала просто «катапультироваться». Хотя на Ту-16 стояли катапультные кресла другого разработчика, эта фраза стала общеупотребляемой.

Переключившись на резервную гидросистему (в ней тоже падало давление, о чем свидетельствовал еще один мигающий транспарант, но она все-таки медленно, но работала), командир убедился, что носовая и правая стойка шасси вышли. Потом он перекрестился, все равно уже никто не видит, и плавно, но решительно нажал штурвал от себя, попутно порадовавшись за консерватизм конструкторов Ту-16, спроектировавших самолет с двойной механической системой управления без гидроусилителей. Которые, будь они заложены в конструкцию системы управления, давно бы уже не работали из-за падения давления. Заход на полосу получился плохо, самолет, прежде чем коснулся земли правой стойкой, прошел над полосой целый километр. Но деваться было уже некуда, командир дождался снижения скорости до двухсот семидесяти и включил тумблер выпуска аварийной парашютной тормозной системы ПТ-16. Одновременно глуша двигателя и включив аварийный слив остатка топлива из тех баков, где оно еще было. Согласно паспортным данным, система ПТ-16 обеспечивает длину пробега чуть более полутора тысяч метров при включенном автомате торможения колес и выпуске парашютов в момент касания земли при скорости не более двести семидесяти километров в час, массе не более сорока семи тонн и сухой бетонной ВПП. Из всех этих условий в норме была только масса и посадочная скорость. С падением которой «одноногий» самолет неминуемо завалится влево, чиркнет крылом по земле, а дальше его развернет и он пойдет кувыркаться по бетонке. Поэтому, мокрый как мышь от нервного напряжения, командир, едва заметив, что машина, резко снижавшая скорость из-за двух здоровенных парашютов, распустившихся за хвостом, начала крениться влево, дернул кран уборки шасси. Самолет, уже находившийся больше, чем в двух километрах от начала полосы, резко грохнулся почти на два метра вниз. Полетели искры, самолет неминуемо загорелся бы, будь в фюзеляжных баках топливо. Первый из них, бак №2 начинался сразу за нишей носовой стойки шасси, от которой как раз сейчас и летела

основная масса искр. Но топлива в фюзеляжных баках уже давно не было, они вырабатывались в первую очередь, сейчас в баках был нейтральный аргон. Самолет уже вылетел за пределы бетонной полосы и, наконец-то остановился, скребя искалеченным брюхом по щебенке. Командир судорожно выдохнул, отстегнулся от кресла и полез открывать верхний аварийный люк фонаря передней кабины. Сбросив его, он высунулся по пояс наружу и радостно вдохнул сырой наружный воздух, с восхитительной примесью горелого металла, паленого масла и жженой резины. Жизнь была прекрасна. Несмотря на шедшую во весь размах третью мировую войну.

28 октября. Линия боевого соприкосновения между войсками СЕТАГ и Приморского фронта. К востоку от города Целле. ФРГ. На следующий день после начала конфликта.

Несмотря на весь свой шляхетский гонор, дураком польский подполковник, командующий польским механизированным полком, не был. И рисковать всеми своими силами в первой атаке на правом крыле не стал. Да и приказ, который ему озвучил подполковник Кузьмин, не заставлял этого делать. Поэтому Генри Болл увидел перед собой лишь танковую роту с двумя пехотными взводами на броне. Развернувшись в редкую цепь, польские танки не спеша ползли на участке от Бостеля до полей гольфклуба. Как раз туда, где в складках местности, хоронясь под редкими остатками леса, стояла в засаде основная группа танков его батальона. Основные силы комми было слышно, но почти не видно, поле предстоящего боя просматривалось в лучшем случае на километр-полтора, дальше все застилала дымом от многочисленных и разнообразных пожаров и подбитой техники. Радости ему это отнюдь не добавляло. Еще пятьсот метров и какой-то внимательный польский солдат сможет разглядеть его танки, стоящие в засаде. Передовой отряд они, несомненно, сожгут за несколько минут, но при этом основательно раскроют свои позиции. С другой стороны, ждать, когда поляки обнаружат его танки, тоже нельзя, перестрелка накоротке, это русская рулетка, его батальон понесет потери и подставится под удар основных сил. Они недалеко, смутные передвижения зеленых туш танков и самоходок уже можно рассмотреть в бинокль в те мгновения, когда ветерок относит дым в сторону. Его раздумья прервал рапорт радиста:

-Сэр, артиллеристы докладывают, что одна батарея уже готова открыть огонь! - Генри с облегчением вздохнул, ситуация из критической превращалась в просто трудную. Он скомандовал:

-Пусть батарея открывает огонь по основным силам, квадраты номер... И тут же переключился на частоту своего батальона:

- Парни, разобрать цели, огонь ведет первая и вторая роты. Бить наверняка, снаряды экономим!

Анджей Тучапски, командир второго взвода первой танковой роты, которая и была послана в авангард, со всхлипом втянул воздух, не веря своим глазам. Он еще не понял, как ему несказанно повезло. Когда американские танки открыли огонь, между его ротой и ними было всего девятьсот метров. Он увидел лишь несколько вспышек впереди, из редких кустов, и сразу весь экипаж в его танке оглох от грохота попадания, Анджею даже показалось, что он на несколько секунд потерял сознание.

Танки Т-54 в атаке

Первый снаряд прошел по касательной, от ricochetив от башни. Их спас мехвод и то, что, буквально за секунду до выстрела они увидели буквально в нескольких метрах впереди ложбину, оказавшуюся поймой небольшого ручья. А мехвод, увеличив до предела скорость, нырнув в эту ложбину. Поэтому следующих два снаряда, выпущенными американцами, только чиркнули по самой верхней части башни Т-54, имеющей полусферическую форму. Но из-за этой поймы он теперь мало чего видел в прорези перископа командирской башенки, видно было только несколько дымов справа да пылающий слева танк из его взвода. И хлесткие звуки выстрелов американских девяносто миллиметровых пушек затихли, стала слышна только стрельба позади них.

-Один комми спрятался, как крыса, в этой чертовой пойме чертового ручья, в двух тысячах футах от нас, остальные горят. Жалко, что с нами утром не было саперов, в эту пойму хорошо было бы накидать мин. – Прозвучал в наушниках Генри доклад командира первой роты.

-И основные силы противника тоже отходят назад, им не понравились гостинцы из «ленивых Сюзанн»*.

* «Ленивая Сюзанна» - на сленге US ARMY вертикальная обойма револьверного типа в боевом отделении самоходной гаубицы M52, откуда берутся первые 21 выстрелов. На фото хорошо видна, находится слева в задней части САУ. Остальные 81 выстрелов надо доставать из нижнего багажника, на фото хорошо видны торцы снарядов.

-Ок, только надо что-то решать с этим парнем, который засел в пойме. Он может всерьез испортить нам жизнь. Пошли пару танков с двух направлений, пусть они обойдут его с двух сторон и прикончат.- Ответил Генри.

Анджей, решившись, открыл крышку люка и высунулся по пояс из башни. Было ужасно страшно, но сидеть в этой пойме, как в норе, не видя ничего, было еще страшней. «Пся крев»- ошеломленно пробормотал он. Ветер подул чуть сильнее, и он, трясущимися руками, с трудом удерживая цейсовский бинокль, подаренный ему отцом в день окончания танкового училища в Познани, смог рассмотреть позиции противника подробно. Перед ним, прячась под маскировочными сетями и за редкой растительностью, в складках полей гольфклуба стояли танки и бронетранспортеры противника. Много. Только танков он насчитал больше двух десятков, когда два из них выехали из своих укрытий и пошли, обходя его с двух сторон. А его рота стояла вся тут, справа и слева от него, горящая. Он свалился вниз, на свое место командира, пытаясь унять яростно колотящееся сердце. И ощутил, как, несмотря на жару внутри танка, в его груди заворочался огромный ледяной ком. Эти двое, они же едут по его душу. Сейчас они не спеша зайдут справа и слева, поедут вдоль ручья и убьют его. Просто расстреляют с двух сторон. И его танк будет также весело гореть, как остальные танки его роты, только ему

будет уже все равно, какая разница, горишь ты или нет, если ты уже разорван на куски бронебойным снарядом? Он попытался глубоко вдохнуть воздух, когда увидел три пары глаз его экипажа, в полутьме танка, отчаянно смотрящих на него. Он закашлялся и каркающим, как у старика, голосом прохрипел:

-Радист, связь со штабом полка срочно. Доложи, в районе полей гольфклуба до батальона противника, танки и мотопехота. Наши потери - уничтожена первая танковая рота.

-Но мы же живые! -Возмущенно прокричал снизу мехвод.

-Это не надолго. Сюда идут два «Паттона», обходят эту ложбину с разных сторон. Через пять минут нас здесь расстреляют, как зайцев.- Мертвецки-спокойным голосом ответил ему поручик. Внезапно гробовое молчание экипажа, переваривающего эту страшную новость, прервал осторожный стук снаружи танка. Услышать его было в этой ситуации так дико, а нервы у всех были так напряжены, что радист подскочил от неожиданности, чувствительно приложившись макушкой о броню. Пару секунд все ошарашено молчали, потом Анджей, мысленно обозвав себя полным кретином, полез снова наружу из верхнего люка. Стучать снаружи могла только пехота, причем своя. Которая в момент обстрела посыпалась с брони и о которой поручик совершенно забыл, потрясенный почти мгновенным уничтожением его роты. И точно, снаружи находились два десятка жолнежей в польской форме. Правда, офицеров среди них не было, только плютоновый и два капрала. Но что больше всего обрадовало Анджея, так это наличие в этой группе двух расчетов с гранатометами РПГ-2.

-Где ваша остальная рота? Где командир? - В ответ он услышал, что командир убит, а остальные убежали по полю назад. «Так, если этих четверых можно выдвинуть на триста метров к северу, к мостику через этот проклятый ручей, а самому развернуться на юг, за этим поворотом лощины, то они хоть как-то прикроют меня со спины. По крайней мере, не дадут второму американцу спокойно подойти мне со спины на верный выстрел в упор. А значит, мы еще потрепыхаемся!». Он быстро объяснил задачу пехотинцам. Его затопило чувство мрачной решимости. Да, черт возьми, он может погибнуть, но при этом он постарается прихватить с собой на тот свет кого-то из врагов, а не сгореть напрасно, как остальные парни его роты. Если конечно, плютоновый с одним отделением и расчетами РПГ успеют добежать до места, где лощина заканчивается маленьким мостиком. И тем самым хоть как-то прикрыть его танк с одного направления. С этими мыслями он нырнул обратно в люк, и его Т-54, развернувшись, тихо проехал вдоль лощины ручья, на выбранное Анджеем место. Внезапно захрипело радио, голосом начштаба полка:

-Поручик, доложи точно, где находишься!

-Нахожусь в пойме ручья Хаберланд, в трехстах метрах к югу от пересечения с Альфернше штрассе. Вступаю в бой с двумя танками противника, конец связи.- Отчитался Анджей.

Начальник штаба механизированного полка второй Варшавской механизированной дивизии Войска Польского имени Генриха Домбровского майор Януш Свентицкий оказался тем польским офицером, который фактически спас положение на правом фланге советско-польской группировки. Когда в боевых порядках механизированного полка начали рваться сто пяти миллиметровые гаубичные снаряды, первым же залпом был убит командир полка, ехавший в своем танке, высунувшись по пояс из башни. Получив в спину два осколка от близко разорвавшегося пятнадцати килограммового

осколочно-фугасного «чемодана», он умер почти мгновенно. Майор Свентицкий вовремя прекратил начавшуюся было панику, быстро взяв командование на себя и выведя подразделения полка из-под обстрела. Одновременно он приказал взводу АИР* самоходного артдивизиона засечь позиции вражеской артиллерии. Не было никакого резона начинать повторную атаку без нейтрализации этих проклятых гаубиц.

**АИР – артиллерийская инструментальная разведка*

С этого момента события начали развиваться очень быстро. Потери поляков от внезапного артобстрела американского неполного дивизиона (под конец к первой батарее из шести М52, начавшей огонь, присоединились остальные семь машин, наконец-то занявшие указанные позиции) оказались чувствительными, но не фатальными. Пятьдесят человек убитыми, в основном из пехоты. Из танкистов были, кроме так глупо погибшего комполка, ранены еще четыре танковых командира, тоже пожелавшие ехать в атаку с комфортом, дыша свежим воздухом. Три танка оказались повреждены близкими разрывами, в основном осколками были перебиты гусеницы и разбиты катки. Один уничтожен прямым попаданием. Не подлежали починке также три грузовика и восемь бронетранспортеров, броню которых крупные осколки пробивали почти что насквозь, убивая людей и повреждая двигатели и прочие механизмы. И первая танковая рота, шедшая впереди и погибшая, судя по всему полностью. Только майор, вздохнув, мысленно списал эту роту в расход, как штабной радист опроверг его пессимизм:

-Пан майор, вышел на связи командир танкового взвода первой роты поручик Тучапски. Он наблюдает впереди силы противника в рощах гольфклуба, до батальона танков и мотопехоту. Его танк уцелел, остальная рота погибла. О своей пехоте он ничего не сообщил. «Так», - быстро думал майор, «это готовый корректировщик, перед тем, когда полк пойдет в новую атаку, наши две батареи ИСУ-152 смогут хорошо пощипать противника, если поручик поможет с корректировкой огня». Он связался с подполковником Кузьминым, надо было доложить хоть и временному, но начальству о неудаче в первой атаке и подготовке новой. Но Кузьмин, выслушав его, внес в его планы изменения. На левом фланге, в лесном массиве, вернее тем огрызкам, что от него остались, продвижение русских и поляков проходило более успешно. Польский мотопехотный батальон, спешившись (БТР-152, на которых поляки приехали к месту боя, в пересеченной местности, да еще в условиях задымления, представляли собой слишком легкую мишень), поддерживаемые сзади танками десятого батальона, постепенно продвигались, выдавливая американцев с удобной позиции. Они уже прорвали передовые позиции, занятые американским разведбатом. Американцы еще поупирались, перестреливаясь с польской пехотой, но когда дошло до дуэлей советских танков с легкими «Уокер Бульдогами», они попятились назад. М41 с его короткой трехдюймовкой совершенно не мог конкурировать с толстой броней и длинноствольной сто миллиметровкой Т-54Б, вдобавок стабилизированной в двух плоскостях. Когда поляки и русские вошли в боевое соприкосновение с ротой шестьдесят восьмого танкового батальона, поддерживаемого ротой мотопехоты на бронетранспортерах М114, ситуация не сильно изменилась. Нет, платить один Т-54Б, за полдюжину М41, как было до этого, уже не получалось, размен шел на равных. Но положение американцев было хуже по той простой причине, что они воевали с самого утра и у них банально оставалось мало снарядов. На имевшиеся в наличии у мотопехотной роты два самоходных миномета на «Гэвинах» поляки развернули свою батарею восьмидесяти двух миллиметровых минометов, и сейчас они увлеченно перестреливались друг с другом. Но сзади боевых

порядков советских танков не спеша ползла батарея ИСУ-152, и вот этот козырь американским командирам крыть было нечем. Шестидюймовый снаряд весом в сорок килограмм – очень серьезный аргумент для противника, даже если он сидит в дзоте с перекрытием в три наката бревен. А если противник вообще не успел толком окопаться, то это аргумент становится совершенно убийственным. Некоторым утешением для американцев служило то, что противник на этом участке совершенно не имел возможности к охвату. Слева лежала раскисшая от дождей пойма реки Аллер, а справа, вдоль дороги L282 - противник неизбежно подставится под огонь второй группы американских танков. Да и фонило от той части дороги, которая приближалась к перекрестку с L284, возле развалин Лахендорфа, изрядно. За свой левый фланг подполковник Кузьмин был спокоен, а вот с правым срочно надо было что-то решать. Рапорт польского майора только подтвердил это мнение. Попутно порадовавшись тому, что конкретно в этой польской части нашелся толковый офицер, в нужную минуту взявший на себя командование и не допустивший паники (последствия такой, только случившейся утром, он воочию мог наблюдать в бинокль, когда порывы ветра впереди относили дымы в стороны), он, тем не менее, внес в планы поляка свои коррективы. Немецкий авиакорректировщик только что сообщил, что в двух минутах подлетного времени находится эскадрилья штурмовиков, которая готова отработать по его указаниям. Поэтому Кузьмин сообщил обер-лейтенанту другие координаты, польский взвод АИР смог наконец-то засечь позиции так вредившей на правом фланге американской артиллерии. Пусть штурмовики ей займутся в первую очередь. А две батареи ИСУ-152 сразу, не отвлекаясь на контрбатареиную борьбу, начинают бить по обнаруженной группировке американских танков и БТР, пока есть возможность корректировки. Штурмовики же потом, если останутся боеприпасы, тоже обработают передний край американцев. Немец на эту просьбу ответил Кузьмину, что сегодня, начиная с этой минуты, в его интересах будет работать целый авиаполк ННА. Правда, авиаполк оказался истребительным, на МиГ-17, командование тридцать седьмой воздушной армией повсеместно решило отказаться от использования этих устаревших машин в качестве чистых истребителей. Но как штурмовики МиГ-17, с бомбами и НУР, при слабой ПВО американцев, будет достаточно эффективны при поддержке его войск, тем более, когда их целый полк.

Гауптман Гюнтер Фюльграббе вел замыкающую четверку МиГ-17Ф второго штаффеля четвертого авиаполка ВВС ННА ГДР, совершенно в отвратительном настроении. Его полк, едва он успел пополниться новой техникой и летчиками из запасного полка, с рассветом уже дважды бросали на штурмовку бесконечных колонн военной техники противника, растянувшихся от Ольденбурга до Гамбурга. Потом они, даже толком не успев пообедать, срочно получили приказ о перелете на аэродром в Штендаль, ближе к левому флангу Приморского фронта. И сразу же, едва механики, большей частью чужие, из третьего авиаполка, заправили и вооружили самолеты, пришел приказ - опять на штурмовку, в район Целле. Поэтому Гюнтер и злился. На начальство, которое, похоже вообще собралось их засунуть в штурмовую авиацию. А ведь он всегда служил в истребителях. И в ту войну он воевал истребителем, и хорошо воевал. Асом он стал давным-давно, еще когда он был ведомым у самого Германа Графа. А теперь он летит на штурмовку, увешанный бомбами и ракетами, как какой-то «цементбомбер».*

**Цементбомбер- прозвище советского штурмовика Ил-2 в люфтваффе в Великую отечественную войну*

Вдобавок еще его очень напрягал новичок в его звене, который пришел вместо ведущего второй пары, сбитого «Старфайтером» вчера в самом первом бою. Парень выглядит совсем зеленым, и пилотирует самолет, как курсант в первом вылете с инструктором, плавненько и ровненько. И, все время, отставая при резких разворотах, а что будет в бою? Он сразу, как только этот юнец прибыл в полк, «поднял» старого ведомого второй пары его звена, назначив его ведущим. Все-таки, помимо службы в полку, у того уже был хоть-какой-то боевой опыт, но все равно Гюнтер переживал за свою вторую пару.

Анджей Тучапски опять высунулся из своего люка, встав на свое сиденье в полный рост. Что поделаться, пойма ручья скрывает его танк, до поры, но из этой дыры ничего не видно ему самому. А это очень нервировало, Анджей представил себе в красках картину, как оба вражеских «Паттона» выезжают одновременно вдоль ручья с разных сторон и он оказывается у них на блюдечке. Только бы плютоновый не подвел, успел занять позицию у каменного мостика. В ста метрах с другой стороны дороги русло ручья делает плавный изгиб. Поэтому тот «Паттон», который сейчас подъезжает к нему сзади, может увидеть его или с дороги, стоя на мостике, или идя вдоль ложбины по эту сторону дороги. А вот тот, что идет перед ним, с юга.. Вот он! Не спеша едет вдоль ручья в каких-то восьмистах метрах, поводя стволом своей пушки по сторонам, словно принохиваясь. Анджей ссыпался на свое место, даже не закрыв люк. К черту инструкции, сейчас каждая секунда дорога, вдобавок у них, в случае неудачи будет чуть больше шансов успеть спастись. Он сказал наводчику: «У нас будет время только на один выстрел. Сейчас водитель подаст машину вперед на двадцать метров и один американец будет у тебя в прицеле, разверни пушку чуть левее и ниже, вот так. Давай!» - обратился он к мехводу. Тот с бледным, сосредоточенным лицом, не замечая, что прикусил себе губу и по подбородку уже течет тоненькая струйка крови, толкнул оба фрикциона вперед, одновременно нажимая на педаль газа. Дизельный двигатель, до этого тихонько урчавший сытым котом, взревел во все свои пятьсот двадцать лошадиных сил, и танк резко, отбрасывая во все стороны комья осенней грязи, рванулся вперед. Шедший с юга американский «Паттон» был настороже, но его пушка смотрела не совсем в нужную сторону, ложбина ручья все время петляла, и Анджей специально подгадал свой выход в неудобном для американцев месте. Стрелок «Паттона» увидел голову поляка, выглядывавшего, как суслик из норки, но с восьмисот метров не разглядел на нем танкистский шлемофон. Он только успел сообщить об этом своему командиру, как Т-54А выскочил на убойной дистанции от них, как чертик из коробочки. Секунду польский наводчик еще потратил на то, чтобы поймать «Паттон» в телескопический прицел, крутя штурвалы электропривода наведения, а потом нажал на спуск. Анджей прохрипел «огонь» одновременно с грохотом выстрела. Мгновение спустя трассер выстрела уперся точно под башню «Паттона», уже начавшую движение в их сторону. Полыхнул выскерк и еще миг спустя «Паттон» вспух от внутреннего взрыва своей боеукладки. Башня его, помедлив, подпрыгнула и встала обратно, смешно перекосившись. Но на это, Анджей, отчаянно, до крови из-под ногтей давля рычаг электропривода поворота башни, уже не смотрел. Время, казалось, замерло для него. Как в замедленном кино он отстраненно наблюдал, как из открывшегося затвора вылетает гильза первого выстрела, подарившего им еще некоторое время жизни, как, заряжающий, судорожно заталкивает в казенник еще один бронебойный унитар. Как мехвод тянет рычаги фрикционов назад, пытаясь увести танк назад, в спасительную ложбину. Отстраненно слышал, как взвыл вентилятор, очищая от газов, заполнившее боевое отделение после выстрела, несмотря на эжектор. В мозгу у него отчаянно стучала молоточком одна-единственная мысль: «только бы плютоновый успел..». Они уже почти скрылись обратно в ложбину, по крайней мере от гольфклуба. Другие американцы, наблюдавшие за боем сначала снисходительно, потом с нарастающим изумлением, а

потом и гневно сжимая рукоятки наведения своих орудий, видели уже только самый краешек верхней полусферы башни. И в этот момент, когда у экипажа зародилась робкая надежда, что они и на этот раз вывернутся, сзади раздался грохот, как будто великан ударил гигантской кувалдой по корме танка. Грохот, который показался тем более резким, по сравнению с наступившим затем молчанием их двигателя. Плютоновый не успел.

Плютоновый, лежа в осенней грязи, машинально прикрывая голову руками, как будто руки могли остановить пули из полудюймового пулемета, стремясь вжаться в землю всем телом, мечтая превратиться в какую-нибудь маленькую зверушку. Суслика, или лучше в мышку, она ведь еще меньше? Они почти добежали до намеченных позиций, запалённо дыша, мгновенно вспотев под шинелями и перебирая сапогами по комьям вязкой осенней грязи. Им оставалось всего ничего, всего с пару десятков шагов, когда ревущий вблизи американский танк выскочил на них в каких-то полутора метрах. А из командирской башенки танка торчала голова американца, который, усмотрев вражескую пехоту так близко, сразу скрылся и стал поливать их из зенитного крупнокалиберного «Браунинга». Поляки даже не успели вскинуть автоматы, хотя и пытались, когда крупнокалиберные пули стали рвать их на части. Один плютоновый сразу сообразил, что все, ничего невозможно сделать и на какую-то долю секунды опередив шелестящую косу смерти, бросился на землю, пытаясь замереть. Может его все же не заметят в редком бурьяне?

«Ах ты сукин сын!»- вскричал наводчик второго «Паттона», увидав открывшуюся перед ним картину. Танк из его роты уже стоял со скособоченной башней, с поникшей беспомощно пушкой. И уже начинал весело разгораться, никого из парней, с которыми так много было выпито пива и перетрачено местных девок в окрестностях Франкфурта, не было видно. Судя по всему, экипаж «Паттона» погиб мгновенно от взрыва боекомплекта. А мерзавец, сотворивший это, шустро отползал задним ходом в свою чертову ложбину, вдобавок разворачивая башню в их сторону. «Паттон» остановился, командир заорал «Огонь, прикончи этого ублюдка!». И наводчик нажал на круглый шарик рычага спуска, с удовлетворением наблюдая, как трассер бронебойного снаряда входит точно посередине кормы поляка. Выбросив клубы черного дыма, подсвеченного пламенем, Т-54 встал, как вкопанный. «Сейчас мы его добьем вторым выстрелом, он не успеет, хотя поляк попался упорный»- подумал наводчик, наблюдая как, замершая после первого попадания в моторное отделение, башня снова, дергаясь, упрямо продолжала разворачиваться в их сторону. Клубы дыма и огня, начавшиеся было вырваться из развороченного двигательного отсека Т-54, быстро сошли на нет, наверное, комми успели включить систему пожаротушения. Башня польского танка уже повернулась на девяносто градусов, когда здоровенный негр, их заряжающий, с лязгом досылая в затвор новый унитар, закричал: «готов!». «Сейчас я тебя добыю, упорная ты сволочь»- мрачно подумал наводчик, тщательно лоя в перекрестия прицела точку в центре зазора между крышей моторно-трансмиссионного отделения и бортом полусферической башни. «С такого расстояния не промахнется даже пьяный полуслепой очкарик-студент, не то, что я!».

«Внимание, левый разворот на сто семьдесят, поднимаемся на тысячу. Роспуск на звенья, каждое звено атакует самостоятельно. Первый заход – бомбы, потом правый разворот на сто восемьдесят и второй заход - «Скворцы». После – правый разворот на сто двадцать со снижением, и уходим домой» - прохрипел в наушниках голос командира штаффеля. Умненько, сначала мы зайдем со стороны солнца, да еще с территории противника. Про очередность он мог и не говорить, узлы крепления блоков ОРО-57 размещены на МиГ-17Ф на внутренних пилонах подвески, непосредственно перед стрельбой бомбы или топливные баки требуется сбрасывать. Иначе пламя двигателей стартующих ракет АРС-57 будет бить прямо по корпусам двух стокилограммовых

фугасок, которые висят на внешних пилонах МиГов их штаффеля. Или он это для молодых напомнил, чтобы не перепутали? - думал гауптман Гюнтер Фюльграббе, а руки и ноги автоматически сами выполняли требуемые манипуляции с органами управления истребителя. Место расположения цели оказалось прямо в городе, опять за все будут расплачиваться гражданские, вдобавок гражданские немцы - угрюмо подумал Гюнтер. Где же эти чертовы самоходки? Ага, вот одна, стоит, задрал высоко ствол, на улице, прижавшись к одной из пятиэтажек. Он привычными движениями загнал быстро увеличивавшуюся в размерах самоходку в марку авиационного прицела АП-57 и дернул тумблер сброса бомб. Переведя машину из пикирования на небольшой угол набора высоты, он посмотрел назад. Нормально, или близкое накрытие, или прямое попадание, теперь не разберешь, самоходку совершенно скрыло четырьмя разрывами, его ведомый тоже не подкачал. Он скосил глаза по сторонам, высматривая вторую пару своего звена. Ведущий обнаружился там, где и должен был быть, а молодого пилота не было. Совсем. Ладно, сейчас некогда отвлекаться, его МиГ затрясся в крутом развороте. Второй заход. Он высматривал оставшиеся цели, а, вот, на другой улице стоят в шахматном порядке целых четыре, и тоже прижимаются к домам. «Макс, атакуй левую пару самоходок» - приказал он ведомому, лоя в прицел ближнюю правую М52. С земли потянулись трассеры автоматических зенитных пушек. «Всем, сварка* на три часа» - почти сразу раздался в наушниках голос командира штаффеля.

**Сварка – огонь зенитных пулеметов или пушек на сленге ВВС ОВД*

Поздно спохватились, злорадно подумал Гюнтер. Пара секунд – и мы прикончим этих, а с зенитками можно будет разобраться и во втором вылете. «Ох, шайзе!!» - от неожиданности заорал он, в последний момент все же успев вовремя выпустить в сторону своей самоходки все шестнадцать «Скворцов», но, уже видя, что промахивается. Было от чего испугаться, по обе стороны фонаря, буквально в метре от его головы, пронеслись огненные хвосты чужих «Скворцов». Потом дальняя самоходка, та, что справа, исчезла в пламени взрыва. Гюнтер, трясущимися руками, с трудом переведя машину в горизонтальный полет, в каком-то оцепенении наблюдал, как из этого пламени вылетает вверх, выше его самолета, большая башня самоходки, и величественно вращаясь, крутя в воздухе замысловатые кульбиты своим коротким стволом, похожим на окурок, пролетает, падая вниз, в десятках метрах от его МиГа. Секунд пять он приходил в себя, а потом, не сдержавшись, выдал в эфир длинную матерную тираду на русском языке, мгновенно вспомнив все выражения, услышанные им когда-то от советских инструкторов. «Герр гауптман, извините меня, пожалуйста! Я не хотел, это нечаянно получилось! Я больше не буду!» - послышался в эфире дрожащий голос молодого. Затем в эфире послышалось ржание его ведомого, уже разобравшегося в произошедшем. Гюнтер оглянулся назад. Ну точно! Этот сопляк не смог удержаться за своим ведущим при боевом развороте после первого захода, потерялся и во время второго захода пристроился к их паре третьим. Причем не сбоку, а сзади и сверху за ним, Гюнтером, очевидно боясь снова потеряться. А потом, в сосунке разыграл азарт и он выпустил свои РСы, не видя ничего по сторонам, кроме самоходки в своем прицеле. В эфире хохотал уже весь штаффель. «В следующем вылете твоя пара пойдет впереди всех, сзади ты слишком опасен» - нервно смеясь, произнес в эфир Гюнтер. «Так, внимательнее всем, разворот и подходим к переднему краю. Смотрим вниз и по сторонам, поляки с утра никак не могут взять этот Целле» - оборвал все разговоры командир штаффеля. «Вижу впереди танки и БТР, БТР точно американские» - закричал командир первого звена. Коробки бронетранспортеров М113 можно было спутать разве что только с силуэтами БТР М114,

тоже американских. «Сварка, на одиннадцать и два часа» - в унисон ему вскричали сразу несколько пилотов. Гюнтер на автомате привычно выполнял противозенитные маневры, бросая самолет в стороны и прижимаясь к верхушкам черных обгорелых деревьев. Но из его эскадрильи уйти удалось не всем. Молодой из звена Гюнтера опять замешкался. Он слишком долго летел по прямой и на нем скрестились трассы сразу двух спаренных самоходных зениток М42, стоящих в рощах гольфклуба, чуть позади основных позиций американского шестьдесят седьмого батальона. Получив сразу с десятка сорока миллиметровых снарядов в корпус, МиГ-17Ф просто развалился в воздухе.

Американская ЗСУ М42 «Дастер»

Гюнтер, по въевшейся в кровь еще со времен боев на Восточном фронте в прошлую войну, привычке опытного истребителя оглянулся назад как раз в этот момент. Он даже застонал от отчаяния, да что же это такое, из всего штаффеля в его звене самые большие потери - уже двое, всего за сутки! Отчаяние мгновенно сменилось яростью, сейчас ему до умопомрачения хотелось кого-нибудь убить. И в тоже мгновение он увидел впереди и чуть левее одинокий танк, стоящий боком. Мгновенно определив его силуэт, как М48, Гюнтер чуть повернул со снижением и выпустил по нему почти весь боекомплект из двух двадцати трех миллиметровых пушек, просвистев чуть ли не в пяти метрах от башни танка. Его ведомый дисциплинированно повторил действия Гюнтера. Американец успел их заметить и даже попытался развернуть на них зенитный пулемет, но потом просто скрылся в многочисленных разрывах снарядов из четырех авиапушек.

«Довернуть чуть-чуть вправо и вниз, и все, он покойник» - успел прошептать наводчик танка М48А2С, и в этот момент он оглох. Казалось, что снаружи на танк накинута толпа шахтеров с отбойными молотками, непрерывно долбя по корпусу и башне. Он откинулся на сиденье назад и схватил голову руками, пытаясь защититься от невыносимого непрерывного грохота. Рядом сполз командир, до этого стоявший на своем сиденье у зенитного пулемета. В танке было светлее чем обычно, выпуклый люк у командирской башенки почему-то отсутствовал полностью. Наводчик тряхнул головой, чтобы избавиться от наваждения, ему показалось, что в фигуре командира что-то не так. Какой-то он короткий. Не так было многое - у человека, который еще мгновение назад был их командиром, вообще отсутствовала верхняя часть туловища вместе с головой. Тело закачивалось где-то в районе в верхней части грудной клетки, руки сейчас валялись на полу боевого отделения отдельно, из обрубка тела сейчас торчал кусок позвоночника,

белевший в полумраке, и лилась кровь с какими-то ошметками внутренних органов, забрызгивая все боевое отделение. Послышались какие-то странные звуки, наводчик повернул голову и увидел своего заряжающего, который извергал свой обед прямо на останки своего командира. Подавив тошноту, наводчик кинулся обратно к пушке. Пока они здесь рыгают и истерят, поляк разворачивает башню! Но перископический и телескопический прицелы оказались разбиты, сквозь них невозможно было увидеть даже собственную задницу, не говоря о танке противника. Чертыхнувшись, наводчик ногой отпихнул останки командира и перелез на его место, пачкаясь в липком месиве. Из чего состоит это месиво, он старался не думать, сейчас главное не это. Так, баллистический вычислитель тоже накрылся, надо наводить вручную. Стереоскопический командирский прицел-дальномер Т-46 оказался в порядке и наводчик прильнул к нему, одновременно взявшись за штурвалы, он же помнил, что надо повернуть правее и ниже! И тут в танке полыхнул багровый отблеск, и он снова оглох.

Плютоновый еще закрывал голову руками, когда звуки вокруг резко изменились. Сначала мерный стук крупнокалиберного пулемета сменился треском авиационных пушек, как будто какой-то великан рвал над ним гигантское полотно. Потом по ушам резанул резкий свист проносащихся очень низко реактивных самолетов и тело плютонового, помимо его воли, сдвинуло назад воздушной волной, вдобавок этой же волной на него отбросило труп первого номера расчета РПГ из его отделения. Что это труп, он понял сразу, в туловище зияла дыра размером с суповую тарелку, как раз через эту дыру он мог наблюдать этот проклятый американский танк. А вот тот факт, что с танком что-то не так, до него дошло только через пару секунд. Ну точно, полукруглая башенка, из которой торчал этот проклятый зенитный пулемет конкретно изменила свои очертания, а пулемет вообще исчез. И вообще, танк выглядел каким-то.. поклеванным, как будто его долбила стая исполинских ворон с железными клювами. Но он не горел. Тут плютоновый понял, что еще может сделать то, ради чего они так торопились к своей смерти. И что тогда, если у него получится, ребята из его отделения погибли не напрасно. Плютоновый одним броском метнулся к снаряженному гранатомету РПГ-2, который так и лежал в пяти метрах, когда выпал из рук убитого бойца. Он схватил его, судорожно вспоминая необходимые места из «Руководства службы..» и радуясь, что РПГ уже заряжен и чехол с гранаты ПГ-2 снят.

После заряжания гранатомета снять ударно-спусковой с предохранителя, нажав указательным пальцем на предохранитель с правой стороны, и взвести курок. Для взведения курка опустить его вниз так, чтобы боевой взвод курка вошел в зацепление с пружиной. При этом должен быть слышен щелчок.

При заряжании гранатомета гранатой, не имеющей перья стабилизатора, надо согнуть перья рукой вокруг стабилизатора и вставить гранату в ствол гранатомета так, как это указано выше.

Примечание. Если после заряжания гранатомета выстрел не сразу, то до производства выстрела снимать ударно-спусковой механизм с предохранителя и взводить курок нельзя. В случае, если курок уже взведен, ударно-спусковой механизм на предохранитель, для чего нажать на предохранитель пальцем с левой стороны ударно-спускового механизма и утопить курок.

Прицеливание производить через отверстия прицельной рамки (соответственно расстоянию до цели) и верхний ствол (рис. 28).

Для производства выстрела нажать указательным пальцем плавно на спусковой курок.

Категорически запрещается производить стрельбу с левого плеча, направляя казенную часть ствола в сторону.

стрельба в какие-либо предметы или грунт.

При стрельбе гранатометчик должен опираться на ствол рукой к стволу.

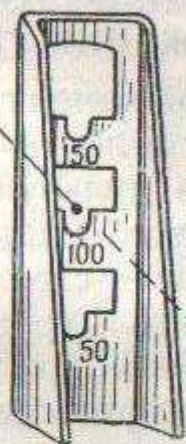
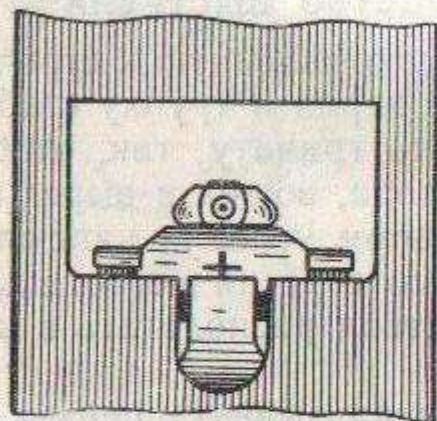

Рис. 28. Схема прицеливания при стрельбе из гранатомета

мета так чтобы избежать поражения пороховыми газами

Плютоновый вскинул РПГ-2 к плечу, прикинул поправку на ветер, прицелился в центр силуэта танка и нажал курок. Кумулятивная граната ПГ-2 попала не совсем туда, куда целил плютоновый, но тоже удачно. Пробив справа боковую среднюю часть башни, толщина которой составляла всего семьдесят пять миллиметров, кумулятивная струя прошла наискосок через все боевое отделение. Она оторвала правую руку заряжающего, прошла в сантиметре за спиной наводчика и воткнулась в левую боковину башни, как раз в зоне вертикально стоящей боеукладки. И все окончилось бы для экипажа гораздо плачевней, если бы в танке был полный боекомплект. Но танк много стрелял с самого утра, поэтому кумулятивная струя просвистела сквозь пустое пространство и врезалась в противоположную стенку башни. Взрыва боекомплекта и мгновенного за ним гибели экипажа не случилось. Но и в этом случае оставшимся трем членам экипажа пришлось очень плохо. Хуже всего пришлось заряжающему. Кумулятивная струя ему оторвала правую руку, которой он удерживал наготове унитар, готовясь вновь подать его в казенник пушки после выстрела. Унитар выпал и загремел по полу боевого отделения, закатившись под кресло мехвода. А заряжающий потерял сознание от болевого шока и умер от потери крови, прежде чем остальные члены экипажа оказались способны оказать ему помощь. Двое оставшихся более-менее из невредимых членов экипажа танка, наводчик и мехвод, потеряли сознание. Они вообще бы умерли от скачка избыточного давления, создаваемого кумулятивной струей после прохождения броневой защиты во внутренний объем танка, но спасла атака пары Гюнтера Фюльграббе. Снаряды четырех двадцати трех миллиметровых пушек МиГ-17 просто снесли выпуклую часть командирской башенки вместе люком, зенитным Браунингом и головой командира танка, попутно превратив внутреннее пространство боевого отделения из закрытого в открытое. Поэтому скачок давления был для американцев не столь губителен, они всего-навсего потеряли сознание на несколько секунд. Но эти секунды оказались фатальными. Т-54А Анджея Тучапски наконец-то развернул свою башню. Правда, наводчик «Паттона», когда в его танк попала граната, инстинктивно нажал на рычаг спуска, но одновременно он непроизвольно качнул штурвал вертикальной наводки. Бронебойный снаряд, вылетевший из пушки «Паттона», попал в верхний край башни, и рикошетом ушел в облака. Наводчик Т-54А, крайне удивленный, тем фактом, что еще жив, стал ловить в прицел своего врага. Он, не дожидаясь команды поручика, который в это время еще тряс головой, приходя в себя после легкой контузии (американский рикошет бронебойного снаряда не прошел для него безболезненно), нажал рычаг спуска, как только услышал доклад заряжающего «бронебойный готов!». Выстрел 53-УБР-412Б с бронебойно-трассирующим тупоголовым снарядом 53-БР-412Б с баллистическим наконечником начал свою мгновенную жизнь, составляющую всего пару секунд. Бронебойный снаряд 53-БР-412Б отличался от 53-БР-412 тем, что длина снаряда была увеличена, головная часть снаряда была сделана тупой, с фигурным притуплением. Это было предназначено для того, чтобы уменьшить вероятность рикошета при попадании в броню под углом менее девяносто градусов. Что привело к тому, что при попадании слева от маски пушки М48А2 снаряд слегка повернулся к нормали и пробил лобовую броню башни американца. Наводчик, находившийся за броней в этом месте, погиб мгновенно. Заряжающий был к тому времени уже мертв, а мехвод прожил всего на пару мгновений дольше - когда взрыватель МД-8 сработал, один из осколков попал ему в позвоночник. Поручик Тучапски облегченно выдохнул, когда на высоком силуэте вражеского танка сверкнул огонь попадания. Пару секунд М48А2 не подавал признаков жизни, а потом из изуродованной башни (интересно, кто и когда его так? – мимолетно удивился Анджей) пополз легкий дымок, через полминуты уже превратившийся в полноценный пожар. И только тут поручик услышал, что, оказывается все это время, его вызывают по радию. Он повернулся к экипажу:

-Башню влево на девяносто, вести наблюдение, Янек –он персонально обратился к мехводу, ты все равно уже здесь не нужен, вылезь наружи, узнай что там с пехотой.

После этого он нажал тангенту радиостанции и устало произнес:

-Докладывает поручик Тучапки. Вступил в бой с двумя средними танками противника типа «Паттон-III». Противник уничтожен. Получил повреждения двигателя, ремонт невозможен. Потери в людях - до отделения пехоты, уточняются.

На той стороне линии связи озадаченно замолчали, потом опомнились:

-Молодец, сынок. А теперь слушай команду: Атом! Постарайся уцелеть, после ядерной атаки, как только восстановится связь, ты будешь корректировать артиллерийский огонь по противнику, все, конец связи!

Анджей обессиленно привалился к стенке башни, наводчик и заряжающий, радостно обсуждавшие было: «а видел, как я ему вломил!», притихли и настороженно смотрели на него. Наконец наводчик не вытерпел:

-Пан Анджей, что случилось-то? Вроде все страшное позади?

Анджей просто произнес в пространство, выключая питание радиостанции:

-Команда «Атом».

Вместе с вернувшимся мехводом они загнали оставшихся двенадцать человек под танк, судьбу отделения, отправленного во главе с плутоновым к дороге, выяснять было некогда. И через минуту местность вокруг залило ослепительно ярким светом. Как только вновь появилась радиосвязь, сквозь треск и шум помех от ядерных взрывов, поручик Анджей Тучапски начал корректировку. Поначалу было трудно, польский офицер-артиллерист несколько раз переспрашивал, слышимость была отвратительной, да и пристрелочные шестидюймовые «чемоданы» ложились совсем в стороне, но после пятого снаряда дело пошло. Шестой лег уже совсем рядом с высокими силуэтами М48. Анджей даже мысленно поблагодарил американских конструкторов, спроектировавших такой танк, высотой почти, что в ширину, больше трех метров. И командовал накрытие. После третьего восьми орудийного совместного залпа двух батарей, встававшего высоченными столбами огня и земли каждую минуту, американцы начали сниматься с позиций. До полного их отхода две батареи сделали семь залпов, Анджей насчитал на оставленных позициях шесть подбитых и три полностью уничтоженных танка и одиннадцать подбитых БТР. Сообщив по радио, что американцы отходят и пора прекратить огонь, поручик вылез из пахнущей гарью машины. Надо было дожидаться подхода своих, идти за американцами пешком, без радиосвязи, всего с десятком пехотинцев было бы глупо. Да и не мешало бы выяснить, что случилось с плутоновым, который как-то смог выиграть для экипажа поручика такие драгоценные несколько секунд. Плутоновый нашелся через минуту, он ковылял с автоматом на шее, опираясь на РПГ-2. Подошел к Анджею и на его вопросительный взгляд, устало, совсем не по форме доложил:

- Подвернул ногу, пся крев, когда от вспышки падал. А ребят моих эта американская курва из пулемета распластала, на куски. Не успели мы до позиции добежать, простите, пан поручик. Это уже потом я смог по нему из РПГ гранату выстрелить, когда его какие-то самолеты обстреливать стали. Надо бы оружие у ребят собрать да и их самих прибрать не мешало.

–Сиди, я сам распоряжусь. –Тоже по неуставному ответил ему поручик.

-И спасибо тебе, если бы не твой выстрел, убил бы нас этот «Паттон». И потом, не знаю, сколько бы еще поляков погибло бы, видишь, американцы ушли, потому что мы огонь наших самоходок корректировали, вон смотри, сколько этих курв наколотили. Так что не зря твои ребята погибли.

Они сидели молча еще несколько минут, пока передовые танки их механизированного полка медленно проползли мимо них. А потом неумолимый молох войны разлучил их. Плутонового увезли в медсанроту, а поручика вызвал к себе начштаба полка. Он был предельно лаконичен. Благодарность. Сообщение о представлении к «Виртути Милитари». И назначение на должность командира второй танковой роты, взамен убитого в самом начале американского обстрела капитана. Поручик Анджей Тучапски не знал, что в это время его фамилия упоминается в еще одном разговоре. С подполковником Кузьминым вышел на связь командир шестой гвардейской мотострелковой дивизии Писарев. Он заслушал рапорт подполковника об обстановке, которая начинала внушать осторожный оптимизм. После польской прицельной артподготовки правое крыло противника начало отход, не дожидаясь атаки. Вслед за ними начали отход и остальные силы противника, опасаясь, что поляки обойдут их с фланга и прижмут к пойме реки Аллер. По позиции обнаруженной атомной артиллерии противника произведен ракетный удар, это генерал-майор видел сам, со своего НП. Конечно, надо дожидаться результатов авиаразведки, которая скоро придет из штаба тридцать седьмой воздушной армии, но как человек военный, генерал-майор понимал, что вряд ли что-то может уцелеть после ядерных ударов по десять килотонн каждый. Наконец, к району боевых действий начали подходить колонны восемьдесят первого мотострелкового полка и четырехсотого артиллерийского полка. Может быть, американцев получится выбить из Целле, не дожидаясь обходного маневра шестьдесят восьмого танкового полка? Генерал вдруг прервал доклад Кузьмина, вспомнив знакомую фамилию.

-Михаил Яковлевич, как ты говорил, зовут того поручика, что подбил два танка, а потом корректировал огонь самоходок? Анджей Тучапски? Интересно.. Кто-то мне говорил, что сын нашего начальника штаба фронта служит в польской второй Варшавской механизированной дивизии, танкистом. Интересно, это тот самый или однофамилец? Так вот, поляки сами собой, но ты ему напиши представление на «Красное Знамя» по нашей дивизии, парень заслужил.

Подполковник Генри Болл внутренне был готов к отступлению уже давно, сразу после воздушного налета МиГов на позиции его артиллерии. Легкость, с которой самолеты комми уничтожили семь его самоходок, потеряв при этом всего один самолет, неприятно поразила его. И это всего лишь первый налет, а его артиллерийский дивизион уже съезжился до размеров батареи. Но ведь будут же и другие? А когда за его спиной встали четыре гриба атомных взрывов, его внутренняя уверенность превратилась в приказ о подготовке к отходу. Четыре ракетных удара в его ближайшем тылу могли означать только одно, авиаразведка красных засекала подготовку позиций М65, парни не успели собрать орудия, как их отправили на тот свет. Но ведь теперь ему нет смысла оставаться на одном месте, неся бессмысленные потери, если батарея М65 уничтожена? Бензина у его танков теперь хватит миль на двадцать, спасибо заправщикам из мотопехоты. Масла в огонь добавил уцелевший командир артиллерийского дивизиона самоходных гаубиц, он сообщил, что радиоактивный фон на улицах Целле, где находится его дивизион, вернее, его остатки, быстро растет. А его самоходки не имеют фильтро-вентиляционных установок и если он сейчас же не отъедет на три-четыре километра к северо-западу,

поперек направления ветра, подполковнику придется проводить дезактивацию самоходок. И искать где-то новые артиллерийские расчеты. И когда, через несколько минут после возобновления радиосвязи, прерванной помехами в эфире от ядерных взрывов, на основных позициях его батальона начали рваться шестидюймовые снаряды вражеской артиллерии весом более ста фунтов каждый, подполковник Генри Болл более не мешкал. Артиллеристы с мотопехотой прикрытия получили приказ передислоцироваться севернее Гросс-Хелена, в лес вдоль дороги L240. Своему правому крылу, чтобы не попасть под фланговый охват противника подполковник приказал, надев средства защиты, отходить сквозь городские кварталы Целле вдоль реки Аллер, в сторону Хамбюрена. И укрепиться на позициях в том месте, где позволит уровень радиации. Основные силы во главе с самим Боллом начали отход к шоссе 191 в районе местечка Гарссен. На дороге 191 его и застала радиограмма, от которой ему захотелось снова выругаться. Командир еще одной атомной батареи, восьмидюймовых дивизионных буксируемых гаубиц M2, сообщал ему о своей готовности и запрашивал координаты для стрельбы. Решение пришло мгновенно. Во-первых, позиции этих чертовых шестидюймовых самоходных орудий, это сейчас главная сила противника и ему почти нечего ей противопоставить, особенно когда от его собственного самоходного артдивизиона осталось одна треть. Взвод АИР, находившийся с ними на позициях у гольфклуба, уже засек координаты, огонь по его позициям вели две батареи. ОК, значит первые два снаряда с зарядами W-33 по пять кило тонн для каждой из них. Еще две цели - позиция поляков, с которых они атаквали сегодня, и редколесье перед второй боевой группой на правом фланге, там тоже отмечены вражеские орудия в шесть дюймов. Потом... Наверное, надо будет положить по снаряду в поселки Хонё, Мюден, Хонхорст и Эльдиген – это практически все дорожные узлы, находившиеся у противника в полосе перед его тактической группой, находящиеся в дальности «Лонг Томов» его дивизии. А дальше цели еще появятся, теперь подполковник Генри Болл не собирался отступать далеко.

Анджей Тучапски едва успел принять роту, заняв со своим экипажем танк убитого ранее капитана, как получил приказ продвигаться вперед. Он, наученный горьким сегодняшним опытом, пустил вперед боевое охранение из пары БТР-152 приданных ему мотострелков и одного танка. К черту, косые взгляды его новых офицеров и упреки за спиной в излишней осторожности он переживет. А вот второй такой расстрел, как сегодня днем, может и нет, не может же ему так отчаянно везти все время. Так что действуем по уставу, никакого гусарства. Что это у нас впереди? Дорога 191 и поселок Гарссен на ней. Анджей скомандовал дозору покинуть броню и тщательно прочесать весь поселок и лесок за дорогой. Остальные силы его роты медленно ехали к дороге, настороженно поводя стволами по сторонам. Ну вот, как он и ожидал, один БТР сразу задымился после попадания в него вражеского снаряда, другой попытался скрыться в ложине, но в него влетело сразу три трассера, и он превратился в огненный шар. Танку повезло, он как раз нырнул в низинку, и получив два рикошета в верхнюю часть башни, начал азартно с кем-то впереди перестреливаться. Да понятно с кем, вот же они! Теперь, когда дозор выиграл для его роты драгоценные секунды, поручик ясно видел высокие силуэты американских «Паттонов», укрытых масксетями за дорогой. До них далековато, но ничего. Главное, связать их перестрелкой и передать координаты в полк, а там за работу примутся самоходки. Он поднес ко рту микрофон радиостанции Р-113, сообщая новые координаты противника. И даже услышал ответ одного командира батареи ИСУ-152, подтвердившего получение данных и готовность немедленно начать пристрелку, благо батарея еще не успела покинуть прежние позиции. И в этот момент раздался истошный крик стрелка-радиста: «Вспышка сзади! Две вспышки!» и в эфире снова пошел сплошной треск.

После трех вспышек Леха Мельников осторожно подъехал к танкистам из подбитого ПТ-76. Когда до все еще горящего (взрывы все таки были километрах в десяти, не меньше, и поэтому не сильная ударная волна только раздула пламя) танка осталось метров сорок, заряжающий открыл люк и выскочил из танка. Только-только он успел добежать до танкистов и подхватить раненного, который совсем обессилел, к в той же стороне опять полыхнула вспышка. К западу от Целле теперь выростали четыре ядерных гриба, один был почти сдвоенным и от этого казался особенно уродливым. Но все обошлось, ослепших в полку не было. Сдав раненых медикам, после трехминутной остановки, шестьдесят восьмой танковый полк устремился на север, в проход между городками Рамлинген и Веттмар, на Хамбюрен, до которого оставалось всего десяток километров. И захватив который, полк выходил почти что в тыл американской группировке, оборонявшейся восточнее Целле, заодно перерезая шоссе 214, одну из магистралей, по которым к американцам могли поступать подкрепления. Но когда передовые танки полка уже подъезжали к предместьям Хамбюрена, произошло множество самых различных событий. Во-первых, БТР-152 мотострелковой роты, вышедшие вперед, в помощь поредевшему передовому дозору разведроты, столкнулись с американцами, предположительно тоже ротой мотопехоты. Потеряв сначала два «сто пятьдесят вторых» от огня замаскированных гранатометчиков с М79, мотострелки, поддержанные огнем семидесяти шести миллиметровых пушек танков ПТ-76 подбили три американских БТР М113. Все-таки эти здоровые высоченные квадратные гробы американцам не удалось как следует замаскировать в редком осеннем лесу. Потом подоспели основные силы советского танкового полка, превосходство русских стало подавляющим и они стали теснить отчаянно огрызавшихся американцев к малоэтажным домам Хамбюрена.

Первым его заметил, как ни странно, Леха. Что вообще-то необычно, так как у механика самый плохой обзор в танке. Но все остальные члены экипажа смотрели вперед, на остатки американской мотопехотной роты, а Леха боковым зрением увидел его, мелькнувшим в ложбине справа, и сразу, без доклада, рванул фрикционы враздрай, танк резко крутнулся вправо, почти на месте, одновременно поворачиваясь почти на девяносто градусов. Другой бы мехвод оставил бы танк таким маневром без гусениц, но Леха бы ас.

-Твою мать, Леха, ты чего творишь! Заорал было батя, но потом тоже увидел причину такого маневра.

- Вот это да, Леха, ты молодец, что его углядел! И, уже обращаясь на основной частоте по радио:

-Всем, кто меня слышит, я - «желудь-1», пятьсот метров к востоку от Хамбюрена обнаружил позицию атомной артиллерии, вступаю в бой!

Американская атомная пушка М2 с тягачем заезжает на позицию

Машина, которую углядел Леха, была тягачем американской дивизионной артиллерийской батареи двести трех миллиметровых пушек. В отличие от своих более крупнокалиберных собратьев, двести восьмидесяти миллиметровых М65, пушка М2 почти не требовала инженерной подготовке позиций, и для перевода ее в боевое положение требовалось меньше получаса. Замеченный Лехой тягач оказался последним, тащившим пушку на позицию, четвертым. Три из них уже отъезжали от орудий, два орудия уже стояли, задравши стволы, в боевом положении. И тут счет пошел уже на секунды. Одна – и по команде «дорожка» Леха, сбавив скорость, повел свой Т-54АК прямо, как по линейке. Две – и, наводчик, поймав в прицел пушки Д-10ТГ со стабилизатором в вертикальной плоскости СТП-1 «Горизонт» американский тягач, нажимает на спуск, не дожидаясь команды «огонь». Три – тягач, с пулеметчиком наверху, тцетно поливающим их танк из крупнокалиберного пулемета, исчезает в разрыве осколочно-фугасного снаряда. Четыре – из трех поднятых вверх двести трех миллиметровых стволов

американских пушек два ствола выдыхают многометровые форсы дыма и пламени. Пять – соседний танк выплевывает снаряд, совсем рядом с позицией другого орудия, увеличивая скорость и обгоняя Леху. Семь – позиции американской батареи скрывают многочисленные разрывы, это уже почти все остальные танки первого батальона развернулись и стреляют по американцам. Четырнадцать – танки, уже несущиеся на полной скорости, врываются на позиции американцев, давя и расстреливая уцелевших из пулеметов. Пятнадцать – «Батя» разражается длинной матерной тирадой, Леха никогда его таким злым не видел. Причины была понятна - на востоке вырастают два атомных гриба.

Не имея связи с основными силами полка и наблюдая два атомных гриба, вырастающих в аккурат в тех местах, где еще секунду назад были артиллеристы, уверенно обещавшие ему огневую поддержку, поручик Тучапски приказал медленно отходить. На отходе они все-таки потеряли передовой танк из состава дозора, но сами подбили несколько единиц американской бронетехники, четыре дымных столба высились над позициями американцев. Все-таки в перестрелке на максимальный для танковых орудий дистанций у гораздо более низкого Т-54 было преимущество. Вдобавок сказывалась более толстая броня, к тому же полусферических башен советских танков, от которых время от времени отлетали рикошеты американских бронебойных AP-T M77Shot. Да и девяносто миллиметровая американская танковая пушка М41 была по своей баллистике похуже советской сто миллиметровой Д-10Т, уступая по начальному импульсу снаряда почти на треть. Одним словом, перестрелку на максимальной дистанции рота Тучапски выиграла и не будь численный перевес американцев таким явным, поручик и вовсе не скомандовал бы отход. Но, опасаясь, что американцы в любую минуту могут пойти в контратаку и тогда попросту раздавят его роту численным превосходством (Анджей насчитал как минимум двадцать пять «Паттонов» против его десяти Т-54), он эту команду дал. Отойдя на западную окраину гольфклуба, он приказал пехоте окапываться, удивляясь все время пассивности противника. Откуда он мог знать, что подполковник Генри Болл в этот момент рвет и мечет, глядя на медленно уползающие приземистые коробки Т-54. Но приказ перейти в контратаку – это безрассудство, у его машин осталось по пять снарядов на ствол. И бензина в баках всего ничего. Ну ничего, до потери радиосвязи с ним связался командир колонны автотранспортного обеспечения, через час у него будут и снаряды и горючее. А через два часа к ним подойдут еще один бронетанковый и мотопехотный батальоны.

Как только восстановилась радиосвязь, подполковник Кузьмин, с тревогой смотревший на атомные грибы, стоявшие совсем близко от его батальона, буквально в нескольких километрах, стал вызывать поляков. В конце концов майор Свентицкий вышел на связь. Доклад его был безрадостен. На левом крыле снова сложилась удручающая ситуация. Двумя ударами атомной артиллерии американцев были полностью уничтожены обе батареи самоходных орудий. Потери понесли пехотные подразделения полка, безвозвратно выбыло почти сто человек, считай почти полная рота. Серьезно пострадала медсанрота, расположенная всего в километре от одной из батарей. Судя по докладу майора, поляки стремительно утрачивали боевой дух. Если сейчас американцы на них надавят, произойдет то же, что случилось утром, они разгромят поляков, а потом охватят с правого фланга батальон Кузьмина и прижмут его к реке. Помощь пришла с воздуха, немецкий обер-лейтенант крайне вовремя сообщил о подлете двух эскадрилий штурмовиков МиГ-17 к переднему краю. Подполковник Кузьмин немедленно нацелил их на дорогу 191 в район поселка Гарссен, туда где до ядерного удара передовая танковая рота поляков запрашивала огонь своей артиллерии. «Птенцы Геринга», как их про себя

уже стал называть Кузьмин после того, как они разделались с американской артиллерией в предыдущем вылете, не подкачали и на этот раз. Сначала четверка МиГ-17 пронеслась, все время маневрируя, над Гарссеном, вызывая огонь американских зениток. Как только те проявили себя, на них, зайдя с запада, со стороны склоняющегося к горизонту закатного солнца, обрушилась восьмерка МиГов, перепахав позиции «Дастеров» бомбами и пушечным огнем. А потом, буквально через тридцать секунд, на позиции танкистов Генри Болла свалилась вторая немецкая эскадрилья, которая проутюжила позиции американцев в лучших традициях старого люфтваффе. В итоге, МиГи сделали три захода, сначала сбросив бомбы, потом ударив НУРСами, а третий вообще по-наглому, выходя из пикирования почти над самыми деревьями и расстреливая все внизу из пушек. Даже тогда, когда самолеты скрылись из глаз, на американских позициях еще что-то весело горело и взрывалось.

Подполковник Генри Болл, дернув распоротой щекой, которую пытался залепить пластырем санитар, слушал доклад командира мотопехотного батальона. И, одновременно, уже который раз за день, отстраненно удивляясь текущей ситуации. Больше всего стремительно меняющаяся сегодня обстановка напоминала ему старые качели, стоявшие в детстве возле его дома в Висконсине. Такие тяжелые, чугунного литья, висящие на цепях, на двух здоровенных столбах. Если их посильнее раскачать, то хрен остановишь, как ни старайся. Итак, какие у него потери, после этого налета? Проклятые джерри, в последний заход опознавательные знаки ВВС ННА ГДР на МиГах, чуть ли не стригущих верхушки деревьев, не разглядел разве что полностью слепой, в одно мгновение поставили крест на его планах контратаки по полякам. Шесть подбитых и девять поврежденных танков. Одиннадцать бронетранспортеров, причем два с минометами. С десятков сгоревших грузовиков и джипов. И что самое плохое, уничтожены три из четырех ЗСУ зенитной батареи из состава приданного зенитного прикрытия. От этого прикрытия осталось всего одна батарея, две ЗСУ из которой, он отдал своей танковой роте, прикрывавший правый фланг и сейчас отступившей в городские кварталы Целле. Другие две сейчас с остатками четырнадцатого артиллерийского дивизиона отступает на северо-запад. Проклятье, оставшихся у него трех десятков «Паттонов» слишком мало для лобового удара по полякам, а на обходные маневры ему не хватит топлива. И в эту ситуацию загнали его чертовы джерри, ценой всего одного МиГ-17, которого его «Пылесосам»* удалось сбить в самом начале, из состава первой четверки.

*«Пылесос» -«Дастер» (англ.), название ЗСУ М42

Генри Болл принял решение. Ему нельзя атаковать с такими силами. Он ясно рассмотрел в бинокль, что к польской танковой роте с пехотой, закрепляющейся на его старых позициях у гольфклуба, подошли еще подкрепления, надо отходить. Иначе еще один налет авиации противника поставит на его батальоне большой и жирный крест. Он повернулся к радисту:

-Свяжись с артиллеристами, передай, что мы отходим на милю от Гарссена на северо-запад. Займем позиции за железной дорогой в районе Камингпарк. Далее, из состава приданных «Дастеров» пусть немедленно высылают одну ЗСУ к нам. И свяжись с шестьдесят шестым бронетанковым и сорок первым мотопехотными батальонами, я хочу знать, когда, наконец, они придут.

После уничтожения батареи атомной артиллерии американской второй бронетанковой дивизии, шестьдесят восьмой полк разделился. Первый батальон получил приказ,

продвигаясь на восток, войти в Целле и закончить охват противника, захватив два автомобильных и один железнодорожный мосты через реку Аллер в самом Целле. Остальные части шестьдесят восьмого полка должны были, продвигаясь на запад, вдоль реки Аллер, до 20-00 выйти на линию Зюдвинзен – Бухгольц – Швармштедт. Оседлав перекресток автомагистрали E45 и дороги 214, занять территорию по левому берегу реки Аллер вплоть до слияния с рекой Лайне. Занять и удерживать автомобильные мосты через Аллер на дорогах L298, L190, автомагистрали E45, дороге 214 через Лайне. А так же занять железнодорожный мост через Аллер на перегоне Швармштедт – Хадемсторф, не допустив уничтожения мостов противником. На этом задача полка считалась на текущие сутки выполненной, далее полку предписывалось удерживать занятые рубежи, ждать пополнений боеприпасами и топливом. Но все пошло наперекосяк через каких-то полчаса. Первый батальон, еще не дойдя до мостов, столкнулся на улицах Целле с силами правого крыла тактической группы подполковника Генри Болла. Правда, вместо разведывательного батальона и двух рот, танковой и мотопехотной, числившихся в этом отряде изначально, от американцев осталась разрозненная группа числом не более батальона, с десятком танков и дюжиной бронетранспортеров. К тому же на американцев нажимал сзади советский танковый батальон, при поддержке польской пехоты. Положение усугублялось дувшим устойчиво весь день с северо-запада ветром, несущим радиоактивные осадки от четырех кратеров в лесном массиве к северу за дорогой L180, возле Штеддена. Которые до недавнего времени были позициями батареи американской корпусной атомной артиллерии, так и не успевшей выстрелить. В результате, встречный бой, не успев толком завязаться, превратился в свалку на-коротке, почти сразу разбившись на множество ожесточенных стычек, переходивших в рукопашную. «Батя» для себя ситуацию прояснил одним из первых командиров, управлявших боем с противоположных сторон. Бой завязывается в городской застройке, а у его батальона, кроме одного приданного разведывательного взвода, нет пехоты. Первоначально выбив из района Восточного Целле авангард американцев, совершенно неожиданных увидеть советские танки, идущие с запада, он приказал перейти к обороне, имея перед собой широкую кольцевую автодорогу Вильхельм-Хайнихен-Ринг. На левом фланге, пользуясь тем, что справа находится большой пустырь и нет строений, его танкисты прорвались по той же Вильхельм-Хайнихен-Ринг до реки, взяв под контроль окружной автомобильный мост. Далее, остановленные «Батей» по радио, они не пошли, так же заняв оборону. Более того, комбат-один шестьдесят восьмого танкового полка, вопреки всем уставам, «перевел» в импровизированную пехоту всех стрелков-радиостов и половину мехводов, выдернув их из танков и усадив в первые этажи, прикрывая танки от гранатометчиков. Он это сделал удивительно вовремя, в следующие два часа окруженные американцы яростно бросались в атаки, но каждый раз безуспешно, только устилая убитыми широкую Вильхельм-Хайнихен-Ринг. Еще здорово помогало то, что все противники уже были в средствах защиты, радиоактивный дым, от четырех ядерных взрывов, уже плотно стоял на улицах Целле. А противогаз и защитный костюм, одетый сверху, отвратительно сказывается на поле зрения и реакции человека. Положение для американцев усугублялось тем, что отрываясь, от единственного, как им казалось на тот момент, противника, они сгоряча взорвали и железнодорожный и центральный автомобильный мосты через Аллер. А окружной мост уже прочно удерживала танковая рота во главе с самим «Батей». Которые, к тому же сразу расстреляли четыре самых хитрых, или самых трусливых БТР М113, пытавшихся улизнуть из окружения, просто плывя по воде вдоль течения. Взорвав мосты, американцы поставили себя в очень тяжелое положение, не сделай они этого, им можно было бы попытаться прорваться под носом у десятого танкового батальона, вдоль правого берега Аллера. Пользуясь преимуществами, которые давали кривые узкие улочки старого Целле, они бы вполне могли это сделать. Но

совершенного не вернешь, им оставалось только три варианта. Пытаться пробиться через широкую Вильгельм-Хайнихен-Ринг, сквозь танки первого батальона шестьдесят восьмого танкового полка, надеясь, что у этих, черт его знает, откуда возникших на пути русских закончатся боеприпасы. Плыть через холодную октябрьскую воду Аллера, с боеприпасами и оружием, в средствах защиты, под обстрелом врага. Или просто сдаться. В итоге, уцелевшие в кровавых атаках солдаты трех частей второй американской бронетанковой дивизии «Ад на колесах» выбрали третий вариант. Это произошло уже в сумерках, когда передовой танковый взвод десятого отдельного батальона соединился с танкистами шестьдесят восьмого на окружном мосту, а польская пехота, уже зачистив правый берег Аллера, на БТР-152 начала перебираться на левый.

У остальных подразделений шестьдесят восьмого танкового полка, получивших приказ продвигаться на запад, вечер выдался гораздо более насыщенный. Сначала передовая рота второго танкового батальона, только-только влетевшая на большой скорости в улочки Зюдвинзена, нос к носу столкнулась с дивизионом самоходных гаубиц бундесвера. Немцы тоже торопились, на помощь тактической группе подполковника Генри Болла, который проел всю плешь командованию третьего корпуса своими требованиями об артиллерийской поддержке. А в реальности получилось, что они неожиданно въехали походной колонной прямо навстречу русским танкам.

Самоходные гаубицы бундесвера М7 американского производства на марше

Шансов оказать серьезное сопротивление у этих неуклюжих машин, созданных на базе устаревшего танка М3 «Генерал Ли» в 1942 году и участвовавших еще в сражении под Эль-Аламейном, не было. Нет, в другой ситуации, когда самоходки, защищенные своими частями, ведут шквальный огонь из своих сто пяти миллиметровых гаубиц, шансов не было как раз у советской танковой роты. Но здесь, накоротке, без вариантов. Русские потеряли только передовой БТР-152, в который расторопный пулеметчик передней машины успел выпустить пол – ленты из своего полудюймового «Браунинга». А потом.. Потом первая батарея была уничтожена, даже не успев развернуть свои машины, остальные сгорели в течении следующих нескольких минут, тщетно пытаясь вырваться из

старых тесных улочек Зюдвинзена, ставших могилой для почти сотни немцев. А советские танки беспрепятственно захватили мост на дороге L298.

Тем временем третий батальон шестьдесят восьмого танкового полка, вместе с мотострелковым батальоном, развернувшись в боевые порядки, шел вдоль шоссе 214, подходя к Витце. За ним, по 214 шоссе, с отставанием почти километр, следовали в колонне две батареи самоходок ИСУ-122С (одна была придана второму батальону), зенитная самоходная батарея и тыловые подразделения полка. Командир полка, управлявший этим отрядом, уже собирался дать команду мотострелкам и танкистам «сворачиваться» в колонну, чтобы поскорее проскочить через Витце, как в этот момент получил сообщение от передового разведывательного взвода. БТР-40 разведчиков на выезде из Витце столкнулся с передовым дозором американского мотопехотного батальона. А дальше, как донесли разведчики, «на шоссе идет большая колонна бронетехники противника», после чего из радиостанции стали слышны звуки стрельбы и связь прервалась. Решение последовало мгновенно, атаковать сходу, тем более свои два батальона уже развернуты в боевые порядки. Американцам повезло. Дома городка Витце прикрыли подразделения шестьдесят шестого бронетанкового и сорок первого мотопехотного батальонов, в тот момент, когда их можно было расстреливать в походных порядках. А к тому времени, когда первые советские танки и бронетранспортеры продрались сквозь тесные улочки немецкого городка, американцы уже развернули свои силы. Разгорелся встречный танковый бой, где против русских сыграл численный перевес. Шестьдесят восемь «Паттонов» шестьдесят шестого бронетанкового и восемьдесят девять «Гэвинов» сорок первого мотопехотного, это намного больше, чем тридцать один Т-54 и сорок шесть БТР-152 советского танкового и мотострелкового батальонов, которые принимали участие в сражении. Конечно, более мощное орудие советского танка, низкий силуэт и толстая броня сначала давали некоторое преимущество, но американцы сразу сблизилась на короткое расстояние, где эти козыри русских уже не играли. Используя свое численное превосходство, янки выбивали советские танки один за другим. Конечно, «Паттоны» тоже исправно горели, но чаша весов неумолимо клонилась в сторону сил НАТО. Положение спасли две батареи ИСУ-122С, в момент, когда казалось, что уже все, американцев не остановить. На окраинах Витцена уже горел почти весь советский третий танковый батальон, двадцать девять машин. «Паттоны» приблизились к Витцену уже на полкилометра, поддерживая огнем свою мотопехоту, методично выкуривавшую советских мотострелков, вдвое уступавших в числе. Но когда среди танков М48А2С и БТР М113 каждые десять секунд начали рваться по восемь двадцати пяти килограммовых снарядов, наступил перелом. «Паттоны» мало пострадали от них, к девятнадцати горящим М48А2С добавилось всего три, разбитых прямыми попаданиями. А вот количество «Гэвинов» советские самоходки ополовинили, тонкую шкуру М113 пробивали крупные осколки даже далеких разрывов. Вдобавок сказались самоуверенность американцев, подкрепленная быстрым уничтожением советского танкового батальона. Казалось бы, вот она, победа близка! Надо только смять немногочисленную русскую пехоту, засевшую в этом чертовом немецком городишке, намотать их на гусеницы или перестрелять, ведь у Альянса сил больше, чем двойное превосходство. А русские наверняка деморализованы, ведь почти все их танки уже горят. Еще нажать на них, еще чуть-чуть, и они побегут. И тогда «Паттоны», давя бегущих, выйдут на позиции этих чертовых крупнокалиберных орудий, и прикончат их. Но русские не побежали, более того, мотострелки сожгли еще четыре «Паттона», опрометчиво приблизившихся на расстояние выстрела новых гранатометов РПГ-7. И все это время, пока два американских батальона топтались перед Витце, ерзая туда – сюда, в их боевых порядках все время рвались снаряды. Командир поредевшего мотопехотного батальона

был убит близким разрывом русского сто двадцать двух миллиметрового снаряда. Командир шестьдесят шестого бронетанкового, принявший общее командование после этого, принял решение отойти, разорвав огневой контакт. Стороны подсчитывали потери. Американцы в итоге лишились двадцати шести «Паттонов», против уничтоженных трех десятков Т-54А. Можно сказать, победа, но командир шестьдесят шестого бронетанкового, когда узнал потери мотопехоты, перестал так думать. На поле боя остались пятьдесят пять бронетранспортеров! Нет, безусловно, часть из них просто повреждена и их наверняка можно починить, даже может быть, своими силами. Но для этого нужно, чтобы поле боя осталось за американцами. А что-то непохоже, что русские собираются убраться из этого чертового городишки.

Командир советского полка тоже был не в самом радужном настроении. Понести за полчаса такие потери, третий танковый батальон выбит полностью, от него остался всего один танк! Большие потери понесли и мотострелки, убиты и ранены почти полторы сотни человек, потеряны двадцать БТР-152 и все БТР-40 разведчиков. Он неправильно оценил силы противника, его атаковали целых два батальона, а американский батальон, что бронетанковый, что мотопехотный, не сравним со своим советским визави. С ними нормально справиться может только весь его полк. На поле к западу от Витце стоят, поврежденные и горящие, не менее семи десятков единиц бронетехники противника, а еще не меньше, отошли, но надолго ли? Решение пришло быстро, занимаем круговую оборону. Все тыловые подразделения вызываем сюда, в центр города. Две батареи самоходок, фактически спасших его от разгрома, тоже сюда, укрыть в городских кварталах по периметру, чтобы вели огонь прямой наводкой. Зенитную батарею - в резерв, она должна контратаковать в случае прорыва противника, в городе, сдвоенной очереди в упор длинноствольных пятидесяти семи миллиметровок хватит даже «Паттону». Вызываем две танковых роты от Зюдвинзена. Там, для обороны уже захваченного моста, хватит и одной, тем более, поддержанной батареей ИСУ-122С. И, когда, наконец, будет обещанная еще в начале боя, поддержка с воздуха?

Гауптман Гюнтер Фюльграббе, нет, уже майор, перед вылетом начальник штаба полка его поздравил, с переходом с простого погона, хоть и четырьмя квадратами, на витой, первый раз взлетал с аэродрома, командуя эскадрильей. Пусть новый погон будет с одним квадратиком, но зато витой! Гюнтер получил сразу два поздравления, с внеочередным воинским званием, и с должностью командира эскадрильи.

погон гауптмана в ННА ГДР

погон майора в ННА ГДР

Так вот, теперь уже майор, Гюнтер Фюльграббе вел, теперь уже свою, эскадрилью к уже знакомому району Целле. Правда, в эскадрилье было всего десять машин. Помимо ведомого второй пары его бывшего звена, в строю отсутствовал еще МиГ бывшего комэска, а он так хотел «сходить» напоследок со своей эскадрильей! Но когда его МиГ уже заходил на посадку после предыдущей штурмовки, у него забарахлил двигатель. Что неудивительно, все таки, четвертый авиаполк ННА использовал свои МиГ-17Ф в хвост и в гриву еще до войны, что же удивляться, что ресурс у всех машин подходит к концу. Бывший комэск был назначен заместителем командира первого полка ННА. Получивший недавно самолеты МиГ-19С, первый полк с самого начала войны участвовал в отражении налетов ударных самолетов НАТО – носителей ядерного оружия наравне с советскими полками истребителей – перехватчиков и концу первых суток войны понес ощутимые потери. Поэтому бывший комэск не успел даже толком попрощаться со своей эскадрильей, сначала эскадрилья получила срочный приказ на вылет, западнее Целле, возле Витце, а потом сразу же за ним прибыла машина. Но Гюнтер этого не знал, сейчас у него в голове была одна мысль, не оплошать. Вести в бой четверку, да еще в составе эскадрильи, это одно, а самостоятельно управлять целой эскадрильей, это совершенно другое. Груз ответственности поначалу давил и мешал нормально думать, но потом Гюнтер собрался. К черту, сейчас не время рефлексировать, я подведу не только себя, но и своих товарищей. И к району Витце эскадрилью подводил уже прежний Гюнтер, хладнокровный пилот, имевший за своими плечами не один боевой вылет.

«Идем курсом триста тридцать, над озером Хютце левый разворот на сто восемьдесят, высота тысяча, за автобаном Е45 левый разворот на сто, перед атакой снижаемся до пятисот, предварительные ориентиры - шоссе 214 к западу от Витце, первый заход бомбы. Сигналы от наземных частей все помнят?». Последняя фраза явно была лишняя,

все-таки он первый раз вел эскадрилью в атаку. Сигналы от наземных частей не потребовались, картина перед ним разворачивалась ясная, как на ладони. Сначала шоссе 214, от перекрестка в Бухгольце до Еверзена на котором почти впритык стояли носатые американские грузовики. Эскадрилья шла колонной пар, заходящее солнце подсвечивало цели, как на ладони, одновременно слепя американцев. Почти вся серия бомб, сброшенная эскадрильей Гюнтера, легла по тыловым подразделениям американских бронетанкового и мотопехотного батальонов. Далее его машины пронесли над недавним полем боя к западу от Витце, усеянным подбитой бронетехникой, американской и советской. Потом над самим городком, по окраине которой, между домами торчали поджарые силуэты советских БТР-152. «А где наши танки, их же совсем не видно. Неужели они все там, горят на поле?» -удивился Гюнтер. Внезапно с земли прорезался голос авиационного корректировщика, на немецком:

-Камрады, вы как нельзя вовремя! Можете еще раз ударить по танкам противника, на шоссе E45, к югу от Еверзена?

-Конечно, а иначе зачем мы здесь? –Отозвался новоиспеченный майор и начал отдавать приказы, выводя своих пилотов на второй заход.

Бронетехника американцев, отошедшая после атаки в лоб, как раз в этот момент начала совершать обходный маневр. Американский командир, здраво рассудив, что при штурме противника, засевшего на узких улочках Витце, он несет непоправимые потери, решил действовать иначе. Оставив одну мотопехотную роту с танковым взводом блокировать Витце, он бросил остальные силы в обход. В конце концов, он выбил у русских танки, а на одних бронетранспортерах они не рискнуть высунуться в поле. Надо подождать свою артиллерию, она подавит эти чертовы пушки, и оборона русских в Витце лопнет, как гнилой орех. Но этим займется командир роты, оставленный для блокады, а основным его силам надо спешить в Целле, на помощь группе подполковника Болла. Передовые «Паттоны» шестьдесят шестого бронетанкового батальона уже съезжали с автомагистрали E45 на дорогу L310, обходя русских с юга, с севера обходному маневру мешала извилистая лента Аллера. Как вдруг с воздуха пришли очередные неприятности. На первом заходе реактивные штурмовики красных разбомбили тыловые подразделения обеих батальонов, стоявшие на дороге 214. Американские командиры никак не могли привыкнуть к тому, что над ними постоянно висят самолеты противника. Проклиная этих говнюков из Air Force, на которых гораздо чаще натыкаешься в пивных барах, чем на поле боя, командир шестьдесят шестого едва успел приказать увеличить интервалы и скорость движения, надеясь быстро достичь развязки с L310. Ведь с автобана просто так не съедешь, даже на танке. Как вдруг уже увидел, заходящие на колону его батальона, самолеты противника. Выстроившись колонной пар и увеличив между ними дистанцию, МиГи эскадрильи Гюнтера обрушились на колонну, не зная на огонь танковых зенитных пулеметов. Гюнтер, выводя машину из полого пикирования, оглянулся вниз, на автобане горел с десятков единиц бронетехники. Чуть позже он, заложив разворот на сто восемьдесят с набором высоты, по привычке старого истребителя еще раз бросил взгляд назад, на запад. И похолодел, у его эскадрильи в воздухе появились спутники. На западе, с превышением почти на два километра, на фоне закатного солнца, появились шесть точек, быстро увеличивающихся в размерах. И сразу же, как только его МиГ набрал высоту, запищала СПО. Обернувшись еще раз Гюнтер увидел шлейфы бело-серого дыма, которые быстро потянулись к его эскадрилье. Срывающимся от волнения голосом майор крикнул в эфир: «Внимание, ракетная атака, шесть истребителей противника атакуют сзади!» Одновременно с этим майор заложил правый боевой разворот со снижением на девяносто, снова уходя от ракет на малую высоту. Первые три машины,

его ведомый и вторая пара синхронно повторили его маневр. Вторая четверка отреагировала также, только выполняя левый разворот со снижением. А вот концевая пара замешкалась, ее ведущий потерял лишнюю секунду, раздумывая, куда выполнить разворот, сначала дернулся влево, потом переложил ручку вправо, опять меняя траекторию движения, и это оказалась его последней ошибкой. Фатальной. Две первые ракеты AIM-7C Sparrow с полуактивной головкой самонаведения разорвались в непосредственной близости от его самолета. Корпус боевой части таких ракет представлял собой кольцо из стальных спаянных друг с другом стержней. И, после подрыва двух боевых частей неконтактным активным радиолокационным взрывателями, планер МиГа оказался буквально порублен на куски. Ведомый последней пары, развернулся сразу влево, уже не видя, как ведущий дергается туда-сюда. Это спасло ему жизнь, вторая пара ракет прошла за его хвостом буквально в нескольких десятках метрах, на расстоянии чуть-чуть, но превышающим радиус действия неконтактных взрывателей. Увернувшись от первого ракетного залпа, Гюнтер на мгновение задумался, что ему делать дальше? Задачу его эскадрилья выполнила, и можно вроде уходить домой. Но противников всего шестеро, да у них ракеты, но на малой высоте и в маневренном бою они противнику не очень-то помогут. Его раздумья моментально прекратились, как только он увидел горящий МиГ, падающий на землю. Нет уж, потерю еще одного пилота он им спускать не станет. Кстати, а кому это «им»? Гюнтер никак не мог определить тип самолета противников. Даже сблизившись, когда они начали крутиться на виражах. Причем вражеские пилоты, как ему показалось, даже с охотой приняли этот рисунок боя. Но что за самолеты ему противостоят? Похожи на «Хантеры», но раскрашены как-то по-чуждому, и опознавательные вроде американские. Две машины противника, стараясь разорвать контакт, полезли наверх. Гюнтер, оставив остальные своих пять машин, с первой четверкой пошел за ними. К своему удивлению, на горке его МиГ-17Ф стал довольно быстро догонять эту пару. Видя, что четверка МиГов, идущая в набор высоты за ними, вот-вот выйдет на дистанцию огня, пара противника прекратила набор и попыталась оторваться на максимальной скорости в горизонтальном полете. Но и здесь МиГи, как сразу выяснилось, были быстрее! Противник, поняв, что удрать по-прямой не получится, попытался уйти переворотом, но Гюнтер, ожидавший такой шаг, не дал американцу этого сделать. Он догнал машину ведущего, и нажал на гашетку, как раз в тот момент, когда серо-голубой самолет врага, с пижонски красными законцовками крыльев, уже лег на крыло. И за мгновение до того, как его снаряды начали рвать в клочья фюзеляж американца, Гюнтер успел разобрать слово NAVY, написанное на фюзеляже за крылом, в задней части. Палубная авиация США. Ну, точно, он вспомнил картинку из альбома с силуэтами вражеской авиации. Палубный истребитель US NAVY «Демон». Модификация, одна из последних, раз они использовали ракеты. Но откуда они здесь, до ближайшего моря от Целле несколько сотен километров? Решение этого вопроса он оставил на потом, сейчас надо разобраться с насущными проблемами. Ведущий второй пары его четверки тоже не сплеховал, «Демон», атакованный им, задымил, попытался вывернуться из-под удара, но на поврежденной машине у американца это получилось плохо, и МиГ ведомого второй пары, заложив боевой разворот со снижением, перечеркнул его снарядной строчкой. «Демон», на мгновение повисев еще в воздухе, рухнул вниз, объятый пламенем. Майор повел свою четверку на помощь оставшейся группе. Там дела оказались не так блестящи, ведущий второй четверки не нашел ничего лучше, как выйти на четырех американцев в лобовую атаку. О чем он думал, непонятно. Может, рассчитывал, что американцы, идущие на почти вдвое по размеру более крупных машинах, испугаются и отвернут раньше? Но расспросить ведущего второй четверки уже не получилось. «Демоны» так же охотно приняли предложение, а при сближении оказалось, что по четыре двадцатимиллиметровых пушки на каждом из четырех

американцах, это более весомый аргумент, чем две двадцати трех миллиметровки на каждом из пяти МиГ-17Ф. И машина ведущего, получив с десятков снарядов, просто рассыпалась в воздухе. Остальные три МиГа отвалили в разные стороны, и «Демоны» тут же сели им на хвост. Дело для немцев обернулось бы совсем худо, если бы не четверка Гюнтера. Сверху это ситуация была, как на ладони, и Гюнтер, отдав соответствующие команды, атаковал левую пару «Демонов». Они как раз «дожимали» в свои прицелы МиГ, оставшийся одиночкой после неудачной лобовой атаки. Этот МиГ после резкого разворота с набором высоты потерял скорость и был бы неминуемо сбит в ближайшие секунды, но пара Гюнтера, имевшая запас и высоты, и скорости, успела сесть на хвост американцам раньше. Гюнтер, видя, что «Демоны» тоже вот-вот начнут расстреливать еще один самолет из его эскадрильи, открыл огонь с максимально возможного расстояния. Он особо не ждал результатов, главная задача была отсечь противника от своего, но один снаряд все-таки попал в ведомый самолет противника. Ведущий «Демон» сразу вывернулся боевым разворотом, Гюнтер сразу пошел за ним, приказав своему ведомому добить поврежденного американца. Следующую минуту Гюнтер крутился с этим одиночным «Демоном», не переставая удивляться, как такой большой самолет, почти в два раза больше его МиГ-17Ф, может быть таким маневренным. Да и американский пилот, сидевший в нем, был не пальцем делан, неприятно удивив Гюнтера своим пилотажем. Одновременно Гюнтер смотрел на стрелку указателя уровня топлива, которая неумолимо приближалась к нулю. Видимо, противника беспокоили те же проблемы, потому что «Демон», резким переворотом ушел вниз, почти до самой земли, сразу скрывшись в наступивших сумерках. Гюнтер еще раз с сожалением посмотрел на указатель уровня топлива и отказался от промелькнувшей в голове мысли о преследовании. К тому же пора бы вспомнить о том, что он командир эскадрильи. Майор, вводя машину в плавный вираж, огляделся вокруг, опрашивая по радио своих. Свои оказались все целы, больше потерь не было. Ведомый Гюнтера добил таки поврежденного американца, открыв свой счет. Вторая пара его бывшей четверки, сумела повредить еще одного, но не сильно, тот, запарив, все же не отстал от своего ведущего, и они ушли от МиГов тем же маневром, что и противник Гюнтера. Но свой аэродром эскадрилья, ставшая уже восьмеркой, возвращалась в молчании. Вроде бы и задание выполнили, и из-под первой ракетной почти все ушли, и трех сбитых на свой счет записали, но все равно. Потеря двух своих друзей в одном вылете, это было просто потрясением для всех. Кроме Гюнтера Фюльграббе, он-то как раз помнил события двадцатилетней давности на Восточном фронте. Когда такие потери были нормой для его части в конце войны.

Гюнтер не знал, что его последняя атака позволила советским частям переломить ситуацию на этом кусочке фронта, по-сути став последней соломинкой, переломившей спину верблюду. Нет, прямые потери от одного захода десятки МиГов на шоссе, забитое бронетехникой, были для американских частей отнюдь не фатальны, всего восемь БТР М113 и два «Паттона». Но в суматохе, последовавшей после штурмовки МиГов, никто не заметил, как две роты советских танков Т-54А подходят, развернувшись широким фронтом, с востока. Командиры этих двух рот, вызванные час назад от Винзена, правильно оценили обстановку. Солнце, пусть в сплошных тучах, уже почти зашло, но силуэты машин американцев, стоящие на автобане, еще были видны на фоне багрово-красного заката. А советские танки совершенно терялись в вечерней дымке. Первые три залпа русские танкисты сделали, как на полигонном стрельбище в Бернау, совершенно без противодействия. Потом, спохватившись, американцы начали отвечать, но момент был упущен, к тому же они находились в заведомо проигрышной ситуации, стоя в колонне на автобане. Результатом стал полный разгром обеих американских частей,

командир шестьдесят восьмого танкового полка, получив по радио донесения от своих танкистов, со своими силами перешел в наступление на запад от Витце. Сняв заслон, выставленный американцами, танковый взвод «Паттонов», как оказалось, был слабой преградой для двух батарей ИСУ-122С, попросту расстрелявших американские танки с дальнего расстояния, русские с востока ворвались в Еверзен, забитый тыловыми подразделениями. И практически одновременно с этим, две танковых роты, закончив добивать последние, слабо огрызающиеся «Паттоны» шестьдесят шестого бронетанкового батальона дивизии «Ад на колесах», вышли к окраине Еверзена с юго-запада, по Контисштрассе. В итоге, из полуокружения, куда попали два американских батальона, бронетанковый и мотопехотный, вырвались всего пяток бронетранспортеров и десяток единиц прочего автотранспорта. Танки были потеряны все, командир шестьдесят шестого бронетанкового был убит. Но уцелел один командир роты сорок первого мотопехотного батальона, который сумел привести в порядок остатки американских частей и даже смог подорвать один пролет моста на автобане E45 через Аллер, соорудив наскоро импровизированный фугас из десятка минометных мин. Остальные мосты, согласно поставленной штабом шестой мотострелковой дивизии, советские войска сумели захватить неповрежденными. Но, в свою очередь, в шестьдесят восьмой танковый полк понес значительные потери. Третий танковый батальон был полностью уничтожен, от двух рот второго батальона осталось всего девять машин, американцы, даже погибая, продолжали отстреливаться и не все их снаряды летели мимо. На правом фланге ситуация была получше. Остальные части американской второй бронетанковой дивизии, прибывающие для контрудара в район Целле сначала, в течение всего дня на марше подвергались постоянным атакам с воздуха, а потом столкнулись во встречном ночном бою с уже развернувшимися основными силами шестой советской гвардейской мотострелковой дивизии. Командир дивизии, генерал-майор Писарев, отрядив польский механизированный полк отжимать остатки тактической группы подполковника Болла на север, тремя мотострелковыми полками при поддержке пятьдесят второго отдельного реактивного дивизиона ворвался в дыру, возникшую в обороне НАТО. На территории к северу от берегов Аллера до самого Бергена, куда поляки выдавили группу Болла к девяти часам вечера, уже не было вообще никаких частей НАТО. А подполковник Генри Болл, оставшийся без связи и без горючего в это время решал непростую дилемму. Остаться на позициях и умереть, или бросить танки, слив все остатки горючего в оставшиеся автомобили и бронетранспортеры, попробовать вырваться на запад. Потому что на севере, куда его все время теснили эти упрямые поляки, уже слышна была канонада в предместьях Мюнстера, к тому же радиоактивный фон к северу резко повышался. Одним словом, на север он отступать не захотел, и подорвав технику, оставшуюся без горючего, двинулся на северо-запад, через Зольтау. Еще был вариант отступать через Вальсроде, но он от него отказался, и это спасло остатки его группы. В Вальсроде передовые части шестнадцатого гвардейского мотострелкового полка ворвались к десяти часам вечера. А потом был ночной бой, где четыре бронетанковых и два мотопехотных батальона второй американской бронетанковой дивизии схлестнулись с тремя советскими мотострелковыми полками, поддержанными тремя дивизионами самоходок ИСУ-152 четырехсотого артиллерийского полка. Американцы по своему списочному составу если и уступали советским частям, то ненамного. Но против них было слишком много факторов. Марш по дорогам на вдвое большее расстояние, чем силы противника, да еще под непрерывными атаками с воздуха, проходившими весь день, далеко не повышает боеспособность. Это привело к тому, что американские части подходили разрозненно, по частям и по двум дорогам, E234 и номер 440. И уже далеко не в полном составе. Один мотопехотный батальон, идущий по дороге L214, вообще не смог принять участие в сражении, поскольку был остановлен

остатками сил шестьдесят восьмого танкового полка на мосту через Лайне. Но все равно, череда скоротечных ночных схваток, хотя и привела в итоге к разгрому американской второй бронетанковой дивизии, очень дорого обошлась советским частям. И когда к утру части дивизии вышли к реке Везер, от Хасселя до Фердена, в трех мотострелковых полках, шестнадцатом, восемьдесят первом и восемьдесят втором осталось всего три десятка танков. Генерал-майор Писарев понял, что это все, на что способна его шестая гвардейская. Бронетранспортеры тридцатого разведбата еще смогли, на последних силах и каплях горючего захватить мост на дороге L330 к западу от Хасселя, но это был последний рывок. Ситуация была бы крайне опасна, если бы Писарев не знал, что с рассветом его части на линии соприкосновения с противником не сменит резерв, свежая моторизованная дивизия ННА ГДР. Да и польские части, бьющиеся весь предыдущий день в лоб об оборону Мюнстера на его правом фланге, наконец-то проломили сопротивление противника и в скором времени закроют его фланг. А у НАТО перед ними уже свежих частей нет.

Майор Гюнтер Фюльграббе, входя на доклад к командиру полка после последнего вылета, внутренне был готов к любым неприятностям. Потерять два самолета в бою, да еще один, разбившийся при заходе на посадку в темноте, в первом же вылете, это как-то не украшает командира эскадрильи. Но к его изумлению, комполка не стал его распекать, напротив, похвалил. Причина этого необычного поведения строгого сухопарого пруссака, от которого доброго слова не дождешься, выяснилась сразу. От сухопутных войск на столе у командира уже лежала благодарная радиограмма, из которой следовало, что эскадрилья Гюнтера чуть ли не решила исход всего сегодняшнего сражения. С требованием непременно поощрить и наградить всех пилотов. Поэтому командир, видя, что Гюнтер едва держится на ногах от усталости и ничего не соображает, просто отправил его спать, отложив все поздравления и награды на утро. Единственное, что еще успел сделать Гюнтер, перед уходом из штабного бункера, это доложить о появлении самолетов американской палубной авиации. Вымотанный сегодняшним бесконечным днем, он даже не спросил, где разместились на ночь его эскадрилья, хорошо, что комполка, видя его состояние, послал вслед за ним адъютанта. Который его и направил в казармы летного состава, расположенные в полузаглубленном бункере за капонирами, куда уже закатили их МиГи, заодно надев на него прорезиненную накидку и вручив респиратор. Предупредив майора, чтобы он долго не находился снаружи. В самом начале войны разрозненные атаки авиации НАТО, сильно поредевшей от первого ракетного удара русских, на авиабазу удалось отразить. Но один из ударных американских самолетов прорвался к мосту через Эльбу возле Тангермюнде, сбросив на него ядерную бомбу в семьдесят килотонн. Аэродром Штендаль был стационарным объектом и поэтому все сооружения были закопаны в землю или расположены в укрытиях, но ветер весь прошедший день менялся, с южного на северный и наоборот. Поэтому радиационный фон в окрестностях аэродрома уже превышал нормальный на порядок. Зайдя в тамбур подземной казармы личного состава, Гюнтер, как зомби, бездумно выполнил все указания дежурного дозиметриста по дезактивации и наконец-то попал внутрь. Его пилоты уже все поголовно дрыхли на койках, некоторые даже спали, не раздеваясь. Он было начал искать свободное место, но тут к нему подскочил дневальный, до этого дремавший на стуле у входа.

-Герр майор, пойдете, я вас провожу до вашей комнаты. Вам, как командиру эскадрильи, отвели отдельную, вот сюда, заходите. –Свистящим шепотом объяснял ему солдат. При этом он все время как-то странно смотрел на майора, но Гюнтеру было не до этого. Он вошел в свою комнату, закрывая за собой дверь и одновременно повернувшись,

нашаривая на стене выключатель, не желая будить включенным светом своих пилотов. Включив свет, он схватился машинально за кобуру, услышав за спиной шуршание. В комнате уже кто-то был.

-Добрый вечер, Гюнтер. Не ожидал меня здесь увидеть? А я вот здесь. Я слышала, тебе майора дали, поздравляю. И ты снова сбил кого-то там. И сейчас прилетел, живой и невредимый. А вот мой Руди уже мертвый.

На кровати сидел тот человек, которого Гюнтер Фюльграббе меньше всего хотел увидеть и сейчас и когда-либо потом. Эльза. Жена Рудольфа, ведущего второй пары его старого звена, сбитого в первом бою еще вчера вечером. Рудольф тогда замешкался, не стал стрелять по «Старфайтеру» с немецкими крестами, а тот парень, уйдя из-под атаки, в свою очередь, сбил его меткой очередью из шестиствольной пушки. И что теперь ему делать, судорожно думал Гюнтер, глядя на заплаканное, но по-прежнему красивое лицо Эльзы.

-Как ты сюда попала? - Стараясь оттянуть неизбежное и тягостное объяснение, спросил он. Бурную историю стремительного знакомства и последующей свадьбы Рудольфа и Эльзы два месяца назад обсуждала вся эскадрилья. Они познакомились недавно, тридцатого мая, на празднике дня Конституции ГДР. Группа летчиков была в увольнительной, поехала в Росток, где в кафе за соседним столиком сидели девушки. Две просто милостивые, а одна очень красивая, Эльза, с длинными волосами цвета спелой пшеницы. Руди был тоже очень хорош, высокий, в летной форме, с открытым мужественным лицом. Одним словом, парень с рекламного плаката, призывающего молодежь поступать в летные училища. И когда в кафе заиграла музыка, Руди сразу же пригласил Эльзу танцевать. Он, правда, предлагал сначала подойти Гюнтеру, но тут, как говорится без шансов. По сравнению с ним Гюнтер смотрелся достаточно уныло – старый, ниже на голову ростом, с ранней сединой на висках, да еще с уродливыми ожогами на скулах и без того невыразительной физиономии. Ожоги достались Гюнтеру на память об одном неудачном дне декабря 1944 года. Тогда меткой очередью советского стрелка с бомбардировщика Пе-2 истребитель Гюнтера был подожжен, а сам он, вдобавок, приземляясь с парашютом, сильно повредил ногу. Которую, в суматохе агонизирующего третьего рейха врачи так толком и не вылечили, оставив Гюнтера с легкой хромотой. К полетам его, в конце концов, допустили, а вот танцевал Гюнтер отвратительно. Одним словом Гюнтер тогда отказался, и к девушкам подошел Руди. Потом у них с Эльзой был стремительный роман со сценами ревности, разрывами и возвращениями, который в итоге закончился свадьбой. Эльза даже пошла в ННА вольнонаемной, в батальон связи. Поэтому она стоит перед ним в форме. Но сам батальон дислоцировался возле Любека, откуда она взялась здесь, в Штендале? Тем более, на авиабазе, и как она попала в бункер летчиков?

-Сюда, или в Штендаль? В Штендаль нашу роту перебросили сегодня утром, обеспечивать связь на этой авиабазе, потом как нельзя кстати сюда же перевели ваш полк. Как только у меня закончилась смена, сказала, что мой муж - летчик вашего полка и прошла в расположение полка. Сразу после того, как ваша эскадрилья вылетела на боевой вылет. И сразу узнала, что Руди уже сутки, как погиб, техники сказали. В казарму я прошла просто, сказала дневальному, что мой муж сейчас вернется с вылета и сунула ему бутылку «Корна» (*«Корн» - сорт дешевой кукурузной водки в ГДР*). А когда вернулись твои пилоты, я зашла в твою комнату, чтоб им не мешать. Тебе все ясно? – Она подошла ближе, и Гюнтер машинально заметил, какая Эльза все-таки высокая, выше его ростом.

-А теперь расскажи мне, Гюнтер, почему ты живой, даже там кого-то снова сбил, как мне рассказали, а мой Руди погиб в первом же бою? Почему так произошло? Что у вас там случилось? – Она подошла еще ближе и Гюнтер, с удивлением обнаружил, что она изрядно выпила. Ну, точно, вот же, на тумбочке стоит рюмка и почти пустая бутылка «Кирша» (*«Кирш» - сорт популярного вишневого двадцатиградусного ликера в ГДР*). Он попытался ее успокоить:

-Эльза, не кричи так громко, мои парни спят. У нас сегодня было целых пять боевых вылетов, я ничего не соображаю, устал чертовски, давай отложим этот разговор на завтра. – Но его слова еще больше распалили ее, она начала кричать, глотая слезы и махая на него руками:

-На завтра? А оно вообще будет, это завтра? Я знаю, что твоя эскадрилья в последнем вылете потеряла троих! Думаешь, я не понимаю, на что ты надеешься? На то, что, или тебя завтра собьют, или меня убьют! Ты, что, тоже считаешь смутьяном от меня, как Руди! – Она уже не соображала, что кричит, махание руками перешло в беспорядочные удары по рукам и плечам Гюнтера, у нее началась форменная истерика.

-Ну, хватит! Не надо орать! Дай парням выспаться, иначе завтра нас всех собьют!

-С этими словами он стал хватать ее за руки, но это плохо получалось, и тогда он просто сгрел ее в охапку. Когда он это сделал, из нее как будто вынули стальной стержень, который ощущался в ней все это время. Она стала даже ниже ростом, крепко прижавшись своим лицом к его плечу. И уже шепотом все время бессвязно говорила, как будто отчаянно торопясь куда-то, по-прежнему перемежая свою речь рыданиями.

-Гюнтер, прости, я не знаю что делаю. Будь проклята эта война. Руди.. Как я его любила, если б ты знал! Я ведь целое сражение выиграла за него, думаешь, я не знаю, сколько у него девок было? И гораздо моложе меня, мне ведь уже двадцать семь скоро. Но я его завоевала, он мой уже был! Вот только ребенка завести не успели, я хотела сначала в армию устроится, чтобы поближе к нему, а уж потом, через год-два.. А тут вдруг эта война. Я столько страху натерпелась. Когда вчера вечером на дежурстве сидела. Ведь эфир же слушаешь, знаешь, каково это слушать, как сразу целая прорва радиостанций внезапно замолкает, в течение нескольких минут, гражданские, военные, в разных странах.. И ты понимаешь, почему. Потому что они все умерли. Вот так.. Сразу. Потом стали приходиться сообщения, нашей республике еще мало досталось, по сравнению с поляками, а у русских, так там вообще ад сошел на Землю. А мой Руди уже погиб тогда. Твои парни рассказали, как он погиб, по-дурацки. Не стал стрелять по немцу, а тот стал.. Что мне теперь делать.. Я так хотела семью, детей, казалось, все, вытянула счастливый билет. Как же, муж такой красавец, да еще офицер, летчик! Ты мужчина, даже не представляешь себе, как тяжело женщине выйти замуж в Германии. Вас же так мало осталось, еще после той войны.. И остается все меньше и меньше, с каждой минутой. – Он с изумлением обнаружил, что она расстегивает ему китель.

-Эльза, какого черта ты это делаешь? – Гюнтер попытался отстраниться от нее, но она уже вцепилась в него мертвой хваткой.

- Какого черта? Она подняла лицо, и он близко увидел ее совершенно сумасшедшие синие глаза. – Я, что, тебе уже не нравлюсь? Думаешь я не видела, как ты украдкой на меня смотрел на нашей с Руди свадьбе? – Она, не переставая непрерывно говорить хриплым шепотом, уже стащила с него китель и начала расстегивать пряжку его ремня.

-А как же Руди? Попытался возразить Гюнтер, стремительно утрачивающий волю к сопротивлению под таким бешеным напором.

-А Руди погиб, ты же сам видел. Руди.. – Она наконец, справилась с ремнем и стянула с него брюки, одновременным движением заваливая его на кровать.

Гюнтер потрясенно понял, что он будет форменным образом изнасилован в ближайшие несколько минут.

-Руди.. –Продолжала говорить Эльза таким же горячечным хриплым шепотом, горько усмехаясь.

-Ты знаешь, я всегда держала собак. Все время. Даже у родителей сразу после той войны были две овчарки, так что я в собаках понимаю.. Так вот, Руди был догом. Таким красивым, сильным, породистым. Которые медали получают на выставках. С которым можно пройти в выходной день по тротуару. И все на тебя вместе с ним будут оглядываться. Завидовать тебе – Она, тем временем, окончательно освободила его от одежды, одновременно стаскивая с себя форменный мундир. Момент, когда она успела снять с себя юбку, Гюнтер даже не заметил, словно загипнотизированный ее непрерывным шепотом.

-Но доги не выживают в лесу. А сейчас на всей Земле- лес. В лесу могут выжить только волки. Такие, как ты. – Она еще что-то говорила, сидя на нем и одновременно выгибаясь назад, но Гюнтер уже не слышал. Он вообще потерял всякую способность что-либо соображать. Потом, когда уже все закончилось, Гюнтер, проваливаясь в сон, смотрел на ее красивое умиротворенное лицо и слышал, как она снова непрерывно шепчет:

-Господи, дай мне хоть несколько недель. Ну хотя бы дней.. Почему все так.. Гюнтер, милый, ну почему ты ко мне сразу не подошел, тогда в Росток, там, в кафе..

Глава 4. Встреча старых знакомых.

25 октября. Владивосток, штаб 23 корпуса 11 отдельной армии ПВО.

*Герой Советского Союза Е.Г. Пепеляев, лучший ас
Корейской войны, сбивший 25 американских самолетов*

К осени 1962 года двадцать третий корпус, прикрывавший Приморье, остров Сахалин и южные Курилы, включал в себя пять истребительно-авиационных полков, две зенитно-ракетных бригады и шесть зенитно-ракетных полков, две радиотехнических бригады и три радиотехнических полка. На первый взгляд, внушительные силы, но прикрывать они должны были не менее внушительные пространства. Города, базы Тихоокеанского флота, части сухопутных войск в зоне ответственности двадцать третьего корпуса были разбросаны от Посъета на юге до Николаевска на Амуре на севере, на многие сотни километров. Но основной удар, как считал командующий корпусом, генерал-майор Герой Советского Союза Евгений Георгиевич Пепеляев, американцы будут наносить по району Владивосток-Уссурийск-Находка. Именно здесь находится основные базы флота и предприятия промышленности. Именно сюда приходит единственная коммуникация, связывающая весь Дальний Восток, острова и Камчатку с европейской частью СССР – железнодорожная магистраль Транссиб. И именно сюда будет осуществлен первый, самый массированный налет американцев. На то, что ракетчики смогут уничтожить авиацию американцев на авиабазах, генерал-майор не очень надеялся. В одной только Японии больше восьмидесяти аэродромов, которые могут принимать реактивные самолеты, а есть еще Южная Корея, Тайвань, Филиппины. Пепеляев хорошо знал и готовился встретить старых знакомых, дальних бомбардировщиков В-47 из состава девятнадцатого, триста первого, триста двадцатого, триста восьмидесятого, триста восемьдесят четвертого бомбардировочных авиакрыльев пятой, седьмой и тринадцатой воздушных армий, с авиабаз на Гуаме, Филиппинах и в Японии. Их наверняка будут прикрывать еще одни его старые знакомые, истребители F-100D и F-94 из восемнадцатого и тридцать пятого тактических истребительных авиакрыльев с авиабаз Кадена и Мисава в Японии, F-105D и F-100D восьмого и пятьдесят первого тактических истребительных авиакрыльев с авиабаз Кёнсан и Осан в Южной Корее. Это двести с лишним бомбардировщиков и почти сто восемьдесят истребителей. Плюс к этим силам американцы наверняка перебросят другие части со своего континента. Что он может им противопоставить, с учетом того, что нельзя оставлять другие объекты без защиты? Одна зенитно-ракетная бригада и три зенитно-ракетных полка, причем один перевооружен на новейшие комплексы С-125, это последний рубеж обороны. Но к этому рубежу подпускать американцев просто так нельзя, слишком большое неравенство сил, четыреста самолетов просто задавят ракетчиков числом и потом сделают с городами Приморья что хотят. Пепеляев очень хорошо помнил войну в Корее и то, какие лунные пейзажи там

оставались после американских налетов, несмотря на огонь сотен зениток. А сейчас американцы будут использовать атомные бомбы.

Дозаправка бомбардировщика B-47E USAF заправщиком KC-97

Значит, встречать их надо дальше от границ СССР, над Японским морем, отодвинуть первый рубеж до трехсот километров от берега, а ракетчики пусть добивают прорвавшихся одиночек. Итак, а что у него есть для «теплой» встречи старых знакомых? Двадцать второй гвардейский Краснознаменный истребительный авиаполк, Артем, аэродром Угловая, это тридцать шесть новейших ракетных Су-9, ударная сила корпуса. Сорок седьмой истребительный авиаполк, Золотая Долина, в тридцати километрах северо-восточнее Находки, тридцать шесть пушечных МиГ-19П. Пятьсот тридцатый истребительный авиаполк в Чугуевке, восемьсот двадцать первый Краснознаменный Оршанский истребительный авиаполк в Халынке. И четыреста четвертый авиаполк на МиГ-19С, тоже пушечных, только без РЛС, зато с еще одной пушкой. Пятьсот тридцатый полк на дозвуковых Як-25П, а восемьсот двадцать первый на новых «сухих», Су-7. Самолетов-перехватчиков Су-7 вообще завод в Комсомольске-на-Амуре выпустил полторы сотни штук, сейчас этот тип самолета стоит на вооружении всего двух полков, один полк в его корпусе, второй тоже в Приморье, но в ВВС. Кстати, надо договориться с командованием ВВС о временном базировании, и перебросить восемьсот двадцать первый полк на передовые аэродромы в Посъете и Владивостоке, у Су-7 небольшая дальность. Пятьсот тридцатый будет работать из Чугуевки, дальность Як-25 позволит им барражировать над морем на расстоянии до двухсот километров от Владивостока, это будет последний рубеж перехвата. И надо перебросить четыреста четвертый истребительный авиаполк, на те же передовые аэродромы возле Владивостока. Наверняка американцы пустят вперед группу истребителей для расчистки воздуха, в Корею это были «Сейбры», скорее всего сейчас это будут F-100D из Кадены. Их, кровь из носу, должен связать четыреста четвертый истребительный авиаполк, МиГ-19С которого вполне могут справиться с этой задачей. А Сорок седьмой истребительный авиаполк должен завязать бой с непосредственным прикрытием бомбардировщиков. Еще американцы обязательно пошлют группу подавления его наземных частей ПВО, чтоб

обеспечить своим бомберам беспрепятственный проход к целям. На эту роль больше всего подходят F-94 из Мисавы, на роль чистого истребителя он сейчас уже не очень подходит. С ними должны быстро разобраться гораздо более скоростные Су-7 восемьсот двадцать первого полка, поэтому и их надо перебросить поближе к морю. Американцы не могут пройти где-то в обход, с севера им будут мешать советские перехватчики на Сахалине, с юга они упрутся в многочисленное ПВО Северной Кореи, которое наверняка уже приведено в боевую готовность. Да и топлива у них в обрез будет.

Техники USAF готовят истребитель-бомбардировщик F-94 к вылету

Конечно, F-94 намного маневренней, чем Су-7, но «сушки» быстрее и американцы будут грузные под завязку. Чтобы хоть-как то вести бой с Су, им надо будет сбрасывать всю нагрузку с внешних подвесок, а это нам и надо. А если у них получится быстро разделаться с группой подавления, тогда «сухие» еще смогут атаковать бомбардировщиков или оказать помощь сорок седьмому полку, по обстановке. Надо построить всю схему боя так, чтобы обеспечить выход наших ракетных Су-9 двадцать второго гвардейского полка на американские бомбардировщики с задней полусферы, всю армаду они, конечно, не собьют, но потреплют основательно, добывать бомберы придется полку барражирующих Як-25. А для этого атаковать прикрытие должен будет сорок седьмой полк. Это будет самая трудная задача, и он с ведомым пойдет в атаку вместе с этим полком.

27 октября, московское время 23-40. 28 октября, местное время 06-40. Артем, Приморский край, выносной КП 23 корпуса 11 отдельной армии ПВО, аэродром «Угловая». Через 5 часов 40 минут после начала конфликта.

Генерал-майор Пепеляев наконец-то услышал доклад дежурного сто двадцать третьего радиотехнического полка, доклад, которого он одновременно ждал и опасался. РЛС дальнего обнаружения полка, расположенные на юге Сахалина зафиксировали взлет с авиабаз Мисава и Йокота большого числа самолетов. Почти одновременно пришел такой же доклад, от РЛС дальнего обнаружения десятой радиотехнической бригады, размещенных на полуострове к югу от Посьета, там зафиксировали взлет большого количества самолетов с южнокорейской авиабазы Кёнсан. А это означало только одно, дальние бомбардировщики В-47, взлетев пару часов назад со своих авиабаз на Филиппинах, Окинаве и Гуаме, подходят к точке встречи со своей истребительной авиацией. Все, скомандовал он своему начштаба, всему корпусу взлет по тревоге, патрульным звеньям садиться на дозаправку, и сразу же снова взлет. Приданным полкам ВВС в готовность номер один. Сообщить командованию ВВС округа и объявлять по всем городам в нашей зоне угрозу атомного нападения. Я пойду с третьей эскадрильей сорок седьмого авиаполка. Командование ВВС Дальневосточного округа, когда генерал-майор обратился к ним с просьбой предоставить передовые и запасные аэродромы ВВС для рассредоточения перехватчиков двадцать третьего корпуса ПВО, пошло ему навстречу. Вопреки его ожиданиям, вообще-то в начале шестидесятых между ВВС и ПВО пробежало целая свора черных кошек, во многом благодаря высокомерной позиции командующего авиацией ПВО, маршала Савицкого. Тот, пользуясь «близостью к телу» генерального секретаря Н.С. Хрущева, часто «гнобил» ВВС, подставляя именно части ВВС под массовые «ракетные» сокращения. Но, видимо, здравый смысл и серьезность ситуации, привела к тому, что генерал-майор Пепеляев не только получил во временное совместное использование все аэродромы ВВС в Приморье, но и в оперативное подчинение два истребительных авиаполка ВВС, базировавшихся на тех же аэродромах, «Черная речка» возле Владивостока и Посьет. «Временно, до начала сухопутных боевых действий», как было сказано в приказе Главкома ВВС округа. Правда полки были на старых МиГ-17А, но и они могли пригодиться днем, ближе к берегу, генерал-майор не обольщался насчет класса летчиков второразрядных полков ВВС. Ни на какой дальний перехват американцев, да еще над морем, эти летчики, да и самолеты не были способны, но прикрыть ближние рубежи и быть в качестве последнего резерва - вполне. Пепеляев собирался использовать их в дополнение к «своему» полку Як-25, командиры полков получили приказ рассредоточить самолеты и быть в готовности номер два.

Получив команду «Экватор» пять с половиной часов назад, двадцать третий корпус ПВО успел в полном составе подняться в воздух, сесть на передовые площадки рассредоточения. Сейчас все самолеты корпуса, за исключением патрульных звеньев, находились в готовности номер один. Это значит, самолет стоит полностью заправленный и со снаряженным боекомплектом, летчик находится в кабине, готовый к вылету, техник дежурит возле самолета, двигатель самолета прогрет. И, наконец, приказ на взлет поступил, первые эскадрильи полков корпуса уже начали разбег по взлетной полосе. Генерал-майор Пепеляев, оказавшись в кабине МиГ-19П, медленно катившегося по рулежке, облегченно выдохнул. Огромный груз ответственности, как камень, лежавший у него на сердце, исчез, словно испарился куда-то. Все было, как тогда, десять лет назад, в небе Кореи. Вот со всех сторон его летчики, сейчас они пойдут на взлет. А там, впереди, привычный враг, армады американских бомбардировщиков, летящие высоко-высоко наверху, нескончаемыми железными фалангами, под прикрытием многочисленных истребителей. И как обычно, при первом взгляде, брошенном на этот четкий строй сотен смертоносных машин, ему покажется, что все, не может в мире быть такой силы, способной их остановить. Но ведь останавливали же, тогда там, в хрустально-прозрачном небе Кореи? Значит, его корпус остановит американцев и сейчас.

Ну и что, что тогда у американцев были поршневые В-29, а сейчас большие по размеру и скорости реактивные В-47. Пилоты его корпуса тоже пошли на взлет не на устаревших МиГ-15. Всё, все посторонние мысли из головы, план отражения массированного налета по десять раз обсужден и отработан, его начштаба и оперативные дежурные полков знают что делать. А ему надо быть в воздухе, если сорок седьмой полк не сумеет связать боем истребители прикрытия, Су-9, которые идут вслед за ним, и по плану должны атаковать бомбардировщики, придется несладко. Ведь они не имеют пушек и в маневренном бою, на высоте полета бомбардировщиков, будут быстро сбиты американскими истребителями. И, все, американцы в не расстроенных боевых порядках прорвутся к городам Приморья. Двести с лишним машин, каждая из которых несет ядерную бомбу, от Приморского края ничего не останется. Он только что получил доклад об обнаружении этой армады, она сейчас на траверсе Вонсана, в ста пятидесяти километрах восточнее.

Командование седьмой воздушной армии USAF при разработке плана массированного налета на советское Приморье, не поспешило на выделение сил. Основной ударной силой, выделенной для этой операции, были пять бомбардировочных крыльев, состоящих в основном из модификации В-47Е. С учетом того что каждое крыло состояло из трех эскадрилий по пятнадцать машин, всего выходило двести двадцать пять В-47. Группу очистки воздуха должно было составить восемнадцатое тактическое авиакрыло, базирующееся на авиабазе Кадена, Окинава.

Эмблема 18 тактического авиакрыла USAF

К вечеру 26 октября все сорок пять истребителей F-100D «СуперСейбр» этого крыла были переброшены и рассредоточены на многочисленных авиабазах японских островов Хонсю и Хоккайдо, так что ракетный удар советской подводной лодки по Окинаве не достиг полностью намеченных целей. В атомном огне на Окинаве сгорели многочисленные склады, в том числе с ядерным оружием для девятнадцатого бомбардировочного крыла. все тыловые подразделения и службы обеих крыльев, восемнадцатого тактического и девятнадцатого бомбардировочного. Сгорели последние пять самолетов В-47Е девятнадцатого крыла, не успевших по тревоге подняться в воздух.

Эмблема 7 воздушной армии USAF

Полностью погиб штаб седьмой воздушной армии, спланировавший и руководящий этой операцией, отчего в воздухе и на авиабазах в Южной Корее и Японии, сейчас наблюдалась растерянность и неразбериха, впрочем, быстро закончившаяся. Не принесли ожидаемого успеха и ракетные удары Р-5, Р-12 и Р-14 по базам Японии и Южной Кореи, слишком много было аэродромов, на которые американцы успели рассредоточить свои самолеты. А еще в качестве первоочередных целей для ракетчиков РВСН были многочисленные базы US NAVY. Американский седьмой флот был большой. Очень большой, а по сравнению с ТОФ СССР, просто громадный. И, если его не проредить первыми ракетными ударами по базам, предварительно «ушатав» до начала противостояния с ТОФ, на Камчатке, Курилах, да и Сахалине можно ставить крест. Но несомненные результаты от ракетного удара по авиабазам Японии все же были. Наиболее удачно отстрелялся расчет 8К65 с базы Дровяная из-под Читы. Его мегатонная ракета удивительно ко времени упала на авиабазу Футема в Японии, «подгадав» к прибытию на эту базу четыреста пятого авиакрыла истребителей-бомбардировщиков F-105D в полном составе, вместе с пятью новейшими самолетами-заправщиками KC-135 и десятком транспортных «Геркулесов» C-130B. Неразбериха, начавшаяся с начала операции авиационного удара по советскому Приморью, быстро закончилась. Командование взял на себя штаб пятой воздушной армией USAF, уцелевший на выносном КП возле Йокоты, штаб тринадцатой воздушной армии тоже был уничтожен в Хикэме, когда советская подлодка К-45 выпустила по острову Оаху две крылатых ракеты с ядерными боеголовками. И сорок пять истребителей-бомбардировщиков F-94 из тридцать пятого тактического авиакрыла с авиабазы Мисава, с некоторым опозданием, но направились вслед за «СуперСейбрами» восемнадцатого крыла. По плану они должны атаковать позиции ЗРК и РЛС красных, чтоб обеспечить беспрепятственный проход бомбардировщиков к своим целям. Когда четкий строй В-47 прошел над Японским морем, на траверсе Ульсана, поворачивая почти на север, курсом пятнадцать градусов, к бомбардировщикам присоединились девяносто машин, сорок пять истребителей F-100D «СуперСейбр» и сорок пять истребителей F-105D восьмого и пятьдесят первого тактических истребительных авиакрыльев с авиабаз Кёнсан и Осан в Южной Корее. Американцы не задумывались о том, что за их взлетом с южнокорейских авиабаз наблюдают сотни внимательных и не очень дружелюбных глаз. А сзади тем временем набирали высоту заправщики KC-97 и KB-50 с японских авиабаз.

Самолет-заправщик KB-50 USAF в полете

Они будут патрулировать над Японским морем, вдоль сороковой параллели, в сопровождении «Сейбров» сил самообороны Японии. Многие машины могут в воздушных боях досрочно израсходовать топливо или быть поврежденными, и им потребуется дозаправка.

28 октября, местное время 07-28. Воздушное пространство над Японским морем в 280 километрах южнее Владивостока. Через 6 часов 28 минут после начала конфликта.

«Всякий план остается неизменным лишь до первого соприкосновения с противником»- так кажется, сказал кто-то из великих немецких военных теоретиков. Эта участь не минула и планы воздушного боя над Японским морем, причем с обеих сторон. Для генерал-майора Пепеляева стали неприятной неожиданностью две вещи. Первая-это то, что командир тридцать пятого тактического авиакрыла разделил свои силы, не став дожидаться задержавшуюся с взлетом эскадрилью, направив ее прямо на Владивосток. А сам он пошел, заходя с тремя десятками F-94 далеко с востока, сделав большой крюк, вдобавок на малой высоте. Командир тридцать пятого крыла знал, что даже с подвесными баками в этом случае у его машин топливо кончится на полпути обратно, но он рассчитывал на дозаправку. Вторая - это то, что когда МиГи сорок седьмого полка прошли над «СуперСейбрами» из восемнадцатого американского авиакрыла, сцепившимися в смертельной схватке с МиГ-19С из четыреста четвертого истребительного авиаполка, Пепеляев увидел силы непосредственного прикрытия американских бомбардировщиков. Произнести длинную матерную тираду, вот что он мог в данный момент сделать. Непосредственное прикрытие бомберов осуществляли **два полных авиакрыла**. Девяносто самолетов, против его тридцати восьми Мигов, из них половина –новенькие «Тандерчифов», которые превосходили его МиГ-19П в скорости почти на девятьсот километров в час! Но делать нечего, генерал-майор, связался со штабом, кратко доложив обстановку и начал командовать:

-«Беркут-ноль один», «беркут ноль два», это Первый. Атакуйте правую группу прикрытия, тяните их вниз. «Беркут ноль три», вы за мной, атакуем левую группу. Скомандовал он командирам эскадрилий сорок седьмого полка, послав две свои эскадрильи на более опасных «Тандерчифов».

Американские командиры **восьмого и пятьдесят первого** тактических истребительных авиакрыльев в недоумении смотрели на действия этих сумасшедших русских. Они, что, всерьез собираются атаковать их, втрое уступая по численности? Но русские в самом деле стремительно сближались с ними на встречных курсах. Американцы приняли приглашение, но оставили по одной эскадрилье сверху, перед строем бомбардировщиков, соотношение сил вполне позволяло им это. Пепеляев, видя эту ситуацию, только скрипнул зубами, оставалось только надеяться, что предварительные расчеты сейчас будут воплощены в жизнь. При планировании этой операции были учтены все возможные козыри, которые были доступны советским истребителям, и сейчас МиГи сорок седьмого полка собирались выложить один из них. Дело в том, что бой, как и планировал Пепеляев, проходил менее, чем в трехстах километрах от ближайших советских аэродромов. А до ближайших аэродромов USAF в Южной Корее было пятьсот, а в Японии и все шестьсот километров, вдобавок истребителям американцев надо было лететь еще дальше к враждебным берегам. И наличие заправщиков не панацея, их на все машины просто не хватит, да опасно заправщикам так близко приближаться к Владивостоку. Поэтому, у американцев на наружных подвесках, кроме пары ракет «Sidewinder» AIM-9B, висели подвесные топливные баки. А у МиГ-19П сорок седьмого полка вместо подвесных баков висело по четыре блока НУРС ОРО-57К с восемью ракетами С-5* в каждом.

С-5 – 57-мм НУРС «Скворец»

Пилоты «СуперСейбров» и «Тандерчифов» испытали несколько очень неприятных секунд, когда в их построениях начали массово взрываться сотни килограммовых боевых частей НУРС, приводимых в действие дистанционными взрывателями И-71, едва самолеты противника сблизились на два километра. Два F-105D и один F-100D мгновенно превратились в огненные шары от прямых попаданий. Еще четыре самолета, сбитых близкими разрывами, свалились вниз в беспорядочное падение, волоча за собой шлейфы дыма и пламени, где-то внизу раскрывались купола парашютов выпрыгнувших пилотов, уже не первых, но далеко не последних. Пять поврежденных машин, дымя, отвалили на юг, стремясь достичь спасительных берегов Японии и Южной Кореи. А МиГи не собирались успокаиваться на достигнутом. Пользуясь тем, что остальные американцы шарахнулись в разные стороны, совершенно растеряв всякое подобие строя, тридцать восемь МиГ-19П рванулись на максимале, выходя на дистанцию действенного огня своих тридцатимиллиметровых пушек НР-30. «Тандерчифы», пользуясь своим огромным преимуществом в скорости, быстро оторвались от МиГов первой и второй эскадрилий с набором высоты. «Убрать» из уравнения боя, кроме четырех сбитых первым массированным ракетным залпом и трех поврежденных машин, пилоты которых сейчас со снижением выходили из боя, больше не удалось никого. А вот на «СуперСейбрах» МиГи третьей эскадрильи вместе с парой генерал-майора Пепеляева оторвались по полной программе. Во-первых, F-100D по сравнению с МиГ-19П не имел преимуществ в скорости. Во-вторых, он был тяжелее МиГа больше, чем в два раза, максимальная взлетная масса «СуперСейбра» была семнадцать с лишним тонн против семи с половиной у МиГ-19П. В-третьих, при меньшем весе, два двигателя РД-9Б, стоящие на МиГ-19П, развивали на семьсот килограмм тягу большую, чем один двигатель Pratt Whitney J57-P-21A, имевшийся на F-100D. И, наконец, в-четвертых, за «выдающуюся» маневренность F-100D имел у своих же пилотов USAF прозвище «свинцовые сани», очень точно характеризующее его пилотажные свойства. Все это привело к тому, что

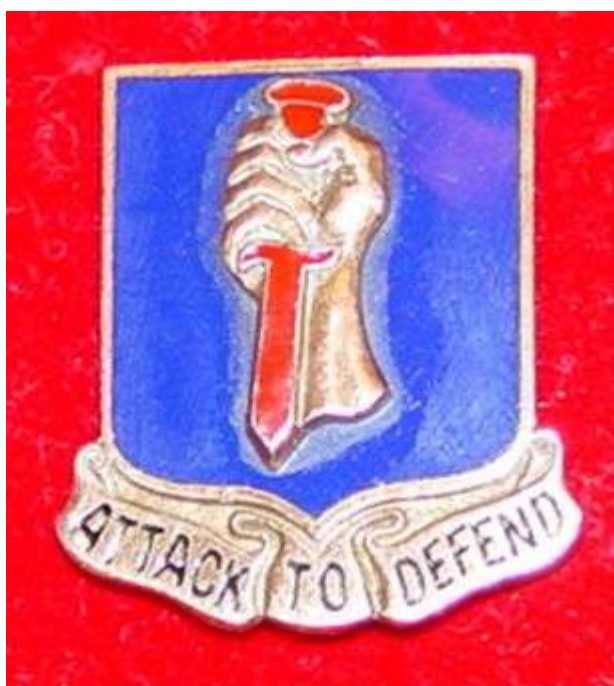
пилоты одного из лучших истребительного полка во всем двадцать третьем корпусе ПВО СССР, ведомые лучшим асом Корейской войны, в течение одной минуты добавили к трем сбитым и двум поврежденным в первом залпе еще семь «СуперСейбров», сбитых пушечным огнем. МиГи прочно сели на хвост оставшимся F-100D, которые судорожно метались отдельными звеньями, взывая в эфире о помощи. Сам Пепеляев, в первой атаке, привычно загнав в марку прицела неуклюже пытавшийся вывернуться «СуперСейбр», короткой очередью в упор сбил его, и сейчас заходил вместе с ведомым в хвост еще одной паре F-100D. Обернувшись, по въевшейся в кровь привычке, назад и вверх, он радостно выдохнул, увидев высоко вверху быстро приближающиеся «рогульки» «Тандерчифов». Впечатленные столь быстрым уничтожением машин из восьмого тактического истребительного авиакрыла, оставшиеся на прикрытии бомбардировщиков две эскадрильи американцев бросили подопечных и поспешили на помощь своим товарищам. Путь к В-47 остался открытым. Но в ближайшие несколько минут сорок седьмому истребительному авиаполку придется несладко. «Дожав» преследуемого «СуперСейбра» в прицел, Пепеляев скупой очередью отправил его вниз, одновременно выкрикивая остальным своим пилотам предупреждение о подходе двух новых эскадрилий американцев. Неравенство сил, невзирая на вот уже двадцать сбитых американских самолетов, все равно оставалось подавляющим. Пепеляев не питал иллюзий по поводу первоначального успеха боя. Он был получен за счет разового массированного применения НУРС, сейчас этого козыря у них нет. Более того, планировалось применение этих ракет по огромным неповоротливым бомбардировщикам, потери которых были бы гораздо больше, чем десяток сбитых и поврежденных машин. Но без НУРС американцы просто бы их раздавили своим подавляющим превосходством в первой же лобовой атаке. А так они могут еще покрутиться, используя выдающуюся маневренность МиГ-19, который в два раза легче «СуперСейбра» и в три- «Тандерчифа». Все таки эти машины проектировались не для таких боев. А бой все больше превращался в собачью свалку из сотни с лишним машин. МиГам больше не удалось никого сбить, слишком большой перевес был у американцев. Американцы же никак не могли зацепить хоть один из МиГов, которые сейчас, управляемые опытными летчиками, вертелись, как черти на сковородке. Отсекая короткой трассой четверку «Тандерчифов», пытающуюся зайти для пуска ракет в хвост другой паре МиГ-19, и одновременно уходя скольжением от шестерки «СуперСейбров», заходящей ему в лобовую, мокрый как мыш, генерал-майор Пепеляев краем глаза, где-то там, вверху, далеко на востоке, куда уплыли стройные ряды американских бомбардировщиков, увидел стремительные треугольные блески. Наконец-то. Это перехватчики Су-9 выходили в хвост замыкающим эскадрильям В-47 для пуска ракет. Пересохшим голосом он прохрипел в ларингофон:

-Всем «беркутам», я «Первый». Продержитесь еще пять минут, ребята. Очень надо.

Будь это в Корее, Пепеляев бы давным-давно, сразу после первой удачной атаки, увел бы полк в пикирование до малой высоты и пошел бы домой. Не смотря на интернациональный долг и прочие громкие слова политработников. Но сейчас он не мог так поступить ни в коем случае, да им бы просто некуда было бы возвращаться. Его летчики начали уставать, крутятся в непрерывной карусели с превосходящими силами противника. И совершать ошибки, свойственные уставшему человеку. И посыпались доклады в эфире: «Я «беркут-двенадцать, подбит, выхожу из боя». «Беркут-двадцать семь», горишь, прыгай!». «Я «беркут-ноль три», падаю». Так, думал Пепеляев, продолжая крутиться вместе с ведомым среди размалеванных машин с оскаленными пастьями, черно-бело-желтыми полосами и белыми крылатыми звездами, среди которых все реже

попадались краснозвездные серебристые самолеты его полка, больше, чем на три минуты меня не хватит. Ребят уже начали сбивать, сейчас среди американцев найдется грамотный командир, который загонит «Тандерчифы» на высоту, оставив «СуперСейбры» в свалке с нами и начнет нас клевать сверху, а мои измотанные пилоты не смогут долго уклоняться при такой тактике. Тут ему на вираже в прицел попался «Тандерчиф», всего на мгновение, но этого Пепеляеву хватило. Одна очередь, «навскидку», как говорят охотники, и F-105D, с оторванным крылом, закувыркался вниз. «Это уже мой двадцать восьмой сбитый американец, я сегодня все-таки дорого продам свою шкуру» - с угрюмым ожесточением подумал Пепеляев. Боковым зрением он увидел, как пользуясь своими мощными двигателями, F-105D один за другим, в пикирование выходят из боя. «Ну, все, как я и думал. Сейчас они соберутся, зайдут на высоту, оставив «СуперСейбры» «связывать» нас и начнут моих уставших пилотов сбивать, как куропаток» - с тоской подумал Пепеляев. Но F-100D тоже начали в пикировании выходить из боя! «Э, так не пойдет, мы конечно полумертвые от усталости, но не настолько, чтоб нас так не уважать. Они начали отрываться, значит, пилоты В-47 уже кричат по радио, взывая к своим истребителям о помощи. Ну уж дудки, «СуперСейбров» мы не отпустим», так думал Пепеляев, отдавая команды по радио, уцелевшим МиГам. И семнадцать уцелевших МИГ-19П на форсаже пошли на восток, вслед за оставшимися F-100D восьмого тактического истребительного авиакрыла.

Тем временем события этого дня, прозванного впоследствии «черным воскресным утром USAF в Японском море», стали развиваться, как катящийся снежный ком. Тридцать ударных самолетов F-94 из тридцать пятого тактического авиакрыла, пройдя на небольшой высоте над морем, вышли на побережье Приморья к югу от Кавалерова совершенно незамеченными. РЛС десятой радиотехнической бригады, расположенная возле Партизанска заметила их только тогда, когда они, расходясь парами, начали набирать высоту, засекая позиции сто тридцатой зенитно-ракетной бригады, затеявая игру в «кошки-мышки» со смертельным исходом. Один юркий F-94, выманивая стартовые позиции ЗРК на включение РЛС сопровождения цели, крутился в зоне поражения, другой в это время рвался на форсаже по ущельям и распадкам к замеченной цели, оставаясь необнаруженным на малой высоте. Выйдя на цель, они обрушивали на кабины РЛС и пусковые установки залп семидесятимиллиметровых НУРС Mighty Mouse.

Эмблема 35 тактического авиакрыла USAF

Игра шла на грани, три F-94 не успели увернуться от зенитных ракет, уходя по спирали за складки местности на малую высоту. Но остальные F-94 успели пройти по позициям сто тридцатой зенитно-ракетной бригады, как телега по горшкам. Но не успели уйти от МиГ-17А одного из полков ВВС, приданных ПВО. Полк был поднят по тревоге штабом корпуса, но успел к шапочному разбору. Правда у американцев никто не ушел, МиГ-17 превосходил F-94 и в скорости и в маневренности, да и боекомплект у американцев был уже почти израсходован. Последний из пилотов, когда у его машины закончилось, топливо, выпрыгнул в сто пятидесяти километрах от берега. Его замерзшее тело, плавающее в полуспускающей надувной лодке, нашел советский траулер через две недели, когда война уже закончилась. Но американцы, говоря шахматным языком, разменяли пешку на фигуру. Неполное крыло устаревших самолетов они поменяли на дыру в советском ПВО шириной почти в двести километров, тянущуюся на восток от Большого Камня. Одна эскадрилья же F-94, взлетевшая с опозданием и посланная прямо на Владивосток, лоб в лоб столкнулась с Су-7 восьмьсот двадцать первого полка. Быстрее в ситуации разобрался командир советского полка. Оставив одну эскадрилью «ловить» юркие, но не имеющие стрелково-пушечного вооружения F-94, он, получив сообщение от поста наведения, пошел на помощь генерал-майору Пепеляеву. Пошел на максимале, с набором высоты, но в свалку с американскими истребителями не успел. В это время оставшаяся эскадрилья Су-7, которая, правда потеряла две машины сбитыми и одну поврежденную при встречном советско-американском залпе НУРС в первой лобовой атаке, увлеченно расстреливала оставшиеся почти безоружными F-94 из тридцатимиллиметровых пушек. Это дело, хотя и медленно, но продвигалось, уже были сбиты семь американцев (считая три, сбитые в первой лобовой атаке залпом «Скворцов»), остальные, уворачиваясь от пушечных трасс более быстрых, но менее маневренных «Сушек», тянули к югу, отчаянно звали о помощи, одновременно глядя на стрелки указателей уровня топлива, быстро клонящиеся влево. До квадрата, где по сведениям штаба корпуса дрался в неравном бою сорок седьмой истребительный авиаполк, оставалось еще километров пятнадцать, когда впереди и чуть ниже появились многочисленные точки, расположенные в геометрически правильном порядке. Летчики, воевавшие в Корее, могли однозначно определить эти точки, как строй бомбардировщиков, причем чужих. «Ни хрена себе, сколько их» - услышал в наушниках голос одного из своих летчиков командир восьмьсот двадцать первого полка. Решение он принял мгновенно. Атаковать, сблизившись на максимале, прямо со встречных курсов. Это же В-47, они спереди не имеют вооружения. Надо успеть, до них всего несколько километров, у нас суммарная скорость сближения будет больше двух тысяч, мы проскочим дистанцию до атаки по ним за считанные секунды! И истребителей американских совсем не видно, они все там, дальше, убивают сорок седьмой полк. Прости меня, Евгений Георгиевич, но на моем месте ты поступил бы так же. С этими мыслями он отдал необходимые команды, и его двадцать четыре Су-7, выпуская из двигателей АЛ-7Ф длинные языки пламени, перейдя звуковой барьер, на скорости две тысячи сто километров в час рванулись к американскому строю бомбардировщиков. В сорока километрах позади него оставшиеся девять машин его полка оставили американские F-94, не верящих до конца в свое чудесное спасение, и тоже пошли вдогонку основным силам восьмьсот двадцать первого полка. Барражировавшие в шестидесяти километрах севернее Яки пятьсот тридцатого авиаполка тоже стали стягиваться к точке встречи с американской армадой. «Пятьсот тридцатый может не успеть, сейчас наверняка нас уже обнаружили и американцы вполне могут увести пару эскадрилий, а то и целое крыло от добивания остатков сорок седьмого полка на перехват дозвуковых Як-25. А вот мы точно успеем, по крайней мере, на первый заход» - подумал с мрачным удовлетворением командир восьмьсот двадцать первого полка. И скомандовал:

«Разойтись, по ширине и эшелонам. Первый залп «Скворцами», потом работаем пушками». Истребитель Су-7 имел несколько меньший боевой радиус, чем МиГ-19, и поэтому «Скворцы» висели только на двух точках подвески. Две остальные из четырех точек подвески были заняты подвесными топливными баками, уже сброшенными к этому моменту.

Командир американского девятнадцатого бомбардировочного крыла был в USAF в некотором роде знаменитостью. Капитан Джон Лаппо стал американским Чкаловым. Глубокой ночью, 24 апреля 1959 года, он вылетел в обычный тренировочный полет, целью которого была отработка упражнений по астронавигации и бомбометанию. Успешно выполнив задание, ранним утром, самолет возвращался на базу. Пролетая над озером Мичиган, Лаппо снизился до высоты двадцать метров и пролетел на своем B-47E под известным мостом "Маккинак". Кончик киля прошел на расстоянии нескольких метров от пролета моста. Второй пилот, давно знающий своего командира, мужественно перенес потрясение. Чего не скажешь о новеньком штурмане, генеральском сыночке. Он сначала по СПУ уговаривал Лаппо не делать "подвиг", а затем, как рассказывали члены экипажа, перешел в состояние оцепенения. А потом, сразу после посадки, «настучал» на Лаппо командованию. Подробности воздушного хулиганства стали известны прессе от одного из офицеров, служивших на авиабазе Элмендорф. Человек, пролетевший под самым длинным подвесным мостом на стратегическом бомбардировщике, стал национальным героем. В своих интервью он признался, что его первоначальной мечтой был пролет под мостом "Золотые ворота". Взбешенное начальство отдало его под суд военного трибунала. 10 августа капитану Лаппо предъявили обвинение по 92 статье Кодекса военного правосудия США, а всем американским самолетам запретили опускаться ниже высоты пятьсот футов. От тюрьмы Лаппо спасли его старые заслуги, три десятка боевых вылетов в Корею на бомбардировщике B-29, четыре боевые награды, "Военно-воздушный крест" за несколько рейсов над территорией СССР, и личная благодарность Кертиса Ле-Мея, который сказал: "Мне жаль, что у меня нет эскадрильи таких летчиков, как Вы". По приговору суда Лаппо должен был заплатить крупный денежный штраф. Но наиболее болезненным ударом для капитана Лаппо стало его отстранение от полетов и последовавшее увольнение в отставку. Когда Барри Голдуотер был избран президентом США, он пригласил Джона Лаппо в Белый Дом через неделю после своей инаугурации. Пожав ему руку, он перефразировал Ле-Мея, сказав, «мне нужны сотни таких летчиков как вы». Затем последовало восстановление в USAF и погоны майора. И дальнейшая стремительная карьера, через полтора года Джон уже стал полковником и командиром девятнадцатого бомбардировочного крыла. И именно он сейчас одновременно командовал всеми силами USAF, выполнявшими рейд на советское Приморье. Лаппо размышлял, командовать ли ему роспуск строя сейчас, или сделать это уже при подлете к побережью в месте «дыры в заборе», о которой ему доложили пять минут назад. Истребители противника, пытавшиеся прорваться к его строю, надежно связаны боем, минут через десять последует доклад от командира пятьдесят первого тактического крыла о полном уничтожении одной из групп. Где-то там впереди болтается еще полк комми на старых «Фреско», побивавших F-94 (надо после победы выбить для бедняги Питерса, командира тридцать пятого крыла, Почетную медаль Конгресса), но их легко разгонит любая эскадрилья его сопровождения. А парней из тридцать пятого жалко конечно, но все просто, если рассматривать войну как бизнес. Образно говоря, затратив всего один цент, больше это старые F-94 все равно не стоит, Америка получила тысячу долларов в виде уничтоженных зенитных ракет русских и бонус на миллион баксов, если его «Стратоджеты» сейчас ворвутся в эту дыру. Его раздумья прервал рапорт штурмана,

который в экипаже В-47Е, состоявшем всего из трех человек, выполнял еще и функции радиста.

-Сэр, радио от эскадрильи F-94, той, что идет перед нами с опозданием. «Атакованы тремя десятками «Fitter», просим помощи». И сразу же после потоком посыпались доклады от пилотов замыкающих самолетов верхнего яруса «коробок» его бомбардировщиков, которые с ужасом увидели заходящие с высоты им в хвостовую полусферу стремительные многочисленные силуэты новейших Fishpot. Джон Лаппо похолодел, операция, которая казалось, так успешно продвигалась в соответствии с разработанными планам, стремительно превращалась в грандиозную ловушку красных, капкан, который вот-вот захлопнется. Черт бы побрал русских ракетчиков, так некстати уничтоживших четыреста пятое авиакрыло, как ему бы сейчасгодились эти полсотни новеньких «Тадов»! Но делать нечего, надо идти вперед. Он приказал восьмому и пятьдесят первому крылу в полном составе бросить добивать этих полудохлых русских и срочно, на максимальной скорости, идти к его строю, но уже видел, что они не успевают. От восемнадцатого крыла он помощи уже не ждал, они уже пятнадцать минут как дерутся с еще одной группой Farmer-ов, дела у них неважные, командир восемнадцатого крыла доложил, что потерял семь машин сразу в первой атаке. Тем временем Су-9 двадцать второго гвардейского истребительного полка, ранее по большой дуге обогнувшие на высоте девятнадцать километров и дерущихся истребителей, и «коробки» строя В-47, заходили на скорости две тысячи километров в час, в пологом пике на «Стратоджеты» с востока. На фоне рассветного солнца они остались не обнаруженными до того момента, когда вышли на дистанцию четырех километров, разом включив свои РЛС. На каждом Су-9 двадцать второго полка висели по четыре ракеты РС-2УС. Все было оговорено заранее и когда между каждым Су-9 и выбранным в качестве цели В-47Е осталось два километра, Fishpot-ы двадцать второго полка пустили по паре РС-2УС. К 1962 году дальний бомбардировщик В-47Е значительно уступал своему потомку, стратегическому бомбардировщику В-52 модификации Н в оборонительных характеристиках. Вместо мощной шестиствольной пушки М61 «Вулкан», управляемой отдельным стрелком-оператором он имел пару двадцатимиллиметровых пушек М24А1, наводить и стрелять из которых должен был второй пилот (как будто у него своих обязанностей мало). Вместо отдельной мощной станции РЭБ, стоящей в хвосте, он имел несколько антенн РЭБ, разбросанных по всему корпусу и преимущественно направленных вниз. Они хорошо защищали самолет от РЛС наведения зенитных орудий и более-менее сносно от новых зенитных советских ракет, но от истребителя противника, висящего в двух километрах на хвосте, «Стратоджет» был беспомощен. Поэтому почти все Су-9 двадцать второго полка, спокойно, как на учебных стрельбах, загоняли крупные светящиеся отметки американских В-47Е точно в перекрестья прицелов и пустили по две ракеты РС-2УС. Почти все, потому что два молодых лейтенанта, ведомые замыкающих пар третьей эскадрильи, замешкались. Сначала с разворотом, потом с распределением целей, отстав от основного строя полка на несколько километров. В итоге, они выходили в атаку на «своих» бомбардировщиков, когда весь остальной полк уже отстрелялся и, по приказу командира уже свечой уходил вверх, от разъяренных «Тандерчифов» пятьдесят первого крыла. F-105D, срочно выйдя из боя с сорок седьмым полком в пикирование, сейчас набирали высоту, стараясь уже не помешать Fishpot-ам атаковать своих подопечных, а хотя бы сорвать им второй заход. В результате, увидев пару Су-9, до сих пор болтающуюся в хвосте у строя «Стратоджетов», командир пятьдесят первого выделил четверку для атаки этих недоумков, а сам повел на вертикаль оставшиеся тридцать три F-105D своего крыла, преследуя постепенно отрывающихся тридцать четыре Fishpot-а. О

чем думали молодые лейтенанты, упрямо державшие в луче наведения РП-9У отметки бомбардировщиков, несмотря на нарастающий писк СПО* в наушниках?

**СПО- система предупреждения (пилота) об облучении (РЛС противника)*

О своих родных? О своих девушках? О русских березках или дальневосточных соснах? О своих родителях, живущих в маленьком горном дагестанском ауле у одного, и коммуналке на окраине большого Новосибирска у второго? Или о том, что каждый В-47Е несет ядерную бомбу, от полумегатонной Мк18 до двадцати пяти мегатонной Мк41, которая легко сожжет и родных, и девушек, и родных и березки с соснами? Никто не узнает, о чем думали эти два молодых лейтенанта в последние мгновения своей жизни, но они до конца удерживали свои самолеты на курсе наведения ракет. И шесть разрывов прогремели почти одновременно, две ракеты AIM-9В влетели почти в сопла Су-9, четыре РС-2УС разорвались в паре метров от фюзеляжей двух «Стратоджетов». Никто из восьми людей в четырех самолетах не выпрыгнул. Джон Лаппо только скрипнул зубами, услышав доклады командиров замыкающих эскадрилий строя. Двадцать девять В-47 сбиты, сейчас они беспорядочно падают в Японское море, пилоты, оставшиеся в живых, болтаются на парашютах над холодной водой, помоги им господь и служба спасения. Еще шесть поврежденных машин, сбросив бомбы, со снижением повернули назад. Эти может быть, и уцелеют, а остальные?

Четверка истребителей Су-7

Он не успел додумать эту мысль, как увидел впереди перед собой хищные силуэты Су-7, идущих в лобовую атаку. И сразу все они как будто расцвели диковинными цветами, каждый из которых очень быстро превращался в чудовищного осьминога с невероятно длинными щупальцами, которые тянулись к его бомбардировщикам. Через несколько мгновений пара таких щупальцев уперлась в самолеты первых рядов, в один миг превратившихся в огненные шары. Остальные, пролетев мимо первых рядов В-47, начали вспухать комками разрывов в середине строя корабок бомбардировщиков. Не успели пилоты В-47, летевших в первых рядах строя, вытереть пот со лбов, как спустя мгновение у каждого из Су-7, сблизившихся за это короткое время, засверкали в корневых узлах крыльев по две пульсирующих вспышки. Еще через секунду Джон, похолодев, обнаружил, что и ему, оказывается, тоже знакомо такое чувство, как страх. Его левый ведомый, получив три тридцатимиллиметровых снаряда, каждый весом почти по полкило, в правое крыло, закувыркался в воздухе, Джон только замороженным взглядом проводил, оторванное по крайний двигатель, крыло, описавшее причудливую траекторию прямо под носом его «Стратоджета». И, глядя на эту незабываемую картину, Джон только боковым зрением увидел, как разваливается в воздухе, получив целый десяток снарядов в центроплан, его правый ведомый. В эфире стоял многоголосый гвалт, даже вой пилотов, которые сейчас падали в своих пылающих В-47 вниз. Джон Лаппо, опомнился, приходя в себя. Обе русские эскадрильи, теперь он мог четко подсчитать их количество, уходили от строя, с набором высоты, вправо и влево каждая. Стремительные силуэты, похожие на гигантских стрижей, один за другим мелькали перед растрепанным строем американских бомбардировщиков, разворачиваясь на второй лобовой заход. Джон в каком-то оцепенении смотрел, как из двигателей «Fitter»-ов, вырываются метровые языки пламени. И они ничего не могли сделать, все маневры Су-7 выполняли в носовой полусфере или вне зоны огня двадцатимиллиметровых пушек В-47Е. Впрочем, «сухие» ушли не все, две машины, видимо очень горячих, или очень неопытных пилотов, продолжили свою лобовую атаку. Сначала они подожгли еще один «Стратоджет», но потом на «Сушках», проскочивших первые эскадрильи внутрь строя, скрестились десятки пушечных трасс хвостовых турелей В-47. Один Су-7 сразу взорвался, а другой, пылающий от кабины до хвоста, в последний миг повернул и врезался в один из «Стратоджетов» внутри строя. Соседние машины шарахнулись в стороны, две из них столкнулись. Это прервало оцепенение Джона, он заорал в ларингофон, поняв, что сейчас может решиться все:

-Держать строй, сукины дети, держать строй! Вы что, хотите жить вечно!? Парни, срочно восстанавливаем боевой порядок, сейчас придут наши и разгонят этих чертовых «монтажников»*!

* еще одно значение слова «Fitter» в английском языке

Командир пятьдесят первого авиакрыла, набравший высоту в погоне за русскими Су-9, почувствовал, что у него медленно отвисает челюсть. В 1962 его «Тандерчифы» считались в USAF одними из самых быстрых и мощных истребителей. Но он видел, как его «Тады» все больше отстают от русских «балалаек», все так же свечой стремительно уходящих вверх. Он просто не знал, с какими машинам пилотам его крыла предстоит сейчас столкнуться. Су-9 превосходил F-105D по всем показателям, кроме массы боевой нагрузки и дальности, но это сейчас как раз было не важно. А важно было сейчас, что у

Су-9 потолок был выше почти на пять километров, скороподъемность больше, чем в два раза и удельная мощность двигателя на четверть выше, чем у «Тандерчифа». Плюс к тому, Су-9 был почти в два раза легче и гораздо маневреннее. Поэтому до командира пятьдесят первого начало постепенно доходить, что зря он полез за Fishpot-ами на вертикаль. Небо наверху быстро меняло свой цвет, из голубого становясь синим, потом сине-черным, на небе стали видны звезды. Земля внизу наоборот светлела, светлые инверсионные следы постепенно темнели, превращались почти в черные. Когда его «Тандерчифы», отставая все больше и больше, вылезли почти на свой потолок, пятнадцать километров, вынуждено перейдя в прямолинейный горизонтальный полет, эти проклятые «Fishpot» парами, выполнив косую петлю, оказались выше и позади его крыла. «Это же какой у этой проклятой новой русской балалайки потолок, если она на этой высоте может выполнять такой пилотаж?» - с ужасом подумал командир пятьдесят первого. Тем временем, первые шесть пар «Fishpot», уже заходили в хвост его замыкающим экипажам. И пилоты замыкающих F-105D с неприятным удивлением обнаружили, что их машины вовсе не такие быстрые и маневренные, как им ранее казалось. Больше всего «Тандерчифы», так опрометчиво вылезшие на свой предельный потолок, потеряв скорость, напоминали разжиревших сонных осенних мух, на которых обрушилась стая стремительных смертоносных ос. F-105D сейчас нужно было, разогнавшись в горизонтальном полете, уходить вниз, где у них за счет мощного двигателя будет энергия для маневрирования, но для этого им нужно было время, немного, всего меньше десяти секунд. А вот этого времени им двадцать второй полк не дал. На дальность уверенного действия наведения по не крупным «Тандерчифам» успели выйти шестнадцать Су-9, пустивших по одной ракете. Четыре F-105D успели разогнаться и энергичными маневрами сорвать наведение «своим» Су-9. Три ракеты ушли «в молоко» сами по себе, все-таки наведение ракеты по лучу, да еще методом погони, нормально работало только по таким не маневренным целям, как В-47, а «Тандерчифы» с каждой секундой, разгоняясь со снижением, переставали таковыми быть. Но девять пилотов Су-9 сумели удержать метки своих целей в те несколько секунд, которые требовались ракетам РС-2УС, чтобы преодолеть пару километров до вяло шевелящихся на своем потолке, последних в строю, «Тандерчифов». Тринадцать с половиной килограмм боевой части ракеты РС-2УС, это очень много для однодвигательного истребителя, даже такого большого, как F-105D. Из девяти пораженных машин только в двух остались живые пилоты, которые сейчас, висят под стропами своих парашютов, с тоской глядели вниз, на далекое осеннее стылое Японское море, которое неумолимо приближалось к ним. Оставшиеся двадцать четыре «Тада» рванулись вниз, к охраняемым бомбардировщикам, тем более, что командир рейда Джон Лаппо уже в открытую орал на свое истребительное прикрытие, грозя им всяческими карами, вплоть до трибунала. И командир пятьдесят первого, понимал, как он будет выглядеть на базе - бросивший своих подопечных на расправу русским ради приобретения еще нескольких побед, да еще и вдобавок вместо скальпов русских приобретший девять своих сбитых. И еще ему надо восславить всевышнего и русских конструкторов, которые почему-то не поставили на эти чертовы «балалайки» пушки, иначе его крыло бы вообще не ушло от этой схватки на высоте.

«СуперСейбры» восьмого авиакрыла, спикировав вниз для выхода из свалки с двадцать вторым полком, только набирали высоту, чтобы успеть отсечь Су-7 от повторного захода на строй В-47, но внезапно обнаружили, что недобитые МиГи, оставленные ими без присмотра, вовсе не собираются улизнуть домой. Более того, более легкие МиГ-19П не стали пикировать вслед за F-100D восьмого крыла, а просто разгоняясь по прямой, уже выходили в хвост замыкающим «СуперСейбрам», набирающим высоту. Перед командиром восьмого встала дилемма, что делать дальше? Продолжать набор? Но тогда

МиГи сядут на хвост, и опять начнется собачья свалка, только на этот раз его F-100D будут одни, без «Тадов» пятьдесят первого крыла. Чем это грозит, он хорошо помнил по завязке боя, когда эти Farmer-ы безнаказанно за первую минуту сбили у него восемь машин. Уходить вниз, под строй В-47? Но тогда он фактически оставляет в хвосте своих подопечных два десятка вражеских истребителей. Трусом командир восьмого авиакрыла не был, поэтому пара коротких команд, и позади громадного строя американских бомбардировщиков, летевших пятью коробками по три эшелона эскадрилий, снова закипел догфайт. Тридцать два F-100D против всего девятнадцати оставшихся Миг-19П, это давало командиру восьмого авиакрыла надежду на победу. Тем более что над хвостом строя В-47 ходила бог весть, откуда взявшаяся четверка F-105D.

Тем временем командир восьмисот двадцать первого полка, обнаружив с нарастающим удивлением, что его Су-7 никто не атакует, пошел сверху на второй заход с передней полусферы, на этот раз вместе с присоединившейся к нему третьей эскадрилей. Перед этим он по радио пригрозил всем горячим пилотам:

-Кто еще полезет внутрь строя американцев, сгною на губе, даже достав с того света. Мне не нужно, чтобы вы умирали за нашу Родину, мне нужно, чтобы они в своих «Стратоджетах» умерли за свою!

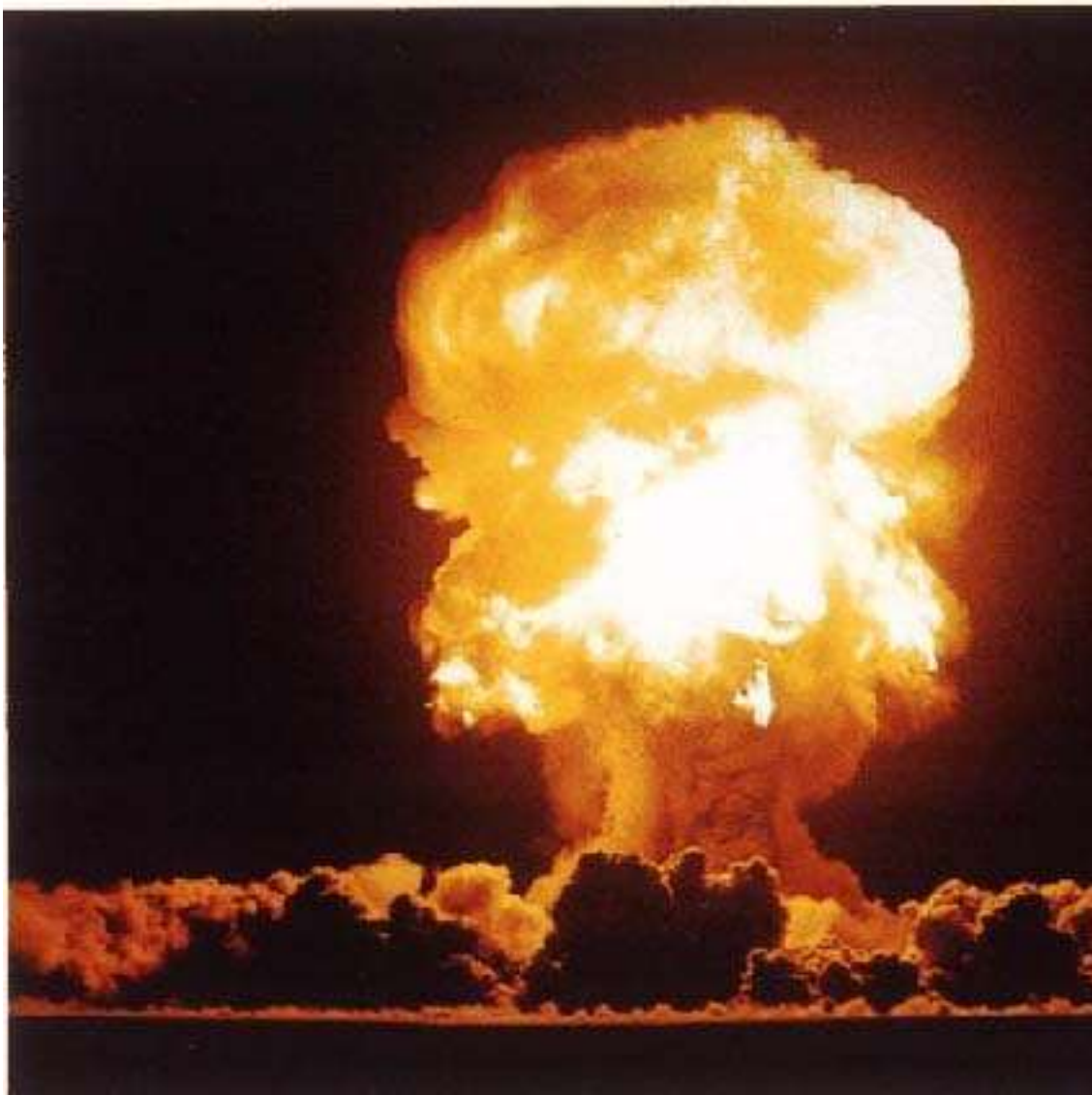
Тридцать один Су-7, зайдя тремя группами сверху, с носовых курсов, снова косою смерти прошлись по американскому строю, уходя разворотом в разные стороны. И только в этот момент на них, наконец-то, сверху спикировали «Тандерчифы» пятьдесят первого крыла. Джон Лаппо, снова, уже непрерывно ругаясь, выслушивал доклады командиров крыльев, двадцать один самолет сбит, восемь поврежденных вываливаются из строя и идут домой, сбрасывая бомбы в море. В первой атаке эти чертовы «монтажники» сбили и повредили сорок шесть машин. И тридцать пять он потерял, когда эти придурки из истребительного прикрытия прозевали ракетную атаку полка Fishpot-ов. Из двухсот двадцати машин у него осталось всего сто десять, хорошо, что удалось удержать их в строю, никто уже не дергается в стороны, видя как со всех сторон заходят русские истребители. Командир восьмисот двадцать первого полка, закусив до крови губу, отчаянно крутился на вертикалях с неизвестно откуда свалившимися на его полк «Тандерчифами». Его Су-7 крутятся с американцами просто потому, что американцам надо связать его полк, пока снизу и сбоку от их схватки не пройдет изрядно поредевший, но по-прежнему внушительный строй В-47. И еще потому, окровавленные губы комполка тронула горькая усмешка, что до командира американских истребителей пока не дошло, что Су-7 все, пустые, почти все с последним пятком снарядов на ствол, а некоторые и вовсе выстрелили в последнем заходе на бомбардировщики все «до железки». Сейчас он это поймет, разорвет дистанцию, не опасаясь за своих бомбардировщиков, и начнет нас безнаказанно клевать атаками сверху, пользуясь преимуществом в скорости.

Командир восьмисот двадцать первого полка был бы очень удивлен, узнав, что его соперника, командира пятьдесят первого крыла, гложут те же мысли. Оставшиеся ракеты AIM-9В его «Тандерчифы» истратили в первые мгновения боя с «Fitter»-ами, когда его крылу, спикировавшему сверху, удалось зайти в хвост этим неожиданно шустрым «сухим» и сразу сбить восемь Су-7, быстро зайдя им хвост. Потом дело пошло гораздо хуже, его «Тадам» удалось сбить из пушек еще два «Су», потеряв четыре F-105D, которые подставились под короткие очереди тридцатимиллиметровых пушек этих маленьких «Fitter»-ов. Надо бы разорвать контакт, выйдя из этой собачьей свалки вниз, пикированием, а потом уйти наверх, чтобы в полной мере, используя скоростные качества его F-105D, обрушиться на оставшиеся «сухие» сверху. Как раз у его крыла

снарядов осталось только на эту, одну массированную атаку. Но тогда эти упертые русские могут успеть выполнить еще одну атаку на бомбардировщики! Нет, надо потянуть время, минуты две, чтобы строй В-47 прошел вперед, тогда эти оставшиеся два десятка «Fitter» просто не успеют зайти на «Стратоджеты» с передней полусферы. Эти две минуты пролетели быстро, он уже пикировал вместе с оставшимися двадцатью F-105D для того, чтобы оторваться от этих «Fitter», которые липли к ним, как назойливые мухи к кленовому сиропу. И тут он, по неизменной для всех истребителей мира привычке обернулся, оглядев заднюю полусферу, увидел картину, которая заставила его взвыть от бессильной злобы. «Сухие», перестраиваясь, уходили со снижением на северо-запад, их курсы расходились с курсами В-47. До него запоздало дошло, что у выполнивших на строй бомбардировщиков два полновесных захода «Fitter» тоже наверняка на исходе снаряды. А в хвост «Стратоджетам» уже пристраивались эти чертовы «Fishpot»!

Командир двадцать второго полка, вводя машину в пологое пикирование, мог наблюдать всю картину сражения. Справа и внизу от него опять крутились в ожесточенной свалке МиГи сорок седьмого, даже с первого взгляда было видно, что у американцев численное превосходство. И у сорок седьмого авиаполка дела совсем плохи. Будь это другая война, та, что шла десять лет назад в Корее, командир двадцать второго повел бы весь свой полк на выручку сорок седьмому, не задумываясь. Но впереди внизу упрямо шел поредевший, но все еще многочисленный строй американских В-47. И пройти ему оставалось не много, там, на северо-западе уже с высоты можно было различить далекие очертания бухты Шепалова. И он бросил свои тридцать четыре Су-9 на максимальной скорости в хвост американским «Стратоджетам», мимо погибающих товарищей из сорок седьмого полка. Севшие на хвост американцам «сухие» выпустили всего пятьдесят две ракеты, все, что у них было, по тридцати четырем американцам. И почти одновременно с ними спереди в атаку на американский строй крыльев В-47 зашли тридцать шесть Як-25 пятьсот тридцатого полка. У всех людей есть свой предел устойчивости. Был он и у пилотов пяти американских бомбардировочных крыльев. Когда изрядно поредевший, но еще четкий строй американских В-47, уже в который раз за сегодня, оставшийся без истребительного прикрытия, был атакован одновременно ракетами сзади и пушками спереди, он, наконец рассыпался. Напрасно Лаппо, срывая голос, орал в эфир на уцелевших командиров, пытаясь обеспечить хоть какой-то порядок. За одну минуту было сбито почти шестьдесят машин, и остальные брызнули в стороны. Кто-то, наплевав на все повернул, обратно. Кто-то упрямо летел к своим намеченным целям. Кто-то, повернув до первого же советского поселка, выполнял набор высоты, сбрасывая мегатонную бомбу на горстку несчастных избушек. Над всем этим бедламом металась Яки пятьсот тридцатого полка вместе с подошедшими к шапочному разбору МиГ-17 одного из полков ВВС, уворачиваясь от пикировавших на них «Тандерчифов» пятьдесят первого авиакрыла, пытаясь зацепить, достать еще кого-нибудь из американских бомбардировщиков. Су-9 и уцелевшие Су-7, расстрелявшие весь боекомплект, считая последние литры топлива, шли на свои аэродромы, надеясь успеть сесть на заправку и пополнение боекомплекта, чтобы потом снова подняться в небо. В итоге трем В-47 удалось сбросить бомбы на Находку, по одному В-47 удалось отбомбиться по Владивостоку и Уссурийску. А сам Джон Лаппо, в поднявшейся суматохе, спикировал почти до земли и ушел. Ушел и от советских перехватчиков, и от уцелевших советских ракет. Он, умевший пилотировать многотонный «Стратоджет», как спортивную авиетку, упрямо повел свой самолет к цели, забитой в его планшет, на малой высоте. Пересек озеро Ханко, и, пролетев над китайской территорией, резко повел свою машину вверх, почти как истребитель. Опомившиеся расчеты ЗРК восьмого корпуса ПВО выпустили по его В-47Е целых пятнадцать ракет, но он уже успел нажать рычаг

бомбосбрасывателя. Командир девятнадцатого бомбардировочного крыла USAF полковник Джон Лаппо выполнил свой приказ. Он сбросил на Хабаровск ядерную бомбу Mk41 мощностью двадцать пять мегатонн.

Ядерный взрыв над Хабаровском

Драка между советским четыреста четвертым истребительным авиаполком и восемнадцатым тактическим авиакрылом USAF из Кадены кончилась фактически вничью. На стороне американцев были численное преимущество, на стороне советских летчиков – лучшая материальная часть, МиГ-19С превосходил «СуперСейбр» в маневренном бою. Превосходство в вооружении, так успешно реализованное летчиками сорок седьмого в этой схватке удалось реализовать лишь частично. Опытные пилоты восемнадцатого крыла, командиры которых также воевали в Корее, не зря гордились буквами ZZ* на килях своих машин.

**ZZ – буквенное обозначение принадлежности самолета к 18 такр, Кадена, USAF*

В первую лобовую атаку они заходили в менее плотных боевых порядках, больше рассчитывая на свое индивидуальное мастерство пилотирования, чем на массированный

пушечный огонь в плотном построении. Это привело к тому, что залп четыреста четвертого полка из блоков НАР ОРО-57К оказался менее эффективным, удалось сбить три и повредить четыре машины. А дальше пошла свалка, в которой лучшие маневренные характеристики МиГ-19С почти нивелировались очень высоким классом пилотов восемнадцатого крыла, не зря же их при планировании операции определили в группу расчистки воздуха. Почти, это потому что, в итоге, пилоты восемнадцатого все же потеряли в догфайте одиннадцать машин, сбив десять МиГов четыреста четвертого. Ракеты «Сайдвиндер» в этой свалке оказались почти бесполезными против юрких МиГов, удалось сбить всего два МиГ-19С. Потом у обеих сторон начало кончаться топливо, и они постепенно разошлись, как мартовские коты, огрызаясь друг на друга последними пушечными очередями. МиГи четыреста четвертого полка садились на уцелевших аэродромах (аэродромы в Находке и возле Владивостока пострадали от ядерных взрывов), четверем летчикам не хватило топлива и они сели на вынужденную. Пилоты восемнадцатого крыла оказались единственной частью USAF, которая успела на рандеву с заправщиками вся, без потерянных по топливу машин. В итоге, на аэродромы Японии сели двадцать семь F-100D, ни одна из поврежденных машин авиакрыла до земли не дотянула.

Генерал-майор Пепеляев в этом бою все-таки сбил своего тридцатого американца. Двадцать девятого он сбил очень легко, когда девятнадцать МиГов сорок седьмого полка во главе с ним гнались за тридцатью двумя F-100D восьмого авиакрыла, ситуация абсурдная, достойная для баек ура-патриотов, не для реальной жизни. На самом деле «СуперСейбры» восьмого крыла сначала пытались прийти на помощь своим бомбардировщикам, среди которых истребители двадцать третьего корпуса ПВО устроили форменную резню. И только поняв, что МиГи уже сидят у него на хвосте, командир восьмого крыла скомандовал своим пилотам развернуться и вступить в бой. Но было уже поздно, первая четверка МиГ-19П во главе с Пепеляевым успела «дожать» в прицелы и сбить короткими очередями две пары F-100D, идущих замыкающими в строю. Потом опять начался бой на виражах, причем у обеих сторон уже заканчивались снаряды. И численное превосходство опять было у американцев, двадцать восемь против девятнадцати, плюс еще какая-то еще, непонятно откуда взявшаяся, четверка «Тандерчифов», сильно портившая жизнь пилотам сорок седьмого полка. Они висели на высоте, пользуясь общим численным преимуществом американцев и оттуда «клевали» пилотов сорок седьмого. Именно так, стремительной атакой сверху, четверка F-105D сбила его ведомого. Пепеляев успел вывернуться из под удара шестиствольных «Вулканов», а его уставший ведомый замешкался и получил целый рой двадцатимиллиметровых снарядов из М61 в центроплан, МиГ просто превратился в огненный шар. Генерал-майор пошел в глубокое пикие вслед за этой ненавистой четверкой прямо из виража, в перевернутом положении и все-таки поймал ведущего второй пары «Тандерчифов» в прицел. Его пушки дали короткую очередь, F-105D, получив один снаряд, закувыркался вниз с оторванным крылом. Пепеляев, все так же, вися в перевернутом положении вниз головой, чуть повернул и поймал в прицел замыкающего «Тандерчифа», нажал на гашетку, но вместо очереди раздался только сухой щелчок. В горячке боя, он не обратил внимания на счетчик снарядов. Генерал-майор рванул вверх, выжимая из двигателей все, что можно. В следующие две минуты он вспомнил всю свою прожитую жизнь, вертясь на безоружном самолете среди пушечных трасс. Но американцы уже постепенно выходили из боя - строй бомбардировщиков развалился, и командир восьмого авиакрыла, услышав рапорты своих подчиненных об остатке топлива и снарядов, уводил своих на юг. Из этого боя у американцев вышло восемнадцать «СуперСейбра» и три приставших к ним

«Тандерчифа», но до заправщиков смогли дотянуть лишь пятнадцать F-100D в сопровождении тех же трех «Тадов». А из сорок седьмого истребительного авиационного полка на аэродром вернулось только четыре машины. Во главе с командиром двадцать третьего корпуса ПВО СССР, генерал-майором Пепеляевым.

28 октября, московское время 00-40, местное время 08-40. Япония, воздушное пространство над северной частью острова Хоккайдо. Через 6 часов 40 минут после начала конфликта.

Советские командиры частей и соединений имели в своих сейфах планы, разработанные на все случаи жизни. В этих планах были самые разнообразные сценарии для возможных конфликтов, невозможно найти в них было разве что сценарий войны с инопланетянами. А вот существующий расклад в планах как раз был хорошо расписан, и на него, запущенного по сигналу «Экватор», уничтожение штаба Дальневосточного военного округа уже никак не могло повлиять. Поэтому, согласно утвержденному плану, в 08-15 по владивостокскому времени на подходе к северо-западному побережью острова Хоккайдо появились ракетноносцы Ту-16 пятьдесят пятой тяжелой бомбардировочной авиадивизии, базировавшиеся на аэродроме Воздвиженка Приморского края. Они были обнаружены сразу двумя уцелевшими РЛС крыла обнаружения и управления Северного авиационного направления Боевого авиационного командования сил самообороны Японии, когда летели широким фронтом в двухстах милях северо-западной острова Рисири. Крыло обнаружения и управления выдало предупреждение о налете в Главный штаб ВВС сил самообороны в Мисаве, начало наводить на обнаруженные цели взлетевшие F-86D истребительного крыла с авиабаз Титосэ и Обихиро. Крыло так же выдало данные для целеуказания одному из двух дивизионов Найк-Геркулес, второй дивизион Северного авиационного направления был почти полностью уничтожен первоначальным русским ракетным ударом. Дежурный офицер центра управления крыла обнаружения и управления, наблюдая за тем, как планшетисты наносят на огромное вертикальное стекло все новые и новые отметки, не мог отделаться от мысли, что происходит что-то непонятное. Советские самолеты ведут себя неправильно, не так как надо при массированном налете на территории, который он защищает. Они спокойно летят с небольшой скоростью на высоте двенадцать километров, расходясь широким фронтом, словно неводом, стремясь охватить все побережье северо-западное Хоккайдо, от Вакканай до Отару, не приближаясь к земле Ямато, хотя по идее должны бы рваться к целям на острове на малой высоте и максимальной скорости. Что задумали эти северные гайдзины? Внезапно, по многочисленным докладам от постов РЛС, планшетисты стали судорожно рисовать новые цели, вернее разделившиеся старые. «Баккарасай! Кусотарэ!»* -мысленно обругал себя дежурный офицер. Как он сразу не догадался, это не бомбардировщики, это ракетноносцы!

**Бака, баккарасай –дурак, придурок (яп.). Кусотарэ –буквально: голова из дерьма (яп.)*

Летчики пятьдесят пятой тбад, спокойно распределив между собой обнаруженные цели, шесть работающих обзорных РЛС, три РЛС наведения ЗРК и четыре РЛС неясного назначения, скорее всего постов наведения истребительной авиации. И почти синхронно, дождавшись когда ГСН подвешенных ракет КСР-11 выдадут сообщение о захвате в станцию радиотехнической разведки и целеуказания "Рица", размещенную на Ту-16К-11-16 вместо носовой пушки АМ-23, включили тумблеры пуска. Шестнадцать ракет (в РЛС наведения ЗРК «Найк-Геркулес» пустили по две ракеты) отцепились от катапультных

устройств БД-352 и медленно начали падать вниз. Когда расстояние между ракетой и балочным держателем БД-352 превысило длину один метр, трос, закрепленный на БД, натянулся и вырвал предохранительную чеку на ракете. Чека замкнула несколько цепей, от снятия очередной ступени предохранения боевой части до электрических контактов пиропатронов, запиравших клапана магистралей, идущих от баллона воздуха высокого давления к мембранам вытеснительной подачи в баках горючего и окислителя, а также к внутреннему объему рабочих цилиндров рулевых машинок. Поскольку ГСН ракеты уже захватила цель, ракета, еще летевшая по инерции со скоростью, доставшейся ей от носителя, слегка шевельнула рулями, как громадная девятиметровая рыба, словно пробуя на вкус неожиданную свободу. На самом деле автопилот ракеты отметил небольшое рассогласование между полученным от ГСН направлением на цель и курсом ракеты и выдал первую команду на рули для поправки. Но уже бежал по трубопроводу окислитель АК-20Ф, под давлением вытесняемый воздухом из своего бака и тоже самое делало горючее ТГ-02, пробиваясь дополнительно сквозь рубашку камеры сгорания, вот они встретились, вспыхивая в камере, и двигатель С2.72 толкнул ракету, переводя ее за звуковой барьер. Но этого всего пилоты пятьдесят пятой дивизии не видели, они спокойно развернулись на западный курс, по-прежнему летя в крейсерском режиме. Авиакрыло японских F-86D, пытавшихся на форсаже приблизиться к этим проклятым русским «Бэджерам», было перехвачено двумя авиаполками, взлетевшими из авиабаз Долинск на Сахалине и Унаши возле Советской гавани. Сорока пяти дозвуковым «Сейбрам» противостояли по три десятка гораздо более современных МиГ-21 и МиГ-19, скрипя зубами от бессильной ярости, дежурный офицер центра управления крыла обнаружения и управления приказал крылу возвращаться, но вернуться удалось не всем. Более скоростные МиГи догнали и сбили восемь замыкающих устаревших F-86D. Правда, один, слишком агрессивный русский все-таки поплатился за это, он сгоряча влез в зону поражения МІМ-14 «Найк Геркулес» и был сбит залпом из трех ракет. Горящие изломанные самолеты упали в море, которое, не разбирая национальную принадлежность, равнодушно поглотило еще одну порцию людей и машин, уже не первую за сегодня.

Стартовая батарея ЗРК «Найк-Геркулес» на острове Хоккайдо приводится в готовность №1

Расчеты других огневых батарей единственного дивизиона сейчас судорожно пытались уменьшить число ракет КСР-11, летевших к Хоккайдо на сверхзвуковой скорости. Удалось перехватить шесть из запущенных ракет, десять дошло до своих целей. Над Хоккайдо снова выросли грибы атомных взрывов, по сорок килотонн каждый, причем были уничтожены две из трех РЛС батареи управления - единственной оставшейся эффективной защиты территорий зоны Северного авиационного направления сил самообороны Японии. Выносной командный пункт уцелел, дежурный офицер на нем с

отчаянием наблюдал, как его планшетисты наносят новые данные. Ракетоносцы пятьдесят пятой тбад поворачивали обратно, снова выходя к берегам Японии на рубежи ракетной атаки. Последовал еще один массированный залп, ракетами КСР-11 по уцелевшим РЛС и ракетами КСР-2 по замеченным позициям ЗРК и аэродромам, с которых недавно взлетали истребители.

Три полка фронтовых бомбардировщиков Ил-28 в сопровождении полка истребителей МиГ-19 сейчас группами с разных направлений подлетали на малой высоте к северным берегам Хоккайдо.

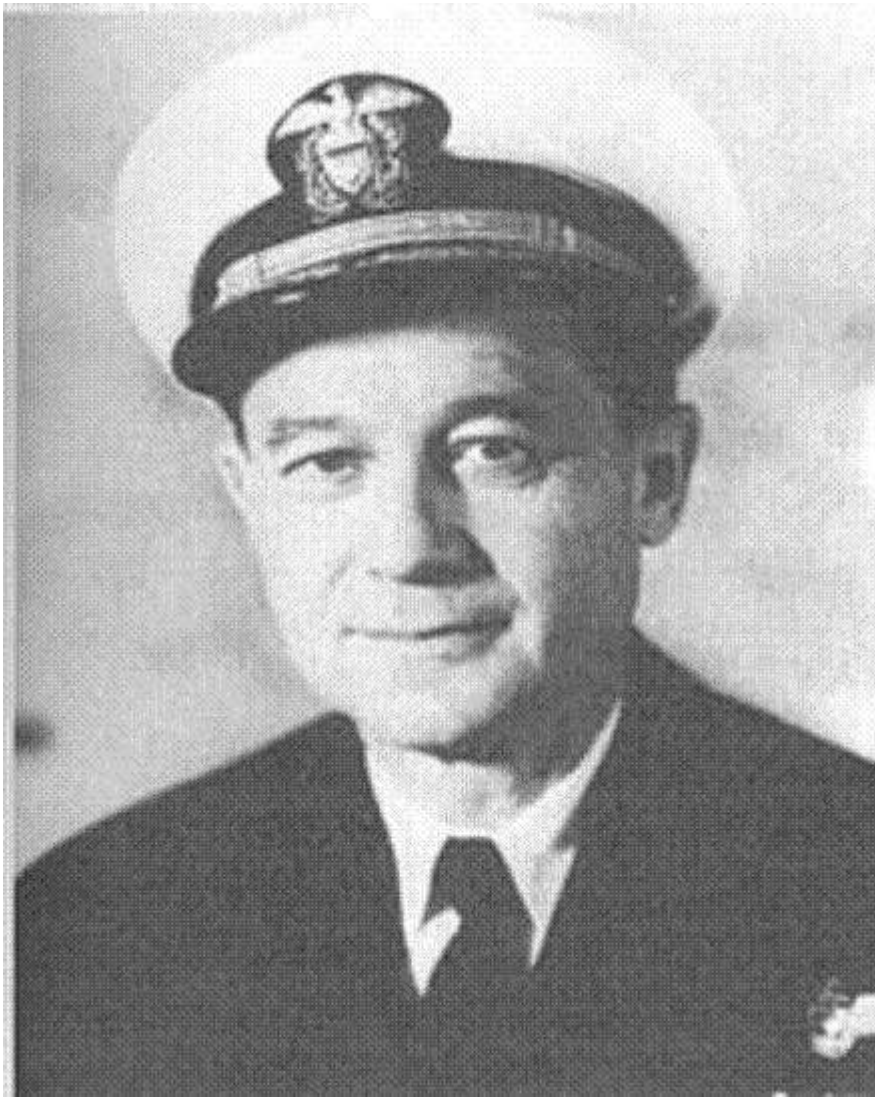
Полк фронтовых бомбардировщиков Ил-28 готовится к вылету

В зоне ответственности Северного авиационного направления уже не оставалось работоспособных РЛС, сейчас техники радиотехнических рот крыла обнаружения срочно пытались развернуть немногие уцелевшие мобильные резервные РЛС, чтоб восстановить хоть какой-то, пусть частично, радиолокационный контроль. Оба дивизиона ЗРК «Найк-Геркулес» были практически уничтожены. Зенитная артиллерия японских сил самообороны, не имея целеуказания от постов РЛС, крутила стволами в воздухе, пытаясь встретить воздушного врага по старинке, полагаясь только на командиров с биноклями и оптические ПУАЗО*.

*ПУАЗО – прибор управления зенитным огнем, позволял выдавать единые поправки для наведение на видимую цель для нескольких орудий

Над всем Хоккайдо стояла густая облачность, высотой нижней кромки облаков порядка двух километров. Это позволило, экипажам Илов, пользуясь радиолокационным прицелом ПСБН-М, выполнять «слепое» бомбометание. Над Хоккайдо и северной частью Хонсю разгорелись скоротечные жаркие схватки между поднявшимися по тревоге перехватчиками F-86 и МиГ-19, прикрывающими бомбардировщики. Все было против японских пилотов, и численное превосходство и техническое преимущество советских, более современных и мощных машин. Часть F-86, сумевшая ценой громадных потерь, прорваться к Ил-28, узнали, что советский «мясник» -крепкий орешек, умеющий постоять за себя. Пилоты F-86F-25, большей частью изготовленных на заводе фирмы Мицубиси, вдруг обнаружили, что при атаке с носовых курсов, длящейся считанные мгновения, шесть полудюймовых пулеметов вовсе не обеспечивают уверенного поражения Ил-28, обладавшего феноменальной живучестью. Немудрено, у Ил-28 общие вес бронирования наиболее важных узлов и кабин экипажа составлял почти полтонны. К тому же у Ила спереди была спаренная установка пушек НР-23, пары снарядов из которой однозначно переводила «Сейбр» из категории «атакующий» в категорию «сбитый». И при атаке с задней полусферы эти несчастные шесть пулеметных стволов полудюймового калибра смотрелись тоже жалко по сравнению со спаренной хвостовой установкой Ил-К6 с гидроприводом наведения, оснащенной теми же пушками НР-23. Только немногочисленные F-86D «Сейбр Дог» со своими двадцатью четыремя семидесяти миллиметровыми НУР Mighty Mouse могли эффективно противостоять Илам, но были совершенно беспомощны против советских истребителей прикрытия. Все это привело к тому, что советские летчики выполнили свою задачу, заплатив за это высокую цену, пятнадцать Ил-28 и двенадцать МиГ-19С. Японские летчики, видя, что советские Илы летят, как заговоренные, несмотря на град полудюймовых пуль, стали таранить бомбардировщики, как их отцы и старшие братья семнадцать лет назад. Илы, прорвавшиеся к своим целям, несли разную боевую нагрузку. Часть из них несла обычные фугаски, весом сто, двести пятьдесят и пятьсот килограмм, часть бомбовые кассеты РБК-500 АО5РТМ с мелкими осколочными бомбами весом пять килограмм и взрывателями с замедлением, а половина - бетонобойные бомбы БетАБ-500. На острове Хоккайдо и севере острова Хонсю не осталось ни одной бетонной взлетно-посадочной полосы, пригодной для приема реактивных самолетов. Все существующие ВПП были в изрядных дырах, более того, обильно усыпаны мелкими бомбами из РБК, которые время от времени взрывались, делая проблематичным начало ремонта полос в ближайшие двое суток. Также была уничтожена практически вся инфраструктура авиабаз, от емкостей с топливом до зданий размещения личного состава. Советскому командованию в ближайшие три-четыре дня категорически не нужны были аэродромы в северной Японии в преддверие ожидаемого удара американских АУГ по Курилам, Сахалину и Камчатке. Одна АУГ уже была обнаружена на траверсе Анкориджа, южнее на четыреста миль, идущая курсом двести шестьдесят, по направлению к Камчатке.

В главном командном пункте ВВС сил самообороны Японии (JASDF), размещенном в подземном бункере неподалеку от полуразрушенной авиабазы Мисава, на острове Хонсю царил напряженная и наэлектризованная атмосфера.

Адмирал Гарри Дональд Фелт, Главнокомандующий ВС США на Тихом океане в 1962

Главнокомандующий вооруженными силами США на Тихом океане, адмирал Гарри Дональд Фелт, чудом остался жив. Везунчик, когда на базу в Перл-Харборе на Гавайских островах упали две ядерные ракеты, он находился в инспекционной поездке в Японии. Причем умудрился уцелеть и здесь, когда мегатонная ракета упала на базу ВВС Мисава, он как раз осматривал новый защищенный выносной КП. Но сейчас он испытывал жесточайшее раздражение, причина этого раздражения сидела напротив него за столом и имела имя и фамилию. Минору Гэнда – так звали человека, сидевшего напротив него. Минору Гэнда – человек, которого американские военные двадцать лет назад ненавидели сильнее, чем императора Хирохито и адмирала Ямамото, вместе взятых. Человек, который в двадцатых годах командовал первой в мире эскадрильей палубной авиации. Автор блестяще исполненного плана нападения на Перл-Харбор 7 декабря 1941 года, самого большого унижения американских вооруженных сил во Второй мировой войне, награжденный за этот план высшим орденом Японии. И он же, спустя двадцать один год, начальник штаба JASDF, награжденный Почетной медалью конгресса США, высшей американской наградой. Сейчас он в исключительно вежливых выражениях фактически отказывал США во всем. В переброске японской авиации в Южную Корею, где счет шел на считанные дни, даже часы, начавшееся внезапно наступление северных корейцев набирало ход. Авиация КНДР полностью захватила господство в воздухе и горстка уцелевших истребителей USAF не могла даже толком прикрыть избиваемые

бомбардировщиками и штурмовиками коммунистов свои войска, не говоря уж об ударе по танковым клиньям Ким Ир Сена.

Минору Гэнда, начальник штаба ВВС Сил самообороны Японии в 1962

Отказывал в сопровождении японской авиацией следующих налетов на СССР, можно было, перебросив оставшиеся на Тихом океане пару бомбардировочных крыльев с территории США, попытаться атаковать хотя бы Сахалин, Советскую гавань и заводы Комсомольска-на-Амуре. Этот сукин сын даже увел японское истребительное прикрытие от американских заправщиков, бросив его в бой над Хоккайдо. Из-за этого, напуганные страшным разгромом соединения Лаппо, заправщики досрочно ушли из зоны randevu и американцы потеряли все F-94, уцелевшие в бою и полтора десятка поврежденных F-100D. Они просто не дотянули до берегов Японии, не встретив так ожидаемых «дойных коров».

Минору Гэнда был учтив и вежлив только внешне. Эти «кусотарэ» могут только убивать мирных жителей Японии с большой высоты. Одержат победу над воинами Ямато они смогли, только когда обеспечили себе десятикратный перевес в технике. Упоенные своей мощностью, они начали размахивать ядерной дубиной по всему миру, не заметив, что северные гайдзины сделали себе такую же, если не лучше. И где теперь эта мощь? Командующий войск самой сильной страны мира на почти половине территории планеты сидит перед ним, брызгая слюной, похожий на намокший бумажный шарик, который японские дети сотнями запускают в небо по праздникам. Что он хочет от несчастной Японии, этот «бака»? Он чуть было не сказал это вслух, но быстро опомнился и вежливо произнес:

-Уважаемый Дональд -сан, если меня не подводит память, наша маленькая страна заключила с вашей великой державой договор о взаимной обороне. Мы с глубоким уважением предоставили нашему доблестному союзнику порты и аэродромы под военные базы для ваших уважаемых летчиков и моряков, почтительно надеясь на защиту крохотной земли Ямато. Мне очень печально осознавать, что северные варвары нанесли удары ядерными ракетами по многим объектам, где размещались ваши храбрые летчики

и матросы, но почтительным образом хочу скромно заметить, что эти объекты были размещены в городах, где проживало большое количество простых граждан страны Ямато, и все они тоже погибли. Так же смею со всей почтительностью и уважением к вам напомнить, что посланные вашим мудрым командованием к берегам Владивостока доблестные американские летчики, взлетевшие с авиабаз Японии, являлись перехватчиками. Они почти все геройски погибли, несомненно, покрыв себя неувядаемой славой и забрав с собой тысячи врагов, но к моей глубокой скорби, кто теперь будет защищать бедную японскую землю? Горстка наших устаревших самолетов растает как утренний иней под ясным летним солнцем, без помощи со стороны наших достойнейших американских союзников. Вне всякого сомнения, ваша великая держава быстро сможет нарастить свою авиационную мощь в Японии, пользуясь аэродромами, которые маленькая Япония ей почтительно предоставит. Но, как мне только что сообщил командующий Северным авиационным направлением, эти проклятые росскэ, при своей атаке островов Хоккайдо и Хонсю не только уничтожили ядерным оружием зенитные ракеты и РЛС. Они полностью вывели из строя все авиабазы, с минированием и разрушением взлетных полос. Если бы там было во время налета ваше знаменитое и прославленное тридцать пятое тактическое авиакрыло USAF, оно бы сумело дать достойный отпор русским варварам. Но в сложившейся ситуации я нижайшим образом прошу принять от меня сообщение, что после ремонта первых ВПП на двух единственных аэродромах Хоккайдо, где позволяет радиационный фон, туда будут переброшены только японские перехватчики, нашим уважаемым американским союзным летчикам на Хоккайдо находиться слишком опасно.

Адмирал Гарри Дональд Фелт не выдержал. Этот стервец, виновный в самом большом поражении Соединенных Штатов до сегодняшнего дня, в переводе с японского на нормальный, только что сказал ему: «Вы погубили всю свою авиацию в своем безрассудном рейде, в том числе и те самолеты, которые *должны были* защищать *нашу территорию*. Вы не получите ни одного нашего самолета за пределы Японии. Если хотите, перебрасывайте для этого свои самолеты. И вы не получите наши аэродромы для поддержки атаки на Сахалин и Камчатку». Его налившиеся кровью глаза впелись в глаза этой бесстрастной желтомордой обезьяны, он почти прокричал:

-Мне странно слышать упреки в рейде на Владивосток от человека, спланировавшего нападение на Перл-Харбор!

-Достопочтимый адмирал, вы, как умудренный опытный человек, занимающий столь высокую должность, с высоты своего положения упустили ничтожную мелочь, которая различает то давнее прискорбное событие, имевшее место между нашими странами и произошедшую сегодня утреннюю неудачу ваших уважаемых пилотов, доблесть которых вызывает у всех нас восхищение. То давнее событие, в разработке которого есть небольшая роль моей смиренной персоны, произошло не после ударов противника по всем нашим базам и аэродромам. А несколько ранее, что привело наши скромные силы к некоторому успеху.

Сопровождавший адмирала Фелта лейтенант только хмыкнул, стараясь не выдавать своих чувств. Надо же, каков сукин сын, умудрился превратить японское вероломное нападение на Америку без объявления войны в 1941 году в «давнее прискорбное событие» и попутно обозвать шефа старым маразматиком. И сделал это вежливо и всего тремя фразами.

Адмирал Фелт поднялся и пошел к выходу, демонстративно не обращая внимания на Минору Гэнда. Уже на ходу он приказал адъютанту: «Свяжись с пятым авиакрылом в Ацуги. Пусть они пришлют за нами вертолет, немедленно. И пусть готовят «треску»*, я вылетаю на «Китти Хок».

*«Треска» -COD (Carrier Onboard Delivery), игра слов (Cod - треска, англ.), на сленге авиации US NAVY обозначение палубного транспортного самолета C-1 Trader

Минору Гэнда с непроницаемым лицом встал, и улыбаясь, учтиво попрощался с уходящими американцами, никак не отреагировавшими на его поклон и прощальные слова.

28 октября, московское время 00-45, местное время 07-45. Китайская народная республика, дорога S201 к северо-востоку от Фучжоу, провинция Фудзянь. Через 6 часов 45 минут после начала конфликта.

Артиллерийский полк Народно-освободительной армии Китая разворачивался, едва съехав в прибрежные дюны в месте, где заканчивался проселок, гордо именуемый на картах «дорога S201». В лучах рассвета длинные стволы орудий Д-20 советского производства, спешно разворачиваемые расчетами в юго-восточном направлении, выглядели феерично, играя бликами, как тела драконов. Командир полка выглядел спокойным, хотя его внутри переполняли сложные чувства. Сейчас орудия его начнут методично стирать на островах Мацзу в порошок укрепления тайваньских мятежников, этих выкормышей империализма. Как в прошлые разы, в 1954 и 1958 годах. Только на этот раз гоминьдановцев не спасет седьмой американский флот. Он понес большие потери от советских ракет и ему сейчас будет совсем не до поддержки своего маленького союзника. И американская авиация тоже не прилетит, она вся там, на севере, сцепилась в смертельной схватке с русскими. Подполковник мысленно усмехнулся, его стране, как мудрой обезьяне в старой сказке, осталось, с осторожностью глядя на драку двух тигров, подобрать оставшиеся без присмотра куски. В Тибете, где НОАК успешно пробивает коридор к своему пакистанскому союзнику, а заодно и выход к Индийскому океану. Отобрать, нет вернуть себе Сянган и Аомынь, которые хищные европейские капиталисты когда-то, пользуясь слабостью его страны, захватили себе, обозвав Гонконгом и Макао. И вернуть Тайвань, пока он есть, и существует гоминьдан во главе с Чан-Кайши, существует опасность гражданской войны. А дальше. Дальше надо посмотреть, какие еще земли принадлежали его стране. И что можно еще вернуть, пока два тигра сцепились насмерть, может быть, эти тигры совсем ослабнут, или вовсе погибнут?

152-мм орудие Д-20 советского производства

Подполковник НОАК знал, что в эти минуты другие артиллерийские части НОАК также готовятся к обстрелу островов Цзиньмень и Дачэнь, подготавливая высадку десанта, сначала передовых частей вертолетов, потом основных с моря. Но перед этим его орудия должны разрушить укрепления, которые чанкайшисты возвели на этих островах. А потом, когда Гомиьндан вышибут из прибрежных островов, наступит очередь архипелага Магун, что всего в тридцати километрах от самого Тайваня. А потом придет очередь и самого Тайваня. «Шаг за шагом» - так называл советский преподаватель эту стратегию, применяемую американцами против японцев на южных островах Тихого океана. Разрушить укрепления противника, захватить один остров. Потом, укрепившись на нем, поступить также с другим островом, вытесняя противника в его логово. Так поступали американцы в 1943 году, а сейчас так будет поступать НОАК с американскими выкорышами через двадцать лет.

Укрепления армии Гоминьдана на острове Дадан

Глава 5. Корейский разлом.

28 октября, московское время 02-30, местное время 08-30. 38 параллель, демаркационная линия между Северной и Южной Кореей. Через 8 часов 30 минут после начала конфликта.

Бесслепый руководитель КНДР, товарищ Ким Ир Сен был коммунистом, ортодоксальным даже чем основатели первой страны, ставшей на путь построения коммунизма, Ленин и Сталин. Он критиковал за ревизионизм даже Мао, не говоря о Хрущеве, которого открыто называл «предателем коммунистической идеологии», даже на официальных встречах. Но руководителей КНР и СССР Он критиковал, все равно числясь в союзниках и получая от них изрядную военную помощь. А американцев и японцев Он люто ненавидел. Американцев за то, что они не дали в 1950 году ему получить власть над всей Кореей, убив при этом почти миллион корейцев. Японцев - за то, что они почти пятьдесят лет хозяйничали в его стране, мучая и истязая его народ, при этом убив еще больше корейцев, чем американцы. Еще были их приспешники с Юга корейского полуострова, отщепенцы корейского народа, лизавшие ноги своим американским хозяевам, этих Он просто презирал. И Он всегда знал, что придет время, и история даст ему еще один шанс, только надо к нему быть готовым, не так, как тогда, двенадцать лет назад. Тогда Он был неопытен и тороплив, сейчас его прошлая попытка многому научила. Он теперь относился к своему народу, как к механизму, работу которого надо постоянно контролировать, закручивая ослабевшие гайки и заменяя износившиеся детали. Подобным образом Он теперь относился и к своим вооруженным силам. Как к большому ящику с набором инструментов, которые надо держать постоянно острыми, вовремя заменять поломанные и затачивать затупившиеся. Так же Он, сознавая свои ограниченные возможности в выборе инструментов, содержал в превосходном состоянии те, которые ему были наиболее доступны по средствам его небогатой страны. По странному совпадению, это были те инструменты, к которым его противники, упоенные своей атомной, ракетной и реактивной мощью относились с пренебрежением. Разведка, агентурная и техническая. И диверсанты, наземные, морские, воздушные. К 1962 году на южной части Корейского полуострова не было ни единого клочка земли, «необработанного» этими двумя его инструментами. Выкрашенные полностью в черный цвет, маленькие поршневые Ан-2, Як-12 и Ми-4 северокорейских командос буквально «проползали» над демаркационной линией, проходившей по тридцать восьмой параллели, которую Он упрямо называл линией фронта. Его командос и вели себя за ней, как за линией фронта, делая закладки с оружием и припасами, тщательно фиксируя все и вся, вербуя агентуру среди местных жителей и убивая при каждом удобном случае американцев и предателей своего народа. Его подводные лодки, полученные в изрядном количестве из СССР, обшарили все побережье Южной Кореи, высаживая диверсантов и разведчиков во всех сколько-нибудь значимых доступных бухтах и заливах, не говоря уж о портах. Его многочисленные диверсанты, скрываясь под личинами простых уборщиков, официантов, мусорщиков и прочих неприметных людей, уже годами жили возле почти всех военных баз не только в Южной Корее, но и в Японии, терпеливо ожидая сигнала. И вот этот момент настал. Шесть часов назад Он получил многочисленные донесения от своего другого инструмента, разведки. Пропали из эфира все радиостанции американских воздушных армий на Тихом океане, кроме одной, той, что в Японии. Пропали из эфира почти все военно-морские базы американского седьмого флота, многие радиостанции американских сухопутных частей и соединений на Дальнем Востоке. В этот же момент пропали из эфира все гражданские радиостанции, расположенные вблизи этих объектов. Три часа назад начали поступать радиодонесения от его агентов, находившихся вблизи этих мест, с пропавшими радиостанциями, подтвердившими его догадку, Советский Союз нанес ядерный удар по американским базам. Час назад пришли сообщения, что с баз

Южной Кореи взлетели почти все уцелевшие американские истребители, с подвешенными ракетами и топливными баками, его локаторы ПВО установили, куда они летят, на Владивосток. И, наконец, десять минут назад с ним связался маршал Линь Бяо, министр обороны КНР. Линь Бяо сообщил ему, о том, что Он и так уже узнал, что США и СССР начали друг против друга атомную войну. А потом он в витеевато-восточных выражениях дал понять, «что китайский народ всецело поддержит стремление братского корейского народа к воссоединению». Они оба знали, что эта формулировка означает, еще по той войне. Помощь оружием, боеприпасами, материалами. Участие китайских вооруженных сил, только с опознавательными знаками КНДР. От СССР никто с ним не связался, да и зачем? Русские и так сделали для его страны в сотни раз больше, чем в прошлую войну. Теперь ему не надо опасаться, что Америка всей своей мощью обрушится на его многострадальную землю - у Америки сейчас очень мало возможностей и полно других проблем. А это значит, что пора дать команду своим инструментам.

Артиллерийская подготовка Корейской Народной Армии

Артиллерийский удар почти семи тысяч орудий, минометов и реактивных систем залпового огня Корейской народной армии был ужасен. Расчеты орудий раз за разом посылали смертоносные снаряды в сторону противника, в то время как десятки тысяч подносчиков монотонно, с муравьиным упорством подносили из подземных укрытий все новые и новые порции смерти.

Пока малые и средние калибры перемалывали все линии обороны, занимаемые южнокорейской армией и второй американской пехотной дивизией, многочисленные артиллерийские системы крупного калибра перепаживали до состояния лунной

поверхности ближайšie тылы, включая столицу Южной Кореи Сеул. На десятках военных баз, южнокорейских и японских, сотни человек, бывших до сего момента всего лишь неприметными деталями интерьера в форме обслуживающего персонала, достав непонятно откуда взявшееся оружие, сноровисто убивали командиров, пилотов и других специалистов южно-корейской, американской и японской армий. Взлетали на воздух радиостанции и командные пункты, самолеты и склады, орудийные и ракетные установки, мосты и топливные цистерны, трубопроводы и линии связи. В Корейской народной армии насчитывалось почти два десятка бригад войск специального назначения, и не менее двух из них, все время, посменно находились на территории своего южного соседа. Это дало свои результаты, все установки атомных ракет «Онест Джон», бывших на вооружении американских войск в Южной Корее, были уничтожены снайперскими командами северокорейского спецназа. Американцам удалось только обеспечить запуск двух ракет MGM-18 Lacrosse из состава группы тяжелого вооружения второй пехотной дивизии. Две боеголовки по десять килотонн, взорвавшиеся в боевых порядках третьего механизированного корпуса КНА, наступавшего на Сеул, замедлили, но даже не остановили его продвижение.

Пуск ракеты MGM-18 Lacrosse

Одновременно с артподготовкой, начавшейся по всей линии фронта, с многочисленных подземных аэродромов КНДР взлетели сотни самолетов МиГ-15, МиГ-17, МиГ-19 и Ил-28 с подвешенными бомбами и НАР. Они, подавив разрозненный зенитный огонь противника, полностью потерявшего управление, обрушились на авиабазы в Южной Корее, стремясь уничтожить все, что хоть как-то походило на самолеты противника. Ким Ир Сен хорошо запомнил уроки, преподанные ему американцами двенадцать лет назад. Среди прочих, под бомбами и ракетами погибли уцелевшие в мясорубке с двадцать третьим корпусом генерал-майора Пепеляева, самолеты восьмого и пятьдесят первого тактических истребительных авиакрыльев США, только что севшие на авиабазы Кёнсан и Осан. А на тридцать восьмой параллели уже ревели моторы трех тысяч танков и бронетранспортеров трех механизированных корпусов и двадцати отдельных механизированных бригад КНА. Северная Корея начала свою часть третьей мировой войны.

28 октября, местное время 12-30. Япония, остров Хонсю, защищенный КП 5 авиакрыла US NAVY возле авиабазы Ацуги. Через 11 часов 30 минут после начала конфликта.

Командир восемнадцатого тактического авиакрыла все время тер покрасневшие слезящиеся глаза. Больше всего ему хотелось послать всех к черту и завалиться спать. Но он понимал, что никак не может этого сделать, а спать очень хотелось, его просто качало от усталости. Еще бы, сначала выдержать долгий бой с русскими МиГами, потом тяжелый обратный полет с дозаправкой, его пилоты вымотались до смерти. Когда в итоге на аэродромы Японии приземлилось всего двадцать семь «СуперСейбров» из сорока пяти машин его крыла, он всерьез считал, что его крыло понесло самые тяжелые потери. До тех пор, пока в бункер, где разместилось выносное резервное КП его крыла возле авиабазы Ацуги, куда сели восемь уцелевших F-100D шестьдесят седьмой эскадрильи восемнадцатого крыла, не начали поступать новости. Неприятные. Северная Корея напала на Южную, сейчас после массированной артподготовки танковые части коммунистов продвинулись уже на двадцать – тридцать километров, бои идут уже на южных окраинах Сеула. Вторая пехотная дивизия США, размещенная на границе демилитаризованной зоны, защищая Сеул, почти полностью погибла. Большие потери понесли также остальные американские части восьмой армии в Корее, двадцать третья дивизия «Америкал», третья бронетанковая дивизия, седьмая пехотная дивизия, первая дивизия морской пехоты. Уничтожены практически все пусковые установки ракет «Онест Джон». Одновременно диверсантами атакованы практически все авиабазы в Южной Корее и восемь авиабаз США на территории Японии, есть убитые из состава командиров, специалистов, потери в технике. Черт побери, неприметная до сих пор официантка, привычная деталь интерьера, внося большой поднос с сэндвичами и кофе на утреннее совещание штаба седьмой воздушной армии, достала из-под салфетки не кофе, а автомат «Стэн», расстреляв практически весь штаб армии во главе с командующим. Она успела выпустить почти весь магазин, пока ее не убил вбежавший на выстрелы охранник.

Пистолет-пулемет STEN Mark III под патрон 9x19

Их рейд, ради успеха которого погибли так много пилотов его крыла, сейчас уже называют «катастрофа Лаппо», а его крыло - счастливыми, баловнями судьбы. И ведь

это верно! Уцелевшие самолеты восьмого и пятьдесят первого крыла, только-только севшие на авиабазы Осан и Кёнсан, были атакованы с воздуха северокорейскими Ил-28, уцелело только три «Тандерчифа» пятьдесят первого тактического авиакрыла, сейчас они переброшены на самый юг, в Пусан. Тридцать пятое крыло погибло все, сейчас самолеты и вертолеты поисково-спасательной службы ищут в Японском море немногих пилотов тридцать пятого, которые приземлились на воду, оставшись без дозаправки. А из состава пяти бомбардировочных крыльев USAF вернулось только двадцать В-47. Из двухсот двадцати. Адмирал Фелт, поручая ему временное командование всеми силами USAF в Японии и Южной Корее, при упоминании о встрече с начальником штаба воздушных сил самообороны Японии только багровел и плевался. А уже, садясь во флотский транспортный С-1 Trader, сказал ему:

-Парень, я не знаю, как ты будешь выкручиваться, с теми силами что остались. Я не знаю, как ты будешь спасать шкуры двухсот тысяч наших парней в Корее. Единственно, что я тебе могу обещать, это то, что атаки русских самолетов на Японию не повторятся, об этом позаботится седьмой флот, но и помощи от тебя наши авианосцы ждать не будут. Эти чертовы джапы отказали нам в базировании на своих северных аэродромах, жалко, что мы тогда не повесили этого сукина сына Гэнду, как военного преступника. Я ничего больше тебе не обещаю, но если у меня будут авиационные подкрепления из Штатов - они все пойдут к тебе.

Адмирал не обманул, уже через полчаса на уцелевшие авиабазы Японии стали приземляться истребители F-104С четыреста семьдесят девятого тактического авиакрыла, вылетевшие с авиабазы Джордж в Калифорнии. Это было уже кое-что. Командир восемнадцатого, с трудом подавляя зевоту, обратился к своему начальнику штаба, возмутительно свежему (ну еще бы, он не участвовал в рейде на Владивосток и после перелета с Окинавы имел возможность поспать):

-Виктор, во-первых, пошли шесть «Чертей»* из нашей разведывательной эскадрильи, пусть отснимут основные удары наступающих комми в Корее, привязки к стационарным целям на севере у нас и так есть.

**«Вуду» - «Черт», название сверхзвукового разведчика RF-101A USAF*

Во-вторых, узнай конкретно, что у нас осталось в здешних сундуках из ядерных бомб, а заодно и химии. И, в-третьих, я срочно хочу видеть от тебя толковый план атаки коммунистов в Корее с разных направлений на разных высотах, на малых и на больших. Силами нашего крыла и прилетевших парней из четыреста семьдесят девятого. Мы пойдем на малых, «Старфайтеры» на больших, у северных корейцев нет истребителей, способных перехватить F-104C на его потолке. И все должно быть готово к тому времени, как пилоты выспятся.

-Без истребительного прикрытия? С сомнением сказал Виктор.

-А сильно помогло наше истребительное прикрытие «Стратоджетам» Лаппо? -Парировал в ответ командир. – Да и не нужно оно «СуперСейбрам» и «Старфайтерам» с их скоростями, только демаскировать будет. А вот от демонстративной атакующей группы я бы не отказался, да где ж его взять, у южных корейцев остались крохи, а японцы что-либо за пределы территории страны не дадут, ты же слышал, как пыхтел и плевался старина Фелт.

-Мне кажется, ребята, флот сможет вам помочь. Заговорил до сих пор молчаливый офицер пятого авиакрыла US NAVY, основной состав которого базировался на авианосце «Китти Хок». – У нас здесь в Ацуги сидят не только транспортники из эскадрильи снабжения CVW-11. Здесь есть самолеты F8U-2N «Крусейдер» для пополнения эскадрилий VF-171 и VF-32, всего двенадцать машин. Помочь в наземных ударах они вам не смогут, а вот изобразить демонстрационно-отвлекающую группу с «Сайдвинерами» и подвесными баками вполне способны. И квалификация пилотов вполне позволяет надрать задницу кому угодно, хоть корейцам, хоть русским.

Истребители F8U-2N «Крусейдер» из состава 171 эскадрильи US NAVY

Командир восемнадцатого крыла ничего не сказал, только хмыкнул скептически. Эти водоплавающие и в мирное время вели себя очень заносчиво, а сейчас, когда USAF так облажалось с рейдом Лаппо, и вовсе станут невыносимыми. Он бы мог рассказать о своем бое с русскими истребителями много чего интересного этому пижону в синей форме. Но эти двенадцать «Крестоносцев» сейчас им очень необходимы, поэтому он промолчит. В конце концов, если флотские летчики собрались наступить на те же грабли, он не будет возражать, это собьет с них спесь. Он просто сказал своему начштаба:

-ОК, Виктор, тогда включай моряков в свой план, а я пойду спать. Пошлешь кого-нибудь разбудить меня, когда будут готовы фотографии от вернувшихся «Чертей».

-И не подумаю. - Флегматично произнес его начштаба.

-Если собираешься вылетать со всем крылом, свалив руководство на меня, то это очень плохая идея. Ты сейчас командуешь всеми силами USAF в этом регионе, поэтому будь так любезен, иди, ложись спи, а я тебя разбужу только тогда, когда мы разберемся со всем этим бедламом и составим более-менее сносный план дальнейших действий, который будет не стыдно показать тебе, как командующему. И если даже ты его утвердишь, все равно будешь командовать отсюда, а не из кабины «СуперСейбра».

-ОК, мамочка, пошел выполнять твои указания. - Неуклюже пошутил командир восемнадцатого и вышел из комнаты. Желание спать подавляло всякое желание спорить, тем более в глубине души он понимал, что Виктор прав.

28 октября, местное время 13-00. к югу от 38 параллели, линия фронта между Северной и Южной Кореей. Через 12 часов после начала конфликта.

Танки третьего механизированного корпуса КНА не стали входить в Сеул. Командир корпуса хорошо помнил цифры, которые приводил им советский преподаватель во время учебы в военной академии имени Фрунзе, когда он обучался там четыре года назад. При

штурме Берлина один только Первый Белорусский фронт потерял девятьсот танков. В его корпусе и в начале войны было танков меньше, а после двух ядерных ударов по десять килотонн, нанесенных американцами их количество сократилось до сотни. Поредевшие батальоны его корпуса смогли только выйти, окружая Сеул, на перекресток дорог пятьдесят и тридцать пять, к юго-востоку от вражеской столицы, возле городка Ичхон. На большее сил у его корпуса пока не было. Пехотные батальоны не успевали за танками Т-34 и Т-54, немногочисленные БТРы его трех моторизованных батальонов тоже не могли увезти много пехоты. А без пехоты танки очень быстро начинают гореть, от многочисленных базук южан и американцев. Хорошо еще, что в Сеул уже ворвались две пехотных дивизии, связавшие боем части столичного гарнизона и остатки американской второй пехотной дивизии. И еще удача, что его разведывательный батальон смог захватить неповрежденный, стратегически важный, мост через реку Ханам, возле одноименного города.

БТР-40 разведывательного батальона КНА с зенитной установкой ЗУ-23-2

Теперь ему надо срочно занять оборону, ожидая пока подтянутся пехота, артиллерия и тыловые части. Комкор знал, что такого быстрого наступления, как у советских войск уровня 1944 года, у его армии не получится. Слишком мала насыщенность частей автомобилями, автомашины в достаточном количестве есть только у противотанковых и зенитных частей его корпуса. Даже артиллерия, решившая успех приграничного сражения, автомашинами была снабжена недостаточно. Нет, тягачи для орудий были, но в его корпусе нет ни одного автотранспортного батальона. А значит, те машины, что сейчас привезли сто двадцати двух миллиметровые орудия с расчетами и одним боекомплектом снарядов, позиции которых разворачиваются на северной окраине Ичхона, поедут обратно на подземные склады корпуса. И отлично, что уже прибыл самоходный батальон ПВО его корпуса, без прикрытия с воздуха ему было неуютно. Правда, самоходные установки могут вести огонь только с места, но хоть до следующей атаки танки его корпуса будут прикрыты с воздуха. Он уже получил команду пропустить через свои боевые порядки сто пятую гвардейскую танковую дивизию, она должна к 14-00, при поддержке авиации, атаковать и достигнуть рубежей Пхётхэк – Ансон - Ымсон, окончательно отрезав Сеул. А его корпус, получив пополнение и подтянув тылы, пойдет за сто пятой вторым эшелоном.

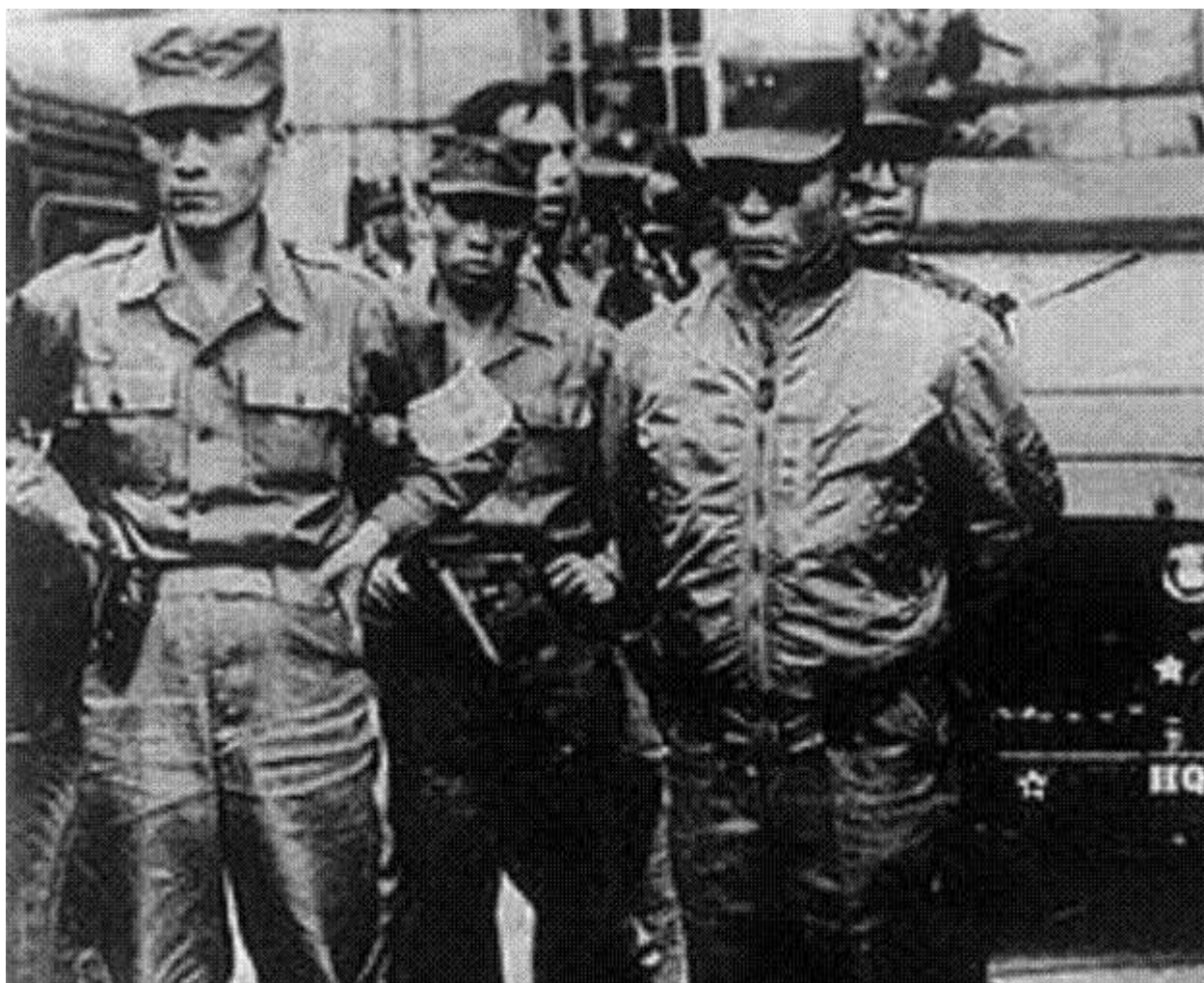

105 гвардейская танковая дивизия КНА выдвигается на исходные рубежи для атаки

28 октября, местное время 13-00. Временный КП Армии Южной Кореи в бункере штаба 9 дивизии морской пехоты, 5 километров к северо-востоку от Кимдже, провинция Чолла-Пукто. Через 12 часов после начала конфликта.

Генерал-лейтенант Пак Чон Хи, глава Верховного Совета Национальной Перестройки, фактический руководитель Южной Кореи, был в растерянности. Он испытывал чувство острой беспомощности, всего третий раз за свою сорока пятилетнюю жизнь. Первый раз это ощущение потерянности и крушения всех надежд он ощутил в августе 1945 года, когда Советский Союз за считанные дни разгромил японскую Квантунскую армию, разгромил играючи, походя, заодно с марионеточной армией Маньчжоу-Го, где в восьмой пехотной дивизии служил Пак Чон Хи, принявший японское имя Такаки Масао. Тогда его блестяще начинавшаяся карьера оказалась сломана, а как все хорошо начиналось! В 1940 году Пак поступил в военную академию Маньчжоу-Го, в 1942 году закончил ее с отличием и был отобран для обучения в Высшей военной академии Японской императорской армии. Он закончил ее третьим в своем выпуске, доселе небывалый результат для не-японца. Перед подающим надежды лейтенантом открывались завораживающие перспективы, но советская армия поставила крест на его первой карьере. Второй раз это чувство он испытал, когда сидел в камере смертников. После августа 1945 года, потрясенный той легкостью, с которой советские коммунисты разгромили японскую императорскую армию, и, заодно его карьеру, он решил поставить на другую лошадь. Сменить сторону. Он вступил в коммунистическую ячейку, на юге Кореи. Но был арестован и приговорён к смертной казни. Уже на пороге эшафота Пак

Чон Хи избежал смерти, выдав властям всех коммунистических деятелей внутри южнокорейской армии, включая собственного брата Пак Тон Хи. Брат пошел на эшафот вместо него, а его судьба сделала еще один разворот на сто восемьдесят градусов. Первый президент Южной Кореи Ли Сын Ман сделал Пак Чон Хи офицером военной разведки, занимавшейся выявлением и уничтожением коммунистов. Потом была Корейская война 1950-1953 года, где он отличился в боях. Пак Чон Хи был неординарным и крайне амбициозным человеком, и не удивительно что в 1953 он получил первое генеральское звание. Потом учеба в США, Форт Силл, штат Оклахома. Южная Корея тем временем погружалась в пучину. Одна из беднейших стран Азии, с нищим, преимущественно аграрным населением, основные производства, построенные японцами, достались северянам. Годовой доход на душу населения в 1960 году составлял менее восьмидесяти долларов. Экономика страны за время правления Ли Сын Мана погрязла в коррупции, полиция была деморализована, постоянно шли массовые выступления жителей, требовавших политических и экономических реформ. Страна катилась в пропасть, а к северу от тридцать восьмой параллели постоянно скалила клыки орудий другая Корея, коммунистическая. Не мудрено, что генерал-майор Пак Чон Хи возглавил армейский переворот 16 мая 1961 года.

Организаторы переворота 16 мая 1961 года. Справа - генерал-лейтенант Пак Чон Хи.

В самом деле, не ждаль же ему прихода коммунистов? Он прекрасно представлял себе, что сделают с ним северяне Ким Ир Сена за всех своих коммунистов, которых он когда-то предал. На самом деле, когда он устраивал переворот, он совершенно четко представлял

себе план действий, не зря он обучался логистике в Оклахоме. В этом плане не было никаких возведений монументов себе или пышных парадов в честь своих побед, как у обычных латиноамериканских диктаторов. Была только работа, черная и неблагодарная. Будучи до предела амбициозным человеком, он хотел через четверть века сделать памятником себе всю страну. Сначала создать вместо насквозь прогнившего и коррумпированного госаппарата хорошо работающий, по-армейски четкий механизм, а потом начать экономические реформы с привлечением японских и американских инвестиций. Наплевать на общественное мнение, до сих пор считающее японцев врагами. Американцы обязаны вкладывать в его страну деньги, потому что иначе они потеряют плацдарм на азиатском континенте против коммунизма. А японцам на своих островах просто деваться некуда, они придут в его страну с деньгами, строить заводы, дороги и электростанции. Он поражался, как Ли Сын Ман впустую растратил и профукал девять лет, эти реформы следовало начинать в 1953, сразу после войны. А уже потом потихоньку начинать демократические преобразования, вплоть до всеобщих выборов. А чтобы никто не смог ему помешать, Пак Чон Хи уже создал Корейское Центральное Разведывательное Управление, мощную силовую структуру, которое будет бороться с врагами его плана, внешними и внутренними. И поставил во главе этой службы своего единомышленника и родственника, полковника Ким Джон Пхиль. Его план был настолько подробен, логичен и разумен, что когда бывший президент Юн Бо Сон познакомился с ним, то встал на сторону восставших военных и убедил руководство США, а также командиров других подразделений южнокорейской армии не вмешиваться в ход событий. Что само по себе являлось в истории человечества чем-то из разряда небывалого. Более того, чтобы обеспечить формальную легитимность режима, Юн Бо Сон ещё некоторое время оставался на посту президента, и ушел в отставку 24 марта 1962. И вот сейчас, когда уже появились некоторые результаты в его долгосрочных планах, позволяющих даже объявить через год всеобщие президентские выборы, началась эта дурацкая война! Казалось, сами боги не хотят, чтобы его мечты сбывались. И вместо вопросов экономики ему снова предстоит решать военные задачи. А военная обстановка не радовала, более того, она была гораздо хуже чем тогда, в 1950 году, когда территория Южной Кореи съезжилась до крохотного Пусанского плацдарма. Тогда за ними была вся мощь США, американская авиация буквально висела над наступающими коммунистами, методично уничтожая технику и живую силу, американский флот поддерживал их орудийным огнем, а потом, в конце концов высадил мощный десант в Инчхоне, окружив и уничтожив всю северокорейскую армию. Только вмешательство китайцев не позволило южанам тогда, к зиме 1950 года выйти на реку Ялу и покончить с коммунистами. А сейчас..Сейчас все по-другому, он это чувствует. Америка сама атакована ядерным оружием, американский флот понес громадные потери, от американской авиации в Корее остались считанные самолеты, американские базы в Японии тоже атакованы. Собственно авиация Южной Кореи, понесшая потери сначала от ударов советских ракет по совместным с американцами аэродромам базирования, а затем атакованная одновременно спецназом и бомбардировщиками КНДР, сейчас не может даже прикрыть свои части, не говоря уж об ударах по противнику. А противник продвинулся вперед на полсотни километров, в Сеуле, уже отрезанном от остальной страны все еще сопротивляются остатки столичного гарнизона и второй американской пехотной дивизии, но уже ясно, что они обречены. Через несколько часов к механизированным частям коммунистов подойдет пехота, они подтянут артиллерию, и тогда последует еще один рывок. А что он может им противопоставить? Американские и южнокорейские резервы, подходя к линии фронта, на своей шкуре сейчас узнают, какая это ужасная вещь – господство в воздухе авиации противника. И самое неприятное, в войну еще не вступили китайцы. Они непременно в нее вмешаются, это вопрос считанных дней, даже часов. И

что тогда? В прошлый раз китайские войска Пэнь Дэ Хуая, под непрерывными атаками USAF, все равно дошли от самой китайской границы до Сеула, и даже взяли его во второй раз. А куда они продвинулся на этот раз, когда превосходство в воздухе у них? Положение может спасти только массированное применение атомного оружия, но что станет с его страной после этого?

28 октября, местное время 15-00. к югу от 38 параллели, линия фронта между Северной и Южной Кореей южнее Ичхона. Через 14 часов после начала конфликта.

Сто пятая гвардейская танковая дивизия вышла на исходный рубеж наступления в установленный срок. Командир дивизии с удовлетворением посмотрел на результат работы его самоходного зенитного батальона - два сбитых американских штурмовика «Скайрейдер», пытавшихся атаковать его танки, догорали в городских предместьях. Такая же участь постигла и американский вертолет, пытавшийся спасти пилота штурмовика – он тоже лежал сбитый перед позициями дивизии, а его пилоты пополнили список пленных, захваченных его танкистами за сегодня.

Сбитые пилоты американского вертолета

Хорошие машины, эти советские ЗСУ-57-2. Если бы такие были у его танкистов в прошлую войну, у сто пятой танковой хватило бы сил сбросить проклятых янки вместе с их лизоблюдами в море возле Пусана. Но ничего, в этот раз его бойцы доведут работу до конца. Он повернулся к радисту и отдал команду, повинуюсь которой, взревели несколько сотен моторов. Рев моторов заглушил грохот начавшейся артподготовки. Танки сто пятой гвардейской дивизии начали выдвижение на передовые рубежи для атаки, пока артиллерия дивизии совместно с орудиями третьего механизированного корпуса перемешивали с землей наспех сооруженные оборонительные позиции американской двадцать третьей дивизии «Америкал», части которой так и не успели полностью занять эти самые позиции. На малой высоте над ними пронеслась эскадрилья МиГ-15, засыпав бомбами и неуправляемыми ракетами какую-то цель в глубине американской обороны. За танками неспешно перемещались, так понравившиеся ему ЗСУ, занимая удобные места для зенитного прикрытия наступающих частей дивизии. Командир сто пятой танковой довольно улыбнулся, все шло, как в математически выверенной шахматной партии. Только у противника, в отличие от обычных шахмат, уже убраны с доски все тяжелые фигуры.

ЗСУ-57-2 советского производства на марше.

28 октября, местное время 18-30. Япония, остров Хонсю, защищенный КП 5 авиакрыла US NAVY возле авиабазы Ацуги. Через 17 часа 30 минут после начала конфликта.

-Восемнадцать «СуперСейбров» восемнадцатого тактического авиакрыла, выходя к целям на малых высотах со стороны Японского моря в зоне Каннам - Сокчхо, атакуют свои объекты к югу от 38 параллели и восточнее разграничительной линии Йоджу – Йончхон. Каждый «СуперСейбр» несет одну Мк-7 мощностью шестьдесят одну килотонну. Список целей – мосты, дорожные узлы, обнаруженные разведкой позиции тяжелой артиллерии, скопления войск, временные переправы, позиции РЛС и зенитных частей. Девять «СуперСейбров» восемнадцатого тактического авиакрыла, выходя к целям на малых высотах со стороны Желтого моря в зоне Хвасон - Сокчхо, атакуют свои объекты к югу от тридцать восьмой параллели и западнее разграничительной линии Йоджу – Йончхон. Список целей такой же, джентльмены, смотрите выданные вам листы. Шесть «СуперСейбров» несут одну Мк-7 мощностью шестьдесят одну килотонну, три F-100D несут по четыре тысячефунтовых кассеты, снаряженными десятифунтовыми бомбами с GB-GAS, в смысле с заринном. Они обрабатывают районы вокруг Сеула и сам город. Те немногочисленные наши части, которые еще держатся в этой зоне, получают предупреждение о возможной химической атаке, начиная с 19-00. Пилотам шестерки «СуперСейбров» с Мк-7 прошу обратить внимание на районы переправ возле Ханама и дорогу Уиджонгбу – Тондучхон, два «Черта» были сбиты в этих зонах, предположительно ракетами SA-2 Guideline. Дополнительно «СуперСейбры» несут по два «Сайдвинера», самолеты, несущие Мк-7 еще по два дополнительных топливных бака, больших, по триста тридцать пять галлонов. Далее. Ребята из четыреста семьдесят девятого тактического авиакрыла, вы опоздали сегодня утром на раздачу подарков от русских, но вам предоставляется честь поджарить этого маленького ублюдка Ким Ир Сена за его сегодняшние художества, причем, где бы он ни прятался. Ваше крыло заходит со стороны Желтого моря на больших высотах по целям в северной Корее, вот список. Промышленные центры, транспортные узлы, мосты, места дислокации войск, склады боеприпасов. Стандартная нагрузка для одного F-104C – одна МК-28Y1, по семьдесят килотонн, пара «Сайдвиндеров» и два подвесных бака.

Сухой казенный голос Виктора, выглядящего тенью прежнего себя, неожиданно был прерван репликой из группы сидевших на предполетном брифинге летчиков.

-Почему заход не со стороны Японского моря, так же значительно ближе? -Недовольно спросил командир четыреста семьдесят девятого крыла.

-Мне не представляется благоразумным осуществлять заход через район, в котором уже утром было ожесточенное столкновение с русскими. Зачем дразнить раненого медведя, если мы не собираемся к нему в гости? Тем более, что утром там присутствовали новейшие русские Fishpot, Су-9. Они здорово проредили «Стратоджеты» Лаппо и вдобавок сильно потрепали «Тады» пятьдесят первого крыла, пилоты «Тадов» отмечали, что русские превосходят F-105 и по высоте и по маневренности, не уступая им в скорости. -Меланхолично ответил начальник штаба восемнадцатого крыла. -А над Желтым морем вы можете встретить только немногочисленные Farmer и многочисленные Fresco китайских и корейских комми.

-Хм, было бы интересно встретится с этими русскими, неужели они настолько крутые, как вы нам про них тут рассказываете. -Задумчиво произнес один из двух офицеров в морской форме, командир звена из VF-171.

-Не исключено, что вам представиться эта возможность. Мне нужно от флота четыре машины для прикрытия шести заправщиков, которые будут дежурить над Желтым морем в пятидесяти милях к западу от Кунсана, остальных я бы попросил изобразить демонстрационно – отвлекающую группу, атакующую северную Корею как раз со стороны Японского моря через побережье в районе Кимчхэк - Чхончжин. Только не геройствуйте слишком, я понимаю, что вы крутые ребята и все такое, но этот район – далеко не окрестности авиабазы Мирамар. -Ровным голосом произнес Виктор.

-ОК, мы зачистим там все дерьмо, что шевелится в воздухе, без разницы, северокорейское оно или советское. -Задиристо сказал тот же флотский, намекая на то, что зачищать флоту придется все то, что не смогли «убрать» USAF в утреннем рейде Лаппо.

-Хорошо, тогда вас я попрошу возглавить четверку прикрытия заправщиков. -Обратился Виктор к задумчиво до сих пор молчащему второму офицеру в синей форме.

- А вы, обратился он к разговорчивому задире, поведете восьмерку в демонстрационную атаку, ОК?

Начальнику штаба восемнадцатого крыла, шесть часов корпевшему над разработкой плана операции, предназначенной остановить коммунистический танковый каток в Корею, на хрен не нужен был горячий неуравновешенный придурок в охране заправщиков. Хватит, они и так потеряли сегодня утром десятки самолетов из-за подлого поступка японских союзников, внезапно бросивших прикрывать своих подопечных. Пусть он лучше совершает подвиги возле Чхончжина, там до Владивостока всего чуть меньше двухсот миль. Наверняка он там и встретится со столь желанными ему русскими, вот и посмотрим, каким он вернется, если вообще вернется. Все равно для обеспечения операции нужна отвлекающая приманка, а этот задиристый петушок на ее роль подходит идеально.

-Еще вопросы есть, всем все ясно? -Спросил до сих пор молчавший на предполетном брифинге командир восемнадцатого тактического авиакрыла. – Тогда за работу, джентльмены, начало операции в 19-25.

-Виктор, а ты задержись на пять минут, мне надо с тобой кое-что обсудить, а потом можешь отправляться отдыхать, я уже в норме и способен тебя заменить на КП в управлении операцией. Но у меня есть к тебе пара вопросов, не хотел задавать их при всех, а эту атаку надо проводить срочно. Пока ты объяснял этому флотскому выскочке, что русские истребители, это совсем не те «Демоны» и «Пантеры», над которыми наши замечательные друзья в синей форме привыкли одерживать свои многочисленные тренировочные победы, поступило очередное донесение из Кореи. Комми нанесли очередной удар, дивизия «Америкал» разгромлена и почти полностью уничтожена, третья дивизия морской пехоты, первая и двадцать пятая пехотные дивизии понесли тяжелые потери. У южных корейцев большие потери понес шестой механизированный корпус. Линию обороны, которые эти части пытались создать южнее Сеула, коммунисты прорвали в трех местах, их танки полчаса назад ворвались в Ансон и Пхэнтэк, Сеул окончательно отрезан, связь есть только с окруженным в южной части города одним батальоном второй пехотной дивизии. От них стало известно, что три южнокорейских дивизии столичного оборонительного района прекратили сопротивление, наши парни там остались одни.

-Ни хрена себе! Только и смог произнести Виктор. Я как-то не ожидал такой прыти от этих корейцев.

-Мы забыли 1950 год. Тогда они за два месяца дошли до Пусана, разгромив попутно и наши и южнокорейские войска. Причем только имея всего одну танковую дивизию. И под непрерывными ударами USAF. И только авиация смогла их остановить, а флот с высадкой десанта - загнать назад, к реке Ялу. Ну да ладно, мы отвлеклись. Виктор, мой первый вопрос к тебе, ты понимаешь, что бросаешь эту восьмерку «Крестonosцев» медведю на съедение? В смысле, на убой, русские не станут спокойно смотреть, как этот говорливый парень геройствует над Чхонджином, они просто сожрут эту группу, не поморщившись. Черт побери, русский медведь сегодня утром проглотил три истребительных авиакрыла, что для него какая-то восьмерка? Но ведь час назад в Японии сели еще две эскадрильи F-104C. Почему ты не захотел привлечь для демонстрации и их? Это мой второй вопрос.

-Потому что они летели с дозаправками от самой Флориды. А пилоты – резервисты, опыта у них куда меньше, чем у пилотов нашего крыла. Эти части были всего две недели назад переданы в USAF из состава национальной гвардии, их, учитывая, что они вдобавок измотаны долгим перелетом через половину планеты, русские съедят, даже не заметив. Пусть лучше приходят в себя, будучи в резерве. Кстати, пока, единственном у нас, ты ж не будешь спорить, что не надо класть все яйца в одну корзину? А высокомерным мудакам из US NAVY будет полезен небольшой холодный душ.

-Почему-то у меня такое стойкое ощущение, что он может оказаться не единственным. И совсем даже не небольшим, эти русские «Барсуки» со здоровыми ядерными ракетами, они же могут не только по аэродромам и постам РЛС стрелять, как это было на Хоккайдо? Тем более авианосцы наших гордых парней в морской форме, это же тоже всего-навсего аэродромы с постами РЛС, только плавающие? Которые, к тому же могут утонуть, в отличие от сухопутных? Я немножко волнуюсь, а что если все наши адмиралы думают о русских примерно так же, как этот горячий придурок? Старина Фелт был на КП во время рейда Лаппо, но его не было там, в воздухе, возле Владивостока. Сможет ли он адекватно оценить силы и технику русских? Поэтому я согласен с тобой, наступление северных корейцев, это еще не все проблемы, которые нам надо решать. Согласен, пусть

эти две эскадрильи патрулируют небо над Японией, это заодно уменьшит истерику у наших косоглазых союзников здесь, а то они окончательно подумают, что мы их бросили.

28 октября, местное время 19-45. В небе над Кореей. Через 18 часов 45 минут после начала конфликта.

Все машины восемнадцатого тактического авиакрыла, летевшие к целям со стороны Японского моря, пересекли береговую линию Кореи не замеченными. Опытные пилоты, сразу после взлета с японских аэродромов рассредоточения, не стали набирать высоту, чтобы не засветиться на радарных экранах противника. «СуперСейбры» мелкими группами, парами и четверками прошли на высоте не более тысячи футов над японской территорией, огибая возвышенности, а над морем вообще снизились до двухсот футов, летя на скорости пятьсот миль в час. Топлива в таком режиме полета на малой высоте их турбореактивные двигатели Pratt Whitney J57-P-21A жрали много, но пока оно расходовалось из двух больших подвесных баков, ведь в каждом было по триста сорок пять галлонов. Подходя к побережью Кореи, самолеты разошлись поодиночке, увеличив скорость до максимальных шестисот миль в час, которые мог дать F-100D с подвесными баками на такой высоте. Пять машин, которые имели назначенные цели почти на самом побережье, сбросили баки, задрали носы, и резко перешли в кабрирование, готовясь в верхней точке своей горки сбросить бомбы. Остальные продолжали лететь к своим целям, оглашая ревом своих двигателей узкие горные долины и оставляя за собой выбитые стекла и двери в крестьянских фанзах. Именно в этот момент и сработало, наконец, оповещение ПВО КНА о налете, переведя через считанные минуты все зенитные средства КНДР в полную боевую готовность. Бомбометание с кабрирования, применяемое при подходе к цели на малой высоте, требовало от пилота самолета высочайшего мастерства, но летчики крыла, с буквами ZZ на килях своих самолетов, обладали такими навыками. Пилоту надо было не просто подойти к цели на малой высоте, хотя и это было невероятно трудно. Лететь почти со звуковой скоростью всего в паре сотен футов над землей или морем, не один десяток минут, ежесекундно удерживая ручкой управления самолет, непрерывно трясущийся в турбулентных восходящих и нисходящих потоках от такой близкой земной поверхности, для этого нужно высочайшее умение и огромный опыт полетов. Но еще более сложным является применение атомного оружия с малой высоты. Пилоту надо было мгновенно, пользуясь указаниями системы маловысотного бомбометания AN/AJB-1 В LABS, сбросить подвесные баки и, разогнавшись до максимальной скорости, перевести самолет в резкий набор высоты, очень строго выдерживая направление, угол и скорость полета. Причем машина фактически должна была лететь по крутой восходящей прямой, свечкой взмывая с незаметных ста метров до десяти километров, где ее не увидит только слепой. Достигнув верхней точки кабрирования, пилот должен был по указанию системы AN/AJB-1 сбросить бомбу, которая вначале продолжала лететь вверх, под влиянием импульса, полученного от самолета, пока под действием гравитации бомба не начинала падать к земле. При падении на заданную высоту срабатывал неkontaktный взрыватель бомбы, приводимый в действие от радиовысотомера. Пилот самолета в это время должен был, переведя машину в горизонтальный полет, на форсаже улетать из этого района, молясь всем святым, чтобы бомба не сработала раньше. Малейшее отклонение от параметров кабрирования, задаваемых системой AN/AJB-1, означало промах бомбы, исчисляемой километрами, что для условий местности горной Кореи являлось совершенно неприемлемым. Вообще, местность вдоль восточного побережья Кореи представляла собой узкую прибрежную полосу шириной не более пятидесяти километров. Эта полоса заполнена крутыми труднопроходимыми отрогами гор с небольшими равнинными

участками в устьях рек, в пределах которых и развертывались боевые действия частей и соединений КНА на этом участке фронта. Там и были цели для пяти самолетов восемнадцатого крыла, вскрытые разведчиками RF-101A и вписанные в планшеты пилотов «СуперСейбров». Дальше, в глубь полуострова тянулись Восточно-Корейские горы. Главные хребты этих гор вытянуты вдоль восточного побережья на пятьсот километров, сами горы высотой до полутора километров, но с крутыми скатами, с узкими долинами. Через эти долины сейчас и рвались оставшиеся тринадцать F-100D, пилоты которых сейчас старались не думать о бомбах, которые вот-вот будут сброшены пятью их товарищами позади на побережье.

Девять F-100D восемнадцатого крыла, которые по плану должны были выходить к целям со стороны Желтого моря, подошли к береговой линии Кореи на десять минут позже. При разработке плана операции долго обсуждались два варианта, первый, когда все машины почти одновременно взлетали с японских аэродромов, подходя к своим целям с небольшой разницей во времени. И второй вариант, когда машины взлетали в разное время, но на подступах к целям появлялись одновременно. Каждый вариант имел свои плюсы и минусы, второй вариант вроде бы позволял сохранить внезапность до появления атакующих самолетов на подступах к северокорейской зоне ПВО, но требовал очень высокой координации от всех атакующих групп из состава разных авиакрыльев. Поэтому Виктор, окончательно принимавший план операции, выбрал первый вариант. Он спокоен за своих пилотов, но далеко не был уверен в летчиках четыреста семьдесят девятого крыла. Но главным аргументом в выборе первого варианта операции был тот факт, что не вся северокорейская агентура в Японии была нейтрализована. И если какой-то шпион сможет засечь взлет самолетов с аэродромов, с которых по второму варианту должны были стартовать *первые* машины, на внезапности *всей* операции можно ставить крест. Так вообще - то и произошло, разведуправление КНА получила целых четыре радиограммы о взлете групп самолетов, но три из них были о старте F-104C и одна - о взлете двенадцати «Крусейдеров». «СуперСейбры» восемнадцатого крыла стартовали незамеченными и поэтому обнаружение группы, летевшей от Японского моря по самому короткому маршруту, радарам и постами ВНОС ПВО КНА совпало с сообщением от разведки, что в Японии полчаса назад с нескольких аэродромов стартовали десятки «Старфайтеров» и «Крусейдеров». Командующий ПВО северной Кореи был неглупым человеком, к тому же прошедшим прошлую войну и поэтому хорошо знакомым с мощью USAF. К тому же два поста ВНОС однозначно определили просвистевшие над ними самолеты, как F-100. А от РЛС контроля ПВО юго-западных округов КНДР уже посыпались доклады о многочисленных целях, подходящих со стороны Желтого моря на больших высотах и скоростях. Значит, его страну атакуют три крыла американских самолетов, это почти полтора машина. Причем, это звездный налет, с разных направлений и на разных высотах. Он успел объявить по всем округам и частям ПВО об угрозе атомного нападения, поднять дежурные эскадрильи перехватчиков и все. Через минуту над южнокорейским портом Сокчхо, захваченным северянами практически целым первым утренним ударом, взорвалась первая ядерная бомба Mk-7 мощностью шестьдесят одну килотонну. В порту, который попутно являлся еще и транспортным узлом на единственной магистральной дороге на восточном направлении, как раз в это время разворачивались тыловые части двенадцатой пехотной дивизии КНА. Остальные четыре «СуперСейбра», наносивших удар по войскам наступающей восточной группировке КНА тоже почти удачно отбомбились. Почти, это потому что у одной машины случился промах в три километра с небольшим. Трудно сказать, что явилось тому причиной. Неправильная расшифровка результатов разведки, сбой в работе системы AN/AJB-1 самолета или просто ошибка пилота, выполнявшего сброс. Одним словом,

бомба Мк-7 перелетела через один из многочисленных отрогов Восточно-Корейских гор, нисходящих к побережью и исправно взорвалась над узкой долиной, уничтожив пару южнокорейских деревушек и роту двенадцатой пехотной дивизии КНА, которая занималась зачисткой территории в этой долине от одиночных солдат из разбитых утром частей южнокорейской армии. Передовой склад боеприпасов и ГСМ второго механизированного корпуса КНА, который являлся истинной целью для этой бомбы и находился в соседней долине, отделался легким испугом. Так же как и один из танковых полков второго механизированного корпуса КНА, который как раз, выйдя из дневного наступления, пополнял запасы на этом складе. Отрог Восточно-Корейских гор высотой тысячу сто метров надежно уберечь эти части КНА от поражающих факторов ядерного взрыва бомбы Мк-7, произошедшего на высоте пятьсот метров. Так или иначе, пять «СуперСейбров» восемнадцатого тактического авиакрыла USAF выполнили поставленную им задачу. Намеченное на 20-30 наступление армии КНА на восточном направлении не состоялось.

В то время как пять пилотов F-100D, выполнивших бомбометание, на верхней точке траектории кабрирования переводили свои самолеты в иммельман, на форсаже с набором высоты уходя к берегам Японии, с другого морского побережья многострадальной корейской земли первыми ворвались на территорию КНДР сорок пять «Старфайтеров» четыреста семьдесят девятого крыла. F-104C превосходил многочисленные МиГ-17 КНДР и в скорости, и в высоте полета. Этим пилоты «Старфайтеров» и спешили воспользоваться. Сбросив топливные баки и разогнавшись на высоте семнадцать километров до скорости тысяча четыреста миль в час, пилоты F-104C надеялись проскочить над территорией противника за пару десятков минут, сбросив свой смертоносный груз, ведь сорок пять ядерных бомб Мк-28У1 мощность по семьдесят килотонн, это очень много. Это равноценно тремстам пятидесяти тысяч вылетам тяжелых бомбардировщиков В-29, больше, чем северная Корея получила за все три года предыдущей войны. Но в ситуацию в очередной раз вмешался фактор, неучтенный американской разведкой. КНДР была бедной страной. Богаче, чем насквозь аграрная и совсем уж нищая южная Корея, которая к тому же после предыдущей войны очень страдала от банального воровства всех чиновников, в том числе и армейских. Но и в КНДР считали каждый цент с таким трудом достававшейся стране валюты. Поэтому даже на вооружении армии, которая считалась в северной Корее приоритетом номер один, не было к 1962 году новых танков или крупных боевых кораблей. Но был один вид войск в КНА, на котором старались не экономить. Ради которого урезали количество риса в продовольственных карточках в мирное время и отказывались от строительства столь необходимых больниц, мостов, плотин и школ. Это были войска противовоздушной обороны, это была аксиома, вбитая в голову каждому северному корейцу тысячами воздушными бомбардировками в прошлую войну. Каждый кореец, живший к северу от тридцать восьмой параллели, четко знал - без средств ПВО ему не нужны будут ни больницы, ни школы, ни рис. Потому что прилетят американцы, как это было уже сотни раз, убьют многих и разбомбят все, что корейцы с таким трудом построили. К 1962 году, помимо тысяч зенитных орудий калибром до ста тридцати миллиметров, на вооружении ПВО КНА состояли четыре дивизиона зенитно-ракетных комплексов С-75 «Двина» и один дивизион зенитно-ракетных комплексов С-25 «Беркут». Один дивизион ЗРК С-75 состоял из трех батарей по четыре передвижных пусковых установки ракет СМ-63 с ракетами В-750ВН, дивизион С-25 включал в себя двенадцать стационарных стартовых стола для ракет В-300. Один дивизион ЗРК С-75 командование КНА переместило сегодня к 12-00 на захваченную территорию южной Кореи. Он должен был прикрывать транспортную магистраль Уиджонгбу – Тондучхон – Ханам и захваченный утром стратегический мост

через реку Ханам восточнее Сеула от атак противника с большой высоты. Так что атакующие «Старфайтеры» четыреста семьдесят девятого тактического авиакрыла крыла были встречены стартами тридцати шести ракет В-750 и двенадцати ракет В-300. Все произошло буквально в течении нескольких минут. На каждый F-104С, захваченный конкретным постом наведения батареи ЗРК, согласно советским наставлениям, операторы в кабинах управления комплексов С-75 наводили по паре ракет, стартовавших с соседних пусковых установок. Операторам уже была спущена инструкция, поражать все цели на потолке больше двенадцати километров. Пилоты «Старфайтеров», обнаружив, что их машины начинают облучаться РЛС подсветки целей ЗРК, пытались маневрировать, но из кабин наведения комплексов С-75 эти действия, производимые на высоте семнадцать километров и со скоростью два Маха смотрелись слишком примитивно. Зенитная ракета В-750ВН могла летать до высоты двадцать семь километров со скоростью до трех с половиной Маха. Две ракеты на одну цель отводились для уничтожения ее с приемлемой вероятностью. Значительно более крупная зенитная ракета В-300 с более мощной боевой частью могла поражать подобные цели на еще большей дистанции, операторы комплексов «Беркут» наводили эти ракеты поодиночке. Небо над северной Кореей было буквально расписано многочисленными инверсионными следами самолетов, перечеркнутых дымными стрелами ракетных шлейфов. Радиоэфир буквально взорвался криками «Мэй дэй» и проклятиями пилотов самолетов, которым «повезло» не превратиться в огненные шары при прямом попадании или близком разрыве боевой части зенитной ракеты. Осколочные боевые части ракет В-750ВН и В-300 стояли особняком среди прочих боевых частей зенитных ракет. Советские конструкторы, проектировавшие эти боевые части, выполняли требования технического задания, в списке поражаемых целей которого были такие огромные монстры, как стратегические бомбардировщики В-36 и В-52. Поэтому, учитывая не совершенные методики расчетов, не полную информацию в техническом задании о самолетах противника, и просто, руководствуясь старой надежной русской поговоркой «кашу маслом не испортишь», конструкторы создали монструозные боевые части, не имевшие себе равных в мире. Эти боевые части обеспечивали осколочное поле для гарантированного поражения самолета массой до двадцати тонн в радиусе двести метров от точки подрыва. К примеру, вес осколочно-фугасной боевой части ракеты В-750ВН составлял сто девяносто один килограмм, что было почти в четыре раза больше веса осколочно-фугасной боевой части аналогичной американской ЗУР М1М-14 комплекса «Найк-Геркулес». В итоге восемь F-104С разлетелись при поражении ракетами в клочья, тринадцать «Старфайтеров» получив достаточное количество двадцатиграммовых осколков, беспорядочно кувыркалились вниз. Уцелевшие пилоты в них, костерили во все корки уродов из компании «Локхид», подсунувших в USAF это дебильное катапультное кресло С-2. Пилоты еще семи F-104С, побросав бомбы куда попало, и, развернувшись назад, уходили на дымящих поврежденных машинах, сбрасывая скорость и снижаясь. А в хвост им уже, торопясь, заходили корейские МиГ-19. Для них, эти семь поврежденных «Старфайтеров», из недостижимых по высоте и скорости, сразу превратились во вполне поражаемые цели. Шесть «Старфайтеров, имевших цели на самом западном побережье, успели сбросить бомбы и сейчас выполняли боевые развороты на юг, забираясь на потолок и выжимая из своих машин все возможное. Их пилоты уже не горели желанием «просквозить» над КНДР, уж очень неожиданно горячим оказалось небо над северной Кореей. Оставшиеся одиннадцать машин упорно продолжали лететь к своим целям, ведь можно попытаться проскочить и сбросить бомбы, пока эти проклятые «гуки» не перезарядят эти чертовы ракетные установки. Целью одной из этих уцелевших машин была железнодорожная станция Пхеньян.

Маршал НОАК Пэнь Дэхуай, Герой КНДР и кавалер ордена государственного флага КНДР первой степени, стоял у окна штабного вагона и смотрел на приближавшиеся в вечерней дымке промышленные пригороды Пхеньяна. Он стоял так уже несколько часов, никто из подчиненных не осмеливался беспокоить шестидесяти четырехлетнего маршала, с чьим именем все северные корейцы неразрывно связывали второе наступление коммунистов в прошлой войне. Тогда части НОАК под его командованием сумели спасти КНДР, разбив американцев, уже празднующих победу в тридцати километрах от пограничной с Китаем реки Ялу и затем отбросив их за довоенную границу, второй раз, взяв штурмом Сеул. Но Пэнь Дэхуай стоял у окна, смотря на вечерние пейзажи Кореи и не видя их. Перед его глазами все время, как в кинофильме, прокручивались последние годы его жизни. Начиная с 17 июня 1959 года, когда за критику Большого скачка, «коммунизации» деревни и завышения показателей массовой выплавки стали в кустарных печах, он на Лушаньском пленуме КПК был обвинен в «военном заговоре» против центральной линии партии, снят с поста министра обороны и фактически отправлен под домашний арест. Где он каждый день ждал самого худшего. И заканчивая сегодняшним ранним утром, когда к нему в его развалюху в западном пригороде Пекина пришел его старый знакомый, первый секретарь Пекинского горкома КПК Пэнь Чжэнь. Он передал ему короткое письмо Мао Дзэдуна, в котором «великий кормчий», как Мао стали уже называть в КНР, предлагал ему прощение партии, прекращение травли его жены и восстановление в маршальском звании. Если он согласится второй раз повести войска в бой против американцев в Корею. Он согласился немедленно, не раздумывая. Он был одним из самых порядочных и честных членов политбюро КПК, и желал своей стране только хорошего. Американцы же в Южной Корею, это заноза под боком Китая, и если есть возможность, ее надо выдернуть. Но самое главное, Пэнь Дэхуай очень любил свою жену. Его жена, Пу Аньсю, приезжала к нему только по воскресеньям, её постоянно травили и требовали, чтобы она подала на развод, называя его врагом китайского народа. Если он разобьет американцев, ее, наконец, оставят в покое. И поэтому он здесь, подъезжает к Пхеньяну, в одном из эшелонов шестнадцатой армейской группы Шеньянского военного округа. Первые эшелоны с танковой дивизией тридцать девятой армейской группы уже два часа назад начали выгрузку на приграничной станции Кэсон, туда же проследовали остальные эшелоны с тремя мотострелковыми дивизиями этой группы и армейской бригадой спецназа. А одна из трех пехотных дивизии шестнадцатой армейской группы, составляющей второй эшелон НОАК, выгрузится в столичной железнодорожной станции Пхеньяна. Где пройдет парадным маршем перед населением по улицам столицы КНДР, для поднятия боевого духа северных корейцев. Надо показать им воочию, что Китай их не оставит одних в борьбе против американских империалистов.

Страна и армия едины! Плакат КНР 1960 года.

Эту просьбу руководителя КНДР Ким Ир Сена ему передали несколько часов назад. Наконец, один из штабных командиров осмелился потревожить его мысли:

-Товарищ маршал, через десять минут мы прибудем на железнодорожный вокзал Пхеньяна, корейские товарищи передали, сам Ким Ир Сен будет встречать вас на вокзальной площади. Вам надо подготовиться.

Ким Ир Сен, фактически единоличный правитель КНДР в 1962 году, вовсе не горел желанием встречаться с маршалом Пэнь Дэхуаем, тем более так помпезно. Он не забыл, что произошло после того, как в 1957 году, когда его «партизанская» фракция в северокорейском руководстве одержала вверх над «яньанской группировкой», членами которой были вернувшиеся из эмиграции в Китай корейские коммунисты. Тогда «яньнаньцы» были изгнаны со всех постов и посажены под домашний арест, им удалось бежать в Китай и вскоре оттуда прибыла совместная советско-китайская делегация с Микояном и Пэнь Дэхуаем во главе. Эта делегация не только потребовала восстановить в партии репрессированных яньаньцев, но даже пригрозила возможностью отстранения самого Ким Ир Сена от руководства страной. План снятия Ким Ир Сена был действительно предложен китайской стороной и всерьез обсуждался. И теперь ему надо

учтиво улыбаться тому, кто собирался его свергнуть! Но это позволит ему заменить десятки тысяч будущих убитых своих солдат, на чужих, китайских. А к жизням своих солдат он относился серьезно, еще со времен своей службы командиром батальона в восемьдесят восьмой стрелковой бригаде советской Красной армии. Это же одни из самых надежных его инструментов. Он мог их послать на смерть, не задумываясь, при необходимости, но если представляется возможность сберечь эти инструменты, обменяв их на другие, чужие, ради этого он готов улыбаться хоть самому черту. Но всё, вагоны штабного эшелона шестнадцатой армейской группы НОАК уже остановились и Ким Ир Сен, отбросив свои воспоминания, пошел навстречу тяжело спускавшемуся по ступенькам вагона китайскому маршалу. Они едва успели поздороваться, развернувшись к выстроившейся на перроне роте почетного караула, как заглушая начавшиеся ноты оркестра, взвыли сирены противовоздушной обороны. Тут же к ним подскочил командующий ПВО столичным регионом, тоже присутствующий на торжественной встрече, сообщив о массированном налете американцев и о ядерном взрыве над Сокчхо. -Надо пройти в убежище, прикажите своим бойцам тоже занять места в укрытиях - спокойно предложил Ким Ир Сен китайскому маршалу, втайне радуясь, что ему удастся избежать помпезной торжественной части.

-Да, согласен, а парад можно провести и после победы - ответил ему Пэнь Дэхуай.

И они пошли быстрым шагом к бункеру в здании вокзала. Бежать все-таки руководителю одной страны и маршалу другой было как-то несолидно. Тем временем, пилот одного из одиннадцати прорвавшихся к целям КНДР «Старфайтеров» четверста семьдесят девятого крыла, по команде от системы NASARR R-14A, нажал кнопку, сбросив семидесяти килотонную бомбу МК-28У1. Люди на площади еще не успели пройти и половины расстояния до входа в бункер, когда радиовзрыватель бомбы, установленный на высоту тысячу футов, высвободил на свободу адское пламя ядерного взрыва.

Два «Старфайтера», имевшие целью город Пхенсон и промышленный район на северо-востоке Пхеньяна также успели отбомбиться. А остальные восемь.. Остальные угодили, как говорится в русской поговорке, «из огня да в пламя». Взлет больших групп F-104С и F-8 с японских аэродромов был замечен не только северокорейской резидентурой. Уцелевшие РЛС дальнего обнаружения десятой радиотехнической бригады также исправно отрапортовали командованию двадцать третьим корпусом ПВО об этом факте. Командующий ПВО КНА еще четыре часа назад связался со своими советскими коллегами и договорился о сотрудничестве, начиная с совместного обмена информацией до предоставления воздушного пространства и аэродромов КНДР для советских истребителей. Все понимали, что идет война и ждать, когда «верхи» официально согласуют все эти вопросы, будет поздно. К тому же Пепеляев, уже назначенный маршалом Батицким командующим всей одиннадцатой отдельной армией ПВО (весь штаб армии во главе с прежним командующим испарился в огне ядерного взрыва над Хабаровском, а с ГКП ПВО СССР в Подмосковном Черном связь была потеряна вот уже двенадцать часов), перебросил на юг Приморья новые части. Два свежих истребительных полка из Хабаровской области, оба на новейших МиГ-21Ф-13. Смысл держать их под Хабаровском, в глубине второго пояса ПВО, когда авиаполки первого пояса понесли тяжелые потери, Пепеляев совершенно не видел. МиГ-21Ф-13 по своим летным свойствам уступал Су-9, но зато был вооружен ракетами К-13, советской копией ракеты «Сайдвиндер». Вдобавок, в отличие от Су-9, на нем стояла пушка НР-30. Двадцать второй полк, потерявший в утреннем бою всего два самолета, также был к этому времени готов к вылету. А истребители четверста четвертого полка Пепеляев утром следующего дня вообще планировал перебазировать на северо-восточные

аэродромы КНДР, благо там уже базировался полк КНА, на таких же МиГ-19С. Все эти приготовления, помноженные на данные от радиотехнической разведки о первых ядерных ударах по восточному побережью Кореи, привели к тому, что восемь оставшихся «Старфайтеров», рвущихся к Вонсану, Хамхыну, Хесану, Кимчхэку и другим целям на северо-востоке КНДР, лоб в лоб столкнулись с тремя эскадрильями МиГ-21 одного истребительного авиаполка. Второй истребительный авиаполк на МиГ-21 совместно с одной эскадрилей Су-9 двадцать второго гвардейского, тем временем «доедал» демонстрационную группу из двенадцати «Крусейдеров» возле Кимчхэка. Силы были слишком неравные, и пилоты F-104С, оценив количество вражеских истребителей на отметках своих радаров, сначала полезли на высоту, надеясь проскочить над противником. Однако, как быстро выяснилось, у МиГ-21Ф-13 потолок был даже больше, чем у F-104С. Эта ошибка обошлось американцам в четыре поврежденных пушечным огнем машины, которых, учитывая местонахождение боя, можно было смело записывать в сбитые. Целый F-104С был очень строгим самолетом, никогда не прощавшим летчику ни малейшей ошибки. Поврежденный же «Старфайтер» на максимальной скорости сразу входил в продольную раскачку с неминуемым срывом в штопор, а если его пилот успевал снизить скорость - в легкую добычу для многочисленных МиГов. Пилоты еще четырех «Старфайтеров», уцелевшие в первой лобовой атаке, не стали изображать из себя героев, сбросив в аварийном режиме бомбы и подвесные баки, и на форсаже, со снижением по пологой дуге стали уходить из этого чертового места. Все-таки F-104С превосходил МиГ-21Ф-13 по максимальной скорости на высоте почти на четыреста километров в час. Они были единственные, кому удалось вернуться на аэродромы в Японии из этого района. Из двенадцати «Крусейдеров» в этом бою не вернулся ни один. После этот бой был китайской пропагандой назван «Великим победоносным сражением героических летчиков трех братских народов», по причине того, что кроме трех советских истребительных авиаполков и одного полка КНА к шапочному разбору к месту боя подоспела еще эскадрилья НОАК на МиГ-15, которая совместно с корейцами «дожевала» двух подбитых американцев. Командир демонстрационной группы, «задиристый петушок», как его про себя обозвал начальник штаба восемнадцатого тактического авиакрыла, смог в последние секунды своей жизни понять разницу между тренировочными боями с «Пантерами» US NAVY и советскими МиГами. Он был сбит в первую минуту боя, когда срывая захват ракет, пущенных с четверки Су-9, с ужасающей легкостью, зашедшей его паре в хвост, на вираже подставился под пушки шестерки МиГ-21.

Тем временем тринадцать F-100D, петляя над горными долинами с восточного побережья, выжимали все из своих машин, стремясь прорваться на малой высоте к целям на центральном участке наступления КНА. Не всем это удалось, момент внезапности уже был утерян и при подлете к своим целям четыре машины, летевшие всего на высоте нескольких сотен метров, были сбиты зенитным огнем. Сейчас уже в подразделениях КНА вверх стреляло все – от винтовок и пулеметов до среднекалиберных зенитных орудий, и когда самолеты начали пролетать над местами расположения войск противника, просто начинала работать теория вероятности, настолько плотным был зенитный огонь. Заодно brave северокорейские зенитчики записали на свой счет пять своих МиГ-17, которые тщетно пытались угнаться за «СуперСейбрами». Но когда оставшиеся девять F-100D начали крутое кабрирование, впоследствии названное уцелевшими летчиками восемнадцатого авиакрыла «лестницей смерти», пилоты КНДР отыгрались по полной. Над центральным районом наступления, поднятые по тревоге, барражировали целых две северокорейские эскадрильи МиГ-19С, которые незамедлительно бросились на американцев. У пилотов восемнадцатого крыла

был трудный выбор. Или оставаться на боевом курсе, летя в кабрировании по струнке, по идеальной прямой, не обращая внимания на залпы зениток и вражеские самолеты, и поразить цель, будучи гарантированно сбитым. Или сбросив бомбу, не ставя ее на боевой взвод, на малой высоте сматываться из этого негостеприимного района. Шесть пилотов USAF доказали, что и в Америке есть герои, до последнего выдерживая траекторию кабрирования. Два из них были сбиты в начале набора высоты, четверем удалось сбросить бомбы, до того, как тридцатимиллиметровые снаряды пушек HP-30 стали рваться в их кабинах. Скорбный список ядерных проплешин на корейской земле пополнился, в него вошли южнокорейские города Чхорван, Хвачхон, Чхунчхон, Индже. Три пилота, решив, что с них хватит, аварийно сбросив подвески, ушли на малой высоте на юг. Наступление КНА на центральном участке в итоге все-таки продолжилось, хотя и с опозданием на два часа.

Наиболее драматично развивались события на западном участке фронта. Шесть «СуперСейбров», предназначенных «заткнуть» самый глубокий прорыв северян, возникший в узком коридоре от Тондучхона до Йоньина к востоку от Сеула, включая стратегически важные переправы через реку Ханам, были во время набора высоты сбиты дивизионом ЗПК С-75, своевременно передислоцированного командованием КНА в этот регион. Впрочем, как посмотреть, это решение генштаба КНА позволило сохранить КНДР элитные войска на направлении главного удара, но, может быть, именно этого дивизиона не хватило для того, чтобы полностью отразить атаку на Пхеньян и спасти гораздо больше мирных граждан, не говоря о руководстве КНДР и командовании двух армейских групп НОАК? История не знает сослагательного наклонения. А вот три F-100D сбросили свой страшный груз на Сеул беспрепятственно. Слишком близко находился он к морю, но самое главное, для сброса кассетных бомб с заринном вовсе не требовалось набирать высоту до десяти километров, летя по прямой. Достаточно было сделать небольшую горку на километр-другой, и, после сброса сразу, развернувшись, уходить в сторону моря. Что brave пилоты из восемнадцатого тактического авиакрыла USAF и сделали, стараясь не думать о том, что происходит сейчас за хвостами их самолетов. А происходило следующее.

Легкое поражение заринном-GB. Эту форму по преимущественному синдрому некоторые врачи-токсикологи называют "мистической". Человек жалуется на состояние "напряженности", на слабость, беспокойный сон, головную боль, которая локализуется в области глазниц, плохое видение далеко расположенных объектов, отсутствие или резкое ухудшение сумеречного зрения, обильное слюно-образование. Сужение зрачка, иногда до размера булавочной головки, инъекция сосудов конъюнктивы.

Поражение средней тяжести. Поражение средней тяжести иногда называют бронхоспастической формой заболевания. Человек жалуется на удушье, приступообразно возникающие боли в животе, частый жидкий стул, плохое видение далеко расположенных предметов, ухудшение или отсутствие ночного зрения. Человек находится в позе астматика. Кожа и доступные обозрению слизистые оболочки цианотичны, шейные вены вздуты, дыхание шумное. Отмечаются подергивания отдельных групп мышц. Человек обильно потеет. Зрачки сужены, сосуды конъюнктивы инъецированы. Грудная клетка бочкообразно расширена. Выявляется большое количество сухих и влажных крупнопузырчатых хрипов, язык влажный, обильное слюноотделение, рвота.

Тяжелое поражение. Эту форму поражения называют судорожно-паралитической. После появления симптомов поражения заринном, характерных для заболевания средней

тяжести, как правило, человек довольно быстро впадает в бессознательное состояние. Глаза раскрыты, зрачки резко сужены. Кожа и слизистые оболочки цианотичны. Отмечаются судороги, которые возникают непрерывно, или периоды судорог сменяются периодами расслабления. На фоне судорог и в периоды расслабления отмечаются подергивания различных мышечных групп. Пульс слабого наполнения, редкий. Артериальное давление снижено, иногда катастрофически падает. Дыхание шумное, грудная клетка бочкообразно расширена, нижняя граница легких опущена. В период судорог легочная вентиляция полностью прекращается, резко нарастает синюшность кожи и слизистых. Наблюдается обильное слюнотечение, возможна рвота. Наблюдается непроизвольное отделение содержимого кишечника и мочевого пузыря. Смерть, как правило, наступает от первичной остановки дыхания.

Все эти ощущения испытывали сейчас почти три миллиона гражданских жителей Сеула, различия были только в степени поражения, обусловленных насколько повезло конкретному человеку с расстоянием от точки подрыва конкретной десятифунтовой бомбы, выпавшей из авиационной кассеты. Немногочисленные американские части, продолжавшие обороняться в окружении в районах Йонгсан, Сеошо и Гангам столицы, заранее были оповещены, надели средства защиты и практически не пострадали. Среди частей КНА, окружавших их, санитарные потери составили около половины. Часть бойцов успела надеть противогазы, а проникновение газа через кожные покровы было отчасти затруднено плотным осенним обмундированием. Но все равно, потери КНА составили более пяти тысяч только погибшими. Но эти потери были несоизмеримы с другими. Один самолет сбросил свою первую кассету точно над фильтрационным лагерем, который был наскоро организован на площади дворцового комплекса Токсугун. Туда успели согнать почти тридцать тысяч пленных из состава южнокорейских дивизий столичного гарнизона, полицейских, жандармерии, недавно сложивших оружие. Но и это была капля в море, по сравнениям с потерями гражданского населения, прятавшегося от стрельбы в нижних помещения городских строений. Зарин имеет чуть большую плотность, чем атмосферный воздух, стал «затекать» в подвалы и нижние этажи. И поэтому трупы жителей потом вывозили несколько недель. Точное число погибших так и не было установлено, одно было ясно, счет шел на многие десятки тысяч, если не сотни. Самое печальное, что двум батальонам американцев, ради выручки которых и затевалась эта бойня, все это не помогло. Нет, сначала они, пользуясь общей сумятицей, возникшей после газовой атаки, смогли вырваться из окруженной столицы. Но потом, разобравшись в ситуации, командующий третьего механизированного корпуса КНА развернул в сторону прорыва от линии фронта свои части второго эшелона - механизированную бригаду и два пехотных полка. А сзади, с севера, в американцев уже вцепились передовые части танковой и пехотной дивизий тридцать девятой армейской группы НОАК, выгрузившиеся четыре часа назад на приграничной станции Кэсон и как раз в это время ускоренным маршем следовавшие по шоссе Тондухчон – Осан к фронту. Американцы, вынужденные бросить почти весь автотранспорт из-за израсходования топлива, обремененных большим числом раненых, которые они были вынуждены тащить с собой, уже к этому моменту потеряли всякую мобильность. Да и боеприпасов они по той же причине имели на полчаса приличного боя. Все это привело к тому, что изрядно поредевшие под перекрестным огнем батальоны не смогли двигаться дальше и заняли оборону возле Сихына, успев переправиться через одноименную речушку. Прижатые с юга наступающими танками КНА, усталые американцы не заметили, что их с тыла атакуют еще и китайские пехотинцы, идя прямо вброд по дну этой речки, через которую они с таким трудом полчаса назад перебрались. Китайцам удалось скрытно подобраться к наспех сооруженной обороне вплотную, прежде чем их заметили.

Атака китайской пехоты

Началась рукопашная, в которой физически более сильные, но измотанные, американцы проигрывали более многочисленным и свежим китайцам. Остатки американцев пытались сдаться, но пленных в этот день, ни китайцы, ни северокорейцы не брали.

Подводя итоги, можно сказать, что звездный налет истребителей-бомбардировщиков USAF не достиг поставленных целей. Из трех направлений, по которым осуществлялись удары КНА, остановить коммунистов удалось только на одном, восточном. Удалось нанести коммунистам серьезные потери в живой силе, несколько ослабить промышленный потенциал, серьезно повредив индустриальный район Пхеньяна и полностью разрушив несколько городов КНДР на западном побережье. Но не удалось уничтожить или хотя бы ослабить механизированную группировку КНА на направлении главного удара, а также разрушить транспортные коммуникации в зоне наступления. Даже в Пхеньяне железнодорожное движение было возобновлено через пять часов после удара, перенаправленное по окружной железной дороге. А вот в идеологическом плане американцы потеряли гораздо больше, чем приобрели. Во-первых, и китайцы, и северокорейцы перестали брать американцев в плен. Вообще. К пленными же южанам войска КНА наоборот, резко сменили отношение. Но это были еще самые мизерные последствия «Сеульской бойни».

28 октября, местное время 23-30. Пекин, резиденция Мао Цзэдуна в центре Чжуннанхая, старинного императорского дворца. Через 23 часа 30 минут после начала конфликта.

Великий кормчий китайского народа, Мао Цзэдун, сидел на краю бассейна уже несколько часов. Перед ним, на небольшом столике лежала стопка различных бумаг и стояла недопитая, уже остывшая чашка чая, но все его мысли вращались вокруг донесения с Корейского полуострова, которое он держал в своей руке уже полчаса. Все фотографии,

на которых был запечатлен он, аккуратно одетый, работающий в своем кабинете — не более чем рекламная постановка. Своей страной он руководил, отдыхая на краю своего бассейна, одетый всего-навсего в халат и босиком. Как и сейчас. Вот только не смотря на то, что в помещении бассейна всегда поддерживалась высокая температура, его пробирав озноб. Он сказал Хрущеву в 1958 году, плавая вместе с ним в этом же бассейне: «Пусть в мире будет напряженность. Напряженность для нас благо. Она сплачивает нашу страну. Угроза ядерной войны - бумажный тигр. Ну и что, если ядерная бомба упадет на Китай? Несколько миллионов людей погибнут, но китайцев слишком много — всех их не перебить». Но сейчас он внезапно осознал, что в числе этих миллионов вполне может оказаться и он сам. И ему не помогут ни вышколенные телохранители, безмолвными тенями стоящие по углам бассейна, ни отборные, преданные лично ему элитные части Пекинского гарнизона. Он может в любой миг погибнуть. Сгореть в пламени атомного взрыва, вызванного простым нажатием кнопки рукой неизвестного ему большеносого западного варвара. Как четыре часа назад сгорели Ким Ир Сен и Пэнь Дэхуай, вокруг которых тоже было полно телохранителей и верных войск. Кстати, очень удачно получилось, отвлеченно подумал Мао. В великой шахматной партии, которая все время разыгрывалась сразу несколькими игроками на доске под названием планета Земля, другой игрок «съел» две фигуры Мао. Слона, по кличке Ким Ир Сен, который всегда норовил стать игроком сам, и коня, по кличке Пэнь Дэхуай. Вроде бы его коня, но ужасно норовистого и непокорного, от таких может быть проблем больше, чем пользы. Мао не забыл, как Пэнь Дэхуай обрушился на него с критикой на собрании Политбюро в 1957 году, обвиняя его в том, что Мао ведет себя как император — имеет гарем в три тысячи наложниц. Кресло Председателя под Мао тогда всерьез зашаталось, потом последовали неудачи Большого скачка и голод в 1958 году. Положение удалось спасти только на Лушаньском пленуме КПК, когда ему удалось спихнуть Пэня со всех постов, тогда ему невольно подыграли русские. Пэнь Дэхуай только-только вернулся из своего визита в СССР и тут же Никита Хрущев разорвал все сотрудничество с КНР по атомному проекту. Тогда Мао смог объединить два этих события в один факт для большинства неискушенных в политических интригах простых делегатов пленума КПК, объявив Пэня и его группу чуть ли не предателями китайского народа. А сейчас ему подыграли уже американцы, вообще убрав Пэня с шахматной доски, заодно с Ким Ир Сенем. В шахматах это называется «гамбит». Надо только не спеша подумать, какие преимущества получит он, Мао Цзэдун, от этого хода противника. А какие, собственно? Всенародное возмущение и консолидация народа вокруг него, Великого кормчего, это раз. Сейчас уже никто не вспомнит ни о бездарно потраченных на «Большой скачок» ресурсах, ни о миллионах людей, умерших от голода в 1958-59 годах. Тем более, что эти неуклюжие американцы сделали ему еще один подарок. Сбросили атомные бомбы не только на корейцев. Погибли также тысячи китайских солдат, а у них есть семьи и родственники. Надо объявить компанию под каким-то громким лозунгом, вроде: «тысяча лет мести и тысяча убитых врагов за каждого погибшего китайца». Помощь СССР, это два. Ведь они теперь, забыв все разногласия (надо будет указать редактору «Женминь Жибао» временно убрать все упоминания о «советском ревизионизме»), сражаются вместе против одного врага. Но просто так СССР помогать не будет, не те времена. Надо ему предложить что-то весомое, в обмен. Кстати, что конкретно Китай может предложить, и что ему надо попросить взамен? КНР надо, чтобы советские ВВС нанесли такой же удар, как по Хоккайдо, по остальным японским островам. Без поголовного уничтожения американских аэродромов в Японии, НОАК и КНА понесут слишком большие потери от американских сверхзвуковых самолетов с ядерными бомбами. На корейцев ему наплевать, что на южных, что на северных. Чем больше их погибнет, тем легче потом будет нарисовать пятую маленькую звездочку на

государственном флаге КНР. Кстати как называть потом Корею в составе КНР? «Национальный автономный район Чосон», или как-то по-другому? Надо будет просмотреть все материалы по тем временам, когда Корея принадлежала Китаю, его очень занимала китайская история — она поглощала почти все его время, он прочел и прекрасно знал все хроники китайских династий. Но солдаты НОАК, его солдаты, они будут ему нужны еще для многих побед. Ведь есть еще Вьетнам, который тоже когда-то принадлежал Китаю. Есть эта заноза под названием Чан-Кайши, которую тоже надо убрать, пользуясь таким удобным случаем. Есть спорные территории с Индией, где войска НОАК постепенно продвигаются еще с 20 октября, есть Бутан, Непал, Гонконг, Макао. Его солдаты ему еще не раз понадобятся, поэтому ему нужно, чтобы советские тяжелые ракетноносцы нанесли удары по японской ПВО, как на Хоккайдо. Без этого бомбардировщики ВВС НОАК не имеют шансов, так его уверяли все китайские авиационные командиры. А так он может воплотить в жизнь многолетнюю мечту всех китайцев, сполна рассчитаться с «янгуйдзы», заморскими дьяволами, с японцами. Рассчитаться за все. За первую войну, еще в девятнадцатом веке, когда японцами был унижен и ограблен императорский Китай, резко затем ослабевший. За Нанкинскую резню, когда японцы за считанные дни убили полмиллиона китайцев. За эпидемии чумы, проводимые японскими отрядами номер сто и номер семьсот тридцать один над китайцами, как над лабораторными мышами. За миллионы убитых и замученных китайцев во время японской оккупации. За многое. Ведь у НОАК тоже есть авиационные бомбы с заринном и сотни бомбардировщиков Ил-28, Ту-4 и Ту-16, способные их донести до японских городов, если их не собьют. И если обработать заринном японские города, как американцы поступили с Сеулом, его авторитет среди народа поднимется до императорских высот, никто в партии даже не посмеет пискнуть в его сторону в следующий раз, когда он совершит ошибку. А ошибки будут, не ошибается тот, кто ничего не делает, в этом Мао мог признаться сам себе точно. Проклятые хитрые русские, они передали Китаю самолеты Ту-16 и технологию их производства, но не передали ничего по ракетам для этих самолетов. Ну, этот факт он положит в шкатулку своей памяти, чтобы, когда придет нужное время, достать его наряду с другими обидами. А сама китайская промышленность производить такие ракеты сможет не скоро. А что он, Мао, может предложить СССР в обмен? Продовольствие, пусть в Китае умрут от голода еще несколько миллионов? И тут его осенило, ну, конечно же! Русским надо будет предложить право бесплатного железнодорожного транзита от Читы до Владивостока по китайским железным дорогам, ведь на месте Хабаровска большая радиоактивная воронка, заполненная водами Амура, у СССР нет железнодорожного сообщения с Дальним Востоком и еще много времени не будет. А оно, если он хоть что-то понимает в жизни, русским нужно немедленно и позарез. Ну и право пользования китайскими аэродромами для советских ВВС, это будет не лишним, для китайской разведки особенно. Он нахмурился, вспомнив доклад китайской разведки о Хабаровске. Да, эту проблему надо начинать решать немедленно. Чувство собственной уязвимости сильно, возникшее после прочтения последних донесений из Кореи, отвлекало его, мешая нормально мыслить. И ведь такие же ощущения испытывают все его подчиненные, по крайней мере, те, кто обладает информацией. Надо начинать строить подземные бомбоубежища, даже подземные города. Они пригодятся на будущее, а на эти работы надо согнать всех недовольных, которые сейчас находятся в коммунах на перевоспитании. Он подозвал секретаря, молчаливой тенью ожидающего в десяти метрах от бассейна и начал диктовать лозунг: «Копать глубоко и быть готовым к любой беде».

29 октября, местное время 20-00. Временный КП Армии Южной Кореи в бункере штаба 9 дивизии морской пехоты, 5 километров к северо-востоку от Кимдже, провинция Чолла-Пукто. Третий день после начала конфликта.

Генерал-лейтенант Пак Чон Хи сидел в своем кабинете неподвижно уже больше часа. Со стороны казалось, что он спит, вот так, прямо сидя в кресле, но это было совсем не так. Когда тело оставалось неподвижно-расслабленным, мозг такого незаурядного человека, как Пак Чон Хи бешено прокручивал десятки, сотни возможных вариантов, вытекающих из тех событий, что произошли за последние двое суток. Сейчас линия фронта уже проходит по линии Порен – Чхонджу – Тхэбэк. Удары американцев по наступающим войскам Северной Кореи совсем не остановили наступление коммунистов, как уверяли его заокеанские союзники. Впрочем, союзники ли? Союзники так не поступают, это ж надо до такого додуматься, залить Сеул, столицу Южной Кореи, отравляющими газами! И ядерных ударов, по сообщениям его только созданной разведслужбы, южнокорейского ЦРУ, американцы нанесли по территории Южной Кореи едва ли не больше, чем по Северной. Ему уже доставили листовку, которую последние три часа самолеты коммунистов сбрасывают пачками на позиции южнокорейских войск. Фотографии районов Села, а на них – трупы, трупы, трупы. И все умершие от зарина. Особенно впечатляла панорамная фотография площади дворцового комплекса Токсугун, на ней трупы в форме южнокорейской армии и полиции лежали в несколько слоев, текст под фотографией говорил, что это все, кто сдался в плен в Сеуле. Их не убили коммунисты, их убили американцы! Вдобавок, как следовало из донесений его ЦРУ, эти листовки подкреплялись многочисленными свидетелями, которые непрерывно, взхлеб говорили о содеянном американцами в Сеуле через линию фронта по многочисленным мобильным громкоговорителям, враз обнаружившимся у коммунистов на передовой. В войсках эти новости уже вызвали волнения, отмечены случаи невыполнения приказов, в двух частях убиты пятеро американских советников. На восточном фронте две роты элитной девятой дивизии морской пехоты вообще, взбунтовались. Убили командиров вместе с американским сержантом – авиакорректировщиком, и перешли на сторону коммунистов, открыв фронт. Как ему доложили, личный состав этих рот почти целиком призывался из столицы.

Но при всем этом кошмаре, что вот уже несколько суток творился на несчастной корейской земле, больше всего генерала беспокоил один непонятный ему ход, совершенной противником. Это его и беспокоило и пугало своей кажущейся нелогичностью больше всего. Массированный налет, совершенный почти на все крупные города и все уцелевшие авиабазы Японии, несколько часов назад. Налет был построен по схеме недавнего воздушного нападения русских на Хоккайдо, но от русских в нем участвовали только дальние Ту-16 с этими ужасными огромными ракетами «воздух-земля» и несколько полков истребителей, которые, сменяясь, с подвесными баками прикрывали свои ракетноносцы. И снова ни американцы, ни японцы не смогли ничего с ними сделать. Нет, американские «Стафайтеры» смогли прорваться в район, где барражировали русские ракетноносцы, когда те разворачивались на второй заход для повторного удара по японским «Найк-Геркулесам», но увязли в драке с русскими «МиГами» прикрытия. Как объяснил ему американский авиационный полковник, советник по ВВС при штабе южнокорейской армии, чтоб попасть ракетой «Сайдвиндер» в самолет, надо сначала зайти ему в хвост и подойти на расстояние меньше десяти километров, а вот этого американцам более многочисленные русские истребители просто не позволили сделать. В итоге, обе стороны потеряли по десятку истребителей, а вот Япония, и как тыловая авиационная база американцев, и как просто страна, фактически перестала

существовать. Подробности еще поступали, но основные события уже были для генерала понятны. Еще не успели рассеяться атомные грибы над бывшими постами РЛС и стартовыми позициями МІМ-14, как на японские острова обрушились почти пять сотен китайских бомбардировщиков, сопровождаемых многочисленными МиГ-17. Тот же американский полковник требовал, чтобы Южная Корея подняла свою чудом уцелевшую горстку F-86 на перехват этой армады, но Пак Чон Хи, разобравшись в ситуации, запретил своим самолетам выходить за территорию страны. В конце концов, японцы не прислали за все это время ни одного самолета им на помощь, так почему южнокорейские пилоты должны умирать за этих высокомерных островитян? К тому же на экранах немногих уцелевших радаров одновременно появились многочисленные отметки, красноречиво свидетельствующих о том, что не менее трех полков истребителей КНА готовы пресечь попытку перехвата с южнокорейских аэродромов, если та последует. Конечно, действия китайских пилотов не отличались той согласованностью, как предыдущая советская атака на аэродромы Хоккайдо, по эскадрилье Ил-28 и устаревших Ту-4, высунувшихся к районам Кагосимы и Миядзаки слишком рано, были полностью уничтожены. Но остальные, без малого полтысячи бомбардировщиков, прорвались на японскую территорию. В многочисленных воздушных схватках китайцы потеряли еще полторы сотни машин, в ответ сбив чуть меньше сотни американских и японских перехватчиков. И на землю Ямато пришел ужас. Как оказалось, китайский зарин, производимый в КНР по советской технологии, убивает людей ничуть не хуже, чем американский патентованный GB-gas. Особенно, если эти люди – гражданские, сидящие скученно тысячами в городских подвалах без средств защиты. Китайцы одним махом отомстили за все обиды в ходе десятилетий японской оккупации. Список в одночасье обезлюдивших городов Японии потрясал. Йокогама, Токио, Осака, Акита, Мориока, Фукусима, Мито, Тояма, Нагано, Вакаяма, Сага, Ямагути.. Газовой атаке подверглись все города, расположенные возле уцелевших от русского ракетного удара авиабаз. Все промышленные и научные центры, порты и узлы коммуникаций. Пак Чон Хи ясно осознавал: на Японии, как на союзнике в этой войне можно ставить крест. Нет, еще работали какие-то центры связи, действовали какие-то радары, поступали из Японии в адрес американского командования в Южной Корее какие-то директивы. Но все это напоминало лягушку на уроке биологии в школе. У которой отрезали голову и выпотрошили, но она все еще дергает лапкой, если к ней подвести электрический ток. И генерала терзал один-единственный вопрос, почему враг, так поступивший с более протяженной и удаленной Японией, оставили в покое маленький кусок Кореи, который остался у них в руках? И он все-таки нашел ответ на этот вопрос. И поэтому даже почти не удивился, когда неприметный денщик, служивший у него вот уже семь лет, тихо вошел к нему в комнату, неся в руках чистый и выглаженный генеральский мундир, молча повесил его в шкаф на вешалку, но вместо того, чтобы привычно удалиться, поклонившись, подошел к генеральскому столу. Встав напротив генерала, он произнес на хорошем литературном языке, без всяких признаков привычного южного акцента жителя приморской деревни:

-Уважаемый господин генерал-лейтенант. Нам надо серьезно поговорить. Я прошу вас не совершать поспешных решений и не вызывать охрану, мы не собираемся причинять вам ни малейшего вреда.

-Интересно, а кто это «мы»? И как тебя теперь называть, ты же вовсе не простак Ли с тремя классами образования из прибрежной деревни под Пусаном? – Несколько нервно спросил генерал.

-Во-первых, спасибо, что вы начали разговаривать, а не хвататься за кобуру или вызывать часового. И раз уж мы начали диалог, разрешите, я присяду и отвечу на все ваши вопросы, мое командование разрешило мне открыть вам многое. - Вежливо произнес незнакомец, внезапно сбросивший личину туповатого и исполнительного простого солдата. Повинуясь кивку генерала, он присел на стул, стоящий напротив письменного стола.

- Спасибо. Итак, меня зовут Ким, и, как вы уже догадались, я кадровый офицер Главного разведывательного управления генштаба Корейской народной армии. Семь лет назад, когда ваш бывший адъютант по вашей просьбе подыскивал вам денщика, наше ГРУ сумело провести операцию по внедрению меня вместо этого полуграмотного рыбака. Все эти годы я, находясь возле вас, следил за вами, внимательно читал вашу переписку и вообще изучал вас, как под микроскопом. Поэтому, сразу хочу предупредить, никаких секретов от вас мне не нужно, мы и так знаем все. Кстати, если мы придем к соглашению, вам срочно придется перестроить всю службу безопасности, она совершенно беспомощна. Ваше недавно созданное ЦРУ еще может кое-что, но военная контрразведка ни куда не годится.

- Подождите, не все сразу. - Пак Чон Хи даже несколько растерялся от этого напора. – Сначала скажи мне, а что вам от меня надо? Если мои секреты вас не интересуют, убивать вы меня, как вы сами сказали, не собираетесь, тогда на что я вам нужен? Ваша армия дойдет до Цусимского пролива за неделю, максимум за две, это уже ясно. Япония выбыла из игры, а американцы понесли слишком большие потери по всему миру, чтобы мы могли рассчитывать на их масштабную помощь. Зачем я вам?

- Это будет долгий разговор, но я вам расскажу все по порядку. Кстати, вы пока можете пригласить на нашу беседу полковника Ким Джон Пхиль, вы же доверяете своему родственнику? А чтобы не терять времени, мы пока продолжим наш разговор. Потом дадите полковнику прослушать магнитофонную запись, да вы не ошиблись, ваш кабинет прослушивается. Магнитофон вмонтирован вот здесь в столе, да, нажмите на эту планку, видите? Каждый вечер уборщица во время уборки кабинета, она же лейтенант вашего ЦРУ, меняет бобину с записью, она приходит в опечатанном конверте прямо на стол к полковнику. Не надо так злиться на полковника Ким Джон Пхиль, он просто хорошо выполняет свою работу.

-Ну хорошо. Дежурный! –Снял трубку телефона генерал. –Директора ЦРУ ко мне, срочно! – Продолжайте меня удивлять. –Обратился Пак Чон Хи к северокорейскому офицеру.

-У нас к вам несколько предложений. Во-первых, надо срочно закончить эту ненужную братоубийственную войну.

-Вы забыли, не я ее начал! – С сарказмом произнес генерал.

-Верно, не вы. Приказ о нападении отдал наш руководитель Ким Ир Сен. Но он не сумел предвидеть все последствия этого конфликта. За что и поплатился.

-Что!? –У Пак Чон Хи внезапно пересохло в горле.

-Да, вы верно догадываетесь. Руководитель нашей страны погиб, вместе с почти всем политическим и хозяйственным руководством, когда встречал маршала НОАК Пэнь Дэуая вместе со всем штабом шестнадцатой армейской группы Шеньянского военного округа. Погибли все, когда американский самолет сбросил на Пхеньян ядерную бомбу.

Это случилось тогда же, когда другие американские самолеты отравили газом жителей Сеула.

-Ну, китайцы ответили тем же, пройдясь бомбами с заринном по городам Японии. –Сказал генерал.

-А вам какое дело до японцев? - Флегматично ответил Ким. – Китайцы и американцы собираются воевать в Корее до последнего корейского солдата, неважно, южанин он, или северянин. Вот проблема, которую надо срочно решать. Это еще хорошо, что вместе с Ким Ир Сеном погибли почти представители «янбайского крыла» Трудовой партии Кореи. А то бы КНДР бы уже была объявлена еще одной автономией в составе КНР, это в лучшем случае. Я надеюсь, вам не надо объяснять, что в понятие «КНДР» сейчас входит вся Корея, до Пусана. Но эту проблему решать надо очень быстро, у Мао в Пекине может найтись еще один подходящий кореец на пост главы Кореи. Подходящий китайцам. Фактически, нашей страной сейчас управляет Начальник ГРУ, начальник Генштаба, главкомы ВВС и сухопутных войск тоже погибли на этой роковой встрече с китайцами. В этой связи у нас к вам, я имею в виду вашу команду единомышленников, устроившую переворот 16 мая 1961 года, есть деловое предложение, как говорят ваши как бы американские друзья.

-Почему «как бы»? – Машинально спросил Пак Чон Хи.

-Потому что с друзьями так не поступают. Или вы считаете, что применение зарина по столице Южной Кореи и ядерного оружия по другим южнокорейским городам, это по-дружески? –Резко ответил Ким.

-Нет, и наша армия так не считает. Я как раз перед вашим приходом читал сводку, в которой сообщалось, что две роты нашей девятой дивизии морской пехоты взбунтовались, убили американцев и перешли на вашу сторону.

- Очень хорошо! Замечательно! Воскликнул Ким.

-Что?! Только и смог произнести Пак Чон Хи.

-Ну как же! Вы, с вашими верными сторонниками, устраиваете на удерживаемой вами территории переворот. Для народа будет объявлено, что патриотически настроенные военные, верные корейскому народу, подняли восстание против американских империалистов. А случай с двумя ротами девятой дивизии морской пехоты показывает, что на это соединение точно можно опереться в предстоящем перевороте.

-Вы так говорите, будто бы я уже согласился. С горечью произнес генерал.

-А что, у вас есть выбор? – Удивился Ким. Нет, конечно, вы можете сейчас вызвать охрану, арестовать меня и продолжать войну. До последнего корейца. Через две недели наши танки будут на побережье Цусимского пролива, американцы в бесплодных попытках их остановить сбросят еще пяток ядерных бомб, на города Юга, а китайцы в ответ зальют весь юг Кореи заринном, как недавно Японию. И на вашем таком хорошем плане реформ и экономических преобразований можно поставить крест. Кстати, в самом деле, отличный план, мое руководство тоже его очень высоко оценило. Вы в самом деле будете великим человеком, если ваши реформы получатся.

-Если получатся? Ошарашено произнес Пак Чон Хи.

-Конечно. Это и есть наше второе предложение. Ваш план реформ, разумеется, несколько расходится с коммунистической теорией, но наши почти все значимые сторонники неслышимого курса Ленина – Сталина погибли там, на вокзальной площади Пхеньяна. КНДР сейчас управляется военными и разведчиками, а мы насквозь прагматики. Поэтому мы вам предлагаем пост премьер-министра объединенной Кореи. С полным правом проведения реформ госаппарата и руководства всей экономикой. Конечно, ваш план будет нуждаться в серьезных изменениях, на американские и японские деньги сейчас рассчитывать глупо, но в мире есть еще страны. Которые будут отчаянно нуждаться в продовольствии, в относительно чистых территориях с дешевой рабочей силой. Только во главе объединенной армией Кореи и служб безопасности будут стоять северяне, простите, но у нас это лучше получается. А заместителями пусть будут южане.

-Но я требую, чтобы ни одна часть южнокорейской армии не была расформирована и не сменила своих командиров, по крайней мере в течении ближайших трех лет! Воскликнул генерал.

-Мы согласны, более того, мы будем просить, чтобы две или три ваших самых боеспособных дивизии были срочно переброшены на север, к реке Ялу. Китайцы в нынешней ситуации станут очень неудобными соседями, и Мао Дзэдун может вспомнить, что Корея когда-то входила в состав Поднебесной империи. Но ваши слова означают, что вы согласились с нашими предложениями?

-Вы же сами сказали, что у меня нет выбора. Я прежде всего кореец. Я не хочу повторения судьбы Сеула и Токио для всех корейских городов.

С подошедшим Ким Джон Пхилем они еще долго проговаривали план таких непростых, даже для этого сумасшедшего мира действий. Но в конце концов этот кусок земли под названием «Корейский полуостров» получил право на выживание в кошмаре атомной войны. Американские войска были интернированы, не обошлось без стрельбы и убитых. Китайцы согласились на вывод своих поредевших дивизий с корейской территории, при условии передачи им всей трофейной техники американских интернированных дивизий. Мао Дзэдун пошел на это, когда внезапно обнаружил на корейско-китайской границе, кроме традиционно стоящих там войск шестого и восьмого армейских корпусов КНА элитные вторую и девятую дивизии морской пехоты южан и сто пятую гвардейскую танковую дивизию северян. К тому, же прикрытых с воздуха советскими истребительными авиаполками, уже базирующимися на корейских аэродромах. Решение этой проблемы непослушного младшего корейского брата было отложено до разрешения вопросов с Тайванем, Вьетнамом и Индией, где уже успели увязнуть значительные силы НОАК. Ну, а потом СССР и США, так же неожиданно для Китая, как начали войну, так же неожиданно заключили перемирие.

6 ноября. Шоссе Хыйчхон - Канге, 15 километров к югу от Канге, 60 километров от корейско - китайской границы.

Командир танковой роты второго батальона первого полка сто пятой гвардейской Сеульской танковой дивизии КНА, задумавшись в полудреме, не сразу сообразил, почему его головной танк остановился. Слишком многое случилось за последнюю неделю, сначала стремительный бросок с боями на юг, мимо Сеула, которой на этот раз брали другие соединения КНА. Его дивизия, вступив в бой с плацдарма на реке Ханам, на окраине Ичхона, сразу разгромила в тяжелом бою уже потрепанную ранее двадцать третью дивизию «Америкал» армии США, а потом прошла с боями до самого Дэчона, где

была внезапно остановлена приказом сверху. Приехавшие через два часа командир дивизии с каким-то чином из разведки собрали личный состав и объявили им ошеломляющую новость. Большинство частей южнокорейской армии, не желая больше участвовать в братоубийственной войне, восстали, попутно убив или пленив американских советников в своих рядах. Масла в огонь добавила недавняя массированная атака американскими ВВС южнокорейских городов, захваченных КНА, с применением атомного оружия и отравляющих газов. Уцелевшие американские части на Корейском полуострове блокированы восставшими и частично разоружены, причем офицерам приходилось удерживать солдат, которые призывались из северных провинций Южной Кореи, от массовых расправ с американцами. И, как апофеоз наступившего абсурда, сто пятая гвардейская получила новый боевой приказ. Вместе со своими недавними противниками, девятой южнокорейской дивизией морской пехоты срочно передислоцироваться на север. Чтобы не дать своим недавним союзникам, частям НОАК, соблазна наложить лапу на Корею, теперь уже объединенную. Изрядно поредевшие части НОАК из состава шестнадцатой и тридцать девятой армейских групп Шеньянского военного округа, что уже находились в Корее, стягивались в район порта Инчхон. Где они должны были, забрав все вооружение американских интернированных дивизий, постепенно эвакуироваться в КНР по морю. Пропускать их по железной дороге назад в Шеньян новоиспеченный премьер-министр Объединенной Корейской народной республики Пак Чон Хи наотрез отказался, мотивируя свой отказ плохой пропускной способностью железной дороги после уничтожения узловой станции Пхеньяна американской атомной бомбой. Все понимали, что причина надуманная, по крайней мере, и сто пятая танковая, и девятая морской пехоты за три дня доехали нормально по железке до узловой станции Анджу, а это в полторы сотни километров уже севернее Пхеньяна. Далее последовала ночная выгрузка людей и техники, после чего произошло и вовсе нечто вопиющее. Две дивизии, северную и южную, разбили на совместные тактические группы, поручив каждой прикрывать свой участок границы. Вот и сейчас, за танками Т-54 его роты по дороге месит осеннюю грязь БТР из состава моторизованного батальона морской пехоты южан. Бронетранспортеры М114 американского производства, на которые они еще неделю назад смотрели исключительно в прицелы своих сто миллиметровых орудий! Лишь крайняя усталость, поспать командиру роты за последние дни удавалось считанные часы, не давала ему удивляться этому факту. Но почему механик остановил танк? Он стряхнул остатки сна и открыл крышку люка башни, высовываясь по - пояс наружу. И сразу увидел причину остановки. Посередине осенней дороги, стоя босыми ногами в грязных лужах, которые сплошь и рядом были на дрянном дорожном покрытии, вдобавок, раздолбанном тяжелой техникой, стоял ребенок. Мальчик, не более семи лет, весь мокрый, видимо, давно стоит под морозящим уже несколько дней дождем, определил командир роты, спрыгивая с танка и подходя ближе. А когда он подошел еще ближе, увидел, что из глаз мальчика непрерывно текут слезы. Командир спросил:

- Малец, ты чей? Как ты здесь оказался, один на дороге, вдали от селений?

Глотая слезы, мальчик с трудом объяснил, что он отстал от колонны грузовиков, везущих людей, из какого-то города. Куда и откуда, он не мог вспомнить. И только когда подъехал, обгоняя танки по обочине, на БТР М114, командир батальона морпехов, все прояснилось. Моряк сразу обратил внимание танкиста на конкретные мелочи, которые уставший донельзя командир роты танкистов не заметил. А именно, на то, что зрачки у мальчика расширены, сам он видит плохо и двигается вяло. А значит, мальчику недавно давали атропин, что может означать только одно - он из числа людей, эвакуированных из

пораженного газовой атакой Сеула. Сказав это, южанин глухо выругался, проклиная американцев. Когда прозвучало название «Сеул», мальчик начал вспоминать, да они оттуда. Их увезли на север пять дней назад, среди многих людей, постепенно, группами расселяя по незатронутым войной городам. Дальше все было просто, мальчика командир танковой роты забрал к себе в танк, по радиации связался с комендатурой в Канге. И узнал, что, да, четыре часа назад в город прибыли четыре грузовика, с эвакуированными из Сеула гражданскими. И к нему уже подходила плачущая женщина, говоря, что один из ее детей потерялся на последней остановке. Командир, закончив сеанс связи, повернулся к мальчику, уже освоившемуся и отогревшемуся в теплой тесноте танка.

-Все малыш, нашлась твоя мама. Сейчас приедешь с нами к ней, нам по пути. Да, ты, наверное, голодный? На вот, пока держи.

И он сунул мальчику плитку шоколада из своего командирского доппайка.

-А почему у вас в танке рация такая большая?

Неожиданно спросил отогревшийся наконец, и потому оживившийся мальчик.

-Ну, ты даешь! Это самый лучший в мире танк, и на нем самая лучшая рация! А как тебя зовут, мальчик?

Произнес командир, под смешки экипажа.

- Санг Чой. Ги Санг Чой. Произнес мальчик.

-Ну вот, Санг Чой. Когда ты вырастешь, выучишься на инженера и придумаешь нам на танки новую рацию. Самую маленькую в мире.

Торжественно произнес командир, под уже откровенный хохот танкистов.

Много лет спустя эти слова уже не казались смешными. А один из директоров корпорации Самсунг, производившей, помимо всей прочей электроники, четверть радиостанций в мире, иногда, вечером, после насыщенного рабочего дня, любил просто посидеть в своем кабинете, рассматривая свой бессменный талисман – выцветшую обертку, на которой русскими буквами угадывались слова: «Шоколад Гвардейский.. фабрика «Красный Октябрь», вес 100 грамм, состав: сахар, какао тёртое, какао масло..»

Спасибо всем, кто помогал в написании этой книги. Спасибо летчикам-ветеранам ИА и ИБА ВВС СССР, активно принимавшим участие в обсуждении эпизодов воздушных боев. И отдельное спасибо Александру Летуновскому- за обложку.